

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

СИРИИ

И

ПАЛЕСТИНѢ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ
ПО
СИРИИ
И
ПАЛЕСТИНѢ

Н. П. КОНДАКОВА

СЪ 78 РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ И 72 ОТДЕЛЬНЫМИ ТАБЛИЦАМИ

Издание Императорской Академіи Наукъ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1904.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

Н. И. Глазунова, М. Эггерта и Комп. и К. Л. Риккера въ С.-Петербургѣ; Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ; М. В. Ключкина въ Москвѣ; Н. Я. Оглобина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ; Е. П. Рапонова въ Одессѣ; Н. Киммеля въ Ригѣ; Фоссъ (Г. Гессель) въ Лейпцигѣ; Г. Люзакъ и Комп. въ Лондонѣ.

Цѣна 6 руб. = Prix 15 Mk., 15 Fr.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1904 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Оглавление.

- Введение. Отношенія палестинской археологіи къ общей исторіи искусства. Оригинальныя стороны древностей Сиріи въ архитектурѣ, орнаментикѣ, тканяхъ. Постановка вопроса объ источникахъ христіанскаго искусства въ сочиненіи проф. І. Стрыговскаго: «Orient und Rom». Новооткрытая крестовая базилика въ Херсонесѣ Таврическомъ. Результаты разбора «эллинистическихъ» основъ христіанскаго искусства въ книгѣ проф. Д. В. Айшалова. Трактатъ о римской художественной промышленности А. Ригля. Взглядъ на древности христіанскаго Востока въ IV столѣтіи и значеніе памятниковъ Палестины въ исторіи образованія христіанскаго храма. Вопросъ о формахъ акаѳа въ греко-восточномъ христіанскомъ искусствѣ. Связи греко-восточной иконографіи съ Палестиною . . . 1— 46
- Глава I. Попутныя наблюденія памятниковъ христіанскаго искусства въ Константинополѣ, Афинахъ и Смирнѣ. Путешествіе изъ Бейрута въ Баальбекъ. Сассанидскій рельефъ въ Ферзулѣ. Вопросъ о времени и стилѣ построекъ Баальбека и значеніе его декоративной архитектуры. Дамаскъ. Общій характеръ мечети Омміадовъ и ея архитектурныхъ деталей . . . 47— 69
- Глава II. Путешествіе по Гаурану. Мусміе. Санаменъ. Эзра, ея церкви. Неджранъ. Шухба. Шаха, ея базилика. Эль-Хитъ. Кенаватъ и ея памятники христіанства древнѣйшей эпохи. Развалины Сіаха и вопросъ о ихъ значеніи и времени происхожденія. Атиль. Суведа, ея базилика. Босра, языческіе и христіанскіе памятники . . . 70—109

II

- Глава III. Путешествіе по Заіордацію. Развалины Пелмы. Деревя Аджлунъ и Суфъ. Памятники Герасы, ея шесть христіанскихъ базиликъ. Сальтъ. Пенцеры и зданія Аракъ аль-Эмира. Общій характеръ древняго Раббатъ-Аммона или Флпдаль-ойн и значеніе его отдѣльныхъ зданій. Дворецъ Эль-Каара, система и орнаментальныя детали его декораціи по отношенію къ сассанидскому періоду искусства и образованію арабскаго стиля. Столика экспедиціи въ Иерихонѣ и археологическія развѣдки на мѣстѣ, принадлежащемъ Имп. Правосл. Палестинскому Обществу . . . 110—142
- Глава IV. Иерусалимъ. Вопросы по исторіи храма Гроба Господня. Разборъ древнихъ свидѣтельствъ о храмѣ отъ Евсевія до крестоносцевъ; предположенія, взлскаемая изъ древнихъ текстовъ, по вопросу о Константиновой базиликѣ Св. Гроба. Пропилеи базилики. Детали сѣвернаго нефа и церкви Св. Елены. Обзоръіііе развалинь древнихъ храмовъ Иерусалима и капителей, сохранившихся въ Омаровой мечети, мечети Эль-Акса, Давидова мѣста и Золотыхъ воротъ, храмовъ: Св. Аппы, Стефана, Элеонскихъ сооруженій. Капители церкви Рождества Христова въ Внолеемѣ. Монастыри Св. Саввы и Св. Креста 143—271
- Глава V. Ризница храма Гроба Господня. Приложение: древне-христіанскія мозаическія композиціи на тему «Славы Креста» . . . 272—301
- I. Предметный указатель. 302—304
- II. Указатель рисунковъ, помѣщенныхъ въ текстѣ 305—306
- III. Указатель отдѣльныхъ таблицъ 307—308

ВВЕДЕНИЕ.

Отношенія палестинской археологiи къ общей исторiи искусства. Оригинальныя стороны древностей Сирiи въ архитектуру, орнаментикъ, тканья. Постановка вопроса объ источникахъ христiанскаго искусства въ сочиненiи проф. I. Стрыговскаго: „Orient und Rom“. Новооткрытая крестовая базилика въ Херсонесъ Таврическомъ. Результаты разбора „эллинистическихъ“ основъ христiанскаго искусства въ книгѣ проф. Д. В. Аймалова. Трактатъ о римской художественной промышленности А. Ригля. Взглядъ на древности христiанскаго Востока въ IV стол. и значенiе памятниковъ Палестины въ исторiи образованiя христiанскаго храма. Вопросъ о формахъ аканы въ греко-восточномъ христiанскомъ искусствѣ. Связи греко-восточной иконографiи съ Палестиною.

Палестинская археологiя, какъ и всякая спеціальная область мѣстныхъ «древностей», т. е. вещественныхъ памятниковъ извѣстной страны, должна разрабатываться по методамъ общей науки исторiи искусства, если она желаетъ искать положительнаго знанiя. Въ частности, христiанская археологiя Святой Земли тѣмъ тѣснѣе должна быть связана теперь съ общео наукою исторiи древнехристiанскаго искусства, чѣмъ болѣе до сихъ поръ оба эти среды были разобщены. Волею судебъ, христiанскiй Востокъ былъ еще недавно, не болѣе 40 лѣтъ назадъ, закрытъ для изслѣдованiя, и потому именно въ то время, когда Римъ, благодаря своимъ катакомбамъ и рвенiю римско-католическихъ богослововъ, сталъ веходнымъ пунктомъ и всюю областью древнехристiанской археологiи, достигшей затѣмъ глубочайшъ научныхъ результатовъ, то христiанскiя святини Востока оставались внѣ этого

научнаго изслѣдованія. Но живое движеніе, охватившее, въ послѣдніи тридцать лѣтъ, многочисленныя ученія Палестинскія Общества, и между ними стоящее на видномъ мѣстѣ Православное Палестинское Общество, передано въ наукѣ палестинскихъ древностей, вызывая рядъ изслѣдованій, раскопокъ, монументальныхъ изданій и экспедицій.

Съ того времени древности Палестины уже въ теченіе періода цѣлаго поколѣнія служатъ предметомъ самостоятельныхъ работъ, а способы и приемы этого изученія усвоются изъ общей исторіи искусства.

Правда, наукою исторіи искусства вмещается доселѣ крайне обширная и весьма неопредѣленная область, и въ многочисленныхъ появляющихся руководствахъ и общихъ изложеніяхъ, она охватываетъ все эпохи исторической жизни человѣчества, впагая судьбы художественной дѣятельности на всѣхъ ея стадіяхъ и во всѣхъ извѣстныхъ странахъ и мѣстностяхъ. Напротивъ того, для многихъ изслѣдователей исторія искусства еще ограничивается классической древностью, памятниками Греціи и Рима и странъ, имъ культивировавшихся, равно какъ и художественныхъ вѣтвей, ею воспитанныхъ, какъ напр. искусство древнехристіанской эпохи, Италіи и пр. На этихъ необозримыхъ пространствахъ времени и мѣста, исторія искусства занята также чрезвычайно разнообразнымъ матеріаломъ: она то захватываетъ въ своемъ анализѣ все сохранившееся наипаче, желаетъ знать все дѣло рукъ человѣческихъ, то скрупулезно выбираетъ изъ колоссальнаго матеріала, оставленнаго древностью или стариною, немногія произведенія личнаго художественнаго творчества, или впагаетъ жизнь немногихъ избранныхъ дѣятелей.

Именно, не довольствуясь послѣдними тѣсными рамками, развилась въ послѣднее пятидесятилѣтіе, особая и совершенно цѣльными историческіи дисциплинами: египтологія, ассириологія, древне-христіанской археологія, византійской, русской археологія и пр.

Видно, къ тому же обособленному положенію, которое на первыхъ порахъ всѣхъ подкупало своею свѣжестью, живиенностью своего построенія, идетъ примкнуть и такъ называемая *Палестинская археологія* или *Палестинствовѣдѣніе*. Громадный историческій интересъ этого отдѣла, высокое значеніе его памятниковъ для всего образованнаго міра, будутъ и сами по себѣ усиливать стремленіе къ обособленію, такъ сказать, къ привилегированному положенію въ средѣ общей науки о древностяхъ.

И потому многіе ужебно занятыя вопросомъ объ отношеніяхъ палестинскаго археологическаго *матеріала* къ *методамъ*, господствующимъ или вмѣняемымъ окончательно водвориться въ наукѣ исторіи искусства.

Эта наука, получившая свое начало въ эпоху Возрожденія, занялась, какъ извѣстно, на первыхъ порахъ, антикварными изслѣдованіями остатковъ

классической древности и организована была исключительно на этом базисе: из услугам пародировавшей дисциплины была всегда услужливая метафизика и эстетическая теория, выработанная на антиках, и оправдательно цдлью самихъ занятій наука полагалось очищеніе европейскаго вкуса при помощи антика. Чдмъ меньше, по существу, знали самую классическую древность, и чдмъ болче чуждо эллици было содержаніе античныхъ формъ, тдмъ, казалось, болче выигрывало въ воспитательномъ отношеніи искусство, становясь исключительно ареною плясцаго, и тдмъ опредлеленге стремилась исторіи искусства стать главнымъ образомъ исторіею усовершенствованія пластической формы, развитія стили, художественной дбительности. Отсюда идетъ «формальное» направление эстетики прошлаго вѣка (Гербарта), для которой содержаніе искусства опредлялось приятнымъ впечатлннемъ отъ того, что вообще правится вглннимъ чувствовать, или всякой вышней красоты (Лессингъ). Художественное произведеніе должно было, по этой теоріи, представлять такое полное соотвѣствіе формы и содержанія, чтобы содержаніе, покрытое формою, само уплчгожалось, какъ содержаніе, превращаясь въ форму. Такъ будто-бы идеалы религіозные, разъ воплощенные въ искусствѣ, лишаются своего религіознаго значенія и становятся уже идеалами художественными (въ античномъ искусствѣ).

Однако, наука исторіи искусства, съ самаго начала, получала наиболче важное и видное значеніе именно тамъ, гдѣ она не ограничивалась наблюденіями стилистическаго характера и въ ограниченной средѣ личнаго творчества, а, напротивъ того, получала въ свое вѣднне весь вещественный матеріалъ, оставленный древностью въ пзвѣстной странѣ, или отъ историческаго эпохи: таковы всѣ отдѣлы такъ называемой *археологійи*. Такъ, исторіи искусства могла излагать немногосложную исторію египетскаго стили на немногихъ страницахъ, тогда какъ археологическая разработка египетской древности представляла научно-серьезный и глубоко-важный отдѣлъ исторіи человѣка, и по образцу этого отдѣла стала стремиться организовать отдѣлы древностей Месопотаміи, Финикіи, передней Азии вообще и пр. Въ тоже самое время и классическая археологія стала переполняться матеріаломъ, въ видѣ необозримой массы вещественныхъ памятниковъ, оставленныхъ греческою культурою, и наполнившихъ европейскіе музеи издлнми ея художественной промышленности. Этрурія и Финикія, Малая Азія и Южная Россія составили въ археологіи древняго искусства значительные отдѣлы, особливо по сравненію съ скудными свидлніями ихъ политическаго исторіи.

Еще шире и богаче развивалась на нашихъ глазахъ отдѣлы христіанской археологіи: какъ терминъ *монументальной филологійи*, предложенный для классической археологіи, такъ для нея тѣснѣе, такъ и названіе *монументальнаго богословія* напрасно было изобрѣтено (Пьеромъ): древне-христіан-

ская и византийская археологія столь быстро и энергично развивалась, что уже теперь образуютъ самостоятельныя дисциплины. Спрашивается: что же будетъ съ отдѣлами христіанской археологіи, во первыхъ по странамъ: Палестины и Сиріи, Египта и Рима, Византии и древней Россіи и пр., а во вторыхъ по отдѣламъ безслесенныхъ вещественныхъ памятниковъ, начиная съ первыхъ вѣковъ христіанской эры и до XVI вѣка на Западѣ, и до XVIII столѣтія у насъ въ Россіи и на христіанскомъ Востокѣ. Предстоитъ ли въ ближайшемъ будущемъ вѣсть этимъ отдѣламъ обособиться окончательно, утративъ, хотя бы на время, общую научную связь, и подчинившись исключительно мѣстной исторической задачѣ, или же самая исторія искусства замѣнитъ свое одностороннее направленіе и, оставаясь по существу изслѣдованіемъ формы, будетъ разумѣть подъ нею не только стылъ и его развитіе до степеней византійской формы, но и все разнообразіе художественныхъ «характеровъ», почеркаемыхъ изъ дѣйствительности и одухотворяемыхъ художникомъ?

Таковы основныя вопросы, которыми слѣдуетъ задаваться иныиъ всякому изслѣдователю, приступающему къ разработкѣ какого-либо отдѣла, вновь сформировавшагося въ общей наукѣ древностей. Никто не будетъ отрицать видимаго упадка, который замѣчается въ такомъ отдѣлѣ отъ разрыва съ общою археологическою наукою: во многихъ частяхъ предмета утрачено ея научное руководство; прежнее критическое отношеніе замѣнилось увлеченіемъ, общія преувелченіемъ важности, древности и художественнаго достоинства памятниковъ; на мѣсто собственныхъ задачъ, археологія беретъ чужія задачи, принимаетъ характеръ служебный, занимается иллюстраціями историческихъ анекдотовъ, идетъ на буксирѣ политическій исторіи. Главнѣйшій вредъ сказывается въ томъ, что археологія отдѣла теряетъ свой центръ тяжести, свой фокусъ, отъ котораго получаетъ внутреннее освѣщеніе, именно потому, что, въ разрывѣ съ общою наукою, утрачивается возможность сравнительнаго анализа формъ, стало быть отнимается единственное орудіе для научной работы.

Индѣ такъ настоятельно не заявляется о себѣ эта необходимость связи мѣстной археологіи съ общою исторіею искусства, какъ въ археологіи Палестины. Правда и теперь, напр. Иерусалимскій храмъ Соломоновой постройки, образуетъ въ исторіи искусства особый эпизодъ, на оригинальное построеніе котораго расходуетъ много ученыхъ знаній и гипотезъ, а на яхъ изложено посвящается особая глава въ учебникахъ. Но если археологія Финикіи извѣстна еще общей археологической наукѣ, такъ какъ Финикія является своего рода стоянкою восточнаго искусства на пути его перехода въ Грецію, то уже съ появленіемъ греческаго искусства, исторія почти совершенно забываетъ о Финикіи и заиита только ея факторіями. Между тѣмъ, если

Финикии и въ глубокой древности служила посредницею въ распространеніи, путемъ фабрикъ и торговли, египетской и месопотамской индустрии, то она вѣдь не потеряла своихъ промысловъ и завоеванныхъ ею рынковъ во все время существованія классическаго міра. Но такъ какъ разработка художественной формы перешла цѣлкомъ въ Грецію, исторія искусства считаетъ себя въ правѣ забыть страну, занятую только фабричными продуктами художественной индустрии. Затѣмъ, исторія искусства занялась уже въ послѣднее время напр. александрійскою торевтикою въ римскую эпоху (Шрейберъ, соч. 1894 г.), но далеко то время, когда эта наука вспомнитъ (послѣ Отфрида Миллера), какъ слѣдуетъ, Антиохію, третій міровой городъ древности, столь богато украшенный Селевидами, прославленный чудною гармоніею греческой архитектуры и горной природы, и послужившій образцомъ не только для Пальмиры, Герасы, Севастіи и пр., но и для декоративныхъ фантазій Адриана и Діоклетіана.

Народная начала, развитія древней культуры и общеніемъ талантливыхъ расъ сѣверной Сирии съ Греками, выразились въ декоративныхъ, колоссальныхъ сооруженіяхъ, исполненныхъ по римскому заказу: руины Пальмиры, Геліополи, Филіппополи, Герасы и Филадельфій, кромѣ множества другихъ, стертыхъ съ лица земли, нѣкогда пышныхъ городовъ, громко говорятъ намъ о необычайномъ подъемѣ духовныхъ и художественныхъ силъ въ первые два вѣка по разрушеніи Іерусалима. Но исторія искусства, привыкнувъ (за немногими исключеніями) пренебрегать римскою эпохою, почти вовсе забываетъ о Сирии въ этомъ періодѣ, и потому расцвѣтъ архитектуры въ этой странѣ, насчитывавшей 300 каменныхъ городовъ съ густымъ и богатымъ населеніемъ, на мѣстѣ котораго нынѣ въ руинахъ гнѣздятся Бедуины, — такой расцвѣтъ является отчасти непонятнымъ, во всякомъ случаѣ — неожиданнымъ.

Правда, благодаря одностороннему прирѣзненію принципа прогресса, исторія искусства (какъ и общія или политическая исторія) и вообще изоблудетъ подобными неожиданностями. Очевидно, что ихъ число должно было бы сильно умалиться, если бы подъ яменемъ прогресса мы не разумѣли бы, чаще всего, развитіе только одной, нами подмѣченной черты, которую мы и принимаемъ за главное содержаніе исторіи въ извѣстную эпоху. Между тѣмъ, иная черта, не будучи вовсе содержательной, выдвигаетъ передъ нами на первый планъ только эфемерныя явленія, быстро сгнѣбяющіяся, а на мѣсто ихъ выступаютъ, затѣмъ изъ неизвѣстной или незамѣтной дотошъ глубины, совершенно иное содержаніе и завладѣваетъ надолго поприщемъ исторіи. Понятно, что мы опять натаккиваемся на вопросъ о происхожденіи, объ источникахъ, которые найти всегда трудно потому, что мы не знаемъ основныхъ явленій, не владѣемъ знаніемъ прошлаго. Очевидно, что мы

должны предварительно изучить, напр., историю свода въ Персїи и Сириі, новыя происхожденіе погребальныхъ баней Гаурана, пирамидальныхъ сѣрволей Сириі и Иудей и пр., вообще всѣ условія и основанія сирійской архитектуры въ римскіе періодѣ, прежде чѣмъ изучать христіанскія базилики. Равно было бы естественно овладѣть изслѣдованія формы коринтской капители въ римской архитектурѣ времени Адріана и Антониновъ, прежде чѣмъ говорить о формахъ этой капители при Константинѣ, а между тѣмъ мы знаемъ доселѣ лишь типы капители въ Тиволи, портика Октавіи и храма Марса Метителя въ Римѣ, и нрѣдко можно встрѣтить, даже въ спеціальныхъ сочиненіяхъ, скажемъ отъ Адріана къ знохѣ Константина, тѣмъ болѣе, что древнѣйшія базилика Рима наполнены исключительно сборными античными колоннами. Архитектурныя формы Діоклетіанова дворца въ Сплато остаются неизслѣдованными съ XVIII вѣка, когда съ его остатковъ сняты первые планы, а между тѣмъ, если мы изыщемъ то поразительное обстоятельство, что послѣдній расцвѣтъ языческой архитектуры, съ явнымъ переѣсомъ восточныхъ декоративныхъ формъ и азіатской конструкціи, приходится на царствованіе Діоклетіана, а этотъ періодъ сближается столь непосредственно съ вѣкомъ Константина, что между ними промежутокъ можетъ быть сведенъ къ четверти столѣтія, то мы будемъ совершенно иначе, хотя бы въ принципѣ, понимать источники христіанской архитектуры.

Такъ, напр., если необходимая византологин (проф. Сtryговскій) указываетъ на появленіе зубчатого или «тернистаго» аканона (а. spinosus) въ капителяхъ V столѣтія, въ Византіи, то въ Сириі возможно будетъ показать тоже самое (см. ниже) для IV вѣка, и, тѣмъ не менѣе, нельзя предрѣшить этотъ фактъ, какъ возвращеніе къ греческому аканону отъ римскаго типа, потому что дальнѣйшія изысканія, быть можетъ, подтвердятъ такое предположеніе, что греческій типъ тернистаго аканона продолжалъ существовать на Востокѣ также, какъ напр. въ Сириі, гдѣ извѣстная «гробница Судей» представляетъ въ орнаментѣ эти греческія формы аканона. Въ этомъ отношеніи, мы считаемъ особенно важною задачею точное изслѣдованіе капителей базилики Вулсеема (320-е годы?) и мечети Оммадонъ въ Дамаскѣ (400-е годы?), такъ какъ ихъ полное сравненіе (для насъ оказавшееся невозможнымъ, но разнымъ вниманіемъ причисламъ) съ капителями «Золотыхъ воротъ» Константинополя (389 г.) и Студійскаго монастыря (тамъ же, 463 г.) легко получило бы столь же рѣшающее значеніе, какъ и недавнее сличеніе (г. Бертье Делатардонъ) капителей Таврическаго Херсонеса и Равенны доказало тождество ихъ происхожденія изъ проконнесскихъ каменоломенъ. Ниже мы указываемъ на трудности, сопряженныя съ изученіемъ формъ въ капителяхъ такъ называемой Омаровой мечети и въ другихъ возможныхъ остаткахъ Константиновскихъ сооруженій въ Іерусалимѣ — все

это важнѣйшія задачи будущаго сравнительнаго изученія формъ античнаго капители, которой напрасно пренебрегали въ періоды такъ называемаго упадка, такъ какъ эти періоды, съ развитіемъ науки, приобретаютъ капитальный интересъ.

Мы ограничимся пока только указаніемъ того любопытнаго факта, что оригинальныя формы капителей (какъ бы изъ водяныхъ растений на мѣсто акавоа) «Царскихъ гробницъ» въ Иерусалимѣ и Суведы въ Гауранѣ (см. ниже рисунки) встрѣчены нами въ Низѣ, въ Италіи: а именно на двухъ колонахъ ея *собора*, въ шести колонахъ церкви *S. Pietro in Grado* (построенной до 1000 года), въ 23 коринтскихъ и многихъ колонахъ церкви *S. Paolo a riva d'Arno* (XII—XIII в.), при чемъ всѣ эти колонны и серия ихъ должны происходить изъ разобранаго античнаго храма. Но капители эти, гдѣ бы онѣ ни были еще встрѣчены, должны, по нашему мнѣнію, представлять своего рода пережитіе древнѣйшихъ формъ сиро-египетскаго искусства, на основаніи слѣдующихъ соображеній. На капителяхъ Суведы самыя волоты по своей формѣ скорѣй приближаются къ финикійскимъ образцамъ (иллюстр. Луврскаго музея) своею сильно выпнутою дугою, чѣмъ къ чисто греческому ионическому стилю. Выпускающіе завитокъ раструбы взяты, явно, изъ морскихъ растений, тростниковъ, всего же скорѣе могутъ быть отнесены къ панпрусамъ. Наконецъ два нижніе пояса листьевъ, охватывающихъ тѣсно саатымъ рядомъ коряцу капители, по своей продолговатой формѣ и своей высотѣ, очевидно, представляютъ листья пальмы. Этого рода листья находимъ на нѣсколькихъ типахъ египетскихъ капителей, украинешныхъ листьями пальмы и побѣгами панпруса (храмы въ Эдоу, Филе). Но этого рода египетскія капители были раскрашены, такъ какъ плоскія листья пальмы требовалось раздѣлать какъ вѣтвь, усажленную мелкими листьями, а равно раструбы панпруса или почки его, выпускающія усикъ, оставить бѣлыми, стволъ и прочее раздѣлать желтою и зеленою красками. Отсюда мы имѣемъ право сдѣлать интересное заключеніе, что и египетскія капители могли быть дополнены раскраскою, къ тому же отлично принимающаеся на египетскомъ камнѣ, употреблявшемся для капителей. Оговоримся, однако, что, быть можетъ, ни капители Царской гробницы, ни Суведы не были раскрашены, но за то онѣ легко могли подражать своими формами капителямъ современнахъ изъ дворцовыхъ построекъ съ раскраскою, такъ какъ колонны эти украшали внутреннея пояса. Для характеристики туземной, самобытной архитектуры Сиріи эти капители получаютъ весьма важное значеніе.

Равно орнаментальная форма виноградной лозы, которая въ типѣ римскаго акавоваго побѣга или даже римской масляной гирлянды, оказывается принадлежащею всему сиро-египетскому искусству, а не одной Палестинѣ, и напр. постоянно попадается на коптскихъ рѣзныхъ лагребныхъ капит-

шивахъ, представляющихъ, по орнаментации, схему гиреоновъ или *aedicula*, съ тончайшею резьбою колонокъ, кашителей и широко покрытыхъ орнаментами фронтоновъ. И вообще, участіе фабрикъ Скионополи, Лаодисей, Гиблоса, Тира и Берита въ львиныхъ тканяхъ, вышѣ ставившихъ намъ извѣстными подъ именемъ конгексахъ, происходящихъ изъ египетскихъ некрополей, не только не можетъ быть отрицаемо, но, по указаніямъ Моммсеня, основаннымъ на землеописаніи половины IV вѣка, должно быть поставлено во главѣ нашихъ сужденій о происхожденіи большинства шелковыхъ и роскошно украшенныхъ тканей. Діоклетіановъ законъ о цѣнахъ и пошлахъ ставитъ сирійскія пологившія издѣлія выше всѣхъ другихъ; именно въ Сирію привозили саредъ изъ Китая, изъ-за Каспійскаго моря, обработывавшіеся въ беритскихъ и тирескихъ мастерскихъ. Весьма возможно, хотя, при данныхъ средствахъ археологій и невольно ея матеріаловъ, и трудно говорить это съ увѣренностью, что самый пошлѣ орнаментации этихъ тканей, съ ея полуперсидскими, подгrecескими орнаментами, грубыми формами какъ растительными, такъ и зифриными, и особенно съ ея приземистыми, неуклюже-грухими человѣческими фигурами, принадлежать именно Сиріи и, въ частности, ея Сѣверу, т. е. Антиохіи и Тарсу, а не Египту, гдѣ орнамента, по крайней мѣрѣ, въ ближайшую эпоху никакъ не имѣла такихъ чертъ характера¹⁾. Впрочемъ, мы въ данномъ случаѣ разумеѣмъ исключительно тотъ основной типъ конгексахъ тканей, который, отличаясь нами указанными чертами грубости, въ тоже время легко узнается по краскамъ, обыкновенно очень нестрымъ, яркимъ, даже вульгарнымъ и слишкомъ сильнымъ (кирпично-красная, травянисто-зеленая, синія и пр.), и относится, очевидно, къ позднѣйшей эпохѣ V—VIII столѣтій. Доказательство нашей мысли мы находимъ, прежде всего, въ томъ яркомъ фактѣ, что тождественнаго характера матерій (опять же погребальные покровы или саваны) найдены были въ нецерныхъ гробницахъ по берегамъ Подкузка въ Терской области, а эти ткани врядъ ли могли бы доходить туда изъ Египта.

Равнымъ образомъ, мы уже имѣли случаи указывать на фактъ появленія въ нецерныхъ гробницахъ Сѣвернаго Кавказа, въ мѣстахъ жителства Асовъ или Исовъ — Алабъ или Осетинъ, стекляшней посуды не только съ христіанскими эмблемами, но и съ арамейскими (?) надписями, исполненными эмалью на поверхности стекла (эземплиаръ въ Средневѣковомъ Отдѣленіи Императорскаго Эрмитажа). Этотъ фактъ поясняется для насъ распространениемъ стеклянныхъ издѣлій сидонскихъ фабрикъ по всему востоку и югу Европы, а также по сѣвернымъ берегамъ Африки, гдѣ въ видѣ драгоцѣн-

1) Schreiber, Th. *Die alexandrinische Torcutik. Untersuchungen über die Griechische Goldschmiedekunst im Ptolemäerreiche.* L. 1894.

ныхъ, разноцѣтныхъ и бѣлыхъ, гравированныхъ, покрытыхъ рѣзбою сосудовъ, а гдѣ въ видѣ дешевыхъ бусъ и браслетовъ, перстней и подвесокъ.

Эта роль фабриканта и оптоваго торговца, постепенно слагавшаяся для Сиріи въ римскую эпоху, продолжала вырастать въ IV и V вѣкахъ, пока завистливая Византія съ своимъ дворцовымъ хозяйствомъ не успѣла еще настолько обрѣцуться, чтобы отобрать дѣйствительно, а не на бумагѣ, всѣ доходныя статьи Антиохіи и Александріи въ пользу Константинополя.

Если византійская столица скоро построилась, еще быстрое украсилась отовсюду и, правду сказать, безъ настоящаго вкуса, памятниками, статуями, обелисками, бюстами, а также стѣлами, портниками, колоннадами и пр., то все это убранство, наскоро сложенное и сколоченное, очень мало дѣлало истиннаго поощренія самому искусству, а болѣе подрывкамъ Имперіи. Да и вообще рѣдко египетская постройка столицы создавала новое искусство, а не эксплуатировало старое, притомъ очень дурно его примѣляя, а въ вопросѣ о созданіи Константинополя и недавно пора было бы перестать говорить о новомъ направленіи искусства, будто бы вызванномъ его постройкою. По тѣмъ болѣе неумѣстно относить къ константинопольской промышленности тѣ остатки ея отъ эпохи IV—VI вѣка, которые мы пока имѣемъ, и не разобираться въ ихъ происхожденіи. А мы знаемъ, что для значительной массы производствъ въ древнемъ мірѣ подобныя центры, по условіямъ самаго производства, или торговли, существовали непрерывно въ теченіи тысячелѣтій. Такъ, напр., издѣлія изъ слоновой кости исполнялись, и въ Константинополѣ, гдѣ, очевидно, сдѣланы многіе консульскіе диптихи, но также и въ Александріи, представлявшей главный рынокъ натуральныхъ кляковъ и многіхъ издѣлій, въ родѣ шкесидъ, таблетокъ, ящичковъ, шкатулокъ и по множеству остатковъ этого рода вещей, находимыхъ въ некрополяхъ низяго Египта, можно заключить, что здѣсь была особенно развита ихъ фабрикація. Если мы, далѣе, вспомнимъ въ грубый стиль рельефовъ на древне-христіанскихъ шкесадахъ, находяхъ которыхъ сдѣланы уже и въ Сѣверной Африкѣ, и въ Керчи, и въ Италіи, даже на Кавказѣ, то однообразіе стили укажетъ на то, что мы должны искать фабрику работъ на томъ же сирійскомъ Востокѣ.

Принципальнымъ сочиненіемъ въ нашей области является недавній трактатъ проф. І. Стрыговскаго, посвященный отношеніямъ античнаго греко-римскаго искусства къ древне-христіанскому и полемически озаглавленный вопросомъ: «Востокъ или Римъ?»¹⁾ Авторъ самъ признаетъ (въ предисловіи), что окончательный отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только результатомъ систематическихъ изслѣдованій, тогда какъ его трактатъ

1) *Orient oder Rom. Beiträge zur Gesch. d. spätantiken und frühchrist. Kunst.* L. 1901.

является лишь случайнымъ экскурсомъ (издаемъ памятникомъ, новооткрытыхъ въ Пальмирѣ), прилившимъ общій характеръ, благодаря полемическому положенію вопроса въ литературѣ предмета. Книга его является въ силу подвигаго спора и назначена: заявить отрицаніе устанавливаемыхъ нынѣ въ наукѣ двухъ понятій: «римскаго имперскаго искусства» — для первыхъ трехъ вѣковъ христіанской эры (Фр. Викгофа) и «римскаго церковнаго искусства» для всего періода IV—VIII вѣковъ (Фр. Ке. Крауса). Эти два понятія, по словамъ Стрыговскаго, взаимно исключаютъ другъ друга, содержать въ себѣ каждый только половину истины, и пусть къ истинѣ былъ бы, по его мнѣнію, продолженъ, когда бы удалось соединить половину понятія Викгофа съ половиною мнѣнія Крауса. Конечно, прибавляетъ онъ, при этомъ исключается руководящая роль древняго византійскаго искусства и для западнаго средневѣковья. А потому разборъ и опроверженіе мнѣній Викгофа и Крауса еще не дадутъ положительнаго взгляда на источники и исторію древне-христіанскаго искусства. По взгляду Викгофа, съ 1-го вѣка по Р. Х. начинается развитіе самостоятельнаго искусства въ Римѣ, достигавшее апогея въ II вѣкѣ и развивающееся повсюду на Востокѣ, вмѣстѣ съ Римскою Имперією, и уже на этой разширившейся почвѣ въ греко-восточныхъ центрахъ: Александріи, Антиохіи и Византіи совершается дальнѣйшее построеніе древне-христіанскаго искусства съ IV столѣтія. Напротивъ того, по мнѣнію, нынѣ покойнаго, Крауса, исходнымъ пунктомъ искусства первыхъ столѣтій христіанской эры была Александрія, но съ IV вѣка начинается творчество римскаго церковнаго искусства, наполняющаго собою средніе вѣка. Такимъ взглядомъ проф. Стрыговскій противопоставляетъ общее историческое положеніе, по которому главнымъ исходнымъ пунктомъ общаго древне-христіанскаго искусства въ первые вѣка христіанской эры была Александрія, а средоточіемъ образованія религиозныхъ художественныхъ типовъ съ IV вѣка былъ Востокъ вообще и міровые города: Александрія, Антиохія и Византія. Это положеніе, какъ признаетъ и Стрыговскій, высказано давно, но его утвержденіе только обладается, какъ необходимый будущій результатъ работъ по исторіи византійскаго искусства. Самъ проф. Стрыговскій, работая въ этомъ направленіи (надъ христіанскимъ искусствомъ Египта), и въ настоящей книгѣ представили нѣтъ статей по отдѣльнымъ памятникамъ Востока, имѣетъ задачей только приготовить почву для рѣшенія вопроса на основаніи положительныхъ данныхъ.

Этими словами самъ авторъ призываетъ насъ считать его полемическій споръ съ Викгофомъ (въ предисловіи) не рѣшающимъ вопроса и, дѣйствительно, такого значенія эта полемика не имѣетъ, какъ, въ свою очередь, мало кого (кроме Ригли) убѣдили и заключенія Викгофа. Викгофъ, какъ извѣстно, пришелъ къ заключенію, что специфическими признаками римскаго

стиля и искусства является манера «последовательного рассказа» (*continierende Erzählungsweise*) и «иллюзионистская техника». По указанию Стрыговского, последовательный способ изложения отличается и чисто греческие памятники (колонна Константинополя, греческие лицевые рукописи: Псалма Амброза, Библия, Вилевская библия, *Codex Rossanensis*, Косма Инд. Ватиканск. библиотеки, Сирийское Евангелие Лаврент. библи., свиток Иисуса Павла) и отсутствуют в соответствующих по времени латинских или рукописных, хотя и представляется знаменитыми колоннами Траяна и Марка Аврелия.

«Иллюзионистскую технику» или, точнее, живописную манеру изображений, с преобладанием света и цветом над контурами и рисунком, как у Рембрандта, Винччи указывает в ремесленных барельефах римских памятников, Стрыговский в мастерских эллинистических произведениях. Но прибавляет последний исследователь, «суть дела в том, что живописная манера простирается не из народных дарований, но из определенной развития художественной техники, и период этого ей состоит, конечно, выдать из древнего мира на Римскую Империю, хотя и проходить с эллинистического Востока. Итак, несмотря на исходную точку зрения автора, в живописной манере можно видеть «особые национальные дарования», свойственные греческому гению и чужды римскому, отличающая также испанскую и фламандскую живопись от итальянской и пр. И потому, кажется несколько пристрастным, почему напр. нельзя было бы принять, что известная манера построить пластическое искусство в повествовательном изложении не могла бы также относиться к известным национальным свойствам римского или вообще древнего италийского искусства и быть затема усюена греческим Востоком? Однако, мы не видим прямой пользы в подобных субъективных догадках, так как во первых, их всегда можно оспаривать, и им нет времени и места укрепиться, а во вторых, они не отбывают основным научным приемам истории искусства и культуры. Как известно, эти приемы основаны на принципе исторического прогресса, а сущность этого последнего заключается в непрерывном взаимном усвоении всеми живыми и культурными национальностями результатов, достигнутых сообществом предыдущими поколениями в пределах всех этих национальностей. Стало быть, основной задачей исследователя должно быть и в данном вопросе не спорить о преобладании и первенстве Востока или Рима, но исследование типических форм, характера и степени участия различных стран древнего мира в создании христианского искусства. Конечно, это задача будущего, но и в настоящее время археологические работы должны сосредоточиться на тщательнейшем анализе художественных форм в искусстве первых восьми столетий христианской эры. Наука христианской археологии должна поста-

вить себе образцом творческую работу классических археологов периода тридцатых, сороковых годов XIX века в их стремлении возродить через посредство римских копий греческие оригиналы. Мы должны когда нибудь овладеть знанием особенностей стиля римского, римско-византийского искусства Континента, Сирии, Греции и стран Малой Азии, собственно Византии.

Но если этими общими замечаниями мы считали нужным ограничить некоторые крайности в научных воззрениях проф. Стрыковского (который, впрочем, сам видит эти крайности, но полагает их своевременными, как отбег на крайности противоположных взглядов), то мы не можем не примкнуть всецело к завяшему нам желанию видеть изучение христианского искусства на почве Египта, Сирии, Малой Азии, Греции и знать, не развивало ли оно в каждой стране Востока своеобразного направления.

В этих видах, автор разбирает пять памятников. Подземная усыпальница Пальмиры показывает ему, что в сакральной архитектурной форме и в газетные типы декоративных росписей в византийском искусстве идут прямо с эллинистического Востока, представителем которого, за неимением Антиохии, Селевкии и древней Александрии, являются руины и памятники Пальмиры, несмотря на смешение греческого искусства с семитическими и персидскими элементами. Проф. Стрыковский совершенно верно заключает, что крестообразная форма пальмирской усыпальницы представляет нам, наряду с подобными же усыпальницами Александрии, прототип константиновской церкви Св. Апостолов, воспроизведенной отчасти в ц. Св. Марка в Венеции и послужившей также образцом для усыпальницы Галлы Плацидии в Равенне и Миланской ц. S. Nazaro. В настоящее время мы можем указать на развалины новооткрытой (1902 г.) крестообразной базилики Херсонеса, как на замечательное звено в этой цепи восточных образцов и западных копий.

Базилика открыта в восточных ограждающих стенах, с полверсты от них (что само по себе знаменательно, в виду известного по истории безобразного состояния города от окружающих его варваров) на заметном и отовсюду открытом холме. Храм окружен различными мелкими постройками, также, повидимому, относившимися к храмовым усыпальницам, и незначительною оградой. Вся окружающая местность, на значительное расстояние, покрыта могилами и составила, видимо, часть Херсонесского некрополя. Крестообразная базилика, занимая среднюю холмика, имела один вход с западной стороны и все четыре рукава креста сдвиганы одинаково. Таким образом, алтарь, не требовавший для себя никакого округления, в виде ли внутренней ниши или выступающей абсиды, или приподнятой софы для амвона, и не будучи даже отбегнен обочиною (хотя бы некою преградой), был устроен (словно по какой-либо случайности,

наскоро и даже небрежно, без надлежащих промѣровъ) прямо въ восточную рукавъ: въ древности алтарь представлялъ собою квиорій изъ 4 колонокъ съ каменнымъ покрѣтиемъ, поверхъ каменнаго престола, а въ настоящее время оказывается только въ видѣ базъ отъ этихъ колонокъ и ясно виднаго мѣста для престола, самихъ же частей этого устройства или вовсе не было найдено, или въ бытность нашу на мѣстѣ, онѣ не были различены среди находокъ¹⁾. Повидимому, перекрестье было покрыто барабаномъ, окна котораго могли осѣщать весь храмъ, и перекрестье поверхъ строилъ плоскою крышею, какъ, вѣроятно, было покрыто и все зданіе, такъ какъ отъ сводовъ, между находками, не нашлось ясныхъ указаній: понашшіеся на полу близъ базилики обломки терракотовыхъ плитокъ могутъ проходить одинаково отъ покрытия сводовъ и стѣтъ. Наконецъ, весь полъ церкви покрытъ прекрасною мозаикою, изъ мелкихъ разноцвѣтныхъ кубиковъ, съ обычнымъ рисункомъ въ среднѣ сплетенныхъ круговъ и ромбовъ, со вписанными въ нихъ птицами и животными (въ одномъ случаѣ любопытная фигура единорога), а по рукавамъ креста въ формѣ вазъ, изъ которыхъ выступающіе обѣи лозы образуютъ завязки или разводы. Итакъ, все, что представляеть собою эта церковь,—по нашему, скорѣе, часовни,—указываетъ на усыпальницу знатной фамиліи, устроенную, по всей вѣроятности, не только изъ самыхъ видныхъ мѣстъ херсонскаго некрополя, но изъ мѣстъ, освященныхъ какими-либо священными останками. На такую мысль наводитъ, прежде всего, обнаруженный подъ церковью подземный ходъ или галерея, который, при самомъ появленіи, стали называть не вполнѣ правильно «катакомбою»: ходъ этотъ ведетъ къ городу и въ открытой доселѣ означенности своей залитъ водою; одна вѣтвь этого хода приводитъ къ колодезю прѣсной воды. Но если въ этой галереѣ и не обнаружено какихъ-либо обычныхъ для катакомбъ и правильно расположенныхъ могилъ, хотя все это мѣсто могильное и потому въ самой галереѣ также вступлены при раскопкахъ погребенія. Но мысль о томъ, что подъ церковью могло бы оказаться какое-либо священное, историческое погребеніе, подсказывается также аналогією храма Св. Анастоліи, который столько же былъ усыпальницею императоровъ, сколько мѣстомъ почитанія останковъ учениковъ Христа, какъ храмъ Св. Петра въ Римѣ укрываетъ въ криптѣ останки Анастоліи и римскихъ папъ. Конечно, мы не знаемъ, находится ли священная могила подъ усыпальницею Галлы Платидіи, такъ какъ никакой крипты въ ней не было, а разслѣдованія въ мѣстности церкви никогда не было сдѣлано.

1) Должно замѣтить, ради полноты этого обстоятельства и другихъ, ниже приводимыхъ, что храмъ былъ покрытъ очень не глубокимъ слоемъ мусора и земли, когда былъ раскопанъ, а по общему правилу, древнѣйшіе храмы Херсонеса доставляли матеріалъ, камни, колонны, престолы и утвари для поддѣльныхъ его сооружений.

Итакъ, крестовая форма некоторых древнѣйшихъ христіанскихъ базиликъ происходитъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, отъ подземныхъ усыпальницъ семитическаго Востока, послужившихъ не только формальнымъ, но и сакральнымъ образцомъ для зданій, строившихся уже на поверхности и, быть можетъ, поверхъ подобныхъ же подземныхъ сооружений или даже кривыхъ, стѣны которыхъ могли естественно служить фундаментомъ для надземной постройки.

Столь же удачно доказано у проф. Стрыговскаго родство декоративныхъ фигуръ Никъ, держащихъ портреты (круглыя «иконы») въ стоящихъ на шарѣ, въ Пальмирской усыпальницѣ, съ равненскими и римскими изображениями ангеловъ, держащихъ изображение Христа въ кругу; отсюда подтверждается мнѣніе о восточномъ происхожденіи образа ангеловъ, въ противность высказанному соображенію (Штульфаута) о его возникновеніи въ римскомъ искусствѣ. Затѣмъ, въ цѣлой серіи разобранныхъ намятниковъ, удачно представлено развитіе поздне-античнаго тѣна орнаментальной скульптуры, къ которому относятся, главнымъ образомъ, саркофаги малоазійскаго происхожденія. Не менѣе историческаго интереса содержать въ себѣ и эскизы о рѣзанномъ въ деревѣ верхне-египетскомъ горельефномъ изображеніи аллегорическаго «изгнанія варваровъ изъ крѣпости вѣры», о трыпской пластинкѣ слоновой кости съ изображеніемъ перенесенія монетъ (въ этомъ послѣднемъ случаѣ остается подъ вопросомъ самое приуроченіе событія и вообщѣ сомнительнымъ представляется соображеніе о ея египетскомъ происхожденіи).

Но, конечно, однимъ изъ главныхъ аргументовъ въ пользу преобладанія Востока надъ Римомъ въ древне-христіанскую эпоху являются цѣльныя и «фигурныя» ткани, производство и употребленіе которыхъ, сосредоточенное въ Сиріи и Александріи, такъ распространилось въ періодъ VI—IX столѣтій и составило важнѣйшій отдѣлъ европейской торговли: церковныя завѣсы, пелены подвѣсныя и покровы алтарныя, апалійныя и престольныя, облаченія всякаго рода. Стрыговскій указываетъ на капитальное значеніе находка Египта¹⁾ въ допущеніи нашихъ свѣдѣній по этой важнѣйшей вѣтви искусства, но напрасно считаетъ эти находки единственными намятниками нитя: находки кавказскихъ ископаемыхъ нитѣй дополняютъ этотъ отдѣлъ произведеніями Сиріи и Византіи. Конечно, затѣмъ, ни на Востокѣ ни даже на Западѣ ничего не осталось отъ бывшаго нѣкогда богатства ея церкви

1) По поводу истолкованія проф. Стрыговскимъ сюжетовъ на изданныхъ имъ берлинскихъ кускахъ скажемъ кратко, что въ первомъ кускѣ виднѣтъ Давида, никакъ не ангела, а по вторыхъ отъаказываемся видѣть «Петра держащаго неалтарь» — послѣднее, по нашему мнѣнію, плодъ недоразумѣнія и ошибочно прочтенной надписи (быть можетъ, Петръ держитъ платъ *ματῆλον* съ гадами, явившіеся ему въ Иерусѣ).

фигурными тканями древне-христианскаго періода, по удѣлѣніи, въ значительномъ количествѣ, по ризницамъ епископскихъ городовъ, ткани позднѣйшаго періода — IX—XII столѣтій зачастую копируютъ эти древніе образцы.

Но, признавая всю историческую важность этого отдѣла тканей, мы не можемъ согласиться съ ученымъ авторомъ въ оцѣнкѣ ихъ значенія для исторіи греко-восточнаго христианскаго искусства. Если проф. Стрыговскому, въ виду полемики, достаточно одного замѣчанія Крауса, что средневѣковая египетская живопись, даже позднѣйшаго времени, до XIII и XIV вѣка, исполняется ковровые рисунки и фигурныя ткани, чтобы построить на этомъ замѣчаніи руководящую роль тканей, а съ ними и Египта въ исторіи развитія христианскаго искусства, то врядь ли это поспѣшное заключеніе удержится въ ней на долгое время, безъ большихъ ограниченій. Прежде всего, историческій характеръ живописи и орнаментики въ шитьѣ и тканяхъ представляется слишкомъ часто явленіемъ вторичнымъ, заимствованнымъ, чтобы можно было принять сразу подобную гипотезу. Далѣе, догматическій характеръ многихъ мозаикъ также не вытекаетъ съ появленіемъ этихъ сюжетовъ въ первый разъ въ такой декоративной средѣ, какъ записи и облаченія. Наконецъ, фигурныя ткани отличаются почти всегда грубымъ рисункомъ, или ремесленнымъ въ набивныхъ тканяхъ, или дилетантски-плавнымъ, безпомощно-дѣтскимъ какъ въ женскихъ вышиваніяхъ. Представленные проф. Стрыговскимъ образцы иконографическихъ сценъ на египетскихъ тканяхъ, по тканямъ зачастую не вытекаютъ съ древне-христианскимъ искусствомъ, ни римскимъ, ни византійскимъ и относятся, скорѣе, къ чисто мѣстной, греко-египетской вѣтви искусства. Напротивъ того, фрагменты древнихъ тканей, сохранные на Западѣ, имѣютъ важное общен историческое значеніе по своему отношенію къ основному греко-восточному художественному руслу, или такъ называемому византійскому искусству. Таковыя разнобразныя вопросы (объ «остаткахъ константиновской базилики Воскресенія» говоримъ ниже), поднимаемые проф. Стрыговскимъ по поводу памятниковъ, примѣрно выбранныхъ изъ эпохи IV—VIII столѣтій по Р. X.

Въ свою очередь, большинство западныхъ общихъ трактатовъ о древне-христианскомъ искусствѣ занято полемикою съ (дѣйствительными и предпологаемыми) защитниками греко-восточнаго его происхожденія: задача столь же легкая, сколько и благодарная! Въ самомъ дѣлѣ западнымъ ученымъ столько же легко опровергать значеніе и роль греческаго Востока въ дѣлѣ образованія стили и сложенія формъ и содержанія древне-христианскаго искусства, указывая на крайнюю бѣдность, зачастую отсутствіе памятниковъ Востока, сколько трудно, для защитниковъ Востока, добывать яркія доказательства, при этой современной его бѣдности. Между тѣмъ, съ отрицаніемъ

роли Востока, задачи западной науки крайне упрощаются, и достигаются на время наиболее благоприятные условия специального ограничения и ясности. Но вся эта искусственная система, притягивающая к одному пункту жизни множества исторических центров, уже ни в комь не возбуждает доверия и, надо думать, могла бы повлечь нагубно на самый ход западной христианской археологии, если бы, наряду с этою торжествующею пока системою, не установилось молчаливо соглашение признать за новым движением, указывающим на роль Востока, научной мысли и будущего. Пока рьянейшим направлением исследований египетского и константинопольского искусства преобладающая роль остается за Египтом, Сирия—как всегда, предстоит выступить ему во слѣдъ.

Попытки указать сирийские художественные элементы в пиктографиче-ских лицевых рукописях, правда, не привели пока к положительным результатам, быть может, по той простой причине, что Сирия никогда не была характернаго самостоятельнаго искусства¹⁾: она была, скорее, фабрикою для массоваго воспроизведения художественно-промышленныхъ изделий Египта (по преимуществу) и восточной Азии. Несомнѣнно, конечно, что при всемъ искусствѣ усвоения греческаго стиля и чуждыхъ типовъ²⁾, национальныя черты должны, однако, проявляться хотя бы въ искаженіи этихъ усвоенныхъ образцовъ, въ иныхъ вариантахъ принятой формы, но эта мелочная работа исследований возможна будетъ только тогда, когда умножится матеріалъ для сравненія и станетъ вполне доступенъ въ точныхъ изданіяхъ. Насколько, поэтому, были удачны всѣ изслѣдованія въ области «александрійскихъ» основъ византійскаго искусства, начиная съ рукописей, рельефовъ, характеристическихъ чертъ древне-христианскаго рельефа въ IV—V столѣтіяхъ (преимущественно живописнаго «александрійскаго» рельефа), настолько проблематичными остаются пока соображенія объ участіи Сирии въ дѣлѣ выработки византійскаго стиля. Проф. Д. В. Айвазовъ предполагает, напр., что къ числу сирийскихъ художественныхъ элементовъ можно отнести: 1) «фигурныя капища въ видѣ двухъ лягъ», двухъ птичекъ, пары рыбъ и пр., 2) «новый родъ кивория, съ верхомъ въ видѣ конуса, съ изгибающимися боками», наверху котораго растутъ цвѣты и зелень, гуляютъ рядомъ птицы, — жанръ, который ему кажется «спеціальною чертою сирийскихъ рукописей». Но мы не можемъ считать этихъ соображеній доказанными, точно также, какъ и предположеніе, что крестъ, поставленный на сферѣ или на шесте, долженъ представлять тотъ самый реальный крестъ, который стоялъ на Голгофѣ, не получило пока никакого документальнаго подтвержде-

1) Д. В. Айвазова. Эллинистическія основы византійскаго искусства, 1900, стр. 47—63.

2) Ibid., стр. 54.

ний. Столь же мало обоснованными являются пока всё: общия характеристика стили миниатюр въ сирійскомъ Евангеліи Рабулы и другихъ древнѣйшихъ сирійскихъ рукописей, поскольку эти характеристика назначены утвердить въ насъ гипотезу евро-египетскаго происхожденія христіанскихъ композицій, типовъ и различныхъ деталей.

Приступая къ первымъ образцамъ, взятымъ изъ византійской миниатюры (греческая рукопись Пискадра съ миниатюрами въ Парижской библ.), авторъ еще пытается различить евро-александрійскіе элементы, *конечно, въ предположеніи* (александрійскую науку въ зоологическихъ наблюденіяхъ, эллинистическое искусство въ приемахъ, свойственныхъ александрійской живописи, хотя вопросъ объ античной *σκηρογραφία* и ея сохраненіи въ византійской миниатюрѣ очень спорный), но затѣмъ довольствуется греко-восточнымъ происхожденіемъ рукописи или даже текста ея, чтобы утвердить за всѣми формами ея миниатюръ греко-восточный характеръ. На нашъ взглядъ, также ошибочно говорить *объ образцахъ александрійской живописи на византійской почвѣ* (обратное было бы возможно), какъ принять цѣлкомъ всё художественныя формы и типы Евангелія Рабулы (сирійскаго) за сирійскіе образцы византійскаго искусства. Если одна рукопись (Пискадра) будетъ относима къ евро-александрійскому роду потому, что въ ней изображены хорошо зѣбри и растенія, то ватиканскую рукопись Космы Пидиколова за то, что въ ея редакціи именно отсутствуютъ зѣбри и растенія (появляющіеся только въ четвѣ византійскихъ коняхъ), пришлось бы, несмотря на ея близость (по формѣ) къ александрійскимъ кодексамъ, считать западно-греческою, не греко-восточною. Если сирійское происхожденіе рукописи Пискадра еще ничѣмъ не подтверждено, нельзя доказывать александрійское происхожденіе рукописи Космы тѣмъ, что въ ней есть подобная же фигура Авеля (стр. 15), тогда какъ указаніе на изображеніе мертвыхъ въ ядѣ мумій (стр. 16) является весьма подходящимъ къ дѣлу. Самъ проф. Айнадовъ, перечисляя далѣе различныя особенности композиція и бытовыхъ формъ въ рукописи Космы, которыя ему приходится, одну за другою, признавать *только азиатскими*, а не специально эллинистическими, выражаетъ опасеніе, какъ бы (стр. 18) «не возникли предположенія насчетъ копированія рукописью (въ рукописи?) Космы оригиналовъ римскаго происхожденія». Такихъ опасеній у насъ не возникаетъ, такъ какъ четкій греческій характеръ ея планстрацій показывается ея тѣснымъ родствомъ съ позднѣйшею византійскою миниатюрою, но мы не можемъ считать, вмѣстѣ съ проф. Айнадовымъ, все существо миниатюръ Космы александрійскимъ, только потому, что Косма былъ александрійскимъ ученымъ. Равно и картины «Страннаго Суда» и «Сшествія Св. Духа» въ рукописи не считаемъ также александрійскими, равно какъ и ихъ дѣленіе на поля, пока это не будетъ

доказано сравнительнымъ изученіемъ памятниковъ. Наше личное впечатлѣніе въ пользу греческаго или, точнѣе, византійскаго стиля миниатюръ Космы основывается на ихъ свѣтломъ, легкомъ (акварельномъ) тонѣ, пѣкной карнаціи, ихъ пристрастіи къ пѣкнымъ полутонамъ, ихъ чистыхъ греческихъ тѣнахъ, мощныхъ фигурахъ, округлыхъ овалахъ и пр. По этому греческому характеру почти не мѣнаеть возникновеніе иллюстрацій въ самой Александріи, и уже отъ тонкости исследователя будетъ зависетьъ отыскать, если онѣ есть, тѣ детали, въ которыхъ выразились или отразились мѣстные особенности: это и будетъ исследование египетскихъ признаковъ «на византійской почвѣ», т. е. на основѣ византійскаго стиля. Очевидно, работа проф. Айналова должна была быть еще доведена сравнительнымъ изученіемъ общевизантійскаго стиля, въ отличіе отъ римскаго или западнаго, и только тогда будетъ понятно, почему рукопись Діоскорида, исполненную въ Константинополѣ, онъ также вводитъ въ среду (предполагаемыхъ) alexandriensкихъ или эллинистическихъ произведеній.

Напротивъ того, характерныя отличія отъ всѣхъ перечисленныхъ рукописей, указываемыя самимъ проф. Д. В. Айналовымъ въ любознательныхъ контекстныхъ лѣткахъ «Дѣяній Св. Апостоловъ» (рукопись В. С. Голенищевы), въ рисункѣ, краскахъ, какъ и образцы контекстной рукописной орнаментики, изданные В. В. Стасовымъ, представляютъ такъ много специально египетскаго (птицы и животныя напоминаютъ рисунки Телль-ель Амарга и указываютъ отношеніе къ искусству древняго Египта), что наугадъ, очевидно, нужно еще подождать съ вопросами «александрійскаго» или даже «эллинистическаго» стиля, пока не будетъ опубликовано достаточно памятниковъ заведомо спиро-египетскаго происхожденія.

Насколько, далѣе, простыя указанія въ книгѣ сходятся или расходятся въ орнаментальныхъ деталяхъ сирійскаго Евангелія Рабулы 586 г. съ коптскими писаниями и рельефами идутъ прямо къ цѣли, настолько гаданія автора о принадлежности различныхъ композицій, художественныхъ приемовъ и чертъ стиля къ Востоку, а не греческому антику или собственной Византіи, остаются въ области предположеній¹⁾. Иное дѣло съ тѣнами: несомнѣнное своеобразие сирійскаго характера фигуръ и лицъ въ Евангеліи Рабулы и Евангеліи Парижской библ. № 33, составляетъ очень важный фактъ, тѣмъ болѣе, что проф. Айналовъ весьма удачно угадываетъ зависимость по тѣнамъ равнинскихъ мозаикъ отъ сирійскихъ предполагаемыхъ оригиналовъ (стр. 54

1) Обзоръ положеній книги Д. В. Айналова дѣлается здѣсь не съ цѣлью научнаго разбора ея (чему въ общемъ вступленіи не мѣсто), но ради извлеченія изъ нея того, что можно считать для нашего вопроса положительнымъ, а потому мы принуждены ограничиваться только общимъ указаніемъ пунктовъ нашего разногласія съ авторомъ. Вѣдь и то, что мы лично считаемъ положительнымъ, не можемъ считать таковымъ для другихъ.

и приложенная II таблица): факт в высшей степени знаменательный. Возможно, что вся серия евангельских тем, протянувшаяся по стенам главного корабля ц. Св. Аполлинария Нового в Равенне, представляет ремесленную работу на рисунках местных картонов, исполненных с миниатюр греко-восточной работы. Эти миниатюры, в свою очередь, послужили образцом для сирийского Евангелия Рабулы в Парижской библиотеке и для Россанского Евангелия и составляли в нарождавшемся искусстве своего рода явля, художественный тип. В сотнях иллюстраций, на пространстве большой книги четырех Евангелий, было вполне возможно для иллюстратора желание представить постепенное возмужание Богочеловека, а отсюда, при выборе сюжетов, ограничившихся в мозаике чудесами Христа и Страстными днями, получилось известное, резкое противопоставление двух типов Иисуса: юного и безбородого в серии чудес (неправильно относимого к древнейшему символическому образу «генія» катакомбной живописи) и возмужалого в сценах «Страстей». Но тоже сооставление мозаичской росписи ранешней церкви с родственными миниатюрами Евангелия Рабулы и Россанского наводит нас и на иные соображения: мозаики представляют нам ремесленно точную копию миниатюр, а миниатюры напоминают во многом фресковыя стѣнные росписи. В самом деле, в мозаиках мы наблюдаем результаты неуклюжаго увеличения прежних крохотных фигур: в них так мало деталей, сравнительно с их новыми, увеличенными размерами, так сух, бледен, утомительно однообразен рисунок, так неприятна ремесленная конировка прежняго легкаго наброска. Так бывает, когда дилетантъ, ловко исполнивший фигуру, миниатюру, вздумает выолнить их в монументальных размерах, и когда ремесленник увеличивает легко начерченный рисунок для стѣнной росписи. Напротив того, уменьшутыя миниатюры представляют рисунки, явно, скопированныя съ монументальных оригиналов неизветных нам и исчезнувших росписей. Таковы, напр., дѣя сцены суда над Христомъ у Пилата въ Россанскомъ кодексе: взяты, повидимому, съ архаическаго надгробнаго древне-христіанскаго мученика. Таково же «Причащеніе подь обоими видами» въ духъ продольныхъ сценахъ, взятое съ алтаря, таковы изображенія Пророковъ на сводахъ — замѣтованныя быть можетъ, съ росписи монастырскаго трансъ. Но, иди, такимъ образомъ, даже заключеній проф. Д. В. Айхлова, мы не считаемъ, однако, оригиналовъ этихъ миниатюр «эллинистическими» или, точнѣе, греко-восточными: напротивъ, въ помнутыхъ рисункахъ сценъ суда надъ, скорѣе, римскій образъ и не можемъ согласиться съ тѣмъ, что зависимость этихъ сценъ отъ апокрифическаго «Никодимова Евангелия» и «Актовъ Пилата» могла бы требовать отъ насъ въ V вѣкѣ приуроченія ихъ къ Палестинѣ.

Иное дѣло заключенія автора разбираемаго сочиненія о типахъ Россанскаго Евангелія и Византской библіи (несомнѣнно, составляющихъ группу особаго характера): ихъ отличіе какъ отъ рукописей Космы Инд., такъ и спрійскихъ рукописей подмѣчено проф. Айналовымъ съ болыиымъ искусствомъ и полною вѣрностью (стр. 78—79), но что это за группа и какой мѣстности она принадлежитъ, пока остается подъ вопросомъ. Весьма любопытная стилистическая аналогія этихъ миниатюръ съ поздне-византійскими, угаданная проф. Айналовымъ, должна бы указывать, по нашему мнѣнію, на константинопольское (или собственно греческое) происхожденіе, а не александрійское, какъ догадывается (стр. 83) проф. Айналовъ.

Равнымъ образомъ, хотя мы въ настоящее время рѣшительно не можемъ угадать мѣста происхожденія такихъ рукописей, какъ «Святость Іисуса Павла» Ват. библ., «Иліада» Амвросіанской и «Энеида» Ватиканской, однако, не можемъ согласиться и съ ихъ александрійскимъ происхожденіемъ, о которомъ догадывается проф. Айналовъ (стр. 86). Напротивъ того, въ Святости Іисуса Павла мы лично находимъ такъ много римскаго элемента, что даже скорѣе предпочитали бы видѣть въ ней южно-италійское произведеніе, чѣмъ чисто греческое. И хотя въ иллюстраціяхъ Иліады и Энеиды мы продолжаемъ находить, по связи ихъ съ рядомъ пинакъ намятниковъ, своего рода возрожденіе греческаго искусства, однако, въ частности, именно въ этихъ рукописяхъ, видимъ произведеніе греческаго искусства на почвѣ «римскаго любительства» и «антикварства», столь сильно развивающагося въ эпоху Римской Имперіи въ литературныхъ центрахъ, подобно фресковымъ росписямъ плафонны и стѣны, находимыхъ нами одинаково и въ Помпеѣ, и въ виллахъ Рима и въ римскихъ катакомбахъ.

Историческій обычный ходъ развитія художественныхъ формъ показываетъ намъ съ достаточною ясностью, что какъ только устанавливается въ странѣ, въ предѣлахъ культурнаго міра, опредѣленный и характерный стиль, онъ неизбежно вліяетъ на ходъ искусства въ странахъ, съ нимъ связанныхъ культурнымъ общеніемъ. И потому, если мы неизбежно должны принять фактъ распространенія римскаго стиля и вкуса въ древнемъ мірѣ, то естественно должны умозаключать и обратное, перенесеніе художественныхъ формъ съ греческаго Востока въ Римъ въ эпоху сикретизма религіи, обрядовъ, обычаевъ и искусства. Стало быть, если напр. живописный рельефъ, съ его ландшафтными и архитектурными фонами и былъ (какъ признано это послѣдними трактатами) въ основномъ источникѣ, александрійскаго происхожденія, то онъ же въ эпоху Константина долженъ быть отнесенъ къ числу признаковъ римскаго стиля, разъ его господство въ римскихъ саркофагахъ, барельефахъ арокъ, колоннъ и пр. удостовѣрено безспорно. Тѣмъ болѣе, для намятниковъ VI—VII стол. нельзя уже въ живописномъ рельефѣ

видеть «страданий александрийской школы», следовательно и отметить (стр. 89) «проявление этой особенности в памятниках византийского искусства» как «указывающей вообще на эллинистический характер его пластики». Напротив того, памятники, отмеченные этою чертою стили, немногие в Константинополе и многочисленные в Риме и Равенне, естественно относить къ римскому стилю. Если иногда натурально считать дверь базилики Св. Сабины въ Риме римскою работою, несмотря на ея живописный рельефъ, то и саркофагъ Латеранскаго Музея съ изображеніемъ на боковыхъ сторонахъ «Отреченія Петра» и «Исцеленія кровоточивой» считаемъ также часто римскимъ произведеніемъ, хотя еще покойный де-Росси указывалъ въ бородастой фигурѣ Христа во 2-й сценѣ типъ восточнаго происхожденія.

Точно также мы не можемъ, вмѣстѣ съ Д. В. Айваловымъ, видеть реальныхъ палестинскихъ деталей въ разбираемыхъ имъ рельефныхъ изображеніяхъ: круглаго Гроба Господня¹⁾ (миланская пластинка) со скатною крышею (стр. 97—99), алтарной лѣстницы въ сценѣ жертвоприношенія Псаака; то и другое только общія древнія формы, а не спеціально мѣстныя. Но если подобныхъ деталей мы не можемъ, безъ особыхъ причинъ, назвать «палестинскими» даже на ампулахъ Монцы, происходящихъ изъ Св. Земли, то тѣмъ менѣе можно дѣлать подобныя заключенія о деталяхъ равенскаго кресла св. Максимиана; линии фронтона за спиною Юанна Предтечи въ сценѣ «Крещенія» на этомъ креслѣ не можетъ быть объяснима изображеніемъ монастыря Предтечи на Иорданѣ, а если измѣли четырехугольную форму не въ одной Палестинѣ (стр. 112—113). Поэтому, хотя мы раздѣляемъ взглядъ проф. Айвалова (и проф. Стрыковского) на сиро-александрійское происхожденіе многихъ композицій въ рельефахъ этого кресла, однако, думаемъ, что рабѣ общаго сравнительно анализа происхожденія *всего стила*, усвоеннаго рельефами, намъ нельзя будетъ дѣлать иногда общегородныхъ заключеній о деталяхъ. Такъ напр., мы считаемъ иногда возможнымъ видеть въ стѣнѣ, представляемой за Распятіемъ Господомъ, стѣну Иерусалима, впереди которой плывѣла находилась, какъ извѣстно, во времена Христа Голгофа²⁾, но мы не полагаемъ никакой доказательности въ соображеніяхъ Д. В. Айвалова, будто бы въ трехъ фронтонахъ Распятія на дверяхъ Сабинны мы должны видеть (стр. 125) «поверхностно воспроизведенныя сооруженія на мѣстахъ страданій, смерти и воскресенія Христа въ Иерусалимѣ».

Напротивъ того, мы встречаемъ рядъ иногда въроитныхъ и естественныхъ заключеній и догадокъ о памятникахъ Святой Земли на основаніи сдѣ-

1) На ампулахъ Монцы мы ясно видимъ фасадъ четырехугольной часовни Гроба, а никакъ не круглой, и эта ясная форма передаетъ точно древность.

2) Северозападная стѣна Иерусалима, за которою находится Голгофа и храмъ Св. Гроба съ христіанскимъ кварталомъ, построена царицею Еудокіею въ V вѣкѣ по Р. Х. и восстановлена султаномъ Селимомъ. См. Пор-вирія, Книга Бытія, VII, стр. 231.

лапного авторомъ бѣлаго разбора сюжетовъ на украшенныхъ рельевами металлическихъ ампулахъ Мошскаго собора. Тѣсное соотношение этихъ рельефовъ къ Виолеескому храму Рождества Христова, храму Воскресенія и Голгофѣ, храму Вознесенія, мѣсту Крещенія на Йорданѣ и Свиданія Маріи съ Елисаветою (Горнія), а также характерные типы и любовителныя детали требовали бы даже еще болѣе подробнаго анализа и болѣе обширныхъ сравненій съ памятниками родственными и близкими. Помимо важныхъ сближеній, установленныхъ авторомъ, Я. И. Смирновымъ и проф. Стрыговскимъ, можно сдѣлать много заключеній и вѣроятныхъ догадокъ, держась только этихъ семи ампулъ.

Такъ напр. нельзя не обратить вниманія на характерное изображеніе Распятія, дважды повторенное на ампулахъ: Распятый Христосъ представленъ здѣсь дважды въ видѣ одной Главы Спасія, помѣщенной надъ крестомъ. И, если можно въ одномъ случаѣ, въ виду того, что крестъ здѣсь сдѣланъ изъ лавровъ и очень малъ, объяснить это отсутствіемъ мѣста (хотя оба разбойника представлены полными фигурами въ ростъ), то для другого случая нѣтъ никакого объясненія. Не слѣдуетъ ли, поэтому, предположить, что такая форма ведетъ свое начало отъ особо чтимаго (вѣроятно, на мѣстѣ самой Голгофы) креста декоративнаго типа, уличнаго Главою Христа. Известно, что подобное изображеніе повторяется римскою мозаикомъ, камелями и пр., какъ извѣстное и славное¹⁾.

Обширный фоліантъ г. Алопса Риегля, вызванный мѣстною задачею изданія памятниковъ древней художественной промышленности на почвѣ Австро-Венгріи²⁾, посвященъ, между прочимъ, тому же пресловутому вопросу объ источникахъ новаго или христіанскаго искусства. Подчинились современной привычкѣ: убѣждать другихъ пасторичивымъ повтореніемъ собственнаго

1) Возможно, что именно это изображеніе называлось *ικροτήριον ἀγυελαίη*, такъ какъ по сторонамъ креста изображены были (обернутые къ нему) два ангела. Важнѣйшія образцы: 1) на извѣстномъ сѣр. *блюдѣ Стралоувскою собраніи*; затѣмъ 2) *камелъ Парижск. Им. акад.* V стол.; 3) *камелъ ризницы Моск. Успенск. собора* на зол. потирѣ Екатерины II, отъ преемствъ имп. Леонтія († 699) съ надп. «покроуѣ Леонтіа» — *σκητή Λεωντίου*, изд. Г. Д. Филимоновымъ въ *Вѣстн. Общ. др. русск. иск.* 1875, вып. 6—10, стр. 59—60; 4) на ампулахъ: *Garrucci Storia*, vol. V, tav. 431—435; 5) на геммахъ, *ibid.*, tav. 479, 480; 6) иконописный переводъ такъ назван. «Похвала кресту хранителю вселенной» обставляетъ крестъ, стоящій на Голгофѣ, стѣнами Иерусалима, храмами внутри стѣнъ, преклоняющимися Адамомъ и Евою и уготованныя трономъ у подножія.

Эмблематическое изображеніе креста, водруженнаго на сѣрѣхъ или держахъ, хотя считается основнымъ византійскимъ типомъ «креста торжествующаго», креста «хранителя вселенной», «красоты церкви» и «ангеловъ славы», имѣетъ также палестинское происхожденіе. Ибо именно о крестѣ Голгофы говоритъ Св. Софроній, патріархъ Иерусалимскій, когда прославляетъ въ своей проповѣди «крестъ, водруженный посреди земли въ спасеніе міра» (ed. Migne, t. 87, pag. 3314).

2) *Osterr. Archäologisches Institut. Alois Riegl. Die spätromische Kunst-Industrie nach den Funden in Osterreich-Ungarn. I Theil, Wien, 1901, fol.*

убеждения, автор еще в заглавии предлагает решение вопроса: речь пойдет только о «поздне-римской художественной промышленности». Итак, хотя, затѣвъ авторъ объявляетъ, что его сочиненіе будетъ трактовать эту римскую художественную промышленность «*въ связи съ общимъ развитіемъ пластическихъ искусствъ у народовъ Средиземнаго моря*», но, очевидно, онъ заранее опредѣлитъ себѣ общее развитіе искусства, какъ «романизацию» средиземнаго бассейна. Ригль, конечно, сознается, что позднѣйшій періодъ греко-римскаго искусства образуетъ темное пятно на картѣ исторіи искусства, однако, рѣшается, освѣщать это пятно свѣтомъ мелкихъ издѣлій художественной промышленности. По мнѣнію автора, легко освѣтить настоящій мракъ простыми соображеніемъ: мы знаемъ античное искусство, а въ извѣстныхъ сочиненіяхъ по исторіи древне-христіанскаго искусства открываемъ основной фактъ, что христіанское искусство было то же самое языческое античное искусство, которое «только сыло съ себя всё вышннее и потому неподходящія признаки язычества». Правда, исторія христіанскаго искусства, по мнѣнію автора, приняла, съ самаго начала, антиварварскій (?) характеръ, сосредоточилась исключительно на иконографіи¹⁾ и только теперь создается впервые, какъ историческая наука, т. е. наука, изучающая формы. Но какъ только научный взглядъ былъ брошенъ на эту темную область искусства христіанскаго и варварскихъ народовъ, такъ выяснилось, что оно осталось языческо-римскимъ, и вся задача изслѣдованія предпологаемаго оригинальнаго, народнаго искусства новыхъ варваровъ ограничилась разслѣдованіемъ римскаго элемента.

Такимъ образомъ, изслѣдованіе Ригля, задаваясь общаѣмъ дать новую постановку всей христіанской археологіи, ограничивается напр. по отдѣлу архитектуры только общими соображеніями о круглыхъ храмахъ и базиликахъ, эстетическою оцѣнкою нѣсколькихъ церквей и трехъ выбранныхъ (на удачу) капителей. По нашему искреннему убѣжденію, наука отъ этихъ соображеній и разсужденій о примѣненіи законовъ «тактики» и оптики ничего не приобретаетъ. Утомительная монотонность характеризуетъ, листы пространныхъ и мудреныхъ перифразъ шаго, весьма простаго, эстетическаго замѣчанія, умножаются, однако, еще болѣе въ отдѣлѣ скульптуры: анализъ ея особенностей въ нѣкъ Константина и отличій отъ эпохи классической и новой составлялъ для автора значительный трудъ, но явился въ видѣ безцѣльнаго изреченія въ тонкостяхъ эстетическаго взгляда. Правда, авторъ останавливается на оцѣнкѣ нѣкоторыхъ, дѣйствительно, характер-

1) Авторъ сочиненія, кетати столь претендующаго на эстетическую постановку, при-
дастъ слову «антиварварскій» совершенно чуждое ему значеніе. Антиквари, издѣлія древняго
предмета, интересуются наиболѣе его формой, пренебрежъ его происхожденія и наименѣе
его содержаніемъ, его иконографическою темою. Иконографія ведетъ къ «археологіи искус-
ства», антикварство — къ мелкимъ видамъ художественной промышленности.

нихъ особенностей рельефа саркофаговъ: таково напр. углубленіе фоновъ между фигурами и декоративными украшениями, какъ листьями акаюа, частыми цымозовъ или карнизовъ и пр. Получаемая отсюда живость освѣщен-ныхъ, выступающихъ надъ тѣневыми фонами частей сообщаетъ живо-ность цѣлому (хотя не «колоритъ», какъ уѣбріетъ авторъ), но въ то же время, при ремесленной обработкѣ, нѣкоторую рѣзкую сухость. Ригль единственно этою разницею въ способѣ обработки рельефа и поверхности объяс-няетъ и различіе двухъ видовъ акаюа, по его мнѣнію, никогда не суще-ствовавшихъ въ искусствѣ, относящихся къ одному и тому же акаюу, къ одному художественному мотиву: эти два вида акаюа Ригль считаетъ не открытѣмъ, но ошибкою.

Эстетическіе приемы анализа и оцѣнки историческихъ памятниковъ живо-писи представляютъ еще бѣльшую странность: если еще можно понимать раз-боръ древне-христіанскихъ саркофаговъ по принципамъ живописности, свѣта и тѣни, пропорціональности, движенія и пр., то въ различныхъ мозаикахъ, имѣющихъ къ тому же каштальное значеніе по воспроизведенію предметовъ и картинъ быта, этотъ способъ разсмотрѣнія вызоветъ только улыбку. Что сказать напр. о такой оцѣнкѣ мозаики Пуденціаны (стр. 129): «абсида у S. Pudenziana (IV стол.) представляетъ централистическую композицію поразительнаго концентрическаго крутообразованія въ расположеніи фигуръ. Пространственный (?) полукругъ (гемициклъ), напоминающій группу Пилата (на саркофагѣ) не менѣе замѣчательнъ, какъ и относительно высокое (очер-ченное высоко) облачное небо. Этихъ двухъ обстоятельствъ довольно, для помѣщенія мозаики въ разрядъ художественно-историческихъ уникъ этого переходнаго времени, раздѣляющаго двѣ міровыя эпохи. Особо поучитель-нымъ для художественной манеры (Kunstwollen) въ современной архитек-турѣ является наблюденіе многочисленныхъ зданій въ этой мозаикѣ, въ кото-рыхъ бросается въ глаза повтореніе колористической смѣны свѣтлыхъ поверхностей и темныхъ отверстій (Durchbrechungen) — аркады и оконъ». Судя по этому образчику, можно ясно представить, куда пойдетъ, подъ напоромъ современнаго пристрастія къ декадентскому наслажденію великими декораціями, исторія искусства, если она будетъ оцѣнивать важнѣй-шіе историческіе памятники такими химическими реактивами. Въмѣсто вся-кихъ изслѣдованій памятника по существу и содержанію достаточно будетъ произнести свое сужденіе по формальнымъ схемамъ, и этимъ будетъ исчер-пана задача историка, какъ будто закрывающаго зарабѣ глаза и уши, чтобы не видѣть и не слушать того, что представляютъ и передаютъ памят-ники прошлаго, какъ будто и пхъ творцы не пыѣли, что сказать серьезнаго, или представить важнаго, а только задавались вопросомъ группировки, свѣта и тѣней и пр.

Еще меньше содержитъ отдѣлы, посвященный Риглемъ миниатюры, и полную неудовлетворенность оставляетъ по себѣ даже главный отдѣлы художественной индустрии, хотя, по убѣренію автора, поздне-римскій стиль выразился сплоша именно въ этой области (по причинамъ, явно, загадочнымъ, напр. потому, что металлъ способствуешь выраженію «колористическаго» элемента). Авторъ, конечно, видитъ вездѣ римскій стиль и, отрицая огуломъ варварское или восточное происхожденіе издѣлій, вынужденъ прибѣгать къ своимъ эстетическимъ характеристикамъ, какъ къ единственному аргументу: гранатовую инкрустацію въ сасанидскихъ предметахъ онъ объявляетъ замѣткою; инкрустаціи сибирскихъ древностей Эрмитажа считаетъ (стр. 181) «недостаточно высказавшимися въ колористическомъ направленіи», но скорѣе все еще «служащими полутаитическому вкусу». Авторъ, далѣе, переходитъ къ эмалямъ и здѣсь уже обвиняетъ меня лично въ томъ, что я пылко ставлю греческія эмали (стр. 185), и приписываетъ это тому, что «шоны» мнѣ «пріятнѣе, чѣмъ живые разводы растительности». Но, становясь въ рядъ историковъ и не принадлежа къ наибѣйшимъ эстетамъ, я не оцѣниваю художественныхъ видовъ, одинъ выше или ниже другого, если эти явленія не даны въ одной средѣ и не относятся другъ къ другу, какъ оригиналь и копія, мастерская работа и ремесленная, творческое произведеніе или промышленное издѣліе. Поэтому, позволяю себѣ считать, что мелкія эмалевыя украшенія однообразнаго мотива на греческихъ издѣліяхъ не идутъ въ сравненіе съ византійскими эмалями, нѣтъ ни намѣренія передавать религиозныя типы, какъ бы ни были первыя визинды и какъ бы неумѣлы и неуклюжи ни были византійскія эмали, вследствие ихъ крайней технической трудности: мелкое декоративное византизмъ не можетъ развиваться съ историческимъ характеромъ.

Но оставимъ историко-литературный пріемъ разсмотрѣнія вопроса объ источникахъ новаго европейскаго и христіанскаго искусства, такъ какъ мы подошли уже къ прошлому году и ничего не могли бы указать въ немъ, кромѣ брошюры, и попробуемъ коснуться вкратцѣ нѣкоторыхъ отдѣловъ этого искусства, въ принятомъ порядкѣ, сначала въ области архитектуры, хотя эта область цѣлыми вѣками повторяетъ старое и наименѣе національна.

Исторія христіанской архитектуры, какъ извѣстно, долгое время занята была принципиальнымъ вопросомъ о происхожденіи базиликъ: плодомъ занятій явилось всестороннее изслѣдованіе извѣстѣй и историческихъ данныхъ въ предѣлахъ III—IV вѣковъ, монументальныя изданія памятниковъ (преимущественно Рима, и развѣ еще центральной Сприн, такъ какъ базилики Содоуи, Константиноули, Малой Азіи являются въ плохихъ изданіяхъ), и наконецъ обширная полемическая литература по вопросамъ общаго проше-

ходженія христіанскихъ базиликъ и ихъ отношенія къ языческимъ. Вопросы и факты временнаго и мѣстнаго значенія, какъ напр. варианты базиличной формы, исторія выработки основнаго типа, вопросы точной хронологіи памятниковъ, ихъ передѣлокъ, еще остаются передъ нами въ отдаленіи. И потому, различные отдѣлы христіанской архитектуръ излагаются доселѣ совершенно отрывочно, безъ внутренней связи, какъ результаты любознательныхъ путешествій и обзорѣній: таковы напр. памятники центральной Сиріи, Абиссиніи, самаго Константинополя, Греціи. По обычаю, приведено въ связь и изложено въ какой либо послѣдовательности только то, что находится въ Римѣ и Италиіи вообще, прочее служитъ подтвержденіемъ взглядовъ и теорій, выработанныхъ на памятникахъ Запада. Но уже съ точки зрѣнія римскаго вліянія, Сирія должна заслуживать къ себѣ большаго вниманія. Сирія и Палестина уже со временъ Адріана и вплоть до арабскаго завоеванія были для владыкъ Востока излюбленнымъ поприщемъ ихъ страсти къ монументамъ. Тамъ еще дали традиціи восточныхъ десютеіи и обычаи обогатить поблженныхъ трудами рукъ и средствами завоевателей, и тамъ же народный фанатизмъ и неизменные вкусы вызывали соперничество въ пилонахъ, пепужныхъ и чисто декоративныхъ сооруженіяхъ. Въ теченіе короткаго періода 6 вѣковъ видны здѣсь слѣды архитектурныхъ періодовъ: послѣ чисто іудейскаго времени, наступаетъ вѣкъ Прода (постройки Кесаріи, Самаріи, Аскалона, Иерусалима, Продионъ), Константиновскій періодъ (базилика Иерусалима и Виоллема и пр.), отличная отъ него Юстиниановская эпоха, все это въ предѣлахъ 326—636 гг.

Нѣкоторые свѣдѣнія о христіанской древности Востока за первые три вѣка заключаются въ известной «Церковной Исторіи» Евсевія, хотя она, согласно съ воззрѣніями его, и придаетъ бытовое сторонѣ христіанства, наименьшую важность, будучи занята, главное, исторією главъ и отцовъ Церкви, мучениковъ и ересей. Свидѣтельство Евсевія во II кн., XVII гл. о размноженіи въ Египтѣ христіанскихъ общинъ и молельнъ, относится еще ко временамъ Клавдія и показываетъ, что Александрія, въ известномъ смыслѣ, раздѣляла съ Римомъ судьбу римской столицы привлекать массу послѣдователей новаго культа. Конечно, Римъ бралъ въ первомъ вѣкѣ перевѣсъ надъ другими мѣстностями Имперіи, такъ какъ былъ наиболее терпимымъ къ иноземнымъ культамъ, вплоть до политическаго движенія противъ христіанъ и первыхъ гоненій при Неронѣ. Но за то Египетъ имѣлъ болѣе глубокую культурную почву и, новая секта именно здѣсь легче всего могла найти формы для своей обстановки, утвари, обрядовъ. Известное посланіе о мученической смерти Поликарпа, епископа Смирнскаго († 168 г.), передаваемое Евсевіемъ, заканчивается словами: «а мы собрали потомъ его кости—сокровище драгоцѣнное дорогихъ камней и дорожке золота, — и положили

изъ, *идь слѣдовало*¹⁾. Туда, какъ только можно будетъ, мы стѣмъ сообщаться съ веселіемъ и радостію, и Господи соизволитъ намъ праздновать день его мученическаго рожденія». Такъ, намекомъ, понятнымъ для всякаго христіанина, обозначаетъ эта записка христіанскія *усыпальницы* или *катакомбы*, еще оладующія въ Сиріи²⁾ своего открытія. Правда, мы знаемъ пока катакомбы только въ Александріи и Іерусалимѣ (отличныя по типу отъ римскихъ, какъ отличаются и катакомбы Неаполи и Сициліи), и только узнаемъ о существованіи христіанскихъ катакомбъ въ Оссалоникѣ, по о томъ же ясно свидѣтельствуеъ указъ Максимиана, правителя Востока въ 312 году, «пытавагося, какъ говоритъ Евсевій, подъ какимъ то предлогомъ, воспретить христіанамъ собираться *въ усыпальницахъ*» (*ἐν ταῖς κρηρῶν τρήσις*)²⁾, тоже ранѣе при Валеріанѣ.

Гоненія Діоклетіана и Максимиана даютъ намъ возможность узнать о существованіи многихъ церквей, на разрушеніе которыхъ направляются огненные усилія язычниковъ. Переходи къ исторіи подвижничества мучениковъ (Евсевій, VIII книга) Палестины, Египта, Фригійи, Понта и Виноніи съ 304 по 311 годъ, и лирическимъ преступомъ возбуждая вниманіе читателя, историкъ рисуеъ намъ «славу и дерзновеніе» христіанъ въ періодъ передъ гоненіями: благосклонность къ христіанамъ державныхъ лицъ, любовь мѣстныхъ правителей, благоволеніе къ епископамъ префектовъ и консуловъ, многочисленныя обращенія въ вѣру, *многолюдныя собранія христіанъ во всякомъ городѣ и стисченія въ молитвенныхъ домахъ*. «Не довольствуясь старыми домами, христіане *во многихъ городахъ* стали возводить, съ основаніи, *новыя, обширныя церкви*. Но Евсевій собственными глазами скоро увидѣлъ, затѣмъ, какъ «церкви разрушались до основанія, священныя книги сожигаемы на площадяхъ, увидѣлъ все ужасы гоненій, пытокъ, истязаній и гнусныхъ зрѣлищъ, которыми древнее языческое общество догнало самого себя.

Съ Константиномъ наступаетъ миръ для христіанской церкви, и историкъ вознаграждаетъ читателя подробнымъ описаніемъ плана и красоты храма въ Тирѣ, построеннаго еп. Павліномъ, которому посвящена и самая глава, содержащая торжественное слово Евсевія *о солиданіи церквей*. Въ деталяхъ этого «слова» мы узнаемъ много новаго и находимъ разъясненіе нѣкоторыхъ историческихъ сторонъ христіанской архитектуры. Такъ, периволь или ограду кругомъ Тирскаго храма сдѣлали въ видѣ крѣпкихъ стѣнъ (*περιτεταγίσμας*), дабы «внутри было безопасное убѣжище для каждаго». Въ этихъ стѣнахъ устроены были высокія и величественныя пронавы, обращенныя на Востокъ: «никому не пройти мимо, не вспомянувъ прежняго запу-

1) Ἀπεθίμεντα ἔπου καὶ ἀκρόουθον ἕν. Евсевій, *Hist. eccles.* ed. Migne, XX, p. 357.

2) Правда въ кн. VII, гл. XI проконсулъ употребляетъ еще это выраженіе съ прибавкою «такъ называем.»—τὴ κληόμενῃ κρηρῶν τρήσι.

стѣны и современнаго чудодѣйствія, и пораженный зритель, невольно входя въ церковь». Внутри былъ великолѣпный дворъ (атриумъ), украшенный вокругъ четырьмя косыми¹⁾ «портиками»; промежутки между колоннъ были забраны рѣшетками, а «пространство вверх оставлено открытымъ, чтобы видно было небо». Противъ храма (между двумя входами) были «спяволы святаго омовенія», фонтаны, доставлявшіе изобильно воду «для омовенія», по юго-восточному обычаю, главнымъ образомъ, для омовенія ногъ. На «солнечной сторонѣ храма» (стало быть, храмъ былъ обращенъ абсидою (если она была) на западъ) «устроили на лицо три двери, и средней, въ сравненіи съ боковыми, дали бѣльшій объемъ въ высоту и широту и, преимущественно передъ остальными, украсили ее изваяніями и рѣзьбою» (παράπηγασσι χαλκοῦ στήροδῆτες καὶ ποικιλμασιν ἀναγλύφους). «Гѣмъ же способомъ устроили и по обѣ стороны всего храма портикъ» (колоннады съ двумя боковыми входами) «по числу прошедшей, и надъ ними сверху различныя окна для впуска свѣта въ храмъ, украсивъ окна деревянною иѣжною рѣзьбою и кругомъ ихъ различными уборами». Царственный заль (τὸν δὲ βασιλείων οἶκον) «убранъ богатѣйшими и драгоценнѣйшими матеріалами», но было бы излишне, по словамъ Евсевія, описывать величіе, богатство, высоту храма и его потолковъ изъ ливанскихъ кедровъ. Павлѣмъ устроили тамъ и высокіе египетскіе троны (θρόνους) и поставили скамы по осмю храму (βάθρους ἐν ταῖσι τοῖς καθ' ἑλθου)²⁾. Алтарь былъ поставленъ среди храма, но окруженъ деревянною рѣшеткою, тончайшей рѣзьбы. Но бокамъ храма были постройки, связанныя съ нимъ входами для крещенія и омовеній.

Итакъ на Востоцѣ христіанскія церкви издревле устраивались по типу «базиликъ», назывались «царскими залами», «царственными залами», и потому, христіанскія общины получили права на зданія судебныхъ и торговыхъ базиликъ, когда эти, по какому либо случаю, терли свое назначеніе. Отсюда, понятна становится историческая декоративность христіанскихъ церквей перваго времени: зданію стараются придать, прежде всего, возможную пышность обычными въ греко-римской архитектурѣ способами, а затѣмъ уже ищутъ назначенія для его портиковъ, экседри, нефовъ, дворовъ, заль и пр. Поэтому, весьма важна упомянутая Евсевіемъ постановка алтаря среди храма въ базиличномъ зданіи и его окружающая баллюстрада (δικτύα): едва ли эта часть не единственная знаменательная деталь среди декоративныхъ частей.

1) Ἐγκρήσιος στοιχίς=obliquis porticibus. Эти четыре портика очевидно, начинались отъ прошедшей и среднихъ вратъ храма, сходились углами у середины стѣнъ четырехугольнаго двора и образовывали внутри двора форму ромба; изъ этого понятно, почему средняя дверь была сдѣлана монументальною (см. ниже о дворахъ святилища въ Баальбекѣ).

2) Напрасно ише комъ епитатора, не терия факта существованія скамей для ирлнтя, стараются забыть слова: «καθ' ἑλθου=по осмю храму и толковать, противъ мнѣнія Льва Аллацин, что здѣсь разумѣются скамы клириковъ.

Въ недавно выпущенной подземической брошюрѣ¹⁾ проф. Стрыговскій приводитъ нѣсколько соображеній объ оригинальной сторонѣ христіанской архитектуры въ Сиріи. Въ ней всегда, даже въ пору расцвѣта эллинизма, сохранялась старобытная восточная традиція: не даромъ въ церквахъ центральной Сиріи видны поразительное сходство въ фасадахъ съ Соломоновымъ храмомъ (впрочемъ, извѣстномъ лишь въ гаданіяхъ), и именно здѣсь встречаемъ порталъ въ видѣ открытаго портика среди двухъ башенъ; здѣсь же находимъ зданія въ видѣ четырехугольника, наполненнаго колоннами. Все это требуетъ, очевидно, сравнительнаго изслѣдованія и обѣщаетъ открыть много характернаго и въ самыхъ базиликахъ, которые, какъ увидимъ ниже, представляютъ въ Сиріи замѣчательное разнообразіе даже въ планахъ, особенно если сравнивать ихъ съ однообразными западными базиликами (исключеніе изъ нихъ представляютъ, между прочимъ, тѣ, которые были построены, повидимому, по восточному образцу, напр. подражанія храму Воскресенія, Креста и пр.). Но затѣмъ, остаются еще круглыя церкви и такъ называемыя «центрального» плана, которыхъ, по свидѣтельствамъ, насчитываемъ отъ 330 г. (Ротонда Св. Гроба и ц. Вознесенія) до VII вѣка включительно (Фиміадина) десять церквей на Востокѣ и пять на Западѣ (Св. Констанція, Стефана въ Римѣ, Лаврентія въ Миланѣ, Виталія въ Равеннѣ, собора Бременя).

Любопытная была бы *исторія вопроса о переходѣ* сирійской базиличной башни съ Востока на Западъ въ эпоху крестовыхъ походовъ. Съ одной стороны, мы имѣемъ въ Равеннѣ исключительно круглыя колокольныя башни съ VI вѣка, съ другой — въ Сиріи уже при базиликахъ V столѣтія, какъ представляеть, по крайней мѣрѣ, Вогюъ, напр. въ Тауха, Боера и Шаха и пр., появляются именно четырехугольныя башни, и притомъ какъ разъ въ той связи съ самыми зданіемъ базилики, какую находимъ въ среднебазовой архитектурѣ Запада. Башнику въ Сиріи «ланкируютъ» напр., съ обѣихъ сторонъ входа въ нее, съ западной стороны двѣ четырехугольныя башни, тоже наименованія очень близко западные соборы. Извѣстно, что эти башни, согласно преданію, тоже идущему черезъ Византію съ Востока, посвящались въ средніе вѣка архангеламъ Гавриилу и Михаилу, т. е. ясно указываютъ на военно-стратегическое назначеніе первыхъ появившихся башенъ, которые, на всемъ христіанскомъ Востокѣ, въ эпоху наступленій Сарацинъ и Арабовъ, служили убежищами вмѣстѣ съ церквами и монастырями, а въ Сиріи и болѣе и ранѣе другихъ мѣстностей Востока.

Паломническая записка неизвѣстной римской гражданки IV вѣка, ставшая столь извѣстною подъ именемъ «паломничества Сильвіи»²⁾, даетъ намъ

1) *Hellas in des Orients Umarmung*. Beilage z. «Allg. Zeitung». Nr. 40—41, 1902, стр. 15.

2) Прав. Палестины. Сборн., VII, 2. «Паломничество ко Св. мѣстамъ конца IV вѣ., изд. Н. В. Пономилевскій, 1889.

не мало цѣнныхъ и точныхъ указаній культурной высоты сиро-египтскаго Востока въ раннюю эпоху христіанства. Какъ извѣстно, эта наломница, въ благочестивой жаждѣ видѣть все мѣста, освященные христіанскими преданіями и исторією, обошла многія мѣстности Сиріи, Заиорданія, Египта, Малой Азіи и Месопотаміи. Уцѣлѣвшій до насъ отрывокъ оставленныхъ наломницею замѣтокъ о всемъ, что она видѣла, хотя и не содержитъ въ себѣ, конечно, какихъ либо описаній видѣннаго, но неопровержимо свидѣтельствуетъ о высотѣ культурнаго уровня, на которомъ стоялъ весь правослаивный Востокъ, и, главное, обилии церковей, часовенъ, молеленъ, монастырей, келій и всевозможныхъ монументальныхъ «памятей» и намятниковъ, наполнявшихъ его города, села и даже глухія и въ то время мѣстности, укрывавшія отшельниковъ. Конечно, мы не узнаемъ (за исключеніемъ храма Гроба Господни, храма Св. Евюмій, храма надъ гробомъ Апостола Оумы въ Египтѣ, выстроеннаго незадолго) почти ничего даже о достоинствѣ, красотѣ, вышнемъ видѣ храмовъ и впечатлѣніи, ими производимомъ. Но даже голый перечень говорить намъ очень много, особенно, если сравнимъ напр. палестинскія по своимъ свѣтлымъ мѣстамъ горы Синайской (даже въ лучшемъ сооруженіи время Юстиніана). Все же, очевидно, полная безопасность въ этихъ, благословенныхъ, Богомъ мѣстностяхъ Востока, учрежденная римлянами, способствовала какъ разъ въ эпоху, близкую къ расцвѣту христіанскаго искусства, процвѣтанію Сиріи и Малой Азіи. Видно, когда наломница говоритъ напр., о множествѣ «гробницъ» (*memoriae, martyria*), это были монументальныя, свѣдѣныя сооруженія на поверхности земли (какія видимъ еще въ Гауранѣ возлѣ церковей), такъ какъ она упоминаетъ, что отшельники «построили себѣ келыи возлѣ гробницъ». Наломница упоминаетъ много сооруженій съ библейскими именами, видимо, римско-еврейскаго происхожденія, но рѣдко часто упоминаетъ церкви, «большія и весьма красивыя» въ разныхъ мѣстахъ Палестины, нынѣ скрывающихся, подъ безформенными кучами развалины этихъ построекъ. Кириллъ Сизвопольскій въ латин. Св. Евюмій Великаго¹⁾ говоритъ: «Блаженная Евдокія († 460 г.) создала Христу весьма много церковей и такое количество монастырей, странноименницъ и богадѣленъ, что и не въ силахъ ихъ перечислять».

Проф. (Стрыговскій²⁾ по данному вопросу ограничивается указаніемъ, что такъ какъ имя *μαρτύριον* придавалось, съ самаго начала, мѣстѣ мученика и алтарю надъ нею воздвигнутому и церкви, окружающей этотъ алтарь, то многія древнія церкви (въ первое время, т. е. въ IV и первой половинѣ

1) Пер. И. В. Помповскаго, изд. Прав. Палест. Общ., 1892, *Палест. Памятн.*, вып. 2, стр. 60.

2) *Orient und Rom*, p. 96—98.

У вѣка, исключительно на Востокѣ), основанныя во имя святихъ (Сергія, Евонмія, Осодора Тирона и пр.), получали это наименованіе. Но, по мнѣнію этого ученаго, только преданіе, неуклонно господствовавшее въ иконографіи, было причиною того, что изображеніе этихъ церквей воспроизводило форму надгробной часовни, «могилы Лазаря», какъ она представляется на саркофагахъ.

Мы надѣемся представить въ своемъ сочиненіи нѣкоторые соображенія историческаго, обрядоваго характера, которыя, по нашему мнѣнію, именно въ данныхъ пунктахъ исторіи образованія христіанскаго храма указываютъ *явственно* на святихъ мѣста Иерусалима, Элеонской горы, Виллелема, Терихова и пр., гдѣ сложились первоначальныя формы алтаря, его претрады, жертвенника и его помѣщенія въ боковой апсидѣ, крестъ для положенія святихъ мучениковъ подъ престоломъ, пресвитеріума, партиса и его первоначальнаго значенія, двора передъ базиликою и т. д.

Видное значеніе получило въ послѣднія два десятилѣтія и начинавшаяся научная разработка церковныхъ уставовъ (*типиконовъ*) древне-восточныхъ церквей: крупная заслуга современной разработки принадлежитъ русскимъ ученымъ П. Д. Мансветову, П. О. Красносельцеву и между ними главнѣе русскихъ литургистовъ проф. А. А. Дмитриевскому. Совершивши явнѣ обширныя и трудныя работы по разысканію рукописей древнихъ типиконовъ въ бібліотекахъ Запада и христіанскаго Востока и изданіе этого драгоценнаго матеріала¹⁾, являющагося фундаментомъ для предпринимаемаго сравнительно-историческаго изслѣдованія издаваемаго матеріала въ цѣломъ и частностяхъ и послужающаго основаніемъ научной исторіи православнаго богослуженія. Научная разработка этого матеріала дастъ, затѣмъ, не только множество новыхъ данныхъ по исторіи монастырей и церкви православнаго Востока, ихъ топографіи, монументальной церковной археологіи, а равно исторіи культуры христіанскаго Востока, но, выйдеть съ тѣмъ, внутреннее, следовательно, основное объясненіе многихъ явленій въ обрядовой жизни, являющей обстановкахъ и формахъ восточнаго православія. Собственная археологія, какъ можно видѣть уже въ настоящее время, будетъ обилана этими матеріалами и ихъ изслѣдованію коренною переработкою исторіи и истинныхъ иконографій. Предвидеть это обогащеніе науки позволяетъ уже нѣмѣ состоявшееся изданіе части типика древней Иерусалимской Церкви, которому остается пожелать во первыхъ подробнаго и всесторонняго анализа и во вто-

1) *Богослуженіе Стрелитной и Палестинской епархіи въ Си. Иерусалимъ по уставу IX—X в.* Казань, 1889. *Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ бібліотекахъ православнаго Востока.* Томъ I. Типикх. Часть I-я. *Памятники литургическаго ученія и ктититорскіе монастырскіе типиконы.* 1875. Томъ II. Текстъ изданъ. Поданозу Керемисовъ по іерусалимской рукописи 1122 г. въ изд. Прав. Мал. Общ. Ἀναλόγητος Ἱερ. σταχυολογίας, 1894. II.

рыть, сравнительного изучения его по отношению къ типикамъ собственно вивантийскимъ.

И, дѣйствительно, если мы останавливаемся только на древнѣйшихъ литургическихъ толкованійхъ¹⁾, въ текетѣ которыхъ нельзя отрицать, по крайней мѣрѣ, древне-христіанской основы (до иконоборческаго періода), то сразу выступаетъ пѣхъ палестинское происхожденіе. По этому текету, *конха* устроится по образу пещеры Вилоемской и пещеры Св. Гроба, *св. трапеза* знаменуетъ самый Гробъ, а *св. предложеніе* (жертвенникъ) — лобное мѣсто, на коемъ былъ распятъ Христосъ. *Рышетки* (Κάγυχέλλα) образъ ограды Гроба, *амвоны* — камень, на которомъ Ангель, отвалить его, сидѣлъ близъ дворя Гроба, когда возбѣцать муропещамъ Воскресеніе, *стунци* амвоны знаменуютъ Пещицу Іакова и пр. Покойный проф. Красносельцевъ предпочиталъ «свѣ толкованія, которыя обнаруживаютъ близкое знакомство съ топографіею храма Воскресенія» относить къ Св. Кириллу Александрійскому, которому (между *сомнительными*) приписывали краткую редакцію «Литургическихъ толкованій». Въ данномъ случаѣ, безразлично, кто былъ авторомъ этой стороны толкованій, и хотя мы предпочитаемъ Софронія, по тотъ же ученый в самъ соглашается, что въ трехъ толкованій христіанскаго храма: *ветхозавѣтнаго, историко-топографическаго* и *мистико-апокалипсическаго*, второе, наиболѣе реальное, народное, могло явиться не ранѣе второй половины IV вѣка, когда топографія Св. мѣста стала доступна и понятна всѣмъ. Это народное толкованіе мы должны отличать отъ философскаго, отвлеченно-мистическаго, создаваемаго творчествомъ великихъ мыслителей, какъ Василій Великій или иные писатели собственной Греціи, скрытые подъ именемъ Діонисія Ареопагита, или Макарія Песнобѣдникъ VII в., писавшій подъ пѣхъ вліяніемъ.

Ниже, разсуждая о топографіи храма Гроба Господня, мы попытаемся представить собственныя заключенія о палестинскомъ происхожденіи нѣкоторыхъ частей христіанскаго храма, а теперь перейдемъ къ декоративной сторонѣ древне-христіанской архитектуры и остановимся на основномъ въ поднятыхъ нѣмѣ вопросахъ римскаго и восточнаго ея происхожденія, на вопросѣ о формѣ алтаря въ архитектурѣ IV—VIII столѣтій. Случайно или

1) Принадлежность назвѣстнаго «Слова», «содержащаго объясненіе божественнаго священнодѣйствія» Софронію Іерусалимскому патріарху VII в., оспаривалась П. О. Красносельцевымъ дважды: въ брошюрѣ «О древнихъ литургическихъ толкованіяхъ», 1894, и ранѣе по поводу рукописи Ватик. бібліотеки въ 1885 г., но доселѣ принимается, сколько мы слышали и знаемъ изъ литературы, литургистами и историками литературы. Предложеніе Красносельцева отнести сочиненіе къ Софронію патріарху XIII вѣка не прошло, понятно, охотниковъ, и было бы любознательно слышать сужденія литургистовъ о второмъ, отысканномъ у Красносельцева, авторѣ этихъ толкованій, Осодорѣ Андидакомъ. Считалъ этотъ вопросъ весьма важнымъ, но связанъ съ капитальными пунктами христіанской археологіи, мы не видимъ однако, возможности рѣшенія его собственно археологическими данными.

нбтъ, но разслѣдованіе формъ аканоа въ христіанской архитектурѣ, начатое проф. Стрыговскимъ съ цѣлью указать греко-восточное ея происхожденіе, стало, на нѣкоторое время, краеугольнымъ пунктомъ.

По заключенію историковъ¹⁾, греки въ своей архитектурѣ всегда знали только одинъ видъ аканоа — *acanthus spinosus*, или *дикій* аканоа, терновый, колючій густарникъ съ нлгами на острыхъ зубчатыхъ и прямо торчащихъ концахъ трехчастной лонасти листа. Иное садовое растеніе, *acanthus mollis* — *медоужья лапа* (растущее, *говорятъ*, въ Италіи, Оракіи и Малой Азіи) стало будто бы извѣстно Римлянамъ, и только въ римской архитектурѣ послужило орнаментомъ: здѣсь листъ большой, сочный, съ широкими лонастами о четырехъ и пяти частяхъ, безъ нголь на ихъ концѣ. Возможно, однако, что такъ называемый *мягкій* аканоа былъ всегда только орнаментальнымъ типомъ, создавшимся подъ вліяніемъ вкуса къ элегантному, а вовсе не былъ въ орнаментикѣ культурнымъ, садовымъ растеніемъ, перенятымъ изъ реальности. Возможно, что дикій аканоа былъ перенесенъ въ греческую орнаментку со всею характерною реальностью грубаго, жесткаго, колючаго терновника, котораго угловатыя, рѣзкія, но въ тоже время сплныя формы отлично подходятъ къ пластикѣ, рѣзьбѣ въ мраморѣ, листованнымъ украшеніямъ на камнѣ. Въ римской архитектурѣ тотъ же дикій аканоа рѣзко ямблился во всѣхъ деталяхъ, сначала подъ вліяніемъ этрускаго типа, а затѣмъ въ началѣ эпохи Римской Имперіи²⁾ сталъ условною формою, сохранившею отъ природы только общій планъ аканоаваго листа. Равно сплной передѣлкѣ была подвергнута и лства аканоа, въ римской архитектурѣ: здѣсь псалп путемъ сочетанія съ походями растеніямъ придать аканоу пышность и изысканность, дѣлая листъ выше, лонасти шире, являя топыне и нбжнѣе, заставляя верхушки свѣшиваться широкими лапами, перегибав листья по карилямъ, подункамъ и гуськамъ. Если мы сравнимъ капители римскаго Пантеона съ капителями малыхъ пропильей Элевкиса (пол. I в. до

1) Статья Е. Гильома *acanthus* въ *Dictionnaire des ant. gr. et rom.* par Daremberg et Saglio. 3 в. можетъ служить лучшимъ руководствомъ въ вопросѣ объ аканоѣ античномъ, такъ какъ авторъ воспользовался отличными рисунками членовъ «Римской Академіи» (Французской Академіи въ Римѣ) и палеонтеровъ Ecole des Beaux Arts. По необходимому дополненію къ этой статьѣ составлять: по первымъ, изданіе снимковъ архитектора Эбе: *Acanthus-Handb. d. ornamentalen Acanthusformen aller Stilarten.* Lief. I (болѣе не вышло), XII Taf. 1883 и нован книга Ригля *Stilfragen. Grundlegungen zu e. Gesch. der Ornamentik.* В. 1893 (см. ниже); поное изданіе Meurer, *Die Ursprungsformen d. gr. Acanthusornamentes.* *Jahrb. d. D. Arch. Inst.* 1896, доволннеть по вопросу о происхожденіи орнамента и погребальной роли аканоа: и «тернистый» и «мягкій» аканоа участвовали въ выработкѣ орнамента, но основная роль въ греческой капители принадлежитъ первому, примѣнившемуся къ сухой почвѣ Греціи.

2) См. въ изданіи Gustav Ebe, *Acanthus*, рисунки аканоаваго листа изъ Пантеона (портня), Типоли (храмъ Сивиллы): здѣсь мы имѣемъ только схему аканоа, но листъ совершенно иного характера, широко-лопастный; напротивъ того, аканоа *грама Весты* — рисунокъ того же изданія — представляеть вариантъ естественнаго типа.

Р. Х.), то легко убѣдимся въ существовавшій греческаго типа акавоа съ его короткими ланнами, ихъ торчащими остріями, глубокими бороздами и упругостью толстаго мохнататаго листа.

Акавоъ дивній для терновый (*a. spinosus*), встрѣчается часто на памятникахъ Сиріи: такъ, въ Лаодикѣ¹⁾ коринтскій капителъ портика 4 колоннъ отъ неизвѣстнаго языческаго храма (всего въроятнѣе, II вѣка для точнѣе, современнаго памятникамъ Герасы, Баальбека и пр.) представляютъ три поля такихъ листьевъ.

Приблизительно отъ того же времени, т. е. отъ столѣтія съ Адриана (135) до Филиппа Аравитянина (244—249) уцѣлѣла извѣстная, такъ называемая триумфальная арка (21 м. выш.) Дамаска, вонедная, какъ проплесъ, въ составъ древней христіанской базилики, и нынѣ видная, въ видѣ руины лѣвой части, передъ базиликою — теперь мечеть Омміадовъ (см. ниже), но только съ крыши²⁾ и только въ верхней своей части. Капителъ арки всѣ обиты, но сохранившіеся куски отличаются акавоомъ того же рисунка, который, однако, еще легче можно видѣть на большомъ торусѣ антаблемента, покрытомъ превосходною рѣзьбою листьевъ и выходящей изъ нихъ гирлянда нынѣшнихъ завитковъ съ розетками внутри.

Речь въ своемъ трактатѣ: *Stilfragen, Grundlegungen zu einer Geschichte der Ornamentik*, вышедшемъ въ 1893 году, посвящаетъ цѣлую главу (9-ю) подъ заглавіемъ: «Появленіе орнамента акавоа», доказательствомъ того положенія, что этотъ орнаментъ есть «первоначально (при своемъ появленіи) нечто иное, какъ пластически вышпешная пальметта». Эти доказательства заключаются какъ въ сходствѣ акавооваго орнамента съ пальметтою по общей формѣ, для точнѣе, по композиціи орнамента, такъ и въ отсутствіи на первое время характернаго дѣленія акавооваго листа (*acanthus spinosus*) на лопасти.

Но всякая новая въ декоративномъ искусствѣ форма, при ея появленіи, нѣтъ удобнѣе старой, давно извѣстной, являясь какъ бы подъ ея покровомъ, или даже сливаясь съ нею до неузнаваемости. Изъ этого, однако, никакъ не слѣдуетъ, чтобы искусство не вносило новой формы, замѣтовавшей изъ природы, которую только сначала прииспослбляетъ къ декоративной условной схемѣ. Въ равновѣсіи орнаментальной схемы и живыхъ формъ природы заключается красота орнамента, составляющаго произведеніе личнаго вкуса; напротивъ того, ремесленное повтореніе формъ усиливаетъ въ формѣ ея схематизмъ, лишаетъ ее жизненности.

1) Фотографія Dumas въ Дамаскѣ, безъ нумера, подъ названіемъ temple de Bacchus. Лежащую рядомъ развалину тетрапна относить ко временамъ Септілія Севера (193—211), украсившаго городъ.

2) Фотографія Dumas и Voûils, снятыя съ крыши, съ видомъ на верхнюю часть арки.

Такимъ образомъ, если аканозъ, при своемъ появленіи въ области орнаментальнаго искусства, принялъ — особенно на первое время — форму пяти пальметты, то это никакъ не значило, чтобы эта послѣдняя, рядомъ вариаций, сама превратилась въ аканозъ, а, напротивъ того, здѣсь было проявленіе живаго творчества художественной личности. Но привычка замѣчать только схему и не видѣть въ формѣ ея живыхъ началъ приводить многихъ историковъ искусства, между ними Ригля, къ совершенно ошибочному взгляду на формы и ихъ движеніе: такъ, находя, напр. въ орнаментѣ древне-христіанскаго и византійскаго искусства античные составные элементы и не замѣчая новаго цѣлаго, не видя новыхъ живыхъ измѣненій прежней схемы, Ригль отрицаетъ всякую оригинальность у этихъ вѣтвей искусства.

Мало того, Ригль, отрицаетъ на томъ же основаніи оригинальность даже въ арабскомъ орнаментѣ, и вообще замѣчаетъ въ тысячелѣтковой исторіи только повтореніе схемы, единственно ямъ понимаемой, а вовсе не видятъ многообразной жизни искусства.

Однако, всѣ эти разсужденія Ригля были бы для насъ въ данномъ мѣстѣ лишены всякаго интереса, если бы ему не пришлось столкнуться въ исторіи *завитковаго орнамента* (расходящагося завитками побѣга) съ вопросомъ о появленіи въ римскомъ орнаментѣ аканоза съ болѣе мягкой и закругленной листвою, или такъ называемаго *acanthus mollis*, которому будто бы подражали итальянцы. Въ данномъ вопросѣ Ригль вѣрно угадываетъ истину, утверждая (стр. 251), что эта мягкая форма аканоза происходитъ отъ новой стилизаціи аканоза, пмѣвшей мѣсто не въ одной Италіи, но и въ Малой Азіи¹⁾. Обстоятельство, достаточно важное, такъ какъ даетъ намъ руководящую нить въ томъ историческомъ проблемѣ, который доселѣ представлялъ эллинистическая и римская эпоха въ исторіи классическаго искусства. А именно, когда говорятъ о римской эпохѣ въ искусствѣ, то, подчиняясь силѣ звука, полагаютъ Римъ источникомъ художественныхъ формъ, а Западъ, въ частности Италію, родиною новаго искусства и принципемъ, гдѣ оно прошло всѣ стадіи своего развитія. Между тѣмъ, «римская эпоха» была именно временемъ распространенія повсюду эллинизма въ древнемъ мірѣ, какъ въ самомъ древнемъ Римѣ, такъ и на отдаленномъ азиатскомъ Востокѣ. Винкельманъ впервые высказалъ, а Штаркъ подтвердилъ²⁾ то общее положеніе, что такъ называемая римская эпоха политически объединила два міра: *эллинистическій и римскій* и двойной художественный процессъ: эллинистическо-во-

1) На стр. 277, прим. 16 авторъ указываетъ, наоборотъ, что и остроугоый типъ листвои аканоза не принадлежитъ собственно Византіи, а уже встрѣчается на порогахъ Адріана въ Адаліи, въ Памфилии (по изд. *Данкоронскаго*). Будто бы эта форма зависитъ отъ небрежной обработки капитала однимъ сверломъ.

2) Stark, C. В. *Handbuch d. Arch. d. K.* 1880. I, pag. 63.

сточный и греко-римскій, какъ два, обособившіеся на Востокѣ и Западѣ, члѣны одного и того же процесса обобщенія греческаго искусства, превращающагося отнынѣ, путемъ претворенія мѣстныхъ элементовъ, въ искусство общее, міровое. Роль Рима, съ особенною ясностью представленная знаменитымъ Моммсеномъ, заключалась именно въ томъ, что когда римское правительство само взялось за эллинизацию Востока, то прежній вялый эллинизмъ италомеевъ и селевкидовъ обнаружилъ необыкновенную двигательную силу именно въ это время, и для его распространенія послужило само іудейство, естественнымъ путемъ расселенія, діаспоры іудейскихъ общинъ, усвоившихъ греческій языкъ.

Тотъ же самый Ригль, который съ такою силою убѣждаетъ отрицать какое бы то ни было творчество въ византійскомъ искусствѣ, признаетъ особо важною эллинистическую эпоху, особенно со стороны развитія ея декоративнаго элемента въ архитектурѣ и орнаментѣ вообще: правда, онъ считаетъ эту эпоху пока проблемою въ исторіи искусства, но уже специально въ исторіи орнамента ему удается отмѣтить именно разработку орнаментальнаго завитка — побѣга акаановой вѣтви, принадлежащую именно этому періоду декоративнаго направленія искусства. Цѣлымъ рядомъ сблѣженій византійскихъ орнаментальныхъ типовъ съ греческими (помпейскими также), Ригль приходитъ къ тому же выводу, что и Зальценбергъ, а именно, что на греческомъ Востокѣ продолжала держаться и прежняя, до-римская, техника, и прежнія формы греческаго искусства. Но, затѣмъ, когда (стр. 301) путемъ анализа элементовъ сасанидскаго орнамента, оказавшагося весьма близкимъ къ византійскому, Ригль заключаетъ, что и вся ранне-византійская манера фактически съ сасанидскою, то впадаетъ, явно, въ прежнее заблужденіе, не видя леса за деревьями и не умѣя оцѣнить различія цѣлага при сходствѣ частей. Такъ, будущій историкъ XIX вѣка, найдя подобіе лионской декоративной въ европейскихъ обояхъ и шпирмахъ, имѣетъ право также заключить о тождествѣ лионскаго и европейскаго искусства.

Напротивъ того, известный специалистъ по византійскому искусству проф. Гюст-ль (Стрыгонскій¹⁾) нѣкогда отрицалъ, вплоть до V вѣка по Р. Х., появленіе какихъ бы то ни было оригинальныхъ формъ искусства на Востокѣ: здѣсь царилъ еще вполне римскій антикъ. «Въ IV столѣтіи формы архитектуры остаются еще вполне античными: коринтская канитель чередуется съ композиціою, обѣ въ уборѣ акаановыхъ листьевъ римской рѣзьбы».

Мы не будемъ ни разбирать, ни опровергать это положеніе, а ограничимся лишь общими указаніемъ, прежде всего, на матеріалъ, нами сообщаемый въ книгѣ: кантели Омаровой мечети, Вполемской базилики и др. п

1) *Mittheilungen des deut. arch. Inst. zu Athen*, 1889, XIV, p. 278.

пр. Прибавимъ, что гораздо болѣе обширный матеріалъ остается изслѣдовать въ самой Палестинѣ въ видѣ руинъ древнихъ базиликъ Газы, Тира, Севастіи, Тиверіады, сѣверной Спріи и т. д.

Тождество въ стѣлахъ капителей Херсонеса и Равенны, открытое и мастерски объясненное А. .І. Бертье-Делагардомъ¹⁾ ихъ общими происхождениемъ изъ проконнесскихъ ломокъ, указываетъ намъ на путь дальнѣйшихъ изслѣдованій. Херсонесскія капители сходны также съ находками аопискаго акрополи; флиграты на стѣлахъ на капителяхъ Золотыхъ воротъ Константинополи повторяются во множествѣ капителей Омаровой мечети, Давидова мѣста, мечети Эль-Акса и пр.

Далѣе проф. І. (Стрыговскій²⁾ помѣщаетъ начало новыхъ орнаментальныхъ формъ архитектуры въ иѣтомъ вѣкѣ: капители въ видѣ куба³⁾, воронки и корзинки, а также появленіе новаго (прежнего греческаго) акаиа съ зубчатыми, тернистыми ланамп (*acanthus spinosus* — видѣ, по замѣчанію проф. Гельдрейха, распространенный на Востокѣ и Балканскозъ полуостровѣ).

Въ свою очередь, мы укажемъ ниже на господство кубовыхъ капителей въ центральной Спріи и Гауранѣ задолго до V вѣка. Что же касается переменъ въ акаиаовой лѣствѣ, будто бы наступающей только съ открытіемъ византійской (спеціально константинопольской) эпохи, то, въ противоположность г. Стрыговскому, мы рѣшаемся утверждать, что павѣстная часть Малой Азіи и Спрія даже въ римскую эпоху, напр. даже при Адрианѣ, знали только обычные греческія формы тернистаго акаиа и, во всей вѣролнности, никогда не знали пзичныхъ и нынѣшнихъ римскихъ капителей по образцу Пантеона.

Мы находимъ любопытное сходство (и вмѣстѣ, какъ увидимъ, различіе) въ орнаментациі капителей: Салоны (IV—V стол.)⁴⁾, Лоянскаго акрополи (фот.) и Таврическаго Херсонеса⁵⁾: для двухъ послѣднихъ капителей мы предполагаемъ тоже время происхожденія. Анализируя декоративный типъ первой капители, Ригль видятъ въ немъ рѣзкую разницу въ обработкѣ акаиаоваго листа, покрывающаго здѣсь обычную чашечную форму капители. Въ классической капители коринтскаго ордена акаиаовыя лѣствя ея, корсивая

1) *Древности Ю. Россіи. Рисовки Херсонеса*. 1893. Сиб.

2) *Ibid.*, pag. 278.

3) Авторъ говоритъ здѣсь о «ионическіи» кубовой капители и упоминаетъ по этому поводу слона Шнаазе, что эта форма есть остатокъ античнаго архитрава, повидимому, полагал ее византійскимъ изобрѣтеніемъ V вѣка и отчасти, хотя подъ вопросомъ, — равеннскимъ, стр. 283. См., между тѣмъ, кубовыя капители въ атриумѣ большого зданія или базилики Кеивата, чот. эксед.

4) Фотографическое клише въ сочиненіи Ригля: *Die Spätromische Kunstindustrie*, p. 36, fig. 1, 2.

5) *Русскія древности*, вып. IV.

глубоко въ ея нижней поверхности, въ тоже время свободно отдѣляются, изгибаясь, отъ поверхности самой чаши вверхъ. Напротивъ того, въ капители Салонской, аканюхъ не сросли съ низомъ капители, но и не отдѣляются отъ нея наверху, но плотно прижать всюду къ самому тѣлу и (должны мы прибавить — этотъ листъ, идущій сверху до низу, образуетъ единственный, полая листевъ). Мы оставимъ здѣсь въ сторонѣ принципиальные выводы Ригля, что въ классической орнаментикѣ господствовало начало «тактико-оптическое», а здѣсь только «оптическое» (достигаемое лишь углубленнымъ «дномъ» листа), а замѣтимъ, прежде всего, характерную связь всѣхъ трехъ рисунковъ. Эта связь заключается, очевидно, для всѣхъ трехъ во времени происхожденія, но для двухъ послѣднихъ, быть можетъ, и въ мѣстѣ происхожденія (Прокопесскя домикъ?). Время переживало коринтскій стиль, оно же вызвало массу зданій (базиликъ) съ колоннадами ремесленного характера. Но, въ зависимости отъ мѣста, даже ремесленный побнолъ сильно мѣнялся: въ римскомъ зданіи, на варварской почвѣ, отъ греческой капители осталась лишь форма чаши и обцїи рисунокъ акаюваго листа, но въ общемъ получился своеобразный «варварскій» типъ. Что такое напр. треугольникъ подъ абакомъ посреди листевъ? Если бы мы не могли сейчасъ же на рисункѣ своихъ капителей найти соответствующаго листа (родъ «крпина» или аканюхъ), но неразвитаго и свѣннвающегося вылъ, мы бы не поняли, что значить треугольникъ остриемъ вылъ. Далѣе, наши капители очень похожи на салонскую, но вмѣсто *два поля листевъ*, и, наконецъ, этотъ средній полая свѣннвается *коцями*: словомъ, весь обцїи типъ капителей остается «греческимъ».

Какъ исходный пунктъ въ исторіи византійскаго акаюа, Ригль (стр. 275 сл.) выбираетъ пзвѣстный Студійскій монастырь въ Константинополѣ, построенный въ 447 или въ 463 г. ¹⁾; внѣшній портикъ храма сохранилъ еще свой древне-христіанскій стиль; антаблементъ этого портика поддерживается четырьмя колоннами бѣлаго мрамора съ великолѣпными капителями «сложнаго» античнаго ордена. Ригль признаетъ замѣчательную рѣзкость зубчатыхъ листевъ акаюа на этихъ капителяхъ, но не эта черта для него главная въ византійскомъ акаюхѣ: существенною чертою является будто бы раздробленіе листа на нѣсколько мелкихъ листевъ; отдѣльныя зубчатая группы вркзаны необыкновенно глубоко и, не будъ впадающихъ вершинъ, рисунокъ отдѣльныхъ листовъ сталъ бы неслепъ ²⁾. Отсюда, затѣмъ, и своеобразное употребленіе отдѣльныхъ частей акаюа въ видѣ такъ называемаго

1) См. мон «Византійскія церкви», стр. 145, таб. 15.

2) Очень ранняя черта, что доказывается напр. іоническимъ храмомъ въ Эзани въ Малой Азіи, времяъ первыхъ императоровъ, см. Le Bas Voyage, publ. p. S. Reinaeh, 1888, pl. Archit. Asie M. 30 bis.

копейного листа или трилистника, пары этих листов в условной схеме и пр. По первой черта, собственно, есть следствие самой византийской техники, попросту результат любимой в вѣкъ Юстиніана мелкой и тонкой резьбы, вмѣсто прежней широкой и пластической манеры, исканной впечатлѣній отъ живой природы, а не отъ орнаментальной поверхности. Однако, эта черта, какъ всякая условность, уже давно народилась въ искусствѣ и успѣла даже повториться не разъ, когда искусство, со временемъ Діадоховъ, временами оживлялось. Что касается отдѣльныхъ сокращеній акаюа или его схемъ въ видѣ трилистника, то онѣ существовали уже въ искусствѣ императорскаго Рима. Все это понадобилось автору, чтобы дать живой образецъ расточеній, разложеній художественныхъ формъ въ Византіи. Вся эта риторика (стр. 278—279), однако, безсодержательна и также мало подвигаетъ насъ впередъ въ исторіи формъ, какъ и одиѣ гаданія о листѣ акаюа, получившей будто бы въ эпоху Юстиніана новую форму «ялрнаго, зубчатаго», и въ то же время «тернистаго» акаюа. Вѣрно, что каменотесы юстиніанова времени для этой формы не дѣлали этюдовъ съ природы, вѣрно, не знали никакихъ новыхъ впечатлѣній природы, которыя бы они искали перенести въ орнаментъ: въ исторіи византийскаго искусства наблюдается не реалистическое, а натуралистическое направленіе, т. е. не воспроизведеніе дѣйствительности, а только окрашиваніе условныхъ формъ натуралистическими деталями; отсюда поверхность стѣны, вверху заполняется все разводами акаюа, какъ трельяжемъ, а внутри разводовъ на вѣткахъ помѣщаются птицы, лѣсные звѣрьки, обезьяны, а затѣмъ всякія скачущія и лазающія животныя.

Однако, тѣмъ же Риглемъ по вопросу объ отношеніи Сиріи къ Византіи въ дѣлѣ обоюднаго развитія искусства сдѣлано любопытное указаніе (ib. стр. 291—292): кусокъ карниза изъ Эль-Бара, отнесенный у Вогію къ V вѣку, оказался по своей орнаментации—тому же акаюовому побѣгу—предшественникомъ тождественнаго гызма изъ Студійскаго монастыря (средина V вѣка). Для наблюдательнаго автора это было «поразительный, по неотложный результатъ», что сирійскій образецъ быть предварительною формою константинопольскаго типа. Пусть Ригль при этомъ совершенно забываетъ, что даты Вогію часто только приблизительны, за его догадку говорить стиль сирійскаго карниза, въ которомъ, дѣйствительно, еще виденъ античный, пластическій акаювъ, правда уже въ извѣстной схемѣ безконечнаго побѣга. «Стало быть», дѣлаетъ Ригль свои дальнѣйшіе выводы: «все движеніе въ области византийскаго орнамента не есть мѣстное, константинопольское, и Сирія V вѣка никакъ не шла въ хвостъ Византийскаго столпца».

Заканчивая этими обобщеніями вопросъ о постановкѣ памятниковъ Сиріи въ общей исторіи архитектуры, позволимъ себѣ заключеніе, что, по

нашему крайнему разумѣнію, для истинно-научныхъ обобщеній *не настало еще время*, такъ какъ недостаточно опубликовано даже матеріала. Совсѣмъ нѣтъ памятниковъ Малой Азіи, отсутствують памятники сѣверной Сиріи, Арменіи, не изданы, какъ слѣдуетъ, памятники Константинополя, Синалата и пр. и пр. Поэтому, нашею задачею въ книгѣ является изданіе матеріаловъ.

Перейди въ область византійской иконографіи, мы открываемъ ея тѣсныя связи съ Палестиною въ періодъ сложенія самыхъ иконографическихъ темъ, между IV и VIII вѣками. Поистинно, что открывать эти связи мы можемъ при одномъ условіи: если мы признаемъ, что иконографическія композиціи должны были слагаться на необходимыхъ реальныхъ основаніяхъ, на желаніи представить событіе возможно яснѣе, ближе къ той дѣйствительности, которую знали иконописецъ и его заказчики, а не на символическихъ мудростиахъ, которыя въ такомъ изобиліи продолжаютъ открывать археологи. Такъ напр., если въ сценѣ *Распятія Христова* фономъ сцены служить городская стѣна, то здѣсь еще можно было бы сопоставить приемы античной скульптуры для объясненія этого фона, но вполнѣ возможно думать, что приемъ этотъ употребленъ не безъ вѣдома того факта, что Голгоа была вѣдѣ стѣнъ Иерусалима во времена Христа и, кромѣ того, была затѣмъ расположена очень близко къ городской стѣнѣ. А мы знаемъ, что самое древнѣйшее изображеніе «Распятія» на рѣзной двери римской базилики Св. Сабины представляетъ уже городскую стѣну, позади трехъ распятыхъ фигуръ, и что византійская иконографія «Распятія» повторять эту деталь до позднѣйшаго времени, только разнообразилъ рисунокъ стѣны, то повышая ее до характера городской, то понижая, до размѣровъ стѣны монастырской.

Мы уже нѣмѣли случай¹⁾ указать, что въ византійской иконографіи *Крещенія Господня*, начиная съ VII—VIII вѣковъ, появляется въ видѣ рѣки Иордана поставленный на ступенчатомъ пьедесталѣ крестъ, повидному, мраморный, монументальный. Изображеніе этого креста, по нашему мнѣнію (кажется, приплатому безъ возраженій), воспроизводитъ реальную деталь: крестъ, дѣйствительно, поставленный въ настоящемъ Иорданѣ, на мѣстѣ омовенія паломниковъ и предполагаемаго Крещенія Господа.

Но мы считаемъ также свѣдѣніе о происхожденіи и композиціи «Крещенія» въ равеннской мозаикѣ арианскаго баптистерія при ц. S. Maria in Cosmedinis исходящимъ тамъ на Главу Спасителя въ водахъ небесныхъ Св. Духъ въ видѣ голубя изображенъ по тексту Ев. отъ Евреевъ, составленнаго въ Берѣ: *descendit fons omnis Spiritus Sancti*.

Композиція изображенія «Воскресенія Господня» или греч. «Анастасиса» въ видѣ двухъ женъ у Гроба и Ангела, имъ возвыщающаго, должна

1) Докладъ въ Правосл. Палест. Общ. 13 марта 1892 г., отд. отг. 3—5.

была сложиться под специальным впечатлением празднования дня «Воскресения» у Гроба въ Иерусалимѣ. Также должно сказать о сценахъ: *Млато-ощенія* у источника и *Рождества Христова*.

Безусловный палестинскій характеръ имѣютъ изображенія и сямволы *Снаса Эммануила*, *Уготованнаго Престола*, *Побѣднаго Креста* и *Звѣзды Виолетской*.

Извѣстное изображеніе *Адамовой главы* (черена съ двумя костями, накрестъ положенными) у подножія Распятія также ведетъ свое происхожденіе отъ чисто мѣстныхъ, іерусалимскихъ преданій, мало по малу слагавшихся въ силу нравственной близости перваго человѣка и его покушители Богочеловѣка, и сблизившихъ по мѣсту страданія и смерти «ветхаго» Адама и «Сына Человѣческаго». Данная подробность вошла въ иконографію Распятія приблизительно въ періодъ VII—VIII стол., такъ какъ отъ IX вѣка мы имѣемъ уже памятники такого изображенія (въ парижскомъ кодексѣ Григорія Богослова за № 510, изображеніе неясно), именно подъ вліяніемъ патверженныхъ паломниками разсказовъ о погребеніи Адама на Голгофѣ¹⁾. «Адамова книга» (появившаяся около V вѣка) разсказываетъ, что Ной, по повелѣнію Божію, пріиалъ останки праотца въ ковчегъ, а Сямъ похоронилъ ихъ, по указанію ангела, «въ средѣ земли», тамъ, гдѣ совершилось покушеніе всего міра. Изъ сооставленія паломниковъ мы знаемъ, что первоначально такъ называемый «цугъ земной» отличался отъ Голгофы, хотя находился вблизи отъ нея, что, затѣмъ, онъ былъ сблизенъ со скалою Голгофы въ пѣдѣ спасенія всего міра, «содѣланнаго посредѣ земли», а въ концѣ концовъ и вовсе отождествленъ на мѣстѣ, такъ что современные разсказы грецкихъ монаховъ о столбѣ, стоящемъ въ церкви Воскресенія, какъ о цугѣ земномъ, представляютъ своего рода переживаніе древняго преданія. Для насъ же важно именно то, что эта деталь «Адамовой главы» и была назначена въ иконографіи Распятія представить идею средоточія земнаго, такъ какъ самая скала Голгофы этой пѣдѣ сама по себѣ не содержитъ²⁾. А между

1) См. ихъ свидѣтельства, подобранныя Ферд. Пинеромъ въ статьѣ *Adamsgrab auf Golgotha, Etangel. Kalender* 1861, pag. 17—29. Однако, соображеніе автора, что историкъ Юлій Африканъ (около 221 г.) первый указалъ гробъ Адама на Голгофѣ, слишкомъ патинато: этотъ рядъ свидѣтельствъ о существованіи темнаго, собственно іудейскаго преданія начинается съ конца II вѣка Оригеномъ, Тертуліаномъ, Иеронимомъ, Василіемъ Великимъ, Іоан. Златоустомъ и продолжается Евтихіемъ Александрийскимъ, Епифаніемъ и другими до позднѣйшихъ включительно. См. особенно Mommsen, Carl, *Golgotha und das hl. Grab zu Jerusalem*, 1900, стр. 25—32.

2) Мы обязаны Е. К. Рѣдину указаніемъ любопытной стихотворной надписи, приводимой извѣстнымъ сп. Анзеломъ, XX, 41, p. 306, въ описаніи нынѣ исчезнувшей церкви Св. Креста въ Равеннѣ, вѣроятно, какъ и другія западныя церкви этого имени, посрѣдоточившей близіику Св. Креста (Голгооскую) въ Иерусалимѣ. Въ Равеннской церкви была живопись мозаическая, представлявшая Крестъ на Голгооской скалѣ, и по сторонамъ его дужахъ анге-

тѣмъ Толковая Лицевая Псалтирь (см. *Псалтирь Хлудова*, въ моемъ изданіи) къ псалму LXXIII, 12: «содѣла спасеніе посредѣ земли» стала изображать Распятие съ Головою, въ виду того, что средоточіе земли преданіемъ побидалось на общей возвышенности Головою, или вблизи Любнаго мѣста, какъ толковали въ V—VI столѣтіяхъ (см. ниже).

Узенеръ¹⁾ указываетъ на связь между сценою «Поклоненія волхвовъ» на саркофагахъ, въ которой Младенецъ изображается лежащимъ поверхъ ясель или плетеной длинной корзины, и украшеніемъ кршты въ Влоосемской базиликѣ Рождества Христова. Отдѣлка кршты относится къ 335 году, а саркофаги съ христіанскими рельефами изъ иппизы и чудеса Христа также ко временамъ преемниковъ Константина. По мнѣнію Узенера, сцена эта могла имѣть мѣсто въ Рождественской литургіи и быть даже предметомъ церковныхъ мистерій IV вѣка на Востоцѣ; и позднѣе въ Римѣ, чему доказательствомъ служитъ древнее названіе базилики *S. Mariae ad praesepe* — современной ц. S. Maria Maggiore.

Было бы весьма плодотворнымъ изслѣдовать древнѣйшія декоративныя композиціи христіанскаго и ранняго византійскаго искусства въ предѣлахъ IV по VI столѣтіе, не ограничиваясь общимъ указаніемъ ихъ античнаго происхожденія. Несомнѣнно, что и въ эту среду, какъ ни пераздѣльно господствуетъ въ ней античная традиція, также рутинна мастеровъ исполнителей и даже шаблоны, однако всегда, и во всякой странѣ видѣруется нѣчто живое, реальное, что радуетъ глазъ напоминаніемъ знакомой дѣйствительности, привычныхъ вкусовъ и близкихъ формъ. Такъ напр. пзвѣстная роспись внутренности *Равеннскаго баптистерія*, видимо, воспронзводная какое-либо великолѣпное зданіе Византіи, представляеть намъ во первыхъ не однѣ римскія формы антика, но и греческія, оживленія въ собственной Греціи, въ Египтѣ, Сиріи и Византіи, усвоившей себѣ художественныя формы Востока, во вторыхъ сообщая пзвѣстныя реальныя черты, замѣтнованныя пзъ церковной обрядности IV—V столѣтій. Въ одной изъ главъ нансей книги, посвященной истолкованію текста Софроніева описанія храма Св. Гроба, мы подробнѣе разяснимъ, какого рода свнщевные обряды сложились въ Иерусалимѣ по случаю всенароднаго чествованія хранившихся тамъ орудій Страстей Господнихъ, здѣсь же скажемъ кратко, что въ среднемъ фрнзѣ, украшающемъ равенскій баптистерій, мы видимъ именно подобнаго рода храмовыя ложи или верхніе хоры боковыхъ

ловъ, а у подножія Креста была Адамова голова (?) и вытекало четыре рѣки: Te vincente, tuis pedibus calcata per acvum germanae morti crimina Sacra tacent. Но что значать, въ существѣ дѣла, слова эти, еще остается вопросомъ, хотя мы считаемъ возможнымъ и данное толкованіе.

1) Usener, H. Religionsgeschichtliche Untersuchungen, I, 1—3, 1889, p. 285—288.

пещеры, открывающиеся внутрь главного нефа и приспособленные для так торжественного чествования.

Равно, мы считаем весьма вероятною догадку Д. В. Айвалова, что изображение ступенчатого алтаря, на котором Авраамъ собирался принести въ жертву сына Псаака¹⁾, ведетъ свое начало отъ легендарнаго алтаря Аврамова на Голгофѣ, быть можетъ, возстановленнаго и въ дѣйствительности. Равнымъ образомъ, считаемъ весьма правдоподобнымъ, что архитектурный фронтъ вѣстной мозаики 398 г. въ римской базиликѣ Св. Пуденціаны²⁾ представляетъ въ обычной античной схемѣ комплексъ зданий храма Св. Гроба, какъ и вообще допускаемъ въ принципѣ, что нопеки реальныхъ и бытовыхъ подробностей старины Святой Земли и въ иконографіи и въ христіанской археологіи могутъ быть чрезвычайно плодотворными и послужить важную роль въ историческомъ анализѣ христіанскихъ древностей. Прибавимъ, что самое представление Христа, сидящаго подъ Крестомъ на тронѣ среди Апостоловъ, даетъ тотому образъ «Иерусалима небеснаго», какъ угадать еще до Россси³⁾, что воспроизводитъ *Иерусалимское престолоіе*, устроенное въ Сѣмѣ, *передъ Крестомъ* (см. тексты Паломнической книги Сильвіи) и знаменовавшее образъ Втораго Пришествія Христова съ Его «уготованнымъ Престоломъ».

Основная тема всей декораціи равенскаго баптистерія, повторенная нѣсколько разъ, есть «уготованный Престоль», или изображение, вѣстное подъ пнемемъ *ἡ ἐτοιμασία τοῦ θρόνου σου*. Исследователъ этой замѣчательной эмблемы итальянскій археологъ Каведони, Поль Дюранъ и де Россси⁴⁾ замѣтили, что это наименованіе искусственно сложилось изъ текста Посланія Ап. Павла къ Ефессянамъ VI, 15, приглаголюющаго къ «готовности благоговѣствовать миръ» или къ «приготовленію евангелія мира» и псалмовъ IX, 8 и LXXXVIII, 14, которые восхваляютъ Господа, «уготованнаго на судъ престоль Свой». Первый по времени, Каведони (еще не знавшій случая съ изображенія «гетимасіи» съ надписью: *ἡ ἐτοιμασία τοῦ θρόνου*, какъ зналъ Поль Дюранъ и де Россси) остановился на предположеніи, что эмблема относится къ реальному церковному обычаю, по случаю торжественныхъ вселенскихъ соборовъ, полагать книгу Евангелій на великолѣнномъ тронѣ (ср. изображенія на мозаикахъ⁵⁾), тогда какъ прочіе исследователи полагали возможнымъ,

1) Ibid., стр. 61—62.

2) Айваловъ, Д. В. Мозаики IV и V вѣковъ, стр. 44—53.

3) *Mosaici cristiani delle chiese di Roma* fasc. XIV. *Bulletino d. archeologia cristiana*. 1867, V, fasc. 4, p. 49—60. Garrucci, *Mosaici*, tav. 208.

4) Cavdoni, *Dichiarazione di tre antiche stauroteche nella cattedrale di Modena e nell'abbaziale di Nonantola*. Modena. 1847. Paul Durand, *Étude sur l'etimacia symbole du jugement dernier*. 1867. De Rossi, J. B. *Bulletin d'arch. chrétienne*. 1872, p. 141—159.

5) Garrucci, *Mosaici*, tav. 241.

согласно господствовавшему при нихъ взгляду на символизмъ древне-христіанскаго искусства, объяснить происхожденіе этого сюжета сложною гипотезою идея Страшнаго Суда я воздвиженіемъ на тронѣ Судія Креста (иногда убійческаго), конія и трости съ губою, также Евангелія (въ рукописи Hortus deliciarum, сгорѣвшей въ Страссбургѣ, съ надписью: *liber justice*). Слѣдующій изслѣдователь Поль Дюранжъ замѣтилъ, что престолъ съ орудіями Страстей Господнихъ изображается на греческихъ иконахъ «Всѣхъ Святыхъ», какъ «Воздвиженіе Креста» или прославленіе Креста.

Судить объ отношеніяхъ греко-восточнаго искусства въ IV—V стол. къ римско-западному можно и путемъ сравненія однородныхъ памятниковъ, каковы, напр., *мозаичный полъ изъ Тира* и мозаики въ сводѣ церкви Св. Констанцы въ Римѣ¹⁾; та и другая мозаика носятъ исключительно декоративный, служебный характеръ, но въ первой изслѣдователи и за ними составители многочисленныхъ книгъ руководствъ по исторіи христіанскаго искусства согласно видятъ великолѣпный и художественный памятникъ, лучшія классическія формы, греческій антикъ въ его расцвѣтѣ, во второмъ — едва находятъ общіе признаки античнаго искусства; тамъ живыя по своей реальности сцены и фигуры животныхъ, птицъ, превосходнаго рисунка, изящно и въ смѣлыхъ ракурсахъ представленныя, а здѣсь для скучную, безоцечно повторяемую схему немногихъ композицій, или ремесленно-варварскія декоративныя, съ разсыпанными по плафону вѣтками, сидящими на нихъ птичками, вазами, рогами изобилія и т. п. въ тяжеломъ безпорядкѣ, напоминающемъ мозаическія украшенія половъ.

Конечно, далѣе, многія римскія мозаики представляютъ только конія (вѣроятно, увеличенныя) греческихъ оригиналовъ (какъ то пѣлю мѣсто и внослѣдствія, и въ VI—VIII стол.), напр. мозаика Пуденціаны, столь рѣзко отличающаяся отъ современныхъ римскихъ и не даромъ выставленная у Росся какъ «совершеннѣйшее произведеніе древнѣйшаго христіанскаго искусства». Тѣсныя доказательства этого факта, конечно, не могутъ быть пока добыты, но достаточно (для тѣхъ, кто *хочетъ слушать*) уже и того указанного обстоятельства, что зданія, окружающія на этой мозаикѣ Христа съ Апостолами, суть зданія Иерусалимскаго храма Воскресенія.

Наконецъ, особенно яснымъ свидѣтельствомъ заимствованія греческихъ образцовъ служатъ мозаики равеннскихъ церквей. Греко-восточнымъ образомъ, повидимому, въ видѣ миниатюръ или мелкихъ картоновъ, воспользовались также исполнители мозаикъ ц. S. Maria Maggiore²⁾, о которыхъ необходимо было бы, наконецъ, особое изслѣдованіе, въ виду ихъ капита-

1) Garrucci, tav. 205—206.

2) Garrucci, Musaiici, tav. 211—214.

ной важности. На наш взгляд, большинство этих мозаик греко-восточного происхождения, но между ними есть и римского сочинения и характера. Точно также мы не считаемъ всё равненскія мозаики греческого состава, наротивъ того, желали бы, чтобы въ нихъ было выдѣлено то *большинство* римскихъ композицій, которое онѣ содержатъ, такъ какъ только тогда станетъ понятнымъ и характернымъ все то специально-греческое или восточное, что было принесено въ Равенну.

Мы уже указывали на близость равненскихъ мозаикъ по типамъ къ египетскимъ памятникамъ, но находимъ эту близость и въ мозаикахъ неаполитанской ц. S. Restituta, хотя, конечно, основное большинство ихъ типовъ и изображеній считаемъ римскимъ или западнымъ.

Такъ, мозаикъ Св. Аввильна въ Миланѣ (494 г.) и Фаусты (базилика Св. Амвросія)¹⁾ представляютъ римскій характеръ, какъ и мозаикъ римскихъ церквей (Св. Павла²⁾, Св. Латерана³⁾, Св. Андрея⁴⁾, Св. Агаты⁵⁾, Св. Оеодора, Св. Приска въ Капуѣ и пр. Словомъ, мы въ заключеніе своего введенія не можемъ не пожелать художественно-историческаго сравнительнаго анализа памятниковъ IV—VIII столѣтій, хотя бы, на первое время въ предѣлахъ композицій и типовъ. Послѣдующее научное изученіе христіанскихъ древностей, построющее ихъ исторію въ послѣдовательномъ движеніи художественной формы придетъ, когда поймутъ, что и въ этой области смерть антика была рожденіемъ новаго искусства. Въ настоящее время этому препятствуютъ еще господствующія въ современной исторической наукѣ понятія объ эпохахъ такъ называемаго «унада». Кромѣ значащаго сочиненія Гиббона объ «унадахъ Римской Имперіи», врядъ ли кто либо изъ историковъ рѣшался посвятить научные труды своей жизни только періодамъ паденія исторической жизни. Общее понятіе унада сблизало его съ умраниемъ, если не смертью, дряхлостью и гниеніемъ, если не трушнымъ окончаніемъ и мало ободрило зарождавшійся интересъ къ этимъ эпохамъ. Историческая наука въ данномъ случаѣ стояла на точкѣ зрѣнія презаблаго романиста, не желавшаго знать о дальнейшей жизни избранныхъ героевъ романа. Политическій вынуждѣнъ, сообщенный исторической наукѣ еще XVIII вѣкомъ, заставлялъ чуждаться всякаго застою, такъ называемой интацины, и только экономическая теорія, въ своихъ стремленіяхъ къ использованию общаго историческаго матеріала, открывала среди застою своеобразную жизнь. Подъ гнетомъ предвѣстныхъ взглядовъ и общаго отчужденія, жила

1) Ibid., tav. 234—236.

2) Ibid., 237.

3) Ibid., tav. 238.

4) Ibid., 240.

5) Ibid., 241.

византийская история и только теперь начинают понимать, что на самомъ дѣлѣ, история такъ называемаго упадка полна «клипс» во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ заключеніе этого предисловія не излишне коснуться и современнаго положенія христіанскихъ древностей, Палестины и Сиріи и, главное, степеней ихъ доступности для изслѣдованія. Древности Востока нынче любятъ сравнивать съ западными, къ невыгодѣ этихъ послѣднихъ: на Западѣ памятники древности, за рѣдкими исключеніями, покрыты, затерты, заглушены плутицею современности. Въ большинствѣ случаевъ, западные памятники или доселѣ играютъ еще служебную роль, какъ церкви, дворцы, ратуши, рынки, монументы и фонтаны, или настолько покрыты всякаго рода передѣлками, что едва представляютъ собою одно древнее зерно, случайно уцѣлѣвшій фрагментъ, одно воспоминаніе о прошломъ; изслѣдователю нужно долго и томительно штудировать всѣ эти отложения, чтобы добраться до такого зерна. Напротивъ того, христіанскіе памятники Востока, Сиріи, Египта, сѣвернаго побережья Африки сохранены равнодушіемъ Пелама во всей своей оригинальности, и изслѣдователю стоить только явиться на мѣсто, чтобы видѣть ихъ тамъ на мѣстѣ, на своей родной почвѣ, какъ будто вчера покинутымъ населеніемъ, эти памятники создавшимъ. Какъ бы красява однако, такая перспектива древняго культурнаго Востока, какъ бы дремлющаго въ оазисахъ, наполовину занесенныхъ пескомъ пустыни, во первыхъ она грушитъ монотонностью и декоративнымъ однообразіемъ. Пусть западный памятникъ искаженъ въковыми передѣлками, но въ немъ больше чертъ, жизни, а подъ нимъ глубже историческая почва, и изслѣдователь въ самомъ анализѣ этихъ памятниковъ изощряетъ свою наблюдательность и пониманіе стѣля. Памятникъ Востока мертвененъ, монотоненъ, ограниченъ и скудеенъ въ своей односторонности.

Но, что самое главное, эта перспектива скрываетъ собою крупный недостатокъ: памятники Востока, за исключеніемъ Египта, французскихъ владѣній въ Африкѣ и немногихъ пунктовъ Малой Азіи, Месопотаміи и пр. еще не обнаружены раскопками. Тогда какъ на Западѣ древнее зданіе или оконано, или цѣлкомъ обрыто, здѣсь цѣлые города и зданія ихъ погружены во поля и болѣе въ землю; здѣсь все скрыто, на Западѣ все раскрыто, какъ будто приготовлено для научнаго изслѣдованія. Таково, въ особенности, положеніе руинъ въ Сиріи: частію онѣ сами себя прикрыли своими же обломками, и путешественникъ болѣе, чѣмъ гдѣ либо, и воплѣ по неволѣ представляетъ собою «поверхностнаго» зрителя.

ГЛАВА I.

Попутныя наблюденія памятниковъ христіанскаго искусства въ Константинополь, Афонѣхъ и Смирнѣ. Путешествіе изъ Бейрута въ Баальбекъ. Сассанидскій рельефъ въ Ферзуль. Вопросъ о времени и стилѣ построекъ Баальбека и значеніе его декоративной архитектуры. Дамаскъ. Общій характеръ мечети Омміядовъ и ея архитектурныхъ деталей.

Предлагаемый читателю очеркъ археологическаго обозрѣнія памятниковъ христіанской древности и искусства въ Иерусалимѣ, Заіорданьѣ и Гауранѣ основанъ на путевыхъ замѣткахъ, сдѣланныхъ авторомъ еще въ 1891—92 годахъ, во время его путешествія изъ Бейрута, черезъ Дамаскъ и Гауранъ, по Заіорданью и до Иерусалима, въ составѣ ученой экспедиціи¹⁾, отправленной Имп. Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ.

Путешествіе, въ силу тревожнаго состоянія многихъ частей Сиріи и появившейся въ концѣ 1891 года холеры, ограничилось Гаураномъ, Заіорданьемъ до Мертваго моря и Иерусалимомъ съ его окрестностями, но преимуществу на Востокъ, до Иерихона. Понятно, что, не закончивъ задачи такъ ужъ нагляднымъ изученіемъ памятниковъ верхней и средней Сиріи, нельзя было постропить какого бы то ни было общаго теоретическаго разсужденія о ходѣ развитія христіанскаго искусства въ Сиріи. Тѣмъ не менѣе, по числу обозрѣнныхъ мѣстностей, и по количеству и интересу осмотрѣнныхъ памятниковъ древности, и это путешествіе заслуживаетъ имѣть мѣсто въ

¹⁾ Въ составъ экспедиціи входили: проф. А. А. Олесницкій, Я. П. Смирновъ, фотографъ И. О. Барцелескій, художники А. Д. Кившенко и Н. А. Околовичъ.

русской археологической литературѣ, хотя бы въ видѣ отчета и въ главныхъ своихъ результатахъ. Правда, со времени путешествія, прошло болѣе десяти лѣтъ, а въ нашъ вѣкъ и Востокъ принужденъ жить скорѣе, и нѣкоторые результаты познаний стали уже достояніемъ другихъ ученыхъ, или утратилъ характеръ свѣжей новости. Однако, собственная наука движется далеко медленнѣе практической жизни и въ сторонѣ отъ нея, а многочисленные разлѣзды западныхъ ученыхъ, англійскихъ картографовъ и испытателей природы, французскихъ миссіонеровъ и русскихъ паломниковъ не дали за это десятилѣтіе новаго (послѣ Вогюэ и др.) научнаго изслѣдованія христіанскихъ древностей Палестины или ихъ общаго обзорѣнія, хотя и представляли рядъ крупныхъ научныхъ работъ. Правда, археологическая литература Святой Земли началась на высшемъ уровнѣ сравнительно съ тѣмъ, какъ она продолжается, ставя въ послѣднее время, по преимуществу, литературною смѣсь, хроникой и любительскихъ путевыхъ замѣтокъ. Правда, этому положенію литературы отвѣчаютъ и обстоятельства нашего повѣрнаго ознакомленія съ христіанскимъ Востокомъ: это ознакомленіе также отрывочно, и принуждено пока пользоваться тѣмъ, что можно увидеть или на поверхности земли, что можно снять фотографическимъ аппаратомъ и что можно познать хотя бы въ отдалѣ смѣси въ археологическихъ новременныхъ обзорѣніяхъ.

Нѣсколько капителей изъ раннихъ временъ Константинополя¹⁾, IV—VIII столѣтій, свалены на дворахъ Ст. Серая, вокругъ Новаго Музея (Чинилл-Кюскъ), находятся еще въ портикѣ въ Студійскомъ монастырѣ; любопытныя капители еще видны на мѣстѣ въ «Золотыхъ воротахъ» и т. д., но все это еще не стало предметомъ сколько нибудь систематическаго обследованія²⁾. Мы узнаемъ, что въ первыхъ христіанскихъ базиликахъ формы архитектуры были античныя, въ каптеляхъ чередовались орденъ коринтскій и комозитный, и что только въ V вѣкѣ появляются новые типы акавоа (ас. *spinosus*), съ примотолпными, зубатыми, терпистыми ланамъ, восточнаго характера, отличающаго отъ ас. *mollis*, римскаго, специфически-западнаго. Затѣмъ, узнаемъ, что существуетъ извѣстное родство или близость въ рисункѣ орнаментальныхъ листовыхъ формъ капителей, фризовъ между византійскими и сврійскими, но этия наблюденіяи современное пониманіе отношеній восточной архитектуры къ римской или западной въ періодъ IV—VIII столѣтій заканчивается. Стало быть, и для этого періода положеніе археологической науки пока тоже, что для послѣдующаго—VIII—X столѣтій, когда

1) Отъ церкви ап. Андрея (Ходжа Мустафа паша джами) временъ Осодосія Мл., изъ Килиссе-джамии, Кефели-джамии, Геди-Куле, Румели-Гиссара и пр.

2) Въ послѣднее время г. Стрыговскій издалъ какъ *Золотыя ворота* Константинополя, такъ и *ниаструуюю капитель* Студійскаго монастыря (иши фот. № 44): см. *Jahrbuch d. K. D. Archäolog. Instituts*, Bd. VIII, 1 Heft, Abb. 1—7.

«дангобардская» архитектура представить вновь явное и, темъ не менѣе, малоизвѣстное родство съ сирійскими Востоками.

Но сумракъ будетъ окутывать соотношенія архитектурныхъ и орнаментальныхъ формъ византійскаго искусства до тѣхъ поръ, пока анализъ его памятниковъ не будетъ выполненъ по современнымъ научнымъ требованіямъ. Мы знаемъ формы арокъ, колоннъ, капителей, пикустаций и облицовокъ Св. Софіи и открываемъ эти формы въ различныхъ современныхъ и послѣдующаго времени памятникахъ, но, очевидно, находимъ доселѣ въ совершенномъ невѣдѣніи по всемъ вопросамъ самаго образованія этихъ формъ. Различить исторически архитектуру ц. Св. Сергія и Вакха отъ ц. Св. Софіи мы можемъ только по общимъ и исключительно конструктивнымъ даннымъ, какъ напр. по устройству купола, свода абсиды и пр., но не по деталямъ архитектурной декорации, стѣнной облицовки, украшеній и орнамента капителей. Смыслъ формъ ставитъ насъ въ затрудненіе. Мы находимъ напр. въ ц. Св. Сергія и Вакха «мючтя» римскій антаблементъ въ среднемъ нефѣ и архивольты члесто-византійскаго типа въ боковыхъ нефѣхъ и на хорахъ, и тогда какъ проявленіе перваго близко напоминаетъ (несколько можно разобрать подъ турецкою штукатуркою и окраскою) формы Баальбека и фасады Студійскаго монастыря, Золотыя ворота въ Иерусалимѣ, напротивъ того, арочныя формы декоративныхъ пилю на хорахъ Сергія и Вакха мало чѣмъ разнятся отъ Св. Софіи. Остаются не изслѣдованными доселѣ источники орнаментальныхъ разводовъ и узоровъ, покрывающихъ пикустациями полиникныхъ арокъ въ церкви Св. Софіи и по цѣльному полю въ золотыхъ мозаическихъ наборахъ въ базиликахъ Равенны. А голыя указанія на повтореніе здѣсь элементовъ, общихъ греко-римскому антику, въ родѣ разводовъ азіанова, равно ничего не объясняютъ намъ въ вопросѣ о всемъ орнаментальномъ цѣломъ, чрезвычайно оригинальномъ, какъ и синопские ссылки на Востокъ, гдѣ слѣдуетъ искать истинныя этого «восточно-римскаго» стіля, не могутъ удовлетворить современнымъ научнымъ требованіямъ. Очевидно, наука находится еще на первой ступени своего развитія и принимаетъ напр. церковь Св. Софіи, какъ цѣльное произведеніе Юстиніанова вѣка, тогда какъ она есть сложный историческій типъ, девять десятыхъ котораго относится къ предыдущему періоду.

Въ саду Константинопольскаго Музея (Чиниял-Кюскъ), по стѣнамъ и краямъ террасъ сваливаются и разставляются собираемыя пилю со всего Стамбула мраморы: здѣсь въ рядъ лежатъ и барабаны колоннъ и карнизы, и капители, и посреди двора извѣстная мраморная купель (фот. альбома № 43), перенесенная отъ бывшей ц. Іоанна и Марка. Среди капителей большинство къ IV—V столѣтіямъ, рѣже позднѣйшія, но также интересны для исторіи различныхъ переходныхъ эпохъ. При этомъ, достоинство рѣзбы и отбѣлка

оказывается довольно разнообразным и даже, на первый взгляд, заставляет различать капители, которые по рисунку, при ближайшем рассмотрении, оказываются одинаковыми; так напр. снятые на фотографичных нашего альбома № 39 и 41 могут быть даже одного времени. Заслуживают внимания и капитель VI—VII стол. с орлами, сидящими на верхушках промежуточных акавовъ, среди угловых волютъ (а не вмѣсто волютъ, подъ углами верхняго абака, какъ въ капителяхъ Золотыхъ воротъ); нижній поясъ этихъ капителей украшенъ рядомъ поднимающихся листьевъ *sadovago* (не тернистаго, но мягко-лиственнаго) акавоа, котораго лопасти слегка обозначены множествомъ мелкихъ углубленій и проверченнныхъ дыро-

Рис. 1. Афины. Акрополь. Капитель V—VII в.

чекъ, унодобляющихъ эту рѣзбу «выпуклымъ обнизямъ»; поверхность листа остается при этомъ совершенно гладкою; листъ имѣетъ семь выпуклыхъ зубчатыхъ лопастей, мало выпнутъ и толстъ. Должно замѣтить, что эта, нѣсколько вычурная, какъ бы «выпуклая» рѣзба акавоовъ, притомъ вовсе не «тернистаго», но мягкаго рисунка, наблюдается и въ капителяхъ «Золотыхъ воротъ» Константинополя.

Прибывъ въ Афины, мы осмотрѣли богатый матеріалъ мраморныхъ капителей, плитъ и кусковъ, сваленныхъ на Акрополѣ, среди антиковъ, остатокъ бывшихъ тамъ древнихъ христіанскихъ базиликъ. На эти остатки,

послѣ покойнаго архимандрита Антошина, въ недавнее время обратилъ свое вниманіе проф. Стрыговскій¹⁾. Для насъ особенно любопытна была одна капитель (рис. 1), очевидно, происходившая изъ тѣхъ же мастерскихъ, что и многія капители Херсонеса Таврическаго²⁾.

Должны равнымъ образомъ, сохранить множество важнѣйшихъ памятниковъ церковной архитектуры VIII—XII столѣтій (фот. 54—65 и 67—71), хотя давно ставшихъ извѣстными, благодаря славі древняго города, но еще весьма мало изученныхъ. Въ одной изъ такихъ церквей (Свв. Апостоловъ) своды, поддерживающіе куполь, опущены на древнія колонны съ прекрасными капителями, частью античными, частью изъ древнихъ базиликъ. Такъ, напр. одна композитная капитель, окруженная двумя полсамп толстыхъ, какъ будто не развѣвившихъ еще, акаановъ, особенно любопытна по сравненію съ подобными въ Сиріи. Далѣе, при бѣдности византійскими рельефами, приходится придавать значеніе и тѣмъ немногимъ рѣзнымъ плитамъ, которыя украшаютъ стѣны древняго (малаго) Лопискаго собора³⁾.

Изъ мраморныхъ орнаментальныхъ плитъ христіанскаго происхожденія, находящаяся на акрополѣ, въ массѣ бѣлаго мрамора, тамъ сложеннаго, мы замѣтили нѣсколько весьма любопытныхъ у подножія Паросиона. Плиты похожи продолговатою формою на надгробныя стѣлы, но не имѣютъ надписей. На одной изображены пара грлчовъ, бьющихся ли другъ съ другомъ, или хватающихъ лапами незнакомыхъ, но причинѣ сбитаго рельефа, предметъ; худое, но энергично напряженное тѣло, архаическое опереніе и орнаментальная кайма вокругъ указываютъ на раннее время VII—VIII столѣтій. Другая плита покрыта сложными плетеніями и мелкими разводами въ ромбическихъ и квадратныхъ поляхъ, на подобіе арабесокъ. Съ другой стороны акрополя мы встрѣтили, напротивъ того, характерную, но грубой орнаментациі кружками и розетками, плиту IX—X столѣтій. Обломокъ карниза съ чуднымъ полсомъ поднимающихся остроугольных акаановъ долженъ относиться къ очень раннему времени и даже могъ бы быть зачисленъ среди антиковъ, если бы не вырѣзанный въ концѣ византійскій крестъ IV—V стол.

Главный интересъ въ Лопнахъ представили, однако, открытые въ тетрагонѣ, выходящемъ на улицу Дола, остатки большой базилики во имя «Великой Панагіи» на мѣстѣ предполагаемой бывшей *гимнасіи Адриана* (фот. 77—88) или «столъ Адриана» (см. *планъ* Н. А. Околовича въ собр. Прав. Палестинскаго Общ.). Базилика эта была устроена, по византійскому приему, изъ грубаго матеріала, въ видѣ полукружныхъ экседръ, окружавшихъ средній для внутренней нефъ, сохранившійся отъ римскаго зданія (одинъ рядъ

1) *Athenische Mittheilungen*, 1889, p. 280 sq.

2) *Русскія древности*, IV, рис. 15, стр. 20.

3) Фот. эксп. 54—65, 67—71, 71—76, 109—119 (орнаментныя плиты на Акрополѣ).

стоящихъ колоннъ) неизвѣстнаго назначенія¹⁾, и нѣкогда роскошно устроенный изъ мрамора и превосходнаго тесакаго камня. Стѣны большихъ экседръ развалились и были разобраны, вѣроятно, очень рано, еще въ византийскую эпоху, когда крохотный городокъ, уцѣлѣвшій на мѣстѣ Аонія, уже не пуждался въ такія обширныхъ церквахъ, какъ эта, и тогда же, вѣроятно, пропала и вся облицовка экседръ, бывшая, повидямому, изъ мрамора, а сохранился въ нихъ по мѣстамъ великолѣпный мозаичскій полъ (рисунки г. Околовца, тамъ же) и лишь отчасти античные мраморы, употребленные на ея постройку²⁾. Зданіе церкви не могло быть построено ранѣе Юстиніана, при которомъ впервые, стали разбирать въ Греціи языческіе храмы; любопытная форма церкви соединяетъ въ себѣ собственно базиликальный планъ съ такъ называемою «центральною» конструкціею; устройство экседръ вокругъ христіанскаго зданія мотивировано античнымъ центромъ, который былъ также окруженъ декоративными полукруглыми портиками съ колоннами и низкими балюстрадами въ промежуткахъ. вмѣсто четвертой экседры строитель христіанской церкви (грубо и небрежно) свелъ двумя полукругами къ выступу абсиды, и на западной сторонѣ устроилъ прямоугольный лицевой фасадъ. Вся эта конструкція получаетъ нѣкоторое значеніе и для исторіи архитектурныхъ комозцій и плановъ въ Византіи VI вѣка. Тамъ, гдѣ думали видѣть открытыя разомъ схемы, на самомъ дѣлѣ былъ длинный путь иснаній и происходилъ сложный историческій процессъ. Получилась довольно пыльная церковь: ея средній нефъ былъ устроенъ изъ античнаго зданія, моленаго мраморомъ, а боковые нефы, обходящіе кругомъ эту среднюю, въ видѣ корридора, были вымощены мозаикою, представляющею геометрическіе рисунки и гирлянды. Все это было, видимо, подъ легкими стропилами и черепичною крышею, но отъ иконостаса еще уцѣлѣли тоненькія колонны, а на смазанныхъ изъ булыжника и известь стѣнахъ были нѣкогда фрески, сохранившіяся на одномъ пилестрѣ внизу, съ правой стороны абсиды.

Въ текущемъ 1902 году близъ Эчмиадзина были открыты развалины большой церкви, которой большіе капители, лежащіе рапѣе въ саду Духовной Академіи Эчмиадзина, были изданы рапѣе проф. И. Стрыговскимъ и ока-

1) См. литературу вопроса о «стоѣ Адріана»—бывшей библіотекѣ или бывшего гимназія, въ ирим. къ Названію, изд. Герм. Гитцига, *Pausanica Gr. descr.*, I, 1, кт. кн. I, 18, 7, стр. 216—217.

2) Разслѣдованіе античнаго зданія подъ руинами церкви было пропаведено въ 1885 г., и краткій результатъ раскопокъ, на основаніи наблюденій извѣстнаго архитектора Дёрпфельда, опубликованъ въ *Прхитикъ тѣс ѓν Αθήνας ἀρχαιολογικῆς ἐταιρείας*. 1885, р. 13—24, но, за исключеніемъ весьма немногихъ данныхъ о церкви, ея планъ, мозаическомъ полѣ и найденныхъ трехъ надписяхъ VIII вѣка, здѣсь трактуется исключительно о древнемъ «мраморномъ квадратномъ зданіи», стоявшемъ нѣкогда свободно среди тетрагона Адріанова и послужившемъ впоследствии для устройства церкви.

зались, по монограммам Парзеса III Каоолякоса (640—661 г.) «Строители», относящимся къ зданію VII вѣка. Нынѣ это зданіе открыто подъ землею усердіемъ одного мѣстнаго духовнаго лица и, вѣроятно, скоро будетъ оцубляковано, со всѣми, говоритъ, очень богатыми находками, въ немъ сдѣланными. Пока же мы можемъ сказать, что это зданіе по плану весьма близко къ храму Адриановой стѣны.

Въ Бейрутѣ на поверхности земли не сохранилось никакихъ древностей, я даже самой старины очень немного. Городъ, построенный въ повѣйшемъ левантисккомъ видѣ, который составляетъ помѣсь итальянской гражданской архитектуры и восточныхъ плановъ дома, съ внутренними дворами, не представляетъ ничего любопытнаго, даже на базарѣ, тогда какъ соеѣдній Триполи не даромъ извѣстенъ колоссальнымъ базаромъ, многими постройками времени крестоносцевъ и восточнымъ характеромъ многихъ кварталовъ. Безхарактерный типъ повоевропейскаго квартала въ Бейрутѣ напоминаетъ собою наиболѣе Смирну, а затѣмъ и новые кварталы всѣхъ приморскихъ городовъ по берегамъ Средиземнаго моря, отъ Сиріи до Испаніи включительно.

Мы вышли изъ Бейрута съ караваномъ въ началѣ сентября 1891 г., направляясь черезъ Штору на Баальбекъ, руинами котораго интересовались, какъ оригиналомъ декоративныхъ построекъ Гаурана и Заиорданья и всего греко-римскаго періода Палестины вообще. Превосходная шоссеванная дорога, обставленная загородными вилами, плантаціями тутовыхъ деревьевъ, виноградниками, смоковницами, часто на искусственно образованныхъ террасахъ, подымается на Ливанъ, гдѣ и прекращается, уступая мѣсто полнѣйшему бездорожью. Мѣстечко *Алей* служитъ для Бейрута лѣтнимъ горнымъ пунктомъ, для насъ часовымъ отдыхомъ, а мѣстомъ нашей остановки на почлегѣ *Аин-Собаръ* на высотѣ прибрежнаго Ливанскаго кряжа, деревня, съ обильнымъ колодеземъ. Спустившись внизъ, среди чудныхъ, далекихъ видовъ на Анти-Ливанъ и его глубокія долины, приходимъ въ *Штору*, живое мѣстечко, съ европейскими плантаціями, садами, шумнымъ горнымъ потокомъ, и оттуда черезъ какой-либо часть въ *Муаллахъ*, большую деревню, съ монастыремъ Іезуитовъ, съ многочисленными виноградниками по склонамъ горъ, производящими лучшее вино въ Сиріи. Это мѣсто вѣковой культуры, въ плодороднѣйшей долинѣ у подножія красноватыхъ холмовъ, съ красивыми ущельями, отовсюду сбѣгающими внизъ, покрыто руинами, древними и позднѣйшими, которыми было бы интересно разсмѣдовать путемъ настоящаго раскопокъ. Здѣсь и доселѣ масса полей пшеницы, ячменя, маиса, плантація всякихъ овощей и фруктовъ, и богатство привлекало сюда постоянную смѣну различныхъ завоевателей и владѣтелей. Въ 10 мпн. по дорогѣ къ Баальбеку показываютъ такъ называемую *зробицу Поля*, — поздняя мечеть

съ пристройкою на древнемъ, быть можетъ, еще помпайцемъ рямляпъ, осповалп, подгнбннаго тюрбе, длпноу, пожадуй, до 7—8 саж. 1).

Отсюда мы сдѣлали любопытную поѣзду, свернувъ съ дороги, ведущей въ Баальбекъ, налѣво, въ горное ущелье, въ мѣстечки *Ферзолъ* и *Низа*.

Деревушка Ферзолъ лежитъ въ двухъ часахъ ѣзды отъ большой дороги, въ одномъ изъ ущелий, на склонѣ Ливана, занимая сѣдловину холма, окруженнаго рѣчкою и садами; деревушка, хотя и крохотная, имѣетъ и здѣсь видъ городка, съ множествомъ улочекъ и переулочковъ, въ которыхъ часто нельзя различить улицы отъ крышъ, такъ какъ путь лежитъ иногда и по крышѣ, съ необычайною скученностью домиковъ, которую, не зная, чему приписать: восточной ли привычкѣ, или средневѣковому обычаю жаться съ жильемъ на горной площадкѣ, которую можно укрѣпить на случай нападенія. На сѣверо-западной сторонѣ открывается глубокое ущелье, по которому бѣжитъ ручей; ущелье оканчивается у подножя высокой отвѣсной горы, которой стѣны у подножья, противъ ущелья, изрыты пещерами — мѣстность называемая *Уади ель Габисъ* (долина отшельника). Немногія пещеры имѣютъ гречко-римскіе фронтоны, въ одной высѣченъ *бэтилъ* (*оввилъ*) (фот. 183—184) 2).

Поднявшись на востокъ по крутымъ склонамъ, достигая стѣнъ, гладко обтесанныхъ внизу, которыя, вѣроятно, служили въ древности каменоломнями, а потомъ были, повидимому, приспособлены какъ таблицы, пазаемые для монументальныхъ надписей, напр. персидскихъ. Въ концѣ этихъ стѣнъ есть особливо стоящій высѣченный изъ скалы четырехсторонній блокъ, наименованній монолитный гробница? Авессаломъ и Захаріи, и на гладко обтесанной стѣнѣ влѣво отъ блока небольшая ниша съ замѣчательнымъ рельефомъ (выш. 1,25 м.). Рельефъ этотъ былъ однажды описанъ подъ именемъ финикійской стѣлы съ символическими изображеніями сирійскихъ культовъ 3). Намъ этотъ рельефъ показался историческимъ памятникомъ (фот. 178—180, по *Katalogu* (изд. Палест. Общества: Палестина и Синай, I, 3, 1894) *выставки фотографическихъ снимковъ, плановъ и акварельныхъ рисунковъ экспедиціи*: № 24 а, б) сасанидскаго происхожденія, а именно (таб. I), онъ представляеть фигуру (персидскаго царя?) верхомъ, въ развѣвающимъ

1) Sepp, *Jerusalem*, II, Экскурсы о гробницахъ патриарховъ-великановъ.

2) И. П. Смирновъ сообщилъ мнѣ, что ему случилось найти въ библиотекѣ новоплатоника V вѣка Исидора, Проклова ученика, написанной Дамасциемъ слѣдующее мѣсто, напоминающее намъ коптскій *бэтилъ* или *оввилъ*: въ Библ. Фотин ed. Bekkeri, pag. 342: ὅτι κατὰ τὴν Πλευρόπολιν τῆς Συρίας εἰς ὄρος τὸ τοῦ Αβὶνίου τὸν Ἀσκληπιῶδην ἀνελθεῖν φησὶ καὶ ἰδεῖν πολλὰ τῶν λεγόμενων βετιλῶν ἢ βετιλῶων, περὶ ὧν μυστὶ τερπτολογεῖ ἄξια γλώσσης ἀσεβοῦσας. Бэтилъ нашего рисунка наименованъ изображенія Зевса Касія на монетахъ.

3) Dutau et F. A. Bourqueaud, *Voyage dans le Liban et dans l'Anti-Liban*, p. 42—63; Chauvet Izambert, p. 622; *Études religieuses*, III Série, 1864, 1866, IV, VIII—IX.

платъ, съ вѣнкомъ въ поднятой торжественно правой рукѣ; на головѣ всадника большая лучистая корона и вокругъ головы шлемъ; передъ лошадыю и впереди пальмы — эмблемы Сирия — стоитъ нагой мужчина, держащій въ правой рукѣ виноградную гроздь, а въ лѣвой — снущенную съ локтя верхнюю одежду, скорѣе всего, олицетвореніе горы Ливана — *ἄρος Λιβάνος*. Возможно, что здѣсь изображенъ въ видѣ всадника богъ Меркуръ, котораго почти повсемѣстное почитаніе въ Малой Азіи, вплоть до Сирия, засвидѣтельствовано разнообразными памятниками¹⁾. При такомъ толкованіи рельефъ могъ

Рис. 2. Ниша. Идолъ въ стѣнѣ частного дома.

бы относиться къ II—IV в. по Р. X. Если же видѣть изображеніе сасанидскаго царя, на котораго всадникъ болѣе всего походить, то стиль памятника, хотя и тяжеловѣснѣй, не позволяетъ идти далѣе начала V вѣка, настолько въ немъ сохраненъ античный характеръ. Многіе изъ персидскихъ царей могли бы въ подобномъ рельефѣ увеличивать торжество своего завоеванія Сирия. Но если видѣть здѣсь Хозроя II (611—614 гг.), то это былъ бы памятникъ, возникшій наканунѣ окончательнаго завоеванія Сирия Арабами.

¹⁾ Roscher, *Lexikon d. Mythologie*, т. Мен. и. П. Смирнова, *О Фригійскомъ Меркуре*, Сборникъ въ честь проф. Г. О. Соколова, 1895, р. 81—135.

Изъ Ферзоли мы перевалили черезъ три ущелья, спускающіяся отъ Ливана, въ деревушку Ниха, расположенную какъ и Ферзоли, по склону холма надъ рѣкою. Стѣны деревушки сохраняютъ нѣсколько надписей, римскихъ подробныхъ рельефовъ (на берегу ручья лежащій перевернутый алтарь съ посвятителюю надписью), орнаментальныхъ плитъ, а въ концѣ деревни, надъ рѣкою, находится развалины храма, кажущагося колоссальнымъ по пропорціямъ своихъ пиллястровъ, карнизовъ, и величинѣ отдѣльных блоковъ, изъ которыхъ сложены стѣны. На самомъ дѣлѣ, впечатлѣніе этой колоссальности достигается намѣренною утрировкой пропорцій въ египетскомъ пониманіи времени императора Адриана, съ декоративными полуколоннами внутри здавія, грузными и неуклюже-короткими листьями акаана на капителяхъ, сухою и мелочною рѣзбою и пр. (см. фот. 186 и планъ подъ №№ 27 а, 28, 29).

Въ убогой деревенской церкви, подъ столбомъ, поддерживающимъ сводъ, мы нашли грубо вытѣченный въ известнякѣ идолъ сирійскаго мужскаго божества, съ модусомъ на головѣ, кошемъ въ лѣвой и перунами въ правой рукѣ; по сторонамъ бога у подножія трона представлены два быка; внизу подъ трономъ видна въ дверп стоящая фигура женскаго божества (рис. 2, фот. № 30).

Развалины Баальбека доставили намъ много матеріала (фот. №№ 189—209, по каталогу выставилъ №№ 34—40, 42—45, 51, 53, 54) въ разныхъ отношеніяхъ: прежде всего, по вопросу о времени монументальныхъ стѣнъ и субструкцій баальбекскаго акрополя; во вторыхъ по *планамъ* различныхъ декоративныхъ агіумовъ: прямоугольнаго, шестисторонняго, шпильевъ, монументальной лѣстницы акрополя, кругаго храма въ городѣ и т. д., которые послужили образцами для вышнихъ построекъ времени Константина; затѣмъ, по *архитектурнымъ деталямъ* здавія эпохи Антониновъ¹⁾, и наконецъ, по *остаткамъ христіанской базилики*²⁾. Христіанская базилика являлась для насъ первымъ образчикомъ загадочнаго исчезновенія нѣкоторыхъ, вѣроятно колоссальныхъ развалинъ древне-христіанскихъ храмовъ Сирія и Палестины.

Мы коснемся лишь въ немногихъ словахъ указанныхъ четырехъ пунктовъ: все это должно служить лишь матеріаломъ для сравненія

1) *Божній храмъ*, по мнѣнію Вуда, и въ последнее время — Фраубергера, былъ построенъ Антониниомъ Пиемъ, не конечно, разобранъ Осодосіемъ. *Второй храмъ* былъ построенъ, судя по формамъ, въ первой половинѣ III столѣтія, какъ и извѣстный *хрумый храмъ*. (См. Frauberger, Die Akropolis von Baalbek, 1892, стр. 6—9. См. три доозначительные снимка фот. внутреннихъ стѣнъ баальбекскихъ подземныхъ корридоровъ и 7 снимковъ орнаментаки цинкъ въ агіумѣ и пр.

2) См. планъ ея въ собраніи Общества за № 45 каталога. Планъ, снятый архитекторомъ Жоуан, см. въ его изданіи и въ гудѣ Izambert'a на стр. 613.

и определении архитектурных типовъ въ христіанскихъ памятникахъ Сиріи.

На первомъ мѣстѣ стоитъ, конечно, вопросъ о времени построения стѣны и самыя субструкціи баальбекскаго акрополя или, вѣрнѣе, гелиополистанскаго святилища. Весьма вѣроятно, что со времени Сольса его монументальныя стѣны и особенно подземные корридоры колоссальныхъ субструкцій были относимы многими ко временамъ древней Фивіиды¹⁾ и всякій разъ съ удареніемъ помпалась, когда рѣчь шла (правильно или нѣтъ) о древнеегипетскихъ постройкахъ. Именно, Сольса, признавалъ римское происхожденіе этого акрополя, отличая, однакоже, въ немъ во первыхъ, такъ называемый у греческихъ писателей *τράπεζα* — три чудовищныхъ камня (20 метр. длиною при 4 метр. вышины, подняты были на высоту до 7 метр.), которые онъ считалъ «фивіидскою стѣною» (почему то даже называлъ *циклопическою*) и во-вторыхъ, вѣдѣныя части сводовъ въ подземныхъ корридорахъ Баальбека, которыя, по словамъ Сольса, и «цвѣтомъ камня и выплѣомъ сводовъ» отличаются отъ остальной римской кладки. Никакой, однакоже, дѣйствительно, внимательный осмотръ памятника не даетъ подтвержденія соображеніямъ Сольса, нѣтъ не даромъ пользующагося дурною славою, такъ какъ онъ постоянно злоупотреблялъ фактическими данными, взращая надписи, сочинялъ небывлицы и преувеличивалъ значеніе видѣннаго. Подземные корридоры Баальбека, правда, весьма внушительны по своей вышности, и отличаются отъ близко сходныхъ съ ними подземелій Палатина именно расчетомъ на монументальный эффектъ. Но, на всемъ своемъ протяженіи, эти корридоры, сложенные изъ большихъ массивовъ въ основаніяхъ свода, съ восходящею притескою каменей въ самыхъ сводахъ, вездѣ совершенно тождественны по конструкціи и по кладкѣ и нигдѣ никакихъ особыхъ отличій не представляютъ, за исключеніемъ тѣхъ залъ неизвѣстнаго назначенія, которыя вмѣются на уровнѣ этихъ корридоровъ, но раздѣланы сверху доверху, какъ являли или храмовыя помѣщенія. Стало бытъ, или надо считать, что отъ фивіидскаго времени уцѣлѣли всѣ стѣны подземелій до сводовъ или вся постройка римская, но, по позднему времени и господствовавшему при Антонинахъ вкусу и сообразно съ значеніемъ акрополя, и главное, по желанію римскаго архитектора подражать древнимъ, выполненная въ древне-фивіидскомъ пошибѣ. Вотъ почему напр. мѣстами плиты сводовъ выступаютъ ребромъ, которое осталось не стесаннымъ, или нижній поясъ (или слой) стѣны представляеть скошенный выступъ, а камни обдѣланы въ

1) Правда, многимъ высказано прямо сомнѣніе въ фивіидской древности стѣны. Гелиополиса, его пресловутыхъ субструкцій и даже знаменитаго триптона, напр. Ренаномъ въ его *Mission en Phénicie*, p. 314—316, Мерро, *Histoire de l'art dans l'Antiquité*, pag. 105 n°. См. однакоже повтореніе слова Сольса въ глѣдахъ *Иамбера*, стр. 616—619 и *Бедкера*, стр. 312.

рустику, какъ вообще приято было, но въ римскимъ вліаніемъ въ Сиріи въ постройкахъ I и II стол. по Р. Х. (такъ называемая «еврейская» кладка съ выпусками). Весьма возможно, конечно, что между массивными камнями есть еще «ишпійской вытески, и римскій архитекторъ ихъ вновь погналъ въ работу, но узнать ихъ также здѣсь трудно, какъ въ стѣнахъ Иерусалимскаго храма различить камни Соломоновы отъ Иродовой постройки. Если же, однако, это доселѣ дѣлается и притомъ многими, и съ искреннимъ убѣжденіемъ въ пользѣ этого запятія, то, въ утѣшеніе, можно припомнить, что въ центрѣ науки классической археологіи, въ самомъ Римѣ, сравнительно недавно процвѣтала еще вѣтвь археологіи изъ ученыхъ, «бесѣдовавшихъ съ шѣмыми камнями».

Тяжелая монументальность геліополитанскихъ субструкцій отвѣчаетъ грузному, неуклюжему, казарменно-сучному и монотонному стилю римскихъ декоративныхъ построекъ Баальбека. Кто бы ни былъ архитекторъ, по мы, очевидно, имѣемъ здѣсь дѣло съ римскимъ, академическимъ подражаніемъ аюпскому акрополю, котораго монументальныя пропилеи съ высокою лѣстницею и зданіями по бокамъ, и два храма воспроизведены здѣсь въ современныхъ эпохѣ формахъ. Подражаніе неудачное, потому, что мѣстность совершенно не отвѣчаетъ этому плану, такъ какъ вмѣсто скалы акрополя, имѣлся лишь холмикъ, чтобы поставить на немъ храмъ¹⁾, и потому лѣстница представляла, вѣроятно (она разобрана арабами при обращеніи акрополя въ цитадель) видъ только широкаго крыльца, которое играло излишнюю роль въ укрѣпленномъ акрополѣ. Какъ бы то ни было, очень жаль, однако, что этого крыльца болѣе нѣтъ, ибо мы бы имѣли въ немъ ближайшій образецъ лѣстницы, ведущей къ пропелеямъ базилики Константія на мѣстѣ Воскресенія, нынѣ открытымъ. Самая базилика была также своего рода академическимъ шаблономъ, схемою, выполненною безъ всякаго отношенія къ мѣстности, но именно пропелеи базилики были, видимо, счастливымъ исключеніемъ, въ этомъ отношеніи, и не даромъ Евсевій (см. ниже) ими восхищался, очевидно, вслѣдъ за всѣми.

Любопытны, затѣмъ, два двора для атриума: шестисторонній и четырехугольный, этотъ послѣдній вдоль стѣны украшенный четырьмя полукруглыми пинами и столбами же прямоугольными. Въ самомъ дѣлѣ, атриумы величественныхъ базиликъ Константінова времени (не римскія базилики, которыя имѣютъ, кажется, почти всегда прямоугольные двory) на Востокѣ были именно украшаемы, съ особою прихотью, вычурными, изогнутыми по кривой линіи круга, овала, или наискось идущими (ромбoidalными) портиками: об-

1) По словамъ Фраубергера, все возвышеніе акрополя въ Баальбекѣ насыпано искусственно (ibid. стр. 9): вѣроятно, вѣтаки было въ началѣ и скалистое его основаніе.

этомъ свидѣлствуютъ еще подражательныя постройки Равенны. Евсевій въ похвальной рѣчи Паулину епископу Тирскому¹⁾ (какъ мы уже говорили) упоминаетъ, что великолѣпная Тирская базилика, имѣла обширный дворъ, украшенный со всѣхъ сторонъ четырьмя наискось идущими портиками, и имѣвший видъ четырехугольника, поддерживаемаго вездѣ колоннами. Иллюстрацію къ этому описанію представляетъ какъ разъ шестиугольный дворъ Баальбека съ косыми портиками.

Римскій вкусъ пли, точнѣе, римское безвкусіе выразилось столько же въ тяжелыхъ, громоздкихъ стѣнахъ Геліополиса, неуклюже массивныхъ, грузныхъ и тѣсныхъ колоннадахъ, сколько и въ художественныхъ формахъ и деталяхъ его храмовъ и богатой пластической орнаментикѣ. Подъ давленіемъ Рима, Сирія и безъ того лишняя петриная художественнаго вкуса, благодаря племенному ея составу, и предпочитавшая всегда вкусъ сильнаго соеѣда, Египта, Ассирія и пр. пльщлому стилю слабого, окончательно отдѣлилась отъ малоазіатской архитектуры и усвоила себѣ тотъ шаблонъ, который распространяли римляне при Адрианѣ по всему міру.

Для Баальбека выгодно, что его храмы представляютъ руины: будь они цѣлыми, давно бы туристы подмѣтили несприятное впечатлѣніе, какое должна производить тяжелая, массивная архитектура, съ ея рассчитанными на грубый вкусъ эффектами, мелочною и сухою рѣзью тонокихъ поясковъ и глыбъ на подавляющихъ грузностью массивахъ. Прежняя деликатная рѣзба греческой орнаментики, столь изящная на мраморныхъ храмахъ Греціи, примененная здѣсь къ громаднымъ пространствамъ, кажется здѣсь чудовищною утонченностью, заставляетъ жалѣть о работѣ, потраченной на пышные карнизы и покрытые сѣтью орнаментальной рѣзбы колоссальные плафоны съ гигантскими кассетами, монструозными бюстами и грузными свѣшывающимися розетками, такъ какъ эта работа въ мѣстномъ, хотя и крѣпкомъ, известникѣ, очень недолго оставалась свѣжею. Правда, разрушеніе ослабило рѣзкость и ремесленную сухость. Для насъ любопытны были особенно каштеля и орнаментация антаблемановъ. Храмы Баальбека рѣзко разнятся по стилю: въ больномъ и древнѣйшемъ храмѣ (временъ Антонина) (Солнца?) лѣтва капителей, съ широкою сердцевидною, сочною выпуклостью лѣта, широкими его лопастями и узкою верхушкою, напоминаетъ еще лучшіе образцы Адриановыхъ построекъ въ Лопсахъ. Каштеля малою и позднѣйшаго храма (Зевса Геліополитанскаго?) (падаемаго нами въ снимкѣ со стороны входа, табл. II) уже много небрежнѣе въ отдѣлкѣ: акаюовый лѣтъ узокъ, сухъ, почти не суживается къ верхушкѣ, мало выпуклъ, весь какъ будто стянуть и парзангъ; но если онъ лишился живленности и эластичности,

1) *Hist. eccl. lib. X, c. IV, ed. Migne, pag. 864.*

то стать энергичнѣе, рѣче п характернѣе. Гляди на эти новые типы листовъ, понимаешь, что вѣчный акашотъ съ пышною листовою болѣе прилченъ мрамору; тогда какъ остролиственный съ оттопыренными концами и пголками, лучше въ большихъ капителяхъ пзъ известняка, который производитъ особый эффектъ своими густыми, почти черными тѣнями. Не по этой ли простой причинѣ, работалъ съ IV стол. почти исключительно въ разныхъ родахъ известняка, рѣзчики все укорачивали листъ акаша и дѣлали его суше, терпнстѣе? Дли пастъ, въ частности, важно родство орнаментальныхъ формъ этого храма съ константиновскими постройками.

Но, кромѣ того, мы должны отмѣтить два важныхъ обстоятельства. Первое относится къ указанному нами подражанію римскаго архитектора воспроизвести древній (спро-вавилонскій?) типъ акрополи съ подземными субструкціями: часть этихъ корридоровъ засыпана, и надо ожидать фундаментальныхъ раскопокъ, чтобы постичь ихъ планъ, но нельзя не сопоставить напр. съ подземными сооружениями Соломонова храма. Второе относится къ общему плану *крыльца, проналей, шестигрального двора п двухъ храмовъ*, окруженныхъ дворомъ. По всей вѣроятности, если большой храмъ, субструкція и частью стѣны были сооружены около времени Антонина Пія, то весь планъ былъ выполненъ уже въ III вѣкѣ по Р. X. Во всякомъ случаѣ уже, Фрауэнбергеръ обратилъ вниманіе на близкое родство этого плана (см. приложенію въ концѣ книги реставрацію) съ христіанскимъ храмомъ п считаетъ вѣрнымъ, что эта планировка Гаальбека должна была имѣть большое значеніе для основной формы христіанскаго храма и можетъ быть разематриваема, какъ прямой его образецъ.

Мы настолько согласны съ этимъ, что уже во введеніи намѣренно помѣстили описаніе базилики въ Тирѣ, которая была возведена, явно, по образцу въ родѣ Геліополитанскаго акрополи, а затѣмъ укажемъ въ своемъ мѣстѣ п соотношеніе храма Гроба Господня.

Грандіозная христіанская базилика Геліополи была сооружена при Константинѣ Великомъ, повидному, исключительно изъ матеріаловъ (или рутъ?) большого храма.

Евсевій въ «Изидіи Константина III», гл. 58 передаетъ съ достаточною точностью, что именно Константинъ обратилъ вниманіе на безправственное служеніе Венерѣ въ ашпкійскомъ Геліополѣ п, вскретивъ этотъ культъ, написать увѣщаніе жителямъ, а къ добрымъ словамъ приложить п благое дѣло: «соорудивъ тамъ молитвенный домъ (п) — громадную церковь».

Въ текстѣ, повидному, испорченный риторскій оборотъ: *ὄλεον εὐκτήριον ἐκκλησίαν τε μέγιστον*, гдѣ частица *τε* или вставлена кошнстомъ, пли, пзъ особой щеголеватости ритора, прибавлена для усиленія противоположенія храму Венеры дома молитвы п собранія вѣрующнхъ. Поправка, предлагае-

манъ въ изд. Migne: *νῶν τε μέγιστον* — произвольна. Книга одного греческаго географа, писанная въ Александρίи или Антиохіи между 350 и 353 г. (изд. въ *Geographi Graeci minores II*, стр. 302, повторяеть старину объ языческомъ служеніи Венеры въ Гелиополѣ и еще будто бы тамъ дѣйствиющихъ оракулахъ. Моисей Хоренскій (пер. Дюмпа, III, 3) сообщаетъ, что именно Осодосій (младній) обратилъ въ церковь языческій храмъ въ городѣ Гелиоса, «великій и пресловутый храмъ Ливана—*Τριλιθον*» — по всей вѣроятности, павѣстіе, относящееся къ храму Юпитера.

Χρονογραφία Иоанна Малалы (lib. XIII, ed. Bonn, pag. 344—345) сообщаетъ это свѣдѣніе въ слѣдующихъ положительныхъ словахъ: *τοὺς δὲ ναοὺς πάντας τῶν Ἑλλήνων κατέστρεψεν ἕως ἐδάφους ὁ αὐτὸς Θεοδὸς ἰσ βασιλεύς; κατέλυσε δὲ καὶ τὸ ἱερόν Πίλιου πόλεως τὸ μέγα καὶ περιβόητον τὸ λεγόμενον Τριλιθον καὶ ἐποίησεν αὐτὸ ἐκκλησίαν χριστιανούς.* Историкъ Созоменъ VII, 15 упоминаеть о храмѣ по поводу павѣстій объ унорныхъ язычникахъ зашпиданившихъ свои храмы (въ концѣ IV в.): *ἑστῆτι δὲ κατὰ πόλεις τινὰς προθύμως ὑπερεμάχοντες τῶν νεῶν οἱ Ἕλληνησταί: ...παρὰ δὲ Φοινίκην οἱ τῆν Ἰλιού-πολιν εἰκούντες,* и врядь ли это только фраза, такъ какъ упомянутые рядомъ храмы Газы, Петра и пр., дѣйствиельно, долго сохранили культъ. Пасхальная Хроника (р. 561 ed. Bonn.) повторяеть извѣстіе почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ.

Въ настоящее время базилика едва обозначается на поверхности землн стѣнами не выше 1—1½ арш., подукругомъ абсиды на западѣ и четырьмя громадными столбами въ срединѣ, быть можетъ, назначавшимся для покрытія сводомъ хотя бы боковыхъ нефовъ, если не средняго, который имѣеть около 20 метр. ширины. Указанные столбы могли, впрочемъ, и не поддерживать сводовъ, такъ какъ пхъ верхняя, выдвинутая гуськомъ на высотѣ немного болѣе человѣческаго роста, плита могла быть клята лпнн въ качествѣ готоваго и удобнаго матеріала для столба изъ храмовыхъ субструкцій. Правда, своды таураскихъ и заиорданскихъ зданій, а также базилика Константины въ Римѣ поражаютъ своею отчаянною смѣлостью и широтою, а, при отсутствіи дерева, громадное зданіе и не могло быть покрыто иначе, чѣмъ сводомъ.

Такимъ образомъ, эта колоссальная руина представляетъ пока единственный, предпологаемый образецъ крытой сводомъ базилики Константинова времени, мало вознаграждающей печезновеніе памятниковъ его архитектуры. Безъ раскопокъ, однако, нельзя рѣшить, какъ глубоко погребены подъ мусоромъ и руинами уровень пола базилики. Но можно быть увѣреннымъ, что и послѣ раскопокъ останется вопросомъ, загадкою: куда дѣвались стѣны, своды, гдѣ колоннады, гдѣ вся масса камней, долженствующая образовывать горы мусора? Вопросъ этотъ представляется потому, что языче-

скія зданія уцѣлѣли, сравнительно, гораздо лучше: единственное объясненіе, приходящее на умъ, заключается отчасти въ самомъ характерѣ большинства христіанскихъ базиликъ Сиріи, которыхъ постройка обыкновенно отличается поспѣшностью, вмѣстѣ съ тѣмъ, небрежностью и крайнею бѣдностью украшеній. Ихъ строили уже обѣдѣнныя городскія общины, но, по приказу императоровъ и правителей, подъ давленіемъ фанатическихъ монаховъ, наскоро и изъ готоваго матеріала, какъ привелось, безъ притескъ; землетрясенія быстро разваливали эти наскоро сложенные стѣны базиликъ, а арабы легко разобрали руины, подчиняясь отчасти фанатизму, отчасти нуждѣ, такъ какъ не могли управиться съ римскою кладкою языческихъ зданій. Такъ христіанскія эмблемы — кресты и монограммы оказываются стесанными на дверныхъ косякахъ этой базиликъ, тогда какъ въ храмѣ Юпитера, подъ базой полуколонны на южной сторонѣ, на недетагѣ, недавно отрытомъ изъ подъ руины, сохранился высѣченный крестъ, показывающій, что этотъ храмъ, какъ уцѣлѣвшій, былъ позднѣе (при Θεодосіи Младшемъ?) обращенъ въ церковь, тогда какъ большой храмъ уже при Константинѣ былъ руиною.

Мы выѣхали изъ Баальбека на югъ къ *Якфуфу*, держась все время желобовъ съ кристальною струею водъ, источникъ которыхъ бьетъ въ Баальбекѣ. Половина дороги идетъ по обнаженнымъ каменнымъ холмамъ, на которыхъ бродитъ стада, все спускаясь. Въ ущелья, у горной рѣчки стоятъ деревушка Якфуфа. Отъ нея, по горнымъ кручамъ, спустились въ долину дер. Сургайя, лежащую на высотѣ 4500 фут., узкую, тѣсную, но безконечно длинную. Въ этой тѣснотѣ днемъ было жарко и душно, при насъ 38° Р., а ночью температура упала до 7°.

Изъ Сургайи мы пошли прямо на югъ по той же узкой котловинѣ, вдоль ручья и пояса садовъ, тѣснящихся къ водѣ. На высотѣ 4800 фут. достигаемъ перевала и водораздѣла; наверху каменисто и прохладно. Стѣна показывается полоска зелени, по новой рѣчкѣ, текущей на югъ въ Барадю и провожающей насъ до *Зебедали*, деревни, среди роскошныхъ плодовыхъ садовъ, состоящей изъ двухъ разселенныхъ по сторонамъ рѣчки населеній: христіанскаго и мусульманскаго. Отчаянная дорога, пасыпанная сплошь гольями, сваливаемыми на дорогу изъ всѣхъ садовъ, ведетъ черезъ деревню версты четыре. Далѣе ручей становится уже горнымъ потокомъ, и соединившись съ Барадюю, мощнымъ струямъ несущейся изъ подъ горъ, образуетъ рѣку, шумную, пѣнистую и веселую. Котловина раскрывается, и повернувъ налѣво, мы идемъ по восхитительнымъ мѣстамъ, столь же плодороднымъ, сколько красивымъ; здѣсь и водопады, и быстрыны кристальныхъ водъ, мѣляющихъ цвѣта спянки и бпрюзы, и бѣгущая скачка воды, по порожистымъ мѣстамъ, напоминающая Терекъ. Потокъ переносится черезъ гряды скалъ, пмъ до гола обнаженныхъ въ ущельяхъ, но непрощаемы

гуци тополей и тростника, полосами въ три, четыре сажени, скрываетъ густымъ мракомъ несущуюся внизу рѣку. Дорога, върѣе — трошника, выстелъ по розсыпямъ камней, и мѣловая почва такъ разбита здѣсь даже верховою ѣздою, что путь каравана обозначается тучей пыли, долго и густо послѣщей послѣ его прохода. Невольно, смотри на эти благодатныя мѣста, воспоминаешь, какъ высоко стояла здѣсь культура въ древности и какъ давно уже эти мѣста ожидаютъ ся воскресенія.

Мы приходимъ въ мѣсто называемое *Сукъ-уади-Барада*, въ древности *Абиля* (Abila), донынѣ славящееся своимъ плодородіемъ. Здѣсь еще сохранился римскій мостъ, устроенный въ ущельѣ, напоминающемъ по дикой красотѣ стѣны нѣтъ Дарьялъ. Тѣснина расходится, отходитъ влѣво, и въ стѣнѣ видно много пещеръ, иногда поясами или этажами, выны украшенныя архитектурною раздѣлкою, даже рельефами, уже не узнаваемыми; ущельвѣшій водопроводъ понилѣ струитъ кристаллыныя воды горнаго источника. По обѣ стороны стѣны желтыхъ и сѣрыхъ скалъ, мѣстами покрытыхъ мохомъ, вззубренныхъ водами, раздѣланы гладкими плоскостями и унизаны поясами пещеръ. Арабскій мостъ ведетъ еще на гору, гдѣ въ скалѣ высѣчена глубокая канава водопровода и широкою траншеею шла римская дорога, здѣсь на высотѣ гордо обозначенная двумя пышными надписями въ честь Антонина и Вера, строителя дороги¹⁾. Возлѣ самой надписи врезанный обрывъ дороги и всей скалы въ бездну, — не достаетъ бывшаго здѣсь гигантскаго римскаго моста. Мы посетили пещеры, гдѣ было возможно, видѣли одинъ барельефъ спящей фигуры, взуродованной до полной неразличимости.

Изъ Абиля три часа пути по пыльнымъ тропамъ известковыхъ холмовъ до *Ан-Фидже* (фот. и планъ Пимфея №№ 60—62), знаменитаго мѣстечка, гдѣ, среди густыхъ зарослей деревъ и тростника, вырывается изъ подъ земли, съ большимъ шумомъ, могучій источникъ. У самаго жерла кипящей воды, столь обильной, что уже отсюда она течетъ горнымъ потокомъ, была во времена римлянъ сооружена декоративная нина (върѣе, четырехугольная эседра) Пимфеона, на полулицу разобранаго для деревенскихъ нуждъ. Когда вновь эти мѣста станутъ цѣлью горныхъ экскурсій, чего они нилѣ заслуживаютъ, то конечно, Анн-Фидже будетъ служить прivalомъ, и легкое швейцарское chalet поставится рядомъ съ монументальною кладкою римлянъ.

Дорога изъ Анн-Фидже въ Дамаскъ плетъ по обнаженнымъ безводнымъ горамъ, въ сторонѣ отъ Барады, которую мы вновь встрѣчаемъ уже въ *Думмаръ*, въ видѣ тихо и полно текущей рѣки. Весь дальнѣйшій путь, на три часа времени, плетъ среди скалистыхъ ущелій, постепенно спускаю-

1) Clermont-Ganneau, *Recueil d'archéologie orient.* II, 1898; *Inscriptions romaines d'Abila de Lysanias*, p. 35—43. Фот. 58—59 а.

щихся къ Дамаску. На послѣднихъ 8 верстахъ эти скалы образуютъ чудные и причудливые виды по берегамъ рѣки. Съ высоты скалъ бѣгутъ ручьи, каплютъ источники и воды, проведенныя въ верхніе сады удаляющихся сюда на лѣто богачей Дамаска.

Самый Дамаскъ производитъ на путешественника чарующее впечатлѣніе богатствомъ садовъ, красотою своихъ крытыхъ громадныхъ базаровъ, причудливыми двориками мусульманскихъ домовъ, небываюю оживленностью городской жизни и средневѣковымъ, своеобразнымъ бытомъ города, еще заключеннаго въ предѣлахъ стѣнъ. Однако, отъ древняго города сохранилось крайне мало: стѣны, направленіе главныхъ улицъ, особенно «средней» — черезъ весь городъ, но памятники еще погребены подъ мусоромъ и мусульманскимъ городомъ. Главными пунктами археологическихъ занятій, если не считать патріархіи, гдѣ писали нѣсколько надписей, перевезенныхъ сюда пзъ Эзры плъ тамъ сконпровапныхъ, оказывалась знаменитая *мечеть Омміадовъ*, доселѣ главная мечеть Дамаска и *мечеть Эль-Даширъ*. Занятія первую сопровождалась рядомъ большихъ и мелкихъ детальныхъ фотографическихъ снимковъ, которые нынѣ, послѣ страшнаго пожара, разрушительнаго значительную часть мечети спустя нѣсколько лѣтъ послѣ нашего посѣщенія, получили значеніе своего рода документальное.

Мечеть Омміадовъ, плъ «большая мечеть» существуетъ на мѣстѣ прежней христіанской базилики, освященной во имя Юапна Крестителя при имп. Осодосіи Великомъ и Аркадіи, и въ свою очередь, превращенной въ церковь пзъ большого языческаго храма, невѣстнаго времени пропехожденія. По свидѣтельству Аркульфа, около 670 г. базилика еще принадлежала христіанамъ, и мечеть Сарациновъ помѣщалась въ другомъ мѣстѣ. Въ эпоху завоеванія арабами базилика была сначала подѣлена между христіанами и мусульманами, но скоро перешла въ руки послѣднихъ, какъ рассказываетъ Евтихій (II, 374, 380)¹. Валдѣ ибнъ Мелекъ, ставшій халифомъ въ 705 г., отпаялъ церковь у христіанъ и, употребивъ громадные средства, построилъ колоссальную мечеть и съ большою пышностью отдѣлалъ ее мраморами, мозаиками, бронзовыми дверями и пр. Таковы пемпосложныя извѣстія о памятникѣ, играющемъ роль въ псламѣ столь же видную, какъ и храмъ Св. Петра въ Римѣ! Къ несчастію, пзвѣстія наши о древне-христіанской базиликѣ еще болѣе скудны, и потому мы должны ограничиваться исключительно собственными наблюденіями.

1) Clermont-Ganneau, *Rec. d'arch. or.* II, 1898, p. 330. Наши снимки мечети исполнены плъ большою разиѣрѣ и съ достаточною полнотою: 217 — древне-христіанскія стѣны мечети съ западной стороны, 218 — сѣверный порталъ, 219 — бронзовая дверь, 220, 221 (69 по 71 каталога) — двери; 222 — внутренность мечети, 224, 225 — мозаики на внутренней стѣнѣ сѣвернаго портала; 226—230 (или 78, 79) — боковыя порталы и пхъ мозаики, 231 — римская триумфальная арка входнаго портика, видная съ запада.

По этимъ наблюдениямъ оказывается, что всѣ мечты¹⁾ открыть въ мечети планъ древней христіанской постройки напрасны. Мечеть Оммаидовъ со всѣми тремя нефами молитвеннаго дома, со всѣми дворами, колоннадами вокругъ двора, всѣми воротами или монументальными входами, стѣнами вокругъ, купольною постройкой надъ главою I. Прядтеп, будто бы тамъ сохрпваемую, и т. д. *есть совершенно чинное мусульманское зданіе*, котораго строители только воспользовались прежними матеріалами, но построили все вновь, по новому плану. Этотъ новый планъ по существу мусульманскій (французскіе археологи считаютъ всю мечеть, подобно мечети Эль-Акса, очевидною церковью, въ которой измѣнено только направленіе)²⁾ и повторенъ, начиная съ мечети Омара въ старомъ Капрѣ, во всѣхъ главныхъ мечетяхъ въ собственномъ смыслѣ слова. Очевидно, въ старину колоннады этой мечети были совершенно открыты во дворъ и только въ новѣйшее время забраши деревянными перегородками. Особенность этой мечети заключается лишь въ порталахъ: входномъ посреди и двухъ боковыхъ (таб. IV и V), а также въ своеобразномъ поперечномъ нефѣ, ведущемъ къ михрабу. Характерная смѣлость арокъ, опущенныхъ на колонны, широко разставленныхъ, отвѣчаетъ времени, но лишена изящества Омаровой мечети. Затѣмъ, пробивка стѣнъ главнаго нефа широкими арочными отверстиями—окнами, также мало краситъ зданіе и мало отвѣчаетъ крохотнымъ окнамъ въ наружныхъ стѣнахъ (см. таб. III). Мечеть обширна, громоздка, но не имѣетъ никакихъ архитектурныхъ достоинствъ и уродлива въ пропорціяхъ: уже судя по плану, это не христіанская базилика, а наскоро собранная мечеть. Но, конечно, архитектурныя формы и украшенія принадлежатъ не арабскому, но спрійскому, т. е. вставилъ христіанскому и въ основѣ—греко-восточному искусству: таковы арки, куполь, облицовка стѣнъ выпзу острыми мраморами и вверху мозаиками, хотя эти данныя не имѣютъ никакого отношенія къ самой древней базиликѣ.

Древняя колоссальная арка³⁾, видная надъ стѣнами базара, съ западной стороны мечети, въ разстояніи отъ нея около 60 фут., считается принадлежанцею языческому храму, но служила входными базилики, вмѣстѣ съ колоннадою, и колонны (колонны можно находить уже внутри лавокъ и нерѣдко заложенными уже на половину) идущую отъ этой арки къ мечети. Равно и колонны мечети принято относить къ тому же языческому храму,

1) Однако, эти мечты выдаются за дѣйствительность всѣми гидами: Изабера, Бедекера и пр. Или говорятъ, что мечеть сохранила часть базиличной постройки, пригодившейся по плану, или что даже вся распланировка базилики сохранена. Между тѣмъ, даже всѣ безъ исключенія колонны поставлены на мусульманскій базис, ради большей высоты и снабжены надъ капителями еще кубами ил. пяти арокъ.

2) См. Izambert, p. 641.

3) Рисунки у Зенна, II, p. 363; фот. Dumas; фот. :

какъ и южную стѣну мечети, прекрасной римской кладки, съ арочными окнами, считать того же происхожденія. Напротивъ того, доселѣ очень мало указано остатковъ христіанской базиллики: часть стѣны съ западной стороны мечети (фот. 217), косякъ съ греческою надписью о Царствѣ Христовомъ. Восточныя бронзовыя двери (общія для мѣдью) мечети, хотя имѣютъ изображеніе чаши, чисто арабскаго происхожденія, и чаша эта не имѣетъ ничего общаго съ потпромъ.

Конечно, все опредѣленія состава мечети Омміадовъ пока представляють только болѣе или менѣе вѣроятныя догадки; отрицать можно лишь догадку тѣхъ нутешественниковъ, которые принимали арку за триумфальную арку временъ первыхъ императоровъ, — что, пожалуй, безусловно ошибочно¹⁾. Дѣло въ томъ, что свидѣтельство Иоанна Малаалы (кн. 13, стр. 344 и 345) о построеніи Осодосіемъ церкви на мѣстѣ языческихъ храмовъ Баальбена и Дамаска легко можетъ быть обобщеніемъ, далеко не точнымъ. Дамаскъ развился особенно со временъ Филиппа Аравитянина, который сдѣлалъ его римскою колоніею, но до Константина не былъ еще особенно большимъ городомъ и только въ IV вѣкѣ заступилъ мѣсто Пальмиры. Итакъ, если, дѣйствительно, здѣсь есть остатки языческаго храма, то временъ Филиппа (244—249 гг.).

Затѣмъ, всякій, кто осмолитъ самую мечеть (таб. III) или теперь дастъ себѣ трудъ пересмотрѣть фотографіи, снятыя экспедиціею (217—222, 226—231), тотъ убѣдится, что все колонны мечети Омміадовъ, за исключеніемъ двухъ, трехъ, принадлежащихъ мусульманскому (позднѣйшему) типу (поставленныхъ возлѣ кувуклія съ главою I. Предтеч), какъ въ колоннадахъ самой мечети, такъ двора, всехъ порталовъ, до такъ называемой библіотеки (или крововишницы — круглой, крытой куполомъ, наглухо закрытой — будто бы никогда не открывавшейся камеры, поставленной на колоннахъ) включительно, — все тождественной работы, изъ одного мрамора, съ одинаковыми капителями и базами. Только колонны двора сдѣланы изъ гранита, но имѣютъ совершенно тѣже капители, и слѣдовательно могутъ происходить изъ атриума базиллики. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, вся мечеть составлена изъ матеріаловъ древне-христіанской базиллики, отъ колоннъ, ихъ капителей до самаго камня, употребленнаго на кладку, но, при этомъ все, кромѣ древней арки (которую мы считаемъ происляемъ базиллики), переложено и переставлено по плану мечети. И потому все рассказы о томъ, что халивъ строитель приказалъ собрать со всей Сиріи и свозить колонны для

¹⁾ Форма фронтона, сведеннаго аркою надъ среднимъ пролетомъ, и горизонтальнаго надъ прочими, принадлежить позднему времени и встрѣчается во дворцѣ Діоклетіана въ Сплато, см. Hauser, *Stillehre*, 1877, fig. 161, p. 118.

этой мечети, только обычное сочинение. Число колонн вполне идет к большой базилике с обширным атриумом, но слишком велико даже для колоссального языческого храма, в котором, сообразно с эпохой, уже трудно было бы предположить двойную колоннаду вокруг святилища, и, главное, трудно было бы поместить серию колонн из гранита.

Капители колонн коринфского стиля весьма близки к формам, господствующим в постройках II—III вв. в Зајордании (Гераса и пр.), но уже значительно отошли от Баальбека. А именно: капитель здесь ослеплена уже как бы в три ряда акантовыми листьями, благодаря тому, что успяя волею, представляют собою настоящий акантовый, хотя не развитый

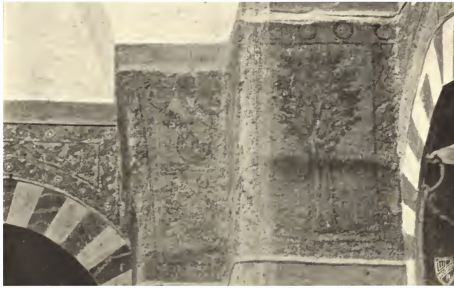

Рис. 3. Дамаск. Гробница Малек Дагера. Северная сторона.

волею лист, в таком образе, эти два полулиста, приходится на одном уровне с угловым листом под волною, составляют третий лист. То же самое, но в окончательном типе мы найдем в каптелях виллеемской базилики, и потому мы должны принять, что все капители (а стало быть, и главная масса монолитных колонн) Оммаядовой мечети хотя происходят из христианской базилики, однако сами раннее времени Константина, когда была построена эта базилика, но близки к этому времени, а потому, скорее всего, относятся к постройкам Филиппа¹⁾. А так как мы указали уже причины, почему нельзя думать, чтобы колоссальное здание, разобранное для

1) В листьях аканта характерно также и то, что две или три лопасти уперты в острые кончики соседнего листа, — особенность из рисунков капителей IV и V вв., здесь еще только проявляющаяся (см. ниже в Гюсефе).

базилки, было храмомъ (о которомъ, къ тому же, вовсе не говорятъ историки), то гораздо естественнѣе принять, что матеріалъ этотъ происходитъ изъ разныхъ городскихъ построекъ, но одного времени пропехожденія. Окончательное доказательство языческаго происхожденія всѣхъ крупныхъ матеріаловъ мечети представляетъ такъ называемая триумфальная арка пропелеевъ, которой капители тождественны со всѣми остальными въ мечети, а фронтонъ украшенъ пыльнымъ рѣзнымъ карнизомъ яснаго римскаго типа¹⁾.

Нарисованные длинными вѣдчными фризомъ по верхнему карнизу внутреннихъ стѣн мечети орнаменты представляютъ виды городовъ, предметы природы и растительности, и слѣдовательно должны напоминать тѣ

Рис. 4. Монастырь св. Оомы близъ Сейдна.

восточные подзоры, которые замѣняли собою прежнія окна и назначены были нѣкогда украшать собою ставни или жалюзи, прикрывавшія излишій свѣтъ. Вся декорация сближается восточными декорациями съ римскими эмблемами, александрийскими ладночтамъ и пр. Изображены напр. оливковое дерево и кипарисъ, а между ними разводы должны напоминать посадку винограда между деревьевъ въ садахъ. Замокъ или вилла въ горномъ пейзажѣ съ

1) Акротеріальная сима раздѣлана такими же схематическими пальметками, какъ въ орнаментѣ Юпитерова храма въ Баальбекѣ; карнизъ раздѣланъ сухариками; подъ ними зубцы, овы и фризы съ выпуклыми торозъ, раздѣланными побѣгами съ розетками внутри (между розетками типичны тѣ, у которыхъ лепестки загнуты въ одну сторону), а посреди три акавовые листа, изъ которыхъ два загнута по сторонамъ; далѣе архитравъ съ тѣною, украшенною меандромъ, и два поляка жемчужниковъ.

куполами и шарами. Широколиственное дерево съ плодами въ искусственной обрѣзкѣ, съ причудливыми формами. Чинковая пальма. Смоковница, которой вѣтви сплетены между собою (вѣроятно, для лучшаго вызрѣванія плодовъ) и пр., въ такихъ формахъ, которыя даютъ наилучшее понятіе о садоводствѣ Персовъ, Грековъ, Византійцевъ и Сирійцевъ. Въ углахъ декоративныя консоли съ подножками въ видѣ роговъ изобилія. Мѣстами фризы представляють чашы съ плодами и кактусовыми вѣтками. Такія же чашы съ цвѣтами видѣются на колоннахъ окружающихъ впапы. Или же поле занято разводами акантовы, какъ въ церкви Св. Виталия въ Равеннѣ.

Изъ прочихъ памятниковъ Дамаска намъ всего болѣе заинтересовала маленькая тюрбе (табл. IV и рлс. 3) *Мелек'ед Датеръ Бибарсъ* (1279 г.), своимъ внутреннимъ убранствомъ: облицовкою до сводовъ изъ нестрыхъ мраморовъ, хотя уже въ чисто арабскомъ цѣлостѣ, и перламутра, и полсомъ мозаикъ съ растеніями, разводами и декоративными предметами и видами по золотому полю¹⁾.

Здѣсь уже самыя типы орнаментации явно подчинены позднѣйшему арабо-персидскому вкусу, и многія формы мы встрѣчаемъ уже въ Гренадѣ.

II. II. Сиріювъ посѣтилъ и изслѣдовалъ, со стороны памятниковъ древности, монастырь Св. Оомы близъ *Сейдная* (*Сейданая*, рлс. 4).

1) Вотъ общій перечень снимковъ, только въ числѣ 10 попавшихъ на выставку: 92—100, 102—104; въ порядкѣ же снимковъ экспедиціи слѣдующій: 232, 233 — общій видъ внутренности мечети, бывшей гробницы, нынѣ библиотеки, 233—253 — мозаики фриза и люнетовъ мечети; 254—257 — рѣзьба на облицовкѣ. Наконецъ въ Дамаскѣ намъ удалось снять 16 моментальныхъ малыхъ снимковъ (считая съ увеличеніями) съ извѣстной процессіи возвращенія каравана изъ Мекки со священными атрибутами 14-го сентябля.

ГЛАВА II.

Путешествіе по Гаурану. Мусміе. Санаменъ. Эзра, ея церкви. Неджранъ. Шухба. Шахка, ея базилика. Эль-Хитъ. Кенаватъ и его памятники христіанства древнѣйшей эпохи. Развалины Сіаха и вопросъ о ихъ значеніи и времени происхожденіа. Атиль. Суведа, ея базилика. Босра, языческіе и христіанскіе памятники.

Изъ Дамаска нашъ караванъ направляется въ Гауранъ, сначала на югъ по дорогѣ хаджей, до Кессуэ, а отсюда на юго-востокъ черезъ село Дейръ-Али и Мерджане до *Мусміе*.

Отъ Кессуэ началась Леджа, древняя Трахонитида, съ черною лавою вмѣсто почвы, и глинистыми прослойками, на которыхъ пашутъ всюду, хотя бы это были крохотныя клочки земли. Деревья въ затѣпленныхъ деревьями логахъ представляются пролитыми чернилами. Мѣстами большія кучки камней, остатки военныхъ лагерей друзовъ, загоравивавшихъ туркамъ доступъ въ Леджу и Гауранъ. Въ немногихъ мѣстахъ куски шоссе, предназначенаго подвозить артиллерію, въ случаѣ новаго возстанія друзовъ. Мерджане стоитъ у высохшаго болотца. Отсюда поднимается и низъ плоскогорья, съ почвою солончаковъ, всюду потрескавшейся, необычайно плодороднаго лѣса. Черезъ два часа хода показалась черная полоса громадныхъ кучъ лавы — это и было Мусміе.

Мусміе издревле представляло собою крупный постъ римской культуры на границѣ Трахонской земли — вынѣшней Леджи и въ настоящее время является укрѣпленнымъ, турецкимъ постомъ на ея сѣверной сторонѣ. Издали Мусміе казалось очень обширнымъ, такъ какъ оно, подобно всѣмъ гауранскимъ мѣстечкамъ и городамъ, занимаетъ длинный холмъ, подобный гребню

вулканической волны изъ черной лавы; между гребнями низины засыпаны, но очень не глубоко, красноватымъ, чрезвычайно плодороднымъ, тучомъ и битю лавою; поля густо покрыты ею и ясно свидетельствуютъ о плодородіи земли и небреженіи человѣка. Вблизи холмъ оказывается обширную площадь (см. фот. 281) безпорядочнаго мусора, то мелкаго какъ щебень— въ развалинахъ домовъ побѣдѣ и позднѣйшей кладки, то крушнаго, въ видѣ плитъ и блоковъ тесаной черной лавы. Видъ этихъ руинъ, изъ всѣхъ, наиболѣе печальный и мрачный: нигдѣ ни признака растительности, ни травы, ни даже полевыхъ злаковъ, которыя въ Сприн растутъ въ самыхъ скудныхъ условіяхъ: всюду черныя кучи, стального цвѣта, съ слабыми признаками плѣсени на камняхъ, оживающей только по веснамъ. Тамъ, гдѣ руины образуютъ ямы, гнѣздятся бедняки въ черныхъ налаткахъ, и эту мрачную картину только усиливаетъ блестящая полоса свѣженостроеннаго шоссе, которое идетъ не долѣе къ городу и черезъ городъ доходить до казармы, построеной не только въ 1890 году, но съ пзвѣстнаго недавняго возстанія друзовъ. Развалины города довольно обширны; въ немъ есть много замѣчательныхъ руинъ богатыхъ домовъ, въ два этажа, съ прекрасными сводами (см. фот. 282—283), но настолько заваленныхъ камнемъ, что и планы этихъ зданій, и даже ближайшее ихъ разслѣдованіе потребовали бы крайне затруднительной очистки отъ камня. Всѣ постройки, безусловно (кроме новой казармы), были исполнены до арабскаго завоеванія, и даже, какъ можно судить по отличной римской кладкѣ въ первые вѣка христіанской эры, а именно во II, III и IV вѣкахъ. Повидимому, уже VI и VII столѣтія были здѣсь настолько тревожны для жителей, и прочіяхъ поселенцевъ стало такъ мало, что врядъ ли много строилось вновь. Такъ, когда влдши на косякѣ двери грубо высѣченный еще въ древности крестъ, то очевидно, какъ рано (иногда уже въ V вѣкѣ) началось наденіе этихъ мѣстностей въ культурномъ отношеніи.

Мы зашлись, главнымъ образомъ, осмотромъ домовъ, любопытныхъ чудною римскою кладкою, низкими входами, большими окнами верхнихъ этажей. Разслѣдованіе большой церкви, сложенной позднѣе и цѣлкомъ изъ древняго матеріала, шерѣдко пзуродованнаго для этой цѣли, показало, что эта церковь позднѣйшаго (для Гаурана) времени: такъ изъ церкви бывшій косякъ съ рѣзными орнаментами сталъ шпестромъ, потолокъ насланъ изъ плитъ, украшенныхъ вышуклыми рѣзными меандрами, Геракловымъ узломъ и т. п. и составлявшими часть карниза и т. д.; все это взято изъ разобраннаго языческаго храма. Между тѣмъ именно эта церковь нынѣ¹⁾ приводится какъ древнѣйшій (даже II вѣка!) образецъ зданія крестообразнаго и покры-

1) Съ особымъ удареніемъ въ соч. Риган, *Stilfragen*, 1893, стр. 278.

таго въ среднѣй сводомъ — дѣло совершенно невѣроятное раѣе VI столѣтія.

Изъ Мусміе, оглядя Леджу съ сѣвера, мы прошли черезъ *Басилъ* въ *Санаменъ* (*Санаменъ* др. *Аеге*), первую мѣстность Гаурана, увлекающую своимъ древностями: такъ изящны остатки колоннады или портика языческаго (фот. 294) храма, встрѣчающаго путешественниковъ возлѣ лагеря (для котораго всегда выбирается одно и тоже мѣсто въ среднѣй города), такъ

Рис. 5. Санаменъ. Башня на сѣв. краю деревни.

замѣчательнѣе далѣе (фот. 284—289), по ту сторону глубокаго водоема, но архитектурнымъ деталямъ храмъ («Благому Счастью») ¹⁾, съ извѣстною надписью Діодора и лампадоровъ окруженный еще 4 стѣнами, рядъ сохранившихся прекрасныхъ башенъ (фот. 299), такъ много здѣсь замѣчательно сохранившихся домовъ (фот. 290—292) и такъ богаты эти руины надписями, правда, извѣстными издавна, но обещающими еще болѣе обильныя находки тому, кто пропзведетъ здѣсь раскопки (см. планы 123—124).

Сначала виднѣе большое строеніе, видимо, храма, изъ базальта, съ высокими арочнымъ входомъ, все внутри засыпанное до верху камнями, поверхъ которыхъ виденъ только аптаблементъ на двухъ коринтскихъ колонкахъ. Около зданія глубокой водоемъ-цистерна, великолѣпно обложенная, но нынѣ раскрытая и за нею четырехугольное же зданіе (рис. 6) храмика «Благого Счастья», съ колошками на южной сторонѣ и полуколошками, изъ которыхъ на мѣстѣ остались только двѣ съ обѣихъ сторонъ. Далѣе древнее зданіе съ ротоподомъ; домъ, любопытный по своимъ рѣзнымъ и ажурнымъ плитамъ, закрывающимъ окна; богатый домъ съ тремя

Сначала виднѣе большое строеніе, видимо, храма, изъ базальта, съ высокими арочнымъ входомъ, все внутри засыпанное до верху камнями, поверхъ которыхъ виденъ только аптаблементъ на двухъ коринтскихъ колонкахъ. Около зданія глубокой водоемъ-цистерна, великолѣпно обложенная, но нынѣ раскрытая и за нею четырехугольное же зданіе (рис. 6) храмика «Благого Счастья», съ колошками на южной сторонѣ и полуколошками, изъ которыхъ на мѣстѣ остались только двѣ съ обѣихъ сторонъ. Далѣе древнее зданіе съ ротоподомъ; домъ, любопытный по своимъ рѣзнымъ и ажурнымъ плитамъ, закрывающимъ окна; богатый домъ съ тремя

1) Культъ «Благого Счастья» *Тѳухъ* была распространена въ Гауранѣ, и святилища его, называвшіяся *Тѳухизъ* — *Бейтъ Гада*, на вершинахъ холмовъ, были перѣдки. Clermont Ganneau, Rec. d'arch. or. III, 1900, p. 81.

вариантами оконныхъ отверстій п ажурныхъ плитъ, въ нихъ вставленныхъ. Войдя внутрь этого дома черезъ низкую дверь, попадаешь черезъ портикъ на открытый дворъ, котораго одна сторона раздѣлана портикомъ изъ трехъ колоннъ, п въ ней устроена лѣстница въ верхній этажъ, другія двѣ содержатъ служебныя помѣщенія, съ возвышенными террасами наверху, а по четвертой помѣщенъ главный корпусъ дома, съ тремя входами внизу; находящаяся на домѣ надпись гласитъ, что онъ построенъ въ десятый годъ правленія Адриана.

Портики, окружавшіе храмъ «Благаго Счастія», исчезли, п уцѣлѣли отъ нихъ только части колоннады п ряды базъ: равно разрушены, взрыты п разобраны плитниковый помостъ передъ храмомъ. Лицевая стѣна (рис. 6)

Рис. 6. Сааментъ. Храмъ Счастія.

храма была переложена арабами, пѣбеть три двери, по средній большой порталъ заложень грубо разными кусками, изъ которыхъ нѣкоторые принадлежатъ косякамъ главнаго п боковыхъ порталовъ, а другіе декоративной облицовкѣ фасада полуколонками. П потому, когда войдешь черезъ правую, еще открытую дверь, внутрь храма (табл. VII), пзщество сохранившейся внутренности п начального устройства поражаетъ вась тѣмъ болѣе, что посреди храма перекинута еще въ древности прекрасно п смѣло сложешная свободная арка, п что нѣкоторая часть стѣны грубо заложена кусками, а величавая п глубокая пина храма закрыта безобразною каменною закладкою (для образованія абсиды алтаря). Тѣмъ пзщще кажутся на этомъ грубомъ фонѣ (см. фот. 288 п 289) части древней римской стѣны съ тонко выточенными п тща-

тельно пригнанными плитамъ, куски карниза съ меандрами, декоративныя колопки, поддерживающія этотъ карнизъ, и четырехугольныя углубленія эседры. Рисунки капителей близко напоминаютъ колонны Оммадовой мечети, и орнаментъ карниза и косяковъ фасада отличается уже сухою схематичностью, что легко объясняется и временемъ, такъ какъ храмы Санамена относятся ко временамъ Севера (222—235 гг.). Въ храмикѣ десять надписей, изъ которыхъ четыре повторяютъ одну и ту же надпись лампадоровъ.

Вокругъ развалинъ, и даже возлѣ водоема свалены кучи большихъ тесаныхъ плитъ, и въ стѣнѣ, ограждающей по близости чье то гумно, оказался заложеными: рельефъ съ грубѣйшимъ изображеніемъ двухъ воиновъ и женской фигуры (фот. 296), отбитая отъ ступи голова (фот. 296) и большой фрагментъ хрестіанскаго карниза, очевидно, изъ разобраннаго погребальнаго памятника, съ грубымъ изображеніемъ геніевъ и умершихъ (фот. 295) по груди въ трехъ медальонахъ. Рельефъ относится къ V—VI стол. и представляетъ работу простаго каменотеса; однако, и въ немъ есть интересныя подробности вѣнковъ ил вѣпцовъ, кругомъ обрамляющихъ бюсты, и изображенія двухъ ангеловъ геніевъ съ рогомъ изобилія и гроздью въ рукахъ — очевидно, представленіе райскаго блаженства.

Башня (фот. 299, рис. 5), стоящая по близости, лишена всякихъ украшеній, хотя сохранила всѣ три этажа, но въ соседней башнѣ мы нашли на западной (фот. 300) стѣнѣ высѣченный рельефъ съ изображеніемъ въ декоративныхъ пинахъ семи алтарей огня (посвященныхъ 7 планетамъ?) съ двумя феніксами — знаками луны по сторонамъ; въ прилѣпившихся къ башнѣ домахъ встрѣтились, дагѣ, рельефная фигура по груди, водъ окномъ одного дома плита съ двумя (фот. 301) фазанамъ, шьющими изъ чаши.

На югъ отъ этой башни есть небольшая древняя церковь, съ воротами, украшенными крестомъ посреди двухъ розетокъ и собранными изъ античныхъ орнаментированныхъ кусковъ; одинъ косякъ, орнаментированный въ мѣстномъ вкусѣ каменотесомъ: посреди вѣнокъ славы, котораго концы связаны геракловымъ узломъ, а изъ него въ обѣ стороны идутъ побѣги винограда съ гроздями (фот. 302), плита съ двумя голубями. Во дворѣ дома алтарикъ съ горельефною фигурою и Атисомъ въ колнакѣ. Наконецъ, на краю города мѣется башня, отличной римской кладки (фот. 297), но съ вынусками, которые иррипато считаютъ древне-еврейскими, и балкопомъ. Здѣсь одна старуха вызвалась показать надпись, и пойдя за нею въ домъ, мы нашли выписку, въ ходѣ къ сараю заложенную замѣчательную плиту, святую съ башни (перистеріона) съ надписью времянь пми. Константіа. Кругомъ башни нѣскольکو древнихъ домовъ, съ декоративными оконными плитамъ и колоннадами ил портиками во дворахъ. Изъ Санамена трехчасовымъ переходомъ мы прибыли въ *Эзру*.

Развалины Эзры обширны; онѣ частью запяты и теперь довольно многолюднымъ населеніемъ и потому возстановлены плп, вѣрнѣе, приспособлены въ убогимъ нуждамъ осѣдлаго араба, а въ настоящее время друга. На первый взглядъ бросаются въ глаза множество огороженныхъ гумениъ, блестящихъ на солнцѣ яркою пологою, но рѣзкій контрастъ этихъ желтыхъ дворовъ и ихъ черныхъ оградъ плз. лавы и самыхъ черныхъ домовъ, безъ малѣйшаго слѣда растительности, создаетъ картину унылую и мертвенную. Островерхіи коническій куполъ главнаго собора (православной церкви во имя Св. Георгія) (фот. 303), мѣстами черный, мѣстами опуткатуренный, бросается въ глаза отовсюду (зданіе съ этимъ куполомъ напоминаетъ города средней Азіи), и потому мы съ особымъ интересомъ открыли, впоследствии, что этотъ пресловутый куполъ (хотя не возбуждавшій доселѣ замѣчаній историковъ архитектуры, охотно видѣвшихъ въ немъ древнѣйшій образецъ византійскаго купола) лишь въ нижнихъ частяхъ принадлежитъ древнему зданію и, очевидно, перестроенъ въ позднѣйшее время и не особенно удачно.

Мы начали осмотръ города именно съ этой церкви: ея наружность въ видѣ четырехугольнаго, продолговатаго корпуса, отличной кладки, по римски, въ притесанныхъ плитахъ, но безусловно и цѣлкомъ — христіанской постройки, такъ какъ всѣ косяки принадлежатъ той же кладкѣ и украшены крестами, а западныя врата извѣстною надписью, гласящею, что церковь сооружена на мѣстѣ «столпикъ» (*στῆλαί*) демоновъ, какъ «достойное лицезрѣнію» зданіе, усердіемъ протевона Іоанна, удостоившагося видѣнія Св. мученика Георгія и положившаго въ храмѣ его святыхъ мощи, въ 511 году по Р. Х. Надпись ясно говорить о полной застройкѣ церкви, и никакъ не можетъ толковаться въ томъ смыслѣ, что языческой храмъ, хотя бы лежавшій въ развалинахъ, былъ здѣсь превращенъ въ христіанскую церковь. Но, для сооруженія церкви, были использованы куски разобранаго древняго языческаго храма, которыя, въ видѣ большихъ мраморныхъ плитъ (изъ нихъ одна съ надписью, называющею бога Осаандрита, почитавшагося въ этомъ храмѣ), лежатъ понинѣ перевернутыми, въ видѣ настлпки алтарной соеи и помѣщены въ стѣнахъ христіанскаго зданія. Это зданіе, построенное въ 511 году л, цѣлкомъ, отъ основанія до сводавъ купола сохранившееся, хотя въ крайне запущенномъ видѣ, есть самая любозытная христіанская постройка въ Сиріи. Если зданіе вмѣстѣ снаружи видѣ четырехугольника, римскаго типа съ античнымъ дверями (фот. 304 — видѣ боковой двери съ гробницею на южной сторонѣ), то внутренность его (фот. 305, табл. VIII) представляетъ новый типъ круглаго (или какъ часто, не очень неудачно, называютъ въ нѣмецкихъ сочиненіяхъ — Centralbauten) сооруженія, устроеннаго въ квадратѣ помощью жесдуръ плп шшиъ по четыремъ

угламъ¹⁾. Къ сожалѣнію, экседры эти оказались или заваленными камнями, а одна (диаконикъ, экседра справа отъ алтаря) превращена въ общую усыпальницу (?) и наполнена костями и, такимъ образомъ, осмотрѣть внутренность всѣхъ экседръ оказалось нельзя. Затѣмъ, самое важное въ архитектурѣ собора — полъ арочъ на столбахъ, окружающихъ внутренній или главный нефъ, устройство хоровъ (потолокъ по гауранскому способу изъ тонкихъ плитъ) и большой алтарный выступъ, снаружи образующій шестиугольникъ, внутри круглую абсиду.

Арабская передѣлка (но не мусульманская, такъ какъ, повидному, эта церковь никогда не была обращена въ мечеть) окончательно обезобразила древнее зданіе: весь куполъ отъ барабана, какъ сказано, позднѣйшаго времени и представляеть грубо смазанную копическую шапку, которую въ настоящее время вновь приходится чистить, такъ какъ она угрожаетъ паденіемъ, и въ бытность нашу своды были наполнены гѣсамъ. Переложена почему то до половины абсида, и алтарь (фот. 305, табл. VIII) устроенъ впереди нея, съ выступающей собою; ея полъ собранъ изъ старыхъ кусковъ мрамора, а ея балюстрада изъ мраморныхъ столбковъ, близко напоминающихъ византійскія преграды X—XII вѣковъ.

Исследователи Востока и Византіи²⁾ уже давно согласны въ томъ крупномъ положеніи, что родину купольной византійской церкви должно искать въ Персіи, тамъ, гдѣ громадныя дворцы Фрузъ-Абада и Сарвестапа представляютъ самые замѣчательныя памятники съ лицезобразными куполами и колоссальными арочными порталами на фасадахъ. Доселѣ, со времени Коста и Фландена, никто не сомнѣвался въ принадлежности дворцовъ эпохи Сасанидовъ, вмѣстѣ съ руинами дворца въ Ктезифонѣ, и только въ недавнее время извѣстный исследователь Сузы Дьелафуа³⁾ сдѣлалъ свое странное предложеніе, что эти дворцы современны руинамъ Персеполи, и представляли, во времена Ахеменидовъ, національную архитектуру Персовъ, тогда какъ дворцы Персеполи и Сузы составляютъ будто бы чужеземное искусство греческихъ и египетскихъ мастеровъ, введенное на время каирломъ персидскихъ царей. Въ этой гипотезѣ, составляющей сложную натяжку фактовъ, забыто, явно, все фактическое: отношеніе памятниковъ персидской скульптуры къ архитектурѣ древнихъ персидскихъ дворцовъ, доказательства національности ихъ монументальнаго искусства мелко художественною промышленностью и т. д. Но, по счастью, эта гипотеза сразу не пошла себѣ сочувствія, несмотря на свою оболыстительную наружность: причина этого въ

1) См. планъ Vogüé.

2) Мнѣніе это вновь подробно разбито въ изв. соч. *Auguste Choisy, L'Art de bâtir chez les Byzantins*. 1882.

3) *Dieulafoy, L'Art antique de la Perse, IV, Monuments voutés de l'époque achéménide*.

ясномъ отношеніи сассанидскѣхъ дворцовъ къ современнымъ византійскимъ постройкамъ, римскимъ образцамъ и ближайшей архитектурѣ арабовъ. Также ясное соотношеніе мы укажемъ въослѣдствіи къ дворцу цитадели Раббатъ-Аммана въ Заіорданской области и къ церкви Эзры. Здѣсь не мѣсто было бы анализировать, путемъ сравненія конструкціи и деталей, общее родство въ архитектурныхъ принципахъ сассанидскѣхъ дворцовъ и этой церкви, тѣмъ болѣе, что это родство также бросается въ глаза, какъ ея формы среди руинъ Гаурана, также поражаетъ, какъ дворецъ Аммана возлѣ его римскѣхъ театровъ и портиковъ. Но въ этой теплой области греко-восточной и византійской архитектуры, церковь Эзры, съ ея прічудливымъ лицезобразнымъ куполомъ, имѣетъ дѣйствительный интересъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя мы не знаемъ пока точнаго времени¹⁾ упомянутыхъ сассанидскѣхъ дворцовъ, но уже, по конструктивнымъ даннымъ, можемъ утверждать, что они по времени близки къ церкви, и что эта послѣдняя, въ силу заветныхъ традицій Гаурана, сохранивъ еще римскую конструкцію, является, въ своемъ родѣ, отсталымъ явленіемъ. А именно, задача покрытія куполомъ квадратнаго пространства разрѣшается еще здѣсь путемъ цѣлаго ряда приспособленныхъ переходовъ, тогда какъ въ дворцахъ сассанидскѣхъ царей это дѣлается уже гораздо проще, зданіе, дѣйствительно, облегчается также, какъ если бы куполъ устранился на кругломъ основаніи. Правда, это несовершенство церкви зависить отъ ея матеріала — гауранскаго, довольно крѣпкаго камня, который трудно готовить кубиками, но также, повидному, и отъ неумѣія цѣлкомъ выполнить перспекдкій способъ. По всѣмъ указаннымъ обстоятельствамъ и даннымъ, мы можемъ, однако, догадываться, что самый куполъ Эзры былъ исполненъ именно персидскимъ мастеромъ, какъ и весь дворецъ Аммана съ его рѣзбою. Повидному, и вообще купольныя постройки принадлежатъ Персіи, равно какъ и строители собора въ Эрзѣ, пожелавъ создать что-либо лучшее, чѣмъ обыкновенную базилику, въ архитектурномъ отношеніи, обратились не къ грекамъ, которые уже строили купола въ это время, а къ Персамъ, которые тогда являлись представителями этой архитектуры и, вѣроятно, исполняли подобную задачу дешевле другихъ и лучше.

Стало быть, главная задача византійской архитектуры, заключающаяся въ соединеніи купольнаго свода съ большимъ четырехугольнымъ простран-

1) Совершенно произвольная догадка въ соч. *Perrot et Chipiez. Histoire de l'art dans l'antiquité*, V, pag. 588, что эти дворцы принадлежатъ пароліиской эпохѣ, объясняется тѣмъ, что иначе нельзя было бы мотивировать ихъ позиціи въ *Исторіи древняго искусства*. Никакого анализа ихъ архитектуры здѣсь, конечно, не дано, и издатели все время заняты опроверженіемъ теоріи Диблафуа. Но когда они говорятъ о подражательномъ сассанидскомъ искусствѣ, сажаютъ разужить тоже самое, но о времени Пароліи. Къ соблазну многихъ, сочиненіе Перро вообще мало разборчиво въ хронологіи византизмъ и не отводитъ должное мѣсто анализу стилей и времени — первому и главному дѣлу въ археологіи.

ствомъ и такъ блистательно выполненная въ Св. Софїи Константинопольской, уже была задачей персовъ и исполнялась ими, задолго до Византии, различными способами въ многочисленныхъ дворцахъ царей и сатраповъ, какъ въ собственной Персіи, такъ и въ завоеванныхъ ими странахъ передней Азіи.

Другая церковь Эзры во имя Св. Іліи (табл. IX) замѣчательна только своимъ отлично сохранившимся монументальнымъ фасадомъ, напоминающимъ фасады базиликъ въ Кешаварѣ и Суведѣ, хотя врядъ ли христіанскаго происхожденія. Но этотъ фасадъ приходится сбоку теперешней церкви, а войдя въ ея главныя двери, находишься среди разваливъ, кое-какъ приспособленныхъ для крайне непріхотливыхъ требованій религіознаго богослуженія арабовъ (фот. 308) и интересныхъ для археологіи только по надписямъ (фот. 309).

Дорога отъ Эзры до Неджрана шла сначала на Босръ-ель-Гарпри, гдѣ мы встрѣтили повсюдныя большія казармы и мечети: поселеніе представлялось, однако, въ состояніи крайняго запустѣнія, и никакихъ любопытныхъ разваливъ мы не нашли. Отсюда мы шли по берегу маленькаго канала на Аппъ-Кератэ (Керассе, др. vicus Coreathe?), съ развалинами цитадели надъ пересохшимъ озеромъ, откуда изъ источника и выведена нинѣ вода каналомъ въ Босръ-ель-Гарпри. Въ развалинахъ этой цитадели еще Зее-тценъ нашелъ будто бы церкви, и, можетъ быть, именно къ ней принадлежатъ лежанціи на виду косякъ двери съ крестомъ и непопятною (фот. 313) надписью. Дурная слава бездорожной Леджи, скалистой мѣстности, мѣстами обнаженной и совершенно гладкой, мѣстами разрушившейся и распавшейся въ сплошную щель, по пути отъ Кератэ до Неджрана, давно составлена и нинѣ для насъ подтвердилась. Обогнуть это мѣсто, образванное распавшимся хребтомъ вулканической Леджи, значило бы сдѣлать нѣсколько десятковъ верстъ въ сторону.

Неджранъ, отдѣленный этимъ каменнымъ разваломъ отъ остальнаго Гаурана, представляется, несмотря на свои размѣры, крайне убогимъ поселеніемъ. Среди кучъ чернаго камня, на которыя распался древній городъ, мы встрѣтили только два, три дома въ гауранскомъ типѣ, уже съ портиками, сложеными изъ кусковъ, но еще сохранившие свои орнаментальныя окна.

Изъ Неджрана черезъ *Риметъ* (др. Rhimea), гдѣ мы проѣздомъ видѣли изящную погребальную башенку рямекаго гражданина Целестина (фот. 315) *Аинъ-Диббэ*, по склону главнаго хребта Гаурана, мимо Мурдука, мы прибыли въ *Шухбу* (др. Фляшшоэль). Путешественники въѣзжаютъ въ удивительный городъ западными воротами, ѣдутъ до центра главною, великолепно вымощенною улицей, поднимаются вверхъ и разбиваютъ лагерь близъ театра (фот. 319). Современное населеніе Шухбы довольно значительно, но даже оно не въ состояніи разрушить и разобрать ея громадныхъ разваливъ (обитіе виды 317—318). Изъ нихъ первыми по величинѣ являются термы—

въ южной части (фот. 329—331, катал. 171—173) города, съ остатками при нихъ водопровода, въ видѣ двухъ высокоподнятыхъ арокъ и шести столбовъ; въ ихъ постройкѣ любопытна обдѣлка камней въ рустыку. Въ самыхъ термахъ еще отлично сохранились нѣсколько залъ, въ нихъ дѣй крутлыя, и одна продолговатая зала, еще покрытая коробовымъ сводомъ. Затѣмъ производятъ впечатлѣніе (фот. 326, кат. 168) *тетраклиа*; нынѣ только три сохранившіеся въ центрѣ города, въ перекресткѣ двухъ главныхъ улицъ, недостала, служившихъ опорой для перекрестнаго покрытия. Отъ этихъ недосталовъ на западъ встрѣчаешь рядъ коринтскихъ колоннъ пiazнаго храма (фот. 322, кат. 163); на югъ отъ этого ряда древній и богатый домъ съ колоннами и арками сохранилъ много надписей, затѣмъ театръ (фот. 327 и 328, кат. 169 и 170). Отсюда, далѣе на западъ, большое зданіе (фот. 323, кат. 165), получившее у Вогюэ названіе *Капуе* (быть можетъ, оно было въ его время *Khaḷybe*—т. е. модельня друзей, но въ настоящее время пѣтъ), но всей вѣроятности, задняя половина римскаго храма съ центральною нишею и угловыми (см. планъ кат. 164) эседрами. Отъ этого зданія по прямому направленію съ востока на западъ, за боковымъ крыломъ зданія влѣтъ крытый сводомъ ходъ (фот. 324, кат. 166) или улица, покрытая сводомъ, для образованія сверху террасы; къ этой улицѣ перпендикулярно проведенъ другой крытый же ходъ. Нѣвый его рукавъ доселѣ покрытъ римскимъ коробовымъ сводомъ, разрушенъ и служитъ теперь амбаромъ, такъ что его нельзя было разелѣдовать, но, во всякомъ случаѣ, и прежде онъ былъ короткимъ, т. е. былъ не болѣе пяти сажень въ длину и полутора сажень въ ширину. Боковой же ходъ направо отлично сохранился, покрытъ не собственнымъ сводомъ, а плитами на выступающихъ консоляхъ, или такъ называемымъ египетскимъ, въ данномъ случаѣ, финикійскимъ сводомъ. Этотъ ходъ ведетъ внутрь храмоваго дворика къ небольшому портнику изъ двухъ

Рис. 7. Риме. Гробница Целестина.

фот. 324, кат. 166) или улица, покрытая сводомъ, для образованія сверху террасы; къ этой улицѣ перпендикулярно проведенъ другой крытый же ходъ. Нѣвый его рукавъ доселѣ покрытъ римскимъ коробовымъ сводомъ, разрушенъ и служитъ теперь амбаромъ, такъ что его нельзя было разелѣдовать, но, во всякомъ случаѣ, и прежде онъ былъ короткимъ, т. е. былъ не болѣе пяти сажень въ длину и полутора сажень въ ширину. Боковой же ходъ направо отлично сохранился, покрытъ не собственнымъ сводомъ, а плитами на выступающихъ консоляхъ, или такъ называемымъ египетскимъ, въ данномъ случаѣ, финикійскимъ сводомъ. Этотъ ходъ ведетъ внутрь храмоваго дворика къ небольшому портнику изъ двухъ

ионических колонн храма, которого целла передана и перерезана неподалеку (фот. 325, кат. 167). Далее к западу мы встретили любопытный

Рис. 8. Шухба. Капитель колоннады из арабской кофейни.

домъ (рис. 8) хагъ или кофейню Шухбы (фот. 339 и 340, кат. 181 и 182), съ надписью надъ входомъ и портикомъ, вновь устроеннымъ для арабской ко-

«сейя, изъ древнихъ барабановъ, колоннъ и коринфскихъ капителей. Заднюю стѣну кофейни образуетъ нѣтъ колоннада изъ пяти колоннъ, изъ нихъ двѣ изъ сѣраго гранита; четыре колонны имѣютъ ионическія капители, на одной—коринфская, рашаго и эллискаго типа, съ однимъ только поясомъ листьевъ акапоа. Дворъ, какъ всѣ, впрочемъ, дворы гауранскихъ хановъ и домовъ шейховъ, наполненъ отовсюду собранными кусками древностей; у лѣстницы обломокъ гранитной колонны; въ стѣнѣ, наспротивъ крыльца хана, заложена рельефъ съ изображеніемъ Викторіи (фот. 338, кат. 180); правѣ барельефъ сидящей женской фигуры (фот. 337, кат. 179) (надгробный?) съ лирою. Въ сосѣднемъ дворѣ дома, еще сохранявшаго древнюю кладку, есть античный рельефъ (0,92 д. и 0,32 выс.) изъ краснаго известняка со сценою жертвоприношенія на алтарѣ, въ присутствіи боговъ и Викторіи (фот. 333, кат. 175). Во дворѣ на краю селенія, встрѣтилась грубая плита съ Геракловымъ узломъ и двумя фигурами (фот. 334, кат. 176).

Сѣверный кварталъ города содержитъ въ себѣ много домовъ хорошей постройки: одинъ изъ нихъ (фот. 332), сохранилъ второй этажъ съ достаточною ясностью конструкціи древняго спрійскаго дома; доселѣ дворъ окруженъ тремя корпусами прекрасной кладки; по владѣлецъ пзуродовалъ ихъ разными пристройками: одинъ имѣетъ видъ башни, и уголъ его украшенъ ионическою колонною; передъ другимъ корпусомъ поставлены двѣ колонны, а третья сторона имѣетъ видъ портика на колоннахъ же. Все это собрано изъ кусковъ, составлено арабами безъ всякаго порядка, и отовсюду патасканные камни, очевидно, назначались для дальнѣйшихъ сооруженій того же характера, но постройка осталась неоконченною, и груды камня продолжаютъ загромождать весь дворъ. Въ той же сѣверной части города въ одной стѣнѣ виденъ барельефъ двухъ обезображенныхъ фигуръ, вѣроятно, геніевъ, держащихъ повязку въ видѣ Гераклова узла. Наконецъ, самое замѣчательное зданіе (фот. 321) Шухбы находится въ центрѣ города, слѣва отъ улицы, ведущей въ такъ называемую халтву, и называется сокровищницею. Это четырехугольный храмъ, снаружи почти совершенно сохранившійся до крыши, но съ заложеными большими порталами на сѣверной сторонѣ. Однако, важность храма, наиболее простая, и наименѣе интересна: храмъ представляетъ снаружи только римскую цѣлу, окруженную глухими стѣнами, прекрасной кладки. Все любовитное устройство съ тремя монументальными эседрами—громкими четырехугольными нишами—закладается внутри, хотя, къ сожалѣнію, эта нишная декоративная внутренность была обезображена еще въ очень давнее время постройкою внутри жилого дома на сводахъ. А такъ какъ въ мѣстномъ населеніи храмъ назывался сокровищницею и о немъ рассказывались обычные легенды, то легко предположить, что послѣ арабскаго завоеванія храмъ послужилъ цитаделью, а потомъ

сложилась о немъ легенда, и жители стали рвать пороховъ стѣны, ища клада и т. д. Главный интересъ этого рода позднихъ зданій восточно-римской архитектуры III стол. состоитъ именно въ развитіи декоративныхъ расчлененій стѣны — экседры и лишь съ фронтоными крышами или раковинными сводами, которые затѣмъ съ новыми подробностями являются въ архитектурѣ V — VI стол.

Не менѣе любопытны памятники сосѣдей (въ 2 часахъ разстоянія) *Шахи* или *Шаки* древней Саккея (Saccasa), сосредоточенные въ центрѣ города и, благодаря современному малому населенію, сравнительно хорошо сохранившіеся. Когда мы остановились на центральной площади города (гдѣ обыкновенно становятся лагеремъ караваны), образовавшейся, быть можетъ,

Рис. 9. Шака (Саккея). Базилика.

еще изъ древняго форума, передъ нами открылись разомъ главные памятники. Прямо передъ нами (фот. 348, кат. 184) былъ большой или главный храмъ и въ связи съ нимъ христіанская *базилика*, слева величественная руина уцѣлѣвшей экседры большого храма (фот. 348), справа высокій домъ съ заложенными въ немъ двумя, извѣстными издавна, надписями о построеніи церкви во имя Св. Осодора при еп. Сергіи. Пройдя направо внутрь города, легко находишь изящный фасадъ большого, но полуразрушеннаго зданія (фот. 353), которое описано у Воюю, какъ базилика. Наконецъ, зади востъ, еще издали видѣются башни такъ называемаго дворца или цитадели (общій видъ фот. 356, кат. 197) *Кайсаріэ*, замѣчательныя своею базиликою.

При ближайшемъ разсмотрѣніи всѣ эти памятники только выльгиваются. Такъ (фот. 343) главный или первый храмъ (рис. 10) сохранилъ еще

своей великолѣпной рѣзной порталъ на восточной сторонѣ, т. е. на фасадѣ съ двумя арками поверхъ портала, одною открытою, другою — глухою; внутри сохранились двѣ боковыя экседры и колонны для пилястровъ декоративныхъ пиши. Но третья сторона, задняя или западная была разобрана и вновь переложена въ христіанскую эпоху, такъ что декоративная пиша, здѣсь бывшая, уступила мѣсто грубо сложенной двери, надъ которою вновь переложено декоративное круглое окошечко (своего рода *ocil de boeuf*), а въ стѣнѣ пробиты еще двѣ двери, очевидно, съ цѣлью сообщенія съ помѣстившеюся сюда базиликою. Но такъ какъ въ храмѣ устроены были, затѣмъ, хагъ, то, по обычаю, для его устройства притащены отовсюду лучшіе камни, плиты и пр., а сосѣднія постройки разобраны. И потому теперь уже нельзя узнать,

Рис. 10. Шаква. Кесарія.

гдѣ былъ алтарь той большой базилики, которая здѣсь некогда была, какъ видно изъ множества указаній: въ сосѣднихъ стѣнахъ сохранились двѣ монументальныя двери — на нихъ (фот. 345, кат. 186) высѣчены кресты и звѣзды о шести лучахъ въ кругахъ; снаружи, съ той стороны, гдѣ виднѣмъ орнаментальное окно, есть христіанская надпись. Одна арка съ отличными (фот. 344, кат. 185) рѣзными пиллчниками обрамляетъ входную дверь (христіанской базилики, не храма, и всѣ камни арки оказываются здѣсь переложенными вновь среди грубой кладки) съ юга: хотя, эта рѣзьба отнесена уже къ III вѣку по Р. X., но ея орнаментика еще напоминаетъ пизанские образцы малоазійской архитектуры: ноуѣтъ лозы образуютъ по фризу круги, въ которыхъ виднѣтъ и грозди и гранатовыя плоды или даже головки маку.

Хотя плана этой базилики мы не можемъ, такимъ образомъ, восстано-
вить, но ясно, что она представляетъ передѣлку пли, точнѣе, приспособленіе
языческаго древняго зданія (однако, не храма, такъ какъ храмъ, какъ обы-
кновенно, былъ слишкомъ малъ для базилики) къ цѣлямъ христіанскаго бого-
служенія: ранила форма крестовъ указываетъ, быть можетъ, еще на IV
столѣтіе, хотя бы во второй половинѣ. Мы, однако, не можемъ дѣлать про-
извольныхъ догадокъ о томъ, почему эта базилика не имѣетъ яснаго плана
христіанской церкви, и вмѣсто трехъ нефовъ, представляетъ только два, и
тѣ, раздѣлены стѣнами. Еще менѣе ясно значеніе зданія, которое Вогюэ
считаетъ (для него единственною) базиликою Шахл.

Снаружи зданіе это (фот. 352 и 353, рис. 9) представляетъ продолго-
ватый четырехугольникъ, но неполный, а именно: разрушена его задняя (за-
падная) часть, или, по крайней мѣрѣ, настолько стѣны ея разобрали, и фун-
даменты завалены камнемъ, что разслѣдовать окончаніе этой части невоз-
можно. По фасаду зданія имѣетъ 22 м. (боковой видъ на фот. 352, лицевой
фасъ—353, кат. 194), (а не 19,80 м. какъ у Вогюэ), въ длину около 19 м.—
ясно, какой большой части не сохранилось. Но еще важнѣе, что въ сохранив-
шейся части сдѣланы два свода, и тѣ безъ потолочной настилки, а лишь въ
видѣ сводовъ, перекрученныхъ *поперекъ* зданія отъ одного столба къ другому.
Если бы потолокъ сохранился, то рядъ такихъ, поддерживающихъ крышу
арокъ, походилъ бы до известной степени на коробовый сводъ, и, слѣдова-
тельно, составилъ бы три нефа. Но, въ данномъ случаѣ, какъ мы сказали, со-
хранилось только два свода, и ничего подобнаго (въ цѣломъ) тому, что пред-
ставлено на планѣ у Вогюэ, въ дѣйствительности нѣтъ. Затѣмъ, подобнаго
рода поперечныя арки въ древности могли быть устраиваемы *только* въ боко-
выхъ нефахъ, для того, чтобы на эти арки положить затѣмъ крышу изъ тон-
кихъ гауранскихъ плитъ—длиною до 2 арш. и болѣе. Здѣсь же мы имѣемъ,
очевидно, уже позднюю арабскую передѣлку древняго храма, въ буквальномъ
смыслѣ передѣленного такимъ арками на двѣ, три части, чтобы отдѣлить
скотъ отъ людей, устроить закомъ и пр. И потому весь планъ Вогюэ счи-
таемъ страшною фантазіею его рисовальщика, неудачно пытавшагося сочи-
нить небывалый типъ базилики изъ приемовъ мѣстнаго строительства. Что
касается изыскаго фасада этой, такъ называемой, базилики, его принад-
лежность языческому зданію III вѣка въ сомнѣніи.

Шаха известна въ христіанской археологіи¹⁾ памятникомъ, но словамъ
знаменитаго Дж. В. де-Росси, «единственнымъ» въ своемъ родѣ: погребальною
баннею на сѣверъ отъ города, украшенною съ трехъ сторонъ греческими

1) G. B. de Rossi, Bull. de l'arch. chr., 1870, p. 35—36. Надпись издана Ветеромъ и
Ваддингтономъ.

метрическими надписями, посвящая на себя ясные признаки христианства, сь датой 109 года эры городской, послѣ монограммы ХМГ (греко-восточное поминание имени Христа, Михаила и Гавриила, какъ символическаго образа Троицы). Но, какъ далеко, въ дѣйствительности простирается эта эра и какой историческій интересъ представляетъ этотъ памятникъ, по словамъ де-Росси, предшествующій вѣку Константина, сказать намъ трудно.

Базилка крупныхъ размѣровъ, типическаго плана (фот. 357, кат. 198, планъ 16) съ тремя нефами и тремя абсидами, изъ которыхъ двѣ для жертвенника и діаконаика отдѣлены и имѣютъ четырехугольную форму, оказалась въ такъ называемомъ Кайсаріѣ на концѣ города. Выходъ внутрь этой цита-

Рис. 11. Шахка (Саккеа). Монастырь на востокъ отъ деревни.

дели или, скорѣе, дворцоваго замка, идти черезъ башенныя ворота, и войдя, попадаешь прямо внутрь базилики, такъ какъ она устроена между двумя (фот. 358, кат. 199) башнями. Три нефа устроены на столбахъ, идущихъ въ два ряда, но уже черезъ два столба слѣдуетъ перерывъ; затѣмъ отлично сохранилась абсида, благодаря тому, что была засыпана доверху (фот. 359, кат. 200) пологою и тамъ были помѣщены скотъ. На карнизѣ одного изъ столбовъ виденъ отрывокъ непонятной надписи:

ⲠⲚⲔⲐⲖⲞⲤⲠⲠ
ⲚⲐⲈⲚⲒⲘ

Напротивъ того, любопытное христианское зданіе и доселѣ (рис. 11) зовется у туземцевъ *кенисе* или *монастырь* на другомъ концѣ города. Совет-

венно говоря, это цѣлый комплексъ разныхъ построекъ, но изъ нихъ, видимо, главное (фот. 361, кат. 201) зданіе имѣетъ форму длинной залы, подѣленной на три неча двумя рядами столбовъ, на которые оперты были своды, переброшенные отъ соотвѣствующихъ имъ шпалетровъ стѣны. Своды унази, по столбы вездѣ сохранились до самыхъ пятъ, благодаря тому, что упавшая между нихъ каменная крыша прикрыла все это зданіе, на половинку сохранившее. Но абсиды въ этомъ зданіи нѣтъ, оно оканчивается грубо сложенными, очевидно, въ позднѣйшее время, стѣнами, и именно въ этомъ концѣ устроена маленькая церковь, т. е. сдѣлана между столбовъ дверь и грубо выложена изъ кусковъ абсиды. Это обстоятельство служитъ довольно вѣрнымъ, хотя единственнымъ указаніемъ на то, что и первоначально все зданіе могло быть христіанскою базиликою. За этою большою залою слѣдуетъ другая меньшая, въ которой на сводѣ оказалась укрѣпленною плита съ изображеніемъ фигуры, борющейся со львомъ—фигура сбита и трудно сказать, кого она представляеть—Геракла или Самсона.

Изъ Шахкы мы прошли въ *Эль-Хитъ* (1 часть разстоянія), маленькую деревушку на мѣстѣ древняго городка, отлично сохранившагося. Мы расположились лагеремъ (фот. 362, кат. 204) въ масличномъ саду, принадлежащемъ шейху, возлѣ его дома, который представляеть замковую цитадель городка и построенъ на небольшомъ скалистомъ холмикѣ. Домъ былъ наполненъ надписями, отовсюду набранными и вставленными въ стѣны, надъ входными дверями, даже въ полу. Косякъ главной двери представляеть надпись ц. Св. Сергія 354 г. (фот. 363, кат. 205). Самый домъ сложенъ изъ кусковъ арабами, очевидно, переходить въ родѣ шейховъ уже съ незапамятныхъ временъ. Около дома двѣ или три башни, но сильно разрушенныя; около одной башни есть постройка, вся выложенная изъ старыхъ кусковъ, такъ что около двери заложено четыре надписи и три фрагмента надписей, но большинство вверхъ ногами и пыля въ полу. Входъ (табл. X) украшенъ обличною рѣзною изъ камня (фот. 364, кат. 206) во вкусѣ III в. декоративною облицовкою. За башнею, среди камней, служащихъ оградою, мы встрѣтили большой рельефъ изъ лавы, выш. 0,69 м. и длин. 1,03 м., съ изображеніемъ четы (фот. 371, кат. 214) увѣнчиваемой гешиями или викторіями: мужчина сложилъ руку для именованнаго благословенія; рельефъ принадлежитъ VI—VII столѣтію и является рѣдкимъ образчикомъ того же тяжелаго стила, который мы видѣли въ Санаментѣ.

На восточной окраинѣ города большой (фот. 368, кат. 211) домъ представляеть христіанскую базилику съ тремя нечами и пристроеннымъ на восточномъ концѣ выступомъ, служащимъ абсидою. Кладка абсиды рѣзко разнится отъ прочаго зданія, и потому необходимо предположить, что именно эта часть присоединена къ зданію не первоначально, а въ позднѣйшее время,

стало быть, для выполнения плана христианской церкви. Но мы не могли найти въ памятникѣ никакихъ указаній, былъ ли онъ до этой перестройки христианскою базиликою, или нѣтъ. Домъ въ настоящее время служитъ жильемъ для одной чамплин, которая занимаетъ сама верхшй этажъ, а въ нижнемъ этажѣ устроена помѣщеніе для скота и амбары. Верхшій этажъ оказался невозможно осмотрѣть — такъ заваленъ онъ скарбомъ, и такъ плотно закрыты грудами камней его окна, ради темноты и прохлады. Войдя въ нижшій этажъ, мы нашли его до высоты сводовъ наполненнымъ половую, однако внутреннее устройство трехъ нефовъ, обычный гауранскій или сприйскій способъ покрытія ихъ каменными плитами, южныя боковыя двери, все сохранилось; но, на западной сторонѣ (фот. 369, кат. 212) видѣто наружнаго полукруга абсиды, оказалась выведенною вповь стѣна, которая и отдѣляетъ абсиду въ особую пристройку¹⁾.

По близости отъ этого зданія большой домъ оказался наполненъ надписями: мы нашли ихъ въ полу верхняго этажа, подъ его окномъ, во дворѣ и пр., но все эти надписи были языческія, тогда какъ на косякахъ дома, представляющихъ (фот. 365) и мѣстную орнаментку изъ виноградныхъ побѣговъ (см. ниже рельефы героновъ въ Сіахѣ), иногда начерчены (слегка высѣчены) кресты въ свѣдѣтельство вѣры владѣтеля. Въ порогѣ главной комнаты видѣлана большая плита съ грубымъ (въ персидскомъ типѣ) изображеніемъ льва (фот. 366, кат. 208).

Изъ Эль-Хита мы повернули на югъ, идя на *Амра* — красивую деревушку съ сохранившимися башнями и Слеймъ, столь же незначительное мѣстечко, но еще издали выдѣляющееся высокимъ зазубреннымъ угломъ древняго храма (фот. 372, кат. 215), покрытаго тонкою рѣзьбою по уцѣлѣвшимъ кускамъ карниза и шпалетровъ. Нѣкогда это былъ изящный храмикъ съ великолѣпнымъ порталомъ и фронтономъ, сведеннымъ въ среднѣ монументальною аркою, пышными карнизами и рѣзнымъ фризомъ изъ орнаментальныхъ разводовъ съ перелами и фантастическими звѣрями; рѣзьба отличается глубиною и живописью и по достоинству техническому не уступаетъ чуднымъ дверямъ въ Кенаватъ. Зданіи храма, среди громадныхъ барабановъ отъ колоннъ и кусковъ рѣзнаго антаблемента и доселѣ лежитъ любовытнал надпись отъ имени нѣкоего Неанолита, окончательно подтверждающая догадку о томъ, что Слеймъ есть древшій *Неанолисъ*.

Пройдя не болѣе 1 ч. 20 м. по ущелью, среди лѣса изъ каменныхъ дубовъ, и поднявшись круто на высоту, мы пришли въ *Кенаватъ* и разбили

1) Планъ этой церкви Эль-Хита въ Колл. Палестинскаго Общества, повидимому, тотъ же, что у Вогюэ названъ «базиликою Шахкиа. Или обѣ базилики были тождественны, или рисовальщикъ Вогюэ перепуталъ имена.

свой привалъ у главной (фот. 374, кат. 218) его руины—такъ называемаго *Серая* (табл. XI) или дворца, на южномъ концѣ города, надъ ущельемъ. Минимый дворецъ Кенавата представляетъ ясно различающіяся два зданія, слитыя нѣкогда какъ бы въ одно цѣлое: они, правда, отличаются одинаковыми пропорціями и, несмотря на нѣкоторое различіе въ стилѣ, даже близки другъ къ другу по времени, но, очевидно, не современны. Одно изъ нихъ, вѣроятно, главное, и вдвое болѣе большое размѣромъ второго, тянется съ сѣвера на югъ и состоитъ изъ трехъ частей: передняго (фот. 381) портика, двора, окруженнаго со всѣхъ сторонъ колоннадою, и зданія, окруженнаго теперь съ трехъ сторонъ стѣнами. Другое зданіе, меньшее размѣромъ, расположено съ запада на востокъ (фот. 375, кат. 219) и прижато ко двору перваго зданія въ видѣ крыла; оно окружено со всѣхъ сторонъ стѣнами, но стѣна, отдѣляющая его отъ двора, пробита на высотѣ человѣка тремя аркадами (табл. XII), опертыми на маленькія колонны. Западная стѣна этого втораго зданія раздѣлана (фот. 376, табл. XI) какъ фасадъ, снабжена тремя входами, съ орнаментированными рѣзьбою косяками, и сверху украшена арочнымъ окномъ. Именно передъ этою стѣною сохранился также мощный дворъ и, очевидно, въ пзвѣстное время, эта часть стала главной.

Первое зданіе, очевидно, первоначальное: оно, во-первыхъ, обращено своимъ фасадомъ къ городу, который расположенъ съ юга на сѣверъ вдоль главнаго ущелья Кенавата съ вытекающимъ изъ его вершины (противъ *Серая*) источникомъ. Кромѣ красиваго портика на сѣверъ, съ сохранившимися въ его руинахъ надписямъ, изъ которыхъ одна называется строителями *Теона Квинта* съ архонтами, здѣсь видны слѣды лѣстницы и мощенаго двора. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, одинъ видъ (фот. 379, кат. 227) громаднаго атриума, слѣдующаго за портикомъ, убѣждаетъ, что зданіе это не было языческимъ храмомъ, тѣмъ болѣе, что большой храмъ Кенавата находится по близости отъ *Серая* далѣе на югъ, на холмѣ, а возлѣ самаго *Серая* есть развалины малаго храма или гѣропа, въ видѣ четырехугольной террасы, заваленной панимия плитами и камнями. Кубовыя капители атриума подають сперва мысль, что мы имѣемъ здѣсь христіанскую базилику съ ея обычнымъ расположеніемъ атриума передъ храмомъ, по этому противорѣчигъ, прежде всего, необыкновенно пзанный (фот. 378, табл. XIII и XIV) порталъ входной двери изъ атриума въ храмъ, а затѣмъ отсутствіе какихъ бы то ни было христіанскихъ эмблемъ и знаковъ на косякахъ, стѣнахъ этого зданія. А такъ какъ употребленіе кубовыхъ капителей не указано ранѣе IV в., то очевидно, мы не можемъ далеко отнести назадъ и постройку этого зданія и должны пометить его также не ранѣе второй половины III вѣка. Слѣдующее за атриумомъ зданіе (фот. 377), можетъ назваться наиболѣе интереснымъ и загадочнымъ во всемъ Гаураиѣ: его сохранившіяся западная (фот. 380,

кат. 228) и восточные стѣны представляют замѣчательно большую высоту и на всю эту высоту зданіе было покрыто сводами въ два этажа, образующими три нефа; боковые нефы *были также высоки, какъ и средний*. Но зданіе не было покрыто на всемъ пространствѣ: оно было, повидному (груды камня настолько закрыли внутренность зданія, что дѣйствительный планъ его не мыслятъ безъ очистки камня) подѣлено поперечными арками на три равныя части, и средняя изъ нихъ не имѣла арочнаго устройства, стало быть, не имѣла и крыши.

Такимъ образомъ, у западной стѣны образовался отдѣльный нартексъ, а восточная часть оканчивается также какъ бы поперечнымъ нефомъ, благодаря своимъ экседрамъ, которыя соответствуютъ нефамъ. Зданіе первоначально оканчивалось гладкою стѣною, но затѣмъ оно было превращено (на короткое время) въ христіанскую церковь, и эта стѣна разобрана, а за нею устроено полукруглое абсиды, доселѣ сохранившееся. Когда, затѣмъ, церковь была превращена въ мечеть, стѣна была опять выложена (фот. 377) абсиды закрыта наглухо, и въ этомъ видѣ зданіе сохранилось доселѣ, и стоять пока ничѣмъ не занято. Повидному, мы имѣемъ передъ собою замѣчательный образецъ древняго общественнаго зданія—лю всей вѣроятности, языческой базиллики съ торжественными сборными залами и дворами, эпохи Діокленіана или даже Константина.

Загадочность зданія простекаетъ наиболее изъ передѣлокъ и перестроекъ: Спир и здѣсь поддерживаетъ свою славу поддѣльвателя и въ зданіи перѣдко можно пропустить коренную передѣлку его потому, что строители озабочены переложить изъ прежняго матеріала не только стѣны, но и окна, двери, порталы, арки, фронтоны и т. д. Такъ случилось и здѣсь: внимательный осмотръ великолѣпнаго портала только что описанной базиллики убѣждаетъ, что этотъ порталъ не первоначаленъ и даже вовсе не принадлежитъ къ этому зданію, а перенесенъ изъ другого (или изъ какого-либо храма Кецавата, а можетъ быть, изъ Нимфсона) зданія, при перестройкѣ этой базиллики ко второму ея назначенію. Въ самомъ дѣлѣ, порталъ нашей базиллики скрывается за новымъ рѣзнымъ порталомъ: фотографія (378, кат. 224) ясно обнаруживаетъ плоскую дугу пернаго портала; внутри этой дуги вставленъ рѣзной порталъ, какъ вставляютъ плотники хорошую коробку въ каменную стѣну, вытесавши для нея мѣсто; но такъ какъ верху рамка недостаточно закрывала порушенную кладку, то сзади, за этою разною идяцими еще плитою отъ рѣзнаго карниза, побольше красивый, имѣвшійся подъ руками кусокъ. Этотъ карнизъ, повидному, перевернутъ, такъ какъ полоса, покрытая крупнымъ меандромъ, должна быть внизу, а разводы съ чудными розетками изъ крутящихся ленточекъ, должны бы приходиться въверху. Эти розетки тождественны съ украшеніями самаго портала, что дока-

зывается пхъ происхождение пзъ одного зданія, а взглядъ пангъ повыше портала открываетъ на стѣнѣ кусокъ карниза съ меандромъ такой же величпыи, заложенный въ стѣну, вѣроятно, при томъ же случаѣ. Рѣзба самого портала (табл. XIV), по справедливости, вызываетъ удивленіе путешественниковъ: эта рѣзба и сама по себѣ великолѣпна, и время, наложивъ на нее свою руку, гдѣ сбивъ и сгладивъ пзлпшнюю выпуклость, гдѣ смягчивъ пзпшнюю рѣзкость, способствовала создаться пстпшному пзпшеству. Верхній косякъ покрытъ широкими разводами акантовыхъ побѣговъ: сила, упругость, сочность и жпзненность крутящейся вѣтви передача съ высокими художествомъ; менѣе энергична, болѣе мягка и пѣжна рѣзба разводовъ по шплетрамъ, съ тьюлпанами (?) и другими цвѣтами внутри завпвающихся, на зтотъ разъ, сочныхъ тростниковыхъ побѣговъ, но съ акантовыми листьями. Къ тому же порталу принадлежатъ и пара консолей, здѣсь безъ смысла приложенная сбоку и пичего по поддерживающая: перегнутый по консоли акантъ еще живо и прерасно представляетъ рязскую орнаментку.

Тѣмъ важнѣе для насъ все описанное пзпшество портала, что можемъ сравнить рядомъ орнаментацию порталовъ на фасадѣ втораго зданія (фот. 376): грубо схематичная волюобразная лпнія вьющейся лозы съ систематически разбпшанными по ней гроздями относится, по всей вѣроятности, уже къ IV вѣку, о чемъ говорить и аркатура всего фасада.

Подобная связь заль была обычнымъ дѣломъ для римскихъ архитекторовъ: извѣстно, что триклиній въ дворцахъ и виллахъ оканчивался именно тройною аркою, выходившею въ главный дворъ. Въ данномъ случаѣ, второе зданіе и безъ того было боковымъ, ибо слѣва отъ него находилась входная портикъ перваго. Но, кромѣ того, весьма возможно, что зтой аркады первоначально въ такомъ пменно видѣ не было: въ самомъ дѣлѣ, даже фотографія (375) намъ открываетъ (чего не замѣтилъ, однако, даже на оригиналѣ путешественникъ), что обѣ колонки не равны, далѣе, что подъ ними стѣна явно переложена пзъ обптыхъ уже кусковъ, а надъ ними выложена тоже пзъ стараго матеріала и пр. Такимъ образомъ, возможно, что уже арабы переложили всю эту часть и вмѣсто прежняго триклинія выложили родъ балкона съ открытою аркадою, какъ было приято дѣлать во второмъ этажѣ въ византийскихъ и арабскихъ постройкахъ.

Второе зданіе наиболѣе наиппнааетъ хрестіанскую базилку—такою же считаетъ его и Вогиюзъ, который, однако, дѣлаетъ явную и странную ошибку, припимая трочастную арку въ прямой стѣнѣ за абсиду. Базилика эта, соответственно своимъ тремъ входамъ въ западной стѣнѣ, имѣетъ три неча, но абсиды ея находится не на восточной, а въ концѣ южной стѣны, въ правой ея сторонѣ: и имѣетъ оригинальный видъ тройной полукруглой и глубокой ниши (двѣ гелеры заложены, какъ чуланы). Почему абсиды устроена

въ боковой нишѣ, сказать трудно, такъ какъ это дѣло, понидмому, случая, что рядомъ съ новопретраченной церковною базилкою построили другую, но изъ 32-го письма ея. Паулина знаемъ, что была прилѣжь, когда базилику въ память Св. Феликса, присоединенную къ группѣ другихъ базиликъ, связали съ ними посредствомъ троечастной арки¹⁾.

За рупнами Серая, пройди мимо остатковъ упомянутаго храпка, вступашь на обширную мощеную площадь; ея номость изъ плитъ (рупны пинодрома?)²⁾ была мѣстами приподнять къмъ то изъ послѣдователей, п съ той поры жители Кенавата разнесли все, что было возможно унести; но оказалось, что плиты покрываютъ своды подземной цистерны (или пшаго зданія),

Рис. 12. Кенаватъ. Простильный храмъ.

и теперь эта оцелившаяся внутренность зяеть самымъ печальнымъ разрушеніемъ. На лѣвой сторонѣ этой площади еще ясно можно было различить основанія декоративной эседры въ формѣ буквы П, далѣе уголъ зданія, совершенно разрушеннаго и разобраннаго, остаткя деревянго водопровода п наконецъ великолѣпный большой (фот. 382, кат. 220) храмъ Юпитера. Онъ принадлежать (рис. 12) къ разряду *prostylos*, и его портикъ стоялъ на возвышенной террасѣ, проявляющей необыкновенное впечатлѣніе красотой декоративной постановки, пропорціямъ карниза и базъ колоннъ. Колонны частью унаги, но стоять еще только четыре, стѣны целлы стоять совершенно цѣ-

1) Красносельцевъ, *О происхожденіи эретіанскихъ базиликъ*, стр. 120 слѣд.

2) См. планъ Рен, приложенъ также въ гдѣ Изаибера, стр. 541.

лымъ, и равно сохранились базы другихъ колоннъ, образовывавшихъ внутри храма три нефа, и колоссальная четырехугольная экседра для идола.

Въ самомъ городѣ, расположенномъ по краю ущелья, оказалось мало древностей, за исключеніемъ дома шейха, быть можетъ, прежней базилки (фот. 383, кат. 231) и тѣхъ надписей и орнаментальныхъ плитъ, которыми друзья украсили окна своей (фот. 386, кат. 234) новой молельни. Любопытно, что и здѣсь вкусы каменотеса, украсившаго карнизы меандрами и въ нихъ маскамп, ипцами, гроздямъ, сошлись съ пресловутымъ стилемъ скульптуры въ Сіахѣ (см. ниже).

За городомъ, въ западной сторонѣ, на склонѣ въ долину находится на возвышенной террасѣ (фот. 388, кат. 236, 389—390, кат. 238) большой периптеральный храмъ, съ сохранившимися семью колоннамъ, которыхъ коринтскія капители отличаются особенною пышностью въ рѣзьбѣ листьев и чашечекъ завитковыхъ ушекъ, хотя, по характеру акабовъ, уступающихъ острымъ лопастей однихъ въ другой, ионикѣ подходятъ къ обычному типу капители III столѣтія.

Нѣкогда все ущелье Кенавата было раздѣлено не только дорожками, террасамъ, водопроводамъ, бассейнами и фонтанамъ, но даже баньями, театрами и декоративными сооружениями разнаго рода. И теперь слѣды этихъ сооружений еще видны (см. планъ Гильома Рея) въ особенности на отлогой, противоположной (отъ города) сторонѣ ущелья, гдѣ въ рядъ расположены: *театръ Одеонъ*, съ извѣстною пышною надписью, идущею по стѣнкѣ арены, и *Нимфеонъ*, надъ вытекающимъ обильнымъ источникомъ (фот. 387, кат. 235), въ видѣ четырехугольнаго зданія, съ пирами и эседрами. Но все, что можно было разрушить и разобрать, уже разрушено, и вмѣсто бассейновъ стоятъ заплесневѣлыя лужи, а на мѣсто фонтановъ груды камня. Все прочее закрыто землею садовъ и огородовъ, пышно разрастающихся на чудной почвѣ, воокъ воды. Всѣ эти рупны должны принадлежать II—III стол. по Р. X.

Изъ Кенавата мы сдѣлали экскурсію на мѣсто разваливъ *Сіаза*, лежащаго въ 1 часѣ разстоянія на Востокъ. Эти развалины протягиваются по хребту высокаго холма, очень узкаго и длиннаго, постепенно поднимающагося въ направленіи отъ сѣверо-востока къ юго-западу. Съ обѣихъ сторонъ склоны холма становятся болѣе и болѣе обрывистыми и въ самомъ концѣ образуютъ почти отвѣсныя стѣны. Холмъ господствуетъ надъ всею окрестностью, и такъ сказать, смотритъ на Кенаватъ черезъ обширную и плодородную равнину, еще наполненную мѣстамъ стоячею водою ручьевъ, прежде бывшихъ каналами для проведенныхъ издали источниковъ. Когда отъ Кенавата поднимаешься по крутому склону холма къ его восточной оконечности, повсюду, при поворотахъ взвивающейся зигзагомъ тропы, встрѣчаешь не-

болшія квадратныя и четырехольныя террассы могильныхъ гіеронимъ; самыхъ гіеронимъ нѣтъ, кромѣ одного, въ которомъ сохранилась даже входная дверь египетскаго (фот. 404) типа. Склонъ холма на самомъ верху былъ раздѣланъ весь подобными террасами, нѣсколько болыпимъ размѣромъ, но стоявшіе на нихъ гіеронимы или храмыкъ безслѣдно исчезли.

Холмъ въ одной оконечности становится пологимъ, съ этой именно стороны удобнѣе подъѣхать къ руинамъ, проводники указываютъ здѣсь какъ бы входъ въ развалины, и, изъ самомъ дѣлѣ, снаружи расположеніе камней представляеть подобіе входа, но когда войдешь внутрь циклопически нагроможденныхъ камней, то оказывается, что дальше надо идти по грудѣ камней въ самомъ хаотическомъ безпорядкѣ и, куда ни оглянись, вездѣ видишь только тѣже кучи, пзрѣда и то неясно прерываемыя лпіею сохранившихся подъ этими кучами стѣнъ и оградъ. Пройти, пзмѣрять, словомъ изслѣдовать комплексъ развалинъ съ этого конца нѣтъ никакой возможности. Однако, п взгляда достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что здѣсь нѣтъ никакой цѣлѣдели, никакого дворца (и никакой входа въ какое-либо здаіе, хотя разрушенное) вообще ничего цѣльнаго, а только ряды отдѣльныхъ построекъ, нагроможденныхъ другъ возлѣ друга безъ всякаго отношенія другъ къ другу, но, въ направленіи холма, расположенныхъ по хребту одна за другою. Явно, это не городъ и не дворецъ и не какое-нибудь поселеніе, а древній некрополь, котораго постройки развалены и частью разобраны, частью сохранились, но были очень разнаго достоинства и калибра, какъ на кладбищѣ бываетъ, со стѣнами изъ тесаныхъ камней и изъ щебня, а самыя постройки представляли собою, вѣроятно, наиболѣе простую или даже огрубѣлую форму пирамиды, которая или вышолена изъ тесаного камня или же, въ видѣ конической кучи камня, складывается на особой террасѣ. Ничего доисторическаго и неривыбтнаго въ этихъ руинахъ (какъ думали) нѣтъ, хотя грубость построекъ вообще не даетъ ясныхъ показаній эпохи. Такого рода некрополи изъ пирамидальныхъ кучъ камня можно встрѣтить въ Гауранѣ во многихъ мѣстахъ, но чаще всего по хребтамъ холмовъ — ради, конечно, возвышенія и равно негодности его для культуры. Намъ пришлось огйбать эту худую часть руинъ, занимающую не менѣе двухъ третей всего холма, иди по склону, подъ выступающими на него сверху террасами, по тропикамъ, пробитымъ скотомъ. И только, когда мы прошли, такимъ образомъ, довольно далеко, и вновь поднялись по догу, густо заваленному камнями, то подошли наконецъ, къ главной руинѣ Сіаха, возбуждившей столько надеждъ въ изслѣдователяхъ. Здѣсь руины представляють ясный послѣдовательный рядъ идущихъ одного за другимъ дворовъ, черѣдко отличнo мощеныхъ, или выложенныхъ гладкими плитамъ по извѣстнымъ сторонамъ или въ нѣкоторыхъ частяхъ; эти дворы были ограждены болѣе или менѣе высокими стѣнами, п

входы въ шихъ исключительно съ восточной стороны, т. е. по самой срединѣ хребта или холма, что и понятно, такъ какъ оба склона здѣсь настолько круты, что входы были бы отъ шихъ невозможны. Но эти входы сохранились входы только для двухъ дворовъ, а здѣсь ихъ не менѣе четырехъ, и даѣе, всѣ эти дворы расположены на *разныхъ* уровняхъ, и безъ признака какихъ бы то ни было крылецъ или лѣстницъ и террассъ, такъ что представляются совершенно отдѣльными, обособленными одинъ отъ другого. И потому, не отриная обычнаго взгляда, что мы имѣемъ передъ собою руппы храмовъ, мы дополняемъ этотъ взглядъ и полагаемъ, что Сіахъ вмѣстѣ есть некрополь Кенавата и, быть можетъ, также другихъ городовъ; то, что называютъ храмомъ, представляетъ руппу нѣсколькихъ *храмиковъ-пиронсовъ*, построенныхъ въ разное время частными лицами, на священной горѣ—общей усыпальницѣ.

Отсюда входы понятно будетъ, что руппы представляютъ крайне разнообразныя стѣлы, принадлежаніе временамъ процвѣтанія Гаурапа отъ начала римскаго господства до Константина. Такъ въ первомъ по ряду дворѣ (см. планъ Вогюэ р. 32—38, также въ глѣ Изабера, АВ), мы встрѣчаемъ превосходный порталъ тонкой рѣзной (фот. 391, кат. 239, деталь фот. 400) работы (А), хотя уже тяжеловатого и сухого стѣлы; шпильеры мелко профилированы, а средняя полоса украшена пышными, сильно выпуклыми розетками или волотами акаюа съ розетками внутри; тѣ и другія совершенно тождественнаго типа и рѣзбы съ дверьми Кенавата; антаблементъ этого портала, лежащій въ кускахъ среди грудъ камня, украшенъ также рѣзбою, въ которой меандры и волоты крупны, сильно выпуклыя розетки оживлены зигурками и цѣтлами; это римская рѣзба II вѣка.

Во второмъ дворѣ рѣзба на плитахъ мелкая, безхарактерная, по рядомъ остатки подвѣчнаго фриза—два прекрасныя рельефа съ изображеніемъ (фот. 394 и 398) божествъ, художественной работы, къ сожалѣнію, на половинцу обитые. Эти рельефы вриды ли позже I вѣка по Р. Х., и останавливаются на себѣ вниманіе тѣмъ болѣе, что всѣ барельефы Гаурапа отличаются крайнею грубостью и неуклюжестью небрежной рѣзбы въ тяжеломъ римскомъ стѣлѣ.

Въ третьемъ дворѣ много прекрасныхъ рѣзныхъ плитъ вмѣстѣ съ надписями Агринны. Но рядомъ съ этими плитами, цѣлая куча кусковъ антаблемента и карниза представляють, на первый взглядъ, необыкновенную грубость: протянувшіеся по фризу толстыя побѣги виноградной вѣтви (фот. 395—397, рлс. 13) съ массивными гроздьями и листьями, въ неуклюжей симметріи развѣшанными по сучкамъ, илюиць внутри растительныхъ волотъ съ маленькою гроздью цѣтка или столь же грубыя и донельзя выпуклыя, но безъ всякой моделировки, розетки и основныя шпильки; на побѣгахъ сидятъ

кузнечикъ, иногда птица; всѣ эти орнаменты лгутъ фризомъ по вѣчному карнизу, котораго верхъ убранъ листовою и изображеніемъ орла; такимъ образомъ, нѣтъ никакого сомнѣнія въ римскомъ происхожденіи всѣхъ этихъ украшеній, тѣмъ болѣе, что онѣ крайне близко напоминаютъ уже описанные выше рельефы работы мѣстныхъ каменотесовъ; здѣсь въ Сириі всѣ изображенія принимаютъ особенно тяжелый, грузный характеръ; на особой плитѣ видимъ непонятное изображеніе коня въ упряжкѣ (надгробный сюжетъ?), горельефныхъ тельцовъ по сторонамъ шилетра и пр., и рядомъ столь же крушныя, вышуклыя надписи съ именемъ Nabateйскаго Идумейскаго царя Малкада время Прода Великаго, сына Моайера; надъ этою надписью орнаментальный фризъ представляетъ побѣгу лозы съ листьями и гроздьями

Рис. 13. Сіахъ. Фрагментъ фриза отъ гіерона.

внутри волютъ (фот. 402). Всѣ сдѣланные нами снимки съ фрагментовъ, лежащихъ среди руинъ иногда къ верху ногами, пакошь, перевернутыми и т. д., полезно сравнить съ фантастическими (и въ тоже время дѣтскими по приѣмамъ) рисунками, данными у Вогюэ, прежде чѣмъ приступить къ сужденію и критикѣ чужихъ сужденій.

Неоспоримо оригинальными формы этихъ рельефовъ не составляютъ, однако, стили, съ извѣстнымъ характеромъ или выраженіемъ семитической страстности, преувеличенія, какъ то пытаются здѣсь видѣть, на основаніи словъ Вогюэ и одного, никакуда не годнаго рисунка. Равно нельзя особенно настаивать (какъ то дѣлаютъ въ последнее время) на аллегорическомъ характерѣ изображеній въ этихъ рельефахъ: вся эта орнаментальная декорация потеряла свой аллегорическій смыслъ безконечно давно, еще въ древней

Ассирія и Персія, и утверждать его возникновение, безъ особыхъ основаній, значило бы насловать смыслъ историческихъ формъ символика и декораций. Конечно, въ самомъ повтореніи виноградной лозы съ гроздьями, изображеніяхъ животнаго и растительнаго міра, сама по себѣ заключена пассивная символика, но она, въ свою очередь, опредѣляется декоративными формами, и потому не пѣтя передъ глазами ясно возстановленнаго зданія съ архитектурными деталями, было бы странно судить о значеніи отдѣльныхъ украшеній.

Далѣе, волюю каждому думать, что описанные дворы составляютъ одинъ храмъ-гигеонъ. Этотъ храмъ Ваалсамина представляетъ близкое сходство съ іерусалимскимъ храмомъ времени Ирода, но это предположеніе, столь естественное, даетъ очень мало, ибо, за исключеніемъ этихъ орнаментированныхъ карнизовъ и мощеной террасы передъ храмомъ, рѣшительно ничего не увидѣло, а безъ раскопокъ все наши заключенія о видѣ памятника являются чистыми гаданіями, въ чемъ всякій легко убѣждается на мѣстѣ, въ особенности при сравненіи дѣйствительности съ рисунками и планами Вогюэ.

Съ точки зрѣнія сравнительной, этотъ пресловутый храмъ Ваалсамина есть не болѣе, какъ довольно уродливое, мѣстное подражаніе превосходному римскому орглиаду первой половины I столѣтія, т. е. лучшаго времени римскаго искусства, но для Сиріи времени переходнаго отъ прежнихъ греческихъ работъ эпохи селевкидовъ къ новому римскому вкусу, вводившемуся Иродомъ. Въ городахъ, пользовавшихся высшею культурою, по берегу Сиріи, или непосредственнымъ покровительствомъ властя, конечно, были уже вышешние иностранные мастера, но въ глухихъ провинціяхъ Набатейскаго царства ихъ не могло быть, и новый вкусъ разрабатывался съ примитивною грубостью, которая, однако, только на первый разъ могла бы показаться примитивною, древне-восточною орнаментациею. Сравненіе съ памятниками начальнаго римскаго періода въ Малой Азіи¹⁾ легко открываетъ намъ прототипы этого мнимо-азиатскаго стіля: его выпуклыхъ орнаментовъ, нобѣговъ лозы съ рѣдкими листочками, явно принадлежащими плющу, не винограду, оригинальнаго оживленія вѣтви птичками, саранчею, лищерицами, человѣческими бюстами и головами.

Изъ Кенавата мы прошли въ *Амилъ* (др. *Athila*), замѣчательный развалинами духъ храмовъ: одного храмка съ чуднымъ рѣзнымъ порталомъ

1) См. снимки орнаментальныхъ деталей съ храма въ Эзани, отлично снятыхъ въ атласѣ Филиппа Леба: *Voyage archéologique en Grèce et en Asie Mineure* par M. Ph. Le Bas, publ. par S. Reinach, 1888, *Asie Min., Archit.* pl. 23—35, особенно pl. 31 ср. пальметки подъ овальн карниз и фот. 401; pl. 34—детали гробницы въ Эзани съ характерною листовою розеткою и розетокъ и фот. 405—406; ср. тутъ же крутящуюся розетку и нобѣгъ плюща, съ снимками Сіаха и Кенавата; также снимки изъ неизвѣстныхъ мѣстъ Малой Азіи, II, 8 и пр.

(фот. 409, табл. XVI), совершенно того же характера, что двери въ Кенаватѣ и порталы Сіаха, слѣдовательно, также II вѣка по Р. X.; иллістры портала украшены сильно выпуклыми завитками акашооваго нобѣга съ розетками внутри (пхъ тпгъ всего лучше сохранился на кускѣ портала другого храма, фот. 406), которыхъ лепестки принодѣты надъ фономъ и причудливо выгнуты, какъ на живомъ цѣткѣ; по сторонамъ портала двѣ ниши обрамлены великолѣпными рѣзными косяками, на одномъ крупный меандръ, какъ въ Кенаватѣ. Въ самой среднѣ храма выведена высокая аркада, остатокъ бывшей здѣсь христіанской церкви: въ замкѣ арки вложена плита съ орнаментальнымъ крестомъ. Во дворѣ жилища, прилѣпившагося къ храму, нашлось много барабановъ колоннъ, надписей и кусковъ, между которыми замѣчательнъ карнизъ, украшенный розетками, которыхъ лепестки какъ бы закручены сильнымъ движеніемъ. Этотъ орнаментъ особенно любопытенъ, потому что часто встрѣчается въ варварскѣхъ древностяхъ IV—IV в. по Р. X. — здѣсь онъ является ранѣе Европы.

Другой большой храмъ Атіля ишѣ (фот. 405, кат. 253) почти весь разобранъ, и внутри него поселилась семья друзовъ, очень многочисленная и хозяйственная, которая быстро доканчиваетъ его разрушеніе. Уже теперь осталась только одна стѣна съ антою, заложенный уже внутри жилища фасадъ, съ декоративными иллістрами, которыя оказались замазаны красною глиною; повсюду въ стѣнахъ куски рѣзныхъ карнизовъ, антаблемента съ большимъ меандровымъ фризомъ и пр., въ видѣ упомянутаго косяка надъ дверью (фот. 406, кат. 254) и другого съ листовыми разводами, въ которыхъ прыгають козы и пантеры¹⁾; въ оградѣ, во дворѣ, заложень большою бѣжею Геліоса (фот. 407, кат. 255).

Церковь этого городка оказалась старинною и особенно жалкою: она въ одинъ печаль, аркады выложены изъ сборныхъ кусковъ и мѣстами подалась и грозитъ разрушеніемъ; послѣдняя аркада опущена на двѣ коринтскія капители, абсиды сложена частью изъ песчаныхъ кусковъ и т. п. Самыя капители, какъ и пара большихъ (фот. 408) капителей, изъ которыхъ сложень алтарь халду — молельни друзовъ, принадлежатъ тому же большому храму. По низу этихъ капителей идетъ поясъ изъ короткихъ и широкихъ акашоовъ, отдѣльно высѣченныхъ на фонѣ корзины; выше низкій, загибающийся полсокъ акашоовыхъ коронокъ, заступившій мѣсто прежняго пояса, и затѣмъ вердушка, убранныя толстыми нобѣгами волотъ.

Черезъ Атіль мы прошли затѣмъ въ Суведу. *Суседа* или *Сусейда* (др. Dionysias) большой городъ и въ древности и въ настоящее время, а его

¹⁾ Ср. въ указанномъ атласѣ *Le Bas Voyage par S. Reinach, Asie Min.* II, 3, III иллістръ съ разводами, которыхъ рѣзки изъ выгнутыхъ лепестковъ, съ ползающими лицерницами, летающими птицами, указываютъ сами, гдѣ оригиналы Кенавата, Сіаха и Атіля.

христіанскіе памятники изъ важнѣйшихъ въ Гаураиѣ. Но, благодаря значительному населенію, памятники вообще крайне пострадали и, кромѣ немногихъ особенно крупныхъ зданій, сохранившихся хотя въ кускахъ, остальные разнесены по городу, и нерѣдко пѣтъ возможности сказать, при видѣ новыхъ домовъ, сложенныхъ изъ кусковъ, какому зданію принадлежитъ колонна, капитель, часть архитрава и пр.

Въ центрѣ города еще отъ древности сохранилась площадь, обставленная почти кругомъ древними домами и зданіями; по краю этой площади доселѣ проходитъ главная улица, перерѣзывающая городъ на двѣ половины, и, рядомъ съ площадью, другая улица, идущая перпендикулярно къ первой и раздѣляющая городъ на четыре квартала, но менѣе замѣтная пѣтъ среди руинъ. Большой *перинтеральный храмъ*, стоящій на площади и выходящій на первую улицу, обращаетъ на себя вниманіе особенностями своего стиля въ колоннахъ и каптеляхъ (фот. 415, кат. 267), вѣнчанной колоннады и орнаментикѣ фронтоновъ, порталовъ и нишъ, сохранившихся въ сѣверной (сборной изъ кусковъ стѣнѣ). Во первыхъ, эта орнаментация не имѣетъ ровно ничего общаго съ стилемъ иллинеопсаннаго храма въ Сіахѣ, какъ то было высказано г. Рэемъ на одномъ только основаніи неблагоприятнаго впечатлѣнія, иллинеопсаннаго пѣтъ отъ вида этихъ развалинъ. Правда, колонны (видныя, однако, не вездѣ до базы) не имѣютъ стройности колоннъ Кенавата, никакого суженія паверху, сдѣланы изъ многихъ, часто слишкомъ мелкихъ барабановъ и т. д. Далѣе, стиль капителей и антаблемента указываетъ своею сухостью, утробкою формъ и неизлѣчными пропорціями на позднее время, а именно, по нашему мнѣнію, на III столѣтіе, даже на его конецъ, по все это несколько не сближаетъ этого храма съ руинами храма Сіаха, которая, будучи грубою работою (а вовсе не *стилемъ*) каменотеса, подражаютъ, однако, лучшимъ образцамъ выпуклага пластическаго орнамента римлянъ. Во всемъ этомъ насъ убѣждаетъ сличеніе приводимыхъ фотографическихъ снимковъ, но только подробный анализъ и сравненіе деталей этого храма Суведы съ спирийскими образцами можетъ объяснить намъ *стиль*, пѣтъ представляемый, чрезвычайно сухой, обдѣланный, но высоко интересный для древне-христіанскаго орнамента.

Капители этой колоннады имѣютъ лишь одинъ поясъ акапоовъ, и притомъ столь плотно прижатыхъ къ корзинѣ, что едва легкая насѣчка выдаетъ контуры листьевъ (сравилъ позднѣйшую флигранную декорацию византійской капители въ Золотыхъ воротахъ Константинополя), и сейчасъ же надъ этимъ поясомъ вдругъ опускаются спльно выпуклыми, отвисающія верхушки тѣхъ же акапоовъ, а надъ ними расположены толстые побѣги волютъ, напоминающіе даже іоническій орденъ своими размѣрами. Антаблементъ весь раздѣланъ по фризу пугчнымъ наборомъ съ розетками внутри, а карнизъ укра-

мень чрезвычайно сухими и безхарактерными разводами, столь ясно сближающимися с орнаментациею базилики при Суведы (см. ниже) и (предполагаемой, о чем см. выше) базилики Кенавата, что мы почти вынуждены считать их тождественными. Стало быть, этот храм—явно, языческий—и христианскія базилики Гаурана близки другъ къ другу по времени, и слѣдовательно, эти послѣднія должны быть нами отнесены къ IV вѣку.

Слѣва отъ храма (на площади, а не по улицѣ, гдѣ зданіе совершенно закрыто) видна еще одна боковая, смотрящая на юго-востокъ, *абсида* отъ тройной, разобранной для дома, абсиды, очевидно, христианской базилики; стѣна сохранившейся абсиды хорошей древней кладки. На юго-восточномъ концѣ площади въ правомъ ея углу, въ стѣнкѣ богатаго дома вложетъ кусокъ

Рис. 14. Суведа. Храмъ. Сѣверная сторона.

углового гарннза съ маскою (фот. 417, кат. 269), а ворота цѣлякомъ сложены изъ античныхъ, роскошныхъ по своей орнаментаци, кусковъ антаблемента, на которыхъ высѣчены еще въ древности кресты. Домъ новой постройки, по весь сложенъ (мѣстами въ два этажа) изъ древнихъ матеріаловъ, и наискъ во второмъ его дворѣ опущенъ на колонны съ оригинальными капителями: листья (фот. 416 и 418, кат. 268 и 270), этой капители (рис. 15) имѣеть видъ какъ бы водныхъ растений, въ два пояса, съ толстыми и сочными листьями, безъ всякихъ жилокъ, но въ контурѣ акавовъ, какъ въ позднѣйшую эпоху, т. е. въ III—IV в. ихъ стали дѣлать короткими и сильно приподнятыми надъ фономъ; надъ поясомъ листьевъ суставы какъ бы тростниковаго растенія, въ томъ родѣ, какъ на римской утвари, поднимаются и рас-

ходится подъ абакомъ канители, въ видѣ усиковъ и цвѣточныхъ побѣговъ съ розетками на концахъ. Однако, здѣсь, въ дѣйствительности, нѣтъ новой особенной формы, и по нѣжнему полю аканеовъ легко видѣть, откуда эта форма получила свое начало. Это также коринфская канитель, т. е. корзина, обитая поясами аканеовъ, въ которой только не раздѣланы детально какъ самые листья, такъ и суставы расходящихся цвѣточныхъ волютъ. Единственное заключеніе, которое можно сдѣлать по вопросу о происхожденіи подобной формы, времени ея появленія въ Спрія и значеніи ея для опредѣленія памятникосты, должно быть въ пользу того, что эта листовая форма въ мелкихъ кантеляхъ представляетъ подражаніе неизвѣстному пока намъ, но монументальному или даже колоссальному памятнику Спрія же или Египта, изъ твердой породы камня, напр. гранита, не допускавшаго детальной отдѣлки. Мы увидимъ ниже, что форма эта встрѣчается въ кантеляхъ, извлеченныхъ изъ гробницы Царей въ Терусалмѣ, которой эпоха, въ свою очередь, опредѣляется орнаментикою и нѣмъ всѣмъ компетентными людьми относится ко времени около Рождества Христова.

Наиболѣе замѣчательнымъ памятникомъ Сусейды является *христианская базилика* колоссальныхъ размѣровъ и на этотъ разъ цѣлкомъ самобытнаго христианскаго происхожденія. Уже западный фасадъ съ двумя (фот. 410, кат. 259 и 260) (отъ трехъ прежде бывшихъ) колоссальными порталами, которыхъ украшеніе ограничилось, однако, профилевою косляковъ и арочнымъ окномъ надъ каждою дверью, представляетъ замѣчательное тождество по характеру самой кладки и внѣшнему общему виду съ базиликою Кенавата (*второе зданіе*). Этотъ фасадъ на одну треть съ правой стороны разрушенъ, сверху же разобранъ, а громадныя двери, напротивъ того, забраны кое-какъ. Храмъ находится во владѣніи цѣлаго десятка семей, поназдѣлавшихъ всюду свои конкурсы; большое удобство при этомъ составили входы главные и боковые и этому обязаны своимъ сохраненіемъ, тогда какъ внутренность храма уничтожена, какъ дерево сѣдается внутри червямъ. Войдя внутрь базилики, видишь, на мѣстѣ прежняго двухэтажнаго партера, по сторонамъ средняго портала, сложенные наглухо два каменные корнуса съ крохотными лазейками выпзу. Нѣбы съ двумя рядами колоппъ, или погребенными подъ рупною, теперь почти непрямѣтны, такъ что на мѣстѣ можно найти только двѣ базы. Правда, базилика завалена доселѣ своимъ собственными руинами, но, повсюду, гдѣ была площадка, терраса, кусокъ стѣны побольше, устроилось жильѣ, и десятки семей, усѣвшіяся на руинахъ базилики, продолжаютъ ихъ растаскивать и разваливать, а друзья далеко не равнодушны къ искусству. Вотъ почему на всемъ пространствѣ базилики едва сохранилась одна канитель, и то (фот. 419) благодаря своей величинѣ. Судя по барабанамъ, колонны были въ базиликѣ разныхъ размѣ-

ровъ, стало быть, сборныи, въ языческихъ храмовъ. Равно, и капитель происходитъ въ древней языческой постройкѣ, что доказывается ея типомъ:

Ее-Суведъ. Домъ на храмовой площади.

поясъ большнхъ широколопастныхъ акантоовъ по кругу, выше поясаго верхушекъ отъ другихъ, надъ ними ложки и затѣмъ баризъ, отдѣланный овами.

Апсида съ тремя полукруглыми нишами (фот. 413, кат. 264), изъ нихъ средняя больше размѣромъ, подѣлена теперь на три жилья, устроенныя на разныхъ уровняхъ; изъ нихъ одинъ домъ занялъ половину апсиды. Въ ней поныѣ арочныхъ оконъ. Надъ боковыми панями большія четырехугольныя окна. На сѣверной сторонѣ сохранилась также на высоту 1—2 саж. стѣна отличной кладки, и въ ней двое входныхъ дверей съ крестами въ кругахъ и орнаментированными виноградною лозою косяками (фот. 411 и 414, кат. 261 и 265). Въ кускѣ стѣны, который мы видѣли, не было никакихъ оконъ, но возможно, что стѣна съ восемью арочными окнами, бывшая при Вогюэ, нынѣ уже ушла.

Базилка имѣла обширный атриумъ, котораго планъ остался для насъ неиспытымъ, вследствие трудности сдѣлать промѣры между разными примостившимся къ руинамъ домиками и импровизированными жилищами. Съ западной стороны отъ базилки видны угловыя входныя двери (изъ числа трехъ?) съ полукруглыми нишами, обращенными внутрь атриума, слѣдовательно, въ соответствии съ противстоящими колоннами, для сводчатого панъса вдоль атриума. Дверь украшена такими же крестами, какъ и дверь сѣверной стѣны. Далѣе, руины зданія, напоминающаго боковыя (фот. 412, кат. 263) атриумы, тянутся вдоль южной стѣны базилки: но это только громадныя базы колоннъ въ два ряда, — ряды, очень сжатые, кѣмъ то расчищенные отъ мусора, и даже прикрытые канителями, имѣющими совершенно ту же кубовую форму, какъ и колонны атриума въ базилкѣ Кенавата. По всѣмъ этимъ даннымъ и по стилю орнаментовъ, базилка можетъ принадлежать еще IV столѣттю.

Именно по своей предполагаемой древности базилка Суведы получаетъ для насъ наибольшій интересъ: по счастью, сохранившися на сѣверной сторонѣ входы даютъ намъ для того достаточное доказательство въ орнаментикѣ порталовъ. Эта орнаментика (фот. 411 и 414) представляетъ во первыхъ совершенное тождество съ порталомъ предполагаемой базилки (*отъ-раго* зданія) Кенавата, и во вторыхъ ясно отмѣчена высѣченными на верхней перекладнѣ равнокочечными крестами, какъ работа христіанской эпохи, приблизительно времени Константина Великаго. Мы имѣемъ здѣсь еще римскую кладку стѣнъ, высѣченныя по бокамъ консоли для поддержки (недостающаго) карниза, и самый порталъ, котораго перекладина и нишаstry украшены побѣгомъ лозы. Этотъ побѣгъ уже не образуетъ волнотъ, но пзвняется по рамкѣ волнистою лишею изъ толстой агановой вѣтви (но уже безъ листовиной отдѣлки), отъ которой отдѣляющіеся усики закручиваются симметрично внутрь, держа листки или грозди. Работа поверхностная, безъ всякой моделировки, сухая, мелочная и безхарактерная.

Изъ Суведы черезъ *Айе, Уатаръ* и *Джемелинъ* пройдя четыре часа,

мы пришли въ *Босру*, издали представившуюся величественнымъ, большимъ городомъ, въблизи оказавшуюся жалкимъ мѣстечкомъ съ беднѣйшимъ населеніемъ, средѣ колоссальныхъ развалинъ. Но видъ издали есть исторически дѣйствительная картина, которая особенно счастливымъ образомъ открывается путешественнику, когда, осматривъ Босру и изучивъ ея руины, онъ будетъ уѣзжать изъ города. Руины эти такъ значительны, что на разстояніи совершенно забываются зданія, и такъ разнообразны, что ихъ нельзя (въ отличіе отъ прочихъ городовъ Гаурана) смѣшивать: здѣсь есть и высокія толкія башни, и храмы съ колонадами, и импозантные триумфальные арки, и театры, и террасы древнихъ многоэтажныхъ домовъ, церкви и цитадели. Все это, на разстояніи, напоминаетъ въ общемъ рисунокъ разнообразныя контуры восточнаго города съ округлыми мечетями и тонкими минаретами, террасами жилыхъ домовъ и древними стѣнами.

Городъ дѣлится двумя перекрещивающимися улицами на кварталы, но тетрапила или не было, или не сохранилось¹⁾. Центральная часть занята лучшими зданіями языческаго характера и происхожденія, частью изъ времени Траяна (который былъ, по Евронію, orbem terrarum aedificans и отличалъ Босру), болѣе того, съ конца III вѣка, когда, послѣ паденія Пальмиры, Бостра сдѣлалась почти исключительно посредницею торговли Востока съ Западомъ, направлявшейся черезъ этотъ пунктъ къ портамъ Средиземнаго моря и имѣвшей здѣсь важнѣйшіе склады, такъ какъ здѣсь нерѣдко разгружались караваны верблюдовъ, а товары отсюда доставлялись уже по римскимъ дорогамъ.

Центръ города легко отыскивается по колонадѣ изъ четырехъ колоннъ (фот. 438, кат. 292); уголь стѣны съ нишами примыкаетъ къ колоннамъ, а сохранившаяся сади стѣна съ большою ежесдюро для кумира для статуи указываетъ ясно на то, что это развалины храма. Но, судя по тому, что онъ занимаетъ угловое мѣсто, что онъ поставленъ въ самомъ бойкомъ мѣстѣ и лишентъ священнаго храмоваго темена для участка, можно, пожалуй, считать, что это скорѣе декоративный храмъ, посвященный римскому божеству-покровителю, чѣмъ культовый сприйскій храмъ. Но мы слишкомъ мало знаемъ объ этихъ послѣднихъ, чтобы умѣть различать ихъ отъ грекоримскихъ. Черезъ улицу, напротивъ, видны двѣ (фот. 437, кат. 290) колонны отъ портика, сохранившія свой антаблементъ.

Отсюда, пройдя по перекрестной улицѣ, встрѣчаемъ колоссальную триумфальную (фот. 433 и 434, кат. 285 и 286) арку, которой размѣры,

1) Выше-указанный географъ 350—353 гг. ib. vol. II cap. 38, p. 518 знаетъ здѣсь тетрапилу: ... civitas Bostra. quae maxima negotia habere dicitur, propinqua Persis et Saracenis, in qua publicum opus tetrapylis memorabile nominatur.

чуждая кладка внутреннихъ сводовъ и постановка могли бы удовлетворить самый Римъ, не только столицу восточной караванной торговли. Прямая, широкая улица, обставленная правильными зданіями, идущая мямо фасада арки; новая улица, повидимому съ крытыми по сторонамъ галлереями, начинающаяся изъ подъ трехъ арокъ; обширные термы, сохранившиеся въ цѣломъ рядѣ помѣщений, крытыхъ сводами,—все это придаетъ руинамъ характеръ особой значительности. Къ сожалѣнію, осмотръ руинъ очень здѣсь затрудненъ тѣмъ, что самыя улицы покрыты сплошною и не прерывающеюся грудой камня, барабановъ, плитъ, по которымъ надо лѣзть, чтобы продвигаться впередъ, и такъ вездѣ, гдѣ стояли большія общественныя зданія.

Въ западномъ кварталѣ улицы имѣють, напротивъ, обычный видъ тропинокъ, ведущихъ по мусорнымъ кучамъ и среди каменныхъ оградъ и деревянныхъ домовъ. Вновь встрѣчаемъ *триумфальную арку* (табл. XVIII), на этотъ разъ меньшаго (фот. 435, кат. 287) размѣра (если не городскія ворота?): пезивѣстный намъ изслѣдователь раскопалъ эту арку до основанія. Въ створѣ отъ нея поднимаются величественныя развалины дворца (фот. 436, кат. 288) западный фасадъ ихъ открывается рядомъ громадныхъ аркадъ; внутри зданіе сохранило всюду стѣны обоевъ этажей, еще видна громадная арка, связывающая залы верхняго этажа. По близости отъ дворца, среди полуразвалившихся домовъ, видны двѣ торчащія отѣльно колонны; онѣ поставлены на особыхъ высокихъ пьедесталахъ и, очевидно, принадлежатъ какъ бы лицезому портку; по сторонамъ ихъ, въ стѣнахъ соседнихъ домовъ можно еще различить двѣ полуколонны, обрамлявшія боковыя апты. Но кусокъ закругляющейся стѣны за этими аптами или пилестраи и полуколоннаго свода надъ ними показываютъ, что мы имѣемъ здѣсь не собственно порткъ, но декоративную экседру, единственно уцѣлѣвшую отъ языческаго храма. Разслѣдовать прочія его части, застроенныя или вошедшія въ составъ домышекъ, въ настоящее время не мыслимо.

Античныя руины Босры представляли для нашихъ цѣлей значительный интересъ: будучи, въ большинствѣ случаевъ, довольно поздняго пропехожденія, а именно отъ II—III вѣка для времени императора Филиппа Аравитинна, уроженца Шухбы, эти руины указываютъ, какіе образцы нашло христіанское искусство въ Сиріи. Такъ, на капителяхъ триумфальной арки, большого и малаго храмовъ мы находимъ именно тотъ типъ листьевъ, который уже былъ указанъ нами для III вѣка. Въмѣсто двухъ шоловъ акапоовыхъ листьевъ, мы находимъ здѣсь какъ бы три пояса, при чемъ верхній образуется изъ вышшаго обрамленія акапоовымъ кронами стеблей листьевъ и волотъ по угламъ капители. Далѣе, акапоны не прикрываютъ другъ друга, а размѣщены по корзинамъ: одинъ за другимъ, и фонъ около нихъ сильно углубленъ сверломъ, чѣмъ и достигается весь эффектъ рѣзвыи мелочной, но дел-

катной; острія абаконовъ уперты другъ въ друга, листья широки и низки — все это какъ разъ повторяется въ IV столѣтіи. Особенно любопытны негодевятыи капители храма (фот. 438), съ розетками въ третьемъ поясъ и безъ волюты по угламъ, съ тонкими вышупенными абаками.

Но гораздо бѣльшій интересъ имѣютъ сами по себѣ и въ особенности для насъ христіанскіе памятники Босры: надо припомнить, что именно въ первое время Византійской Имперіи, т. е. въ IV—VI вѣкахъ Босра наиболѣе процвѣтала и богатѣла. Вотъ почему церкви Босры были самостоятельно построенными, обширными и художественными зданіями. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ должно поставить (фот. 421, кат. 274) развалины *монастыря Юхейри*, такъ названнаго потому, что древняя христіанская базилика послужила помѣщеніемъ мусульманскаго святаго и потомъ монастыря дервишей. Западный фасадъ базилики стоитъ почти въ рядъ съ остатками фасада главнаго собора Босры, и возможно, что уже въ VI вѣкѣ бывшая базилика была преобразована въ христіанскій монастырь, а потому естественно предположить, что эта базилика построена еще въ IV вѣкѣ, или даже при Константинѣ. Базилика построена разомъ и цѣлкомъ, въ видѣ залы въ одинъ нефъ, но, такъ сказать, въ два свѣта, съ большими арочными окнами въ верхней части стѣны, съ высокою и во всю почти ширину зданія абсидюю (фот. 422, кат. 275) не пристроенною на этотъ разъ, но выложенною разомъ, все это прекрасной римской кладки и снаружи и изнутри, съ притескою каждаго камня. Но снаружи зданіе, очевидно, потерѣло: такъ, западный фасадъ имѣлъ первоначально по краямъ полуколонны, на которыхъ были выложены во второмъ этажѣ пилѣстры; отъ угловой капители полуколонны шла первоначально линия выступающаго декоративнаго щипца или фронтона, щипъ сохранившася только въ видѣ куска, за которымъ уже выложена арка въ соответствіе съ абсидюю; однако средняя дверь сохранила косякъ съ крестомъ, а на одной боковой еще виденъ стесанный крестъ. Повидному, перекладка произошла еще въ христіанское время, или же при Арабахъ, и быть можетъ, базилика была передѣлана на жилие, именно на монастырь — въ ней сдѣланы два этажа и заложены бывшія въ фасадѣ окна. На сѣверной стѣнѣ видны еще консоли, на которыхъ, вѣроятно, были укрѣплены декоративные выступающіе щипцы. Наконецъ, на исподѣ замковаго камня въ аркѣ абсиды вырѣзано изображеніе такъ называемаго Гераклова узла, эмблема прочности зданія, часто встрѣчающаяся во всей Сиріи.

Главный соборъ представляетъ громадную рупку (фот. 420, кат. 272), заваленную кучами пепла, который сюда свозятъ со всего города; изъ подъ этихъ кучъ, быть можетъ (во времена Вогою), освобождена именно та небольшая часть средняго нефа передъ абсидюю, которая въ позднѣйшее время

была выдѣлена изъ руинъ въ видѣ маленькой базилики и представляетъ три неча, разделенныя базами колоннъ; затѣмъ сохранилась главная абсида, отдѣленіе жертвенника (фот. 423, кат. 277), покрытое еще сводомъ,

Рис. 16. Бурса. Колонна въ мечети (монастыри) на западъ отъ города.

крыло западнаго (фот. 424, кат. 278) фасада съ шпиею. Къ большому собору примыкаетъ съзади еще небольшая базилика, теперь служащая жилищемъ, и потому на двѣ трети разобранныя; повидимому, отъ древней базилики со-

хранилась лишь восточная часть, и то не вся, а только двѣ абсиды, третьей на лѣвомъ рукавѣ недостаетъ; надъ арками помѣщено по три окна. Сохранился частію и западный фасадъ въ два этажа, орнаментированный иппами въ томъ же родѣ, что и базилика монастыря Бюейри внутри.

Не менѣе замѣчательные памятники христіанскаго происхожденія находятся въ монастырѣ — мечети имени Омара (табл. XVII) на западномъ концѣ города: громадный корпусъ всякихъ построекъ составилъ нѣкогда христіанскую обитель, но, за исключеніемъ мечети, все остальное искажено и разрушено мусульманскими передѣлками. Такъ, сѣверная стѣна сохранила отъ древности развѣ только одну дверь, все остальное относится уже къ мечети и стѣна составляетъ ея лицевой фасадъ, а потому, для красоты, вмѣсто одного пояса камней выложенъ рядъ барабановъ колоннъ (фот. 425, кат. 279) обернутыхъ плитою; въ нижней части стѣны заложено нѣсколько надписей V—VI столѣтій. Южная стѣна украшена арабскими портикомъ изъ арокъ на столь низкихъ колоннахъ (частію еще погруженныхъ въ мусоръ), что ихъ капители мѣстами находятся у самой земли, — какъ извѣстно, особенность арабской архитектуры XIII—XIV столѣтій, усвоенная по мѣстамъ и европейскою; ионическія капители на этихъ колоннахъ, очевидно, происходятъ изъ древняго языческаго зданія. Внутри зданіе представляетъ большой корпусъ почти квадратной мечети: по южной и восточной (фот. 428 и 429, кат. 281 и 282) сторонамъ ея идутъ въ два ряда колонны; изъ нихъ на южной сторонѣ 12 колоннъ мраморныхъ, повидому, привознаго мрамора, монолитныхъ, съ мраморными же коринтскими капителями, довольно тонкой рѣзбы, но рѣзко торчащихъ порознь акантово въ два пояса, съ мелкими (фот. 430, рис. 16) и почти закрытыми волютами, которая по характеру не можетъ быть раньше вѣка Константина или даже конца IV столѣтія. Колонны, будучи привозными, имѣютъ близкое сходство по рисунку съ нѣкоторыми капителями изъ Херсонеса, проходящими изъ проконесскихъ ломокъ¹⁾. На двухъ колоннахъ въ кругу высѣчены надписи, относящіяся къ постройкѣ (явно, на этомъ же мѣстѣ, гдѣ уже было языческое зданіе храма) свгмы съ тремя конхами или абсидами въ 384 г. (384+105)=489 году²⁾, стало быть, еще точнѣе, къ пристройкѣ въ языческомъ

1) А. Л. Бертье-Дезагарди, *Древности Южной Россіи. Раскопки Херсонеса*. 13-й вып. *Материаловъ по археологіи Россіи*, изд. Имп. Арх. Комиссіею. 1893.

2) Эта дата устройства абсиды съ тремя конхами или такъ называемая *триконха* весьма важна для рѣшенія вопроса о времени постройки (при Юстиніанѣ?) абсиды Византійской базилики Рождества. Въ недавно вышедшемъ сочиненіи Brockhaus, Heinrich, *Die Kunst in den Aethioklöstern*, 1891, p. 19 указано на эту форму (Kleblattförmige Bildung) въ планѣ аюонскихъ церквей, какъ на особую группу, но эта группа позднѣйшаго времени. Проф. Стрыговскій въ рецензіи на это сочиненіе въ *Byzantinische Zeitschrift*, 1892, p. 349, указываетъ на мечеть Мустафы въ Константинополѣ, и Св. Папи въ Солуни, Св. Анастоловъ въ Афонѣ, разрушенную ц. Пресв. Богородицы Влахерской и триконхъ царскаго дворца въ Византіи.

храмъ алтарной части для обращенія его въ базилику. Свидѣтельство въ высшей степени любопытное, такъ какъ оно посылаетъ намъ рядъ христіанскихъ памятниковъ Сиріи.

Наконецъ, массивная цитадель Босры, времяеъ Саладина, такъ называемая *Ель-Кала'а*, съ ея колоссальными стѣнами, выложенными пзъ великолѣннаго древняго матеріала, блокови, обтесанныхъ гладко, въ рустку съ еврейскими выпусками, сама представляетъ замѣчательный памятникъ, для сооруженія котораго въ XIII вѣкѣ пстрелены, однако, лучшіе памятники Босры. Но, кромѣ того, что стѣны этой цитадели украшены древними надписями, порталами христіанскихъ базиликъ, на которыхъ уцѣлѣли даже кресты, онѣ охватываютъ собою и до пзвѣстной стѣны охраняютъ отъ разрушенія одни пзъ наилучшихъ и наиболѣе сохранныхъ римскихъ театровъ. Здѣсь уцѣлѣла даже часть (фот. 443, кат. 297) вѣснаго (табл. XX) портика или колоннады, а великолѣпный *proscenium* (табл. XIX) представляетъ, кромѣ средней части съ декоративными нишами и эсседрами, два громадные крыла, въ видѣ отдѣльныхъ дворцовъ, обращенныхъ боковыми стѣнами къ театру, а фасадами другъ (фот. 440 и 441, кат. 294 и 295) противъ друга; въ этихъ дворцахъ выложены, такимъ образомъ, двѣ стѣны, и внизу пмѣется парадный входъ, выводящій за кулисы. Любопытна также подземная (фот. 442, кат. 296) галлерей, проходящая вдоль средней дворца, очень глубокая, теперь открытая и лишняя своихъ сводовъ, а въ подземельяхъ оркестра были прежде устроены цокольные погреба. Великолѣпно сохранились, но служатъ для казармъ цитадели клоакамы и подземные ходы и сообщенія различныхъ (фот. 439, кат. 293) частей театра (*vomitoria*).

Изъ Босры, выйдя въ ворота Бабъ-ель-Гауа, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится источникъ, питающій весь городъ, и пдя частью по римской дорогѣ, мы прошли сперва въ деревни *Джизе* и *Еш-Шурукъ*, гдѣ древняя бання оказалась превращенною въ церковь, судя по грубо вырѣзаннымъ (фот. 301, кат. 143) крестамъ на ея дверп, а затѣмъ въ *Насибъ* и *Ремте*, громадное селеніе, одиноко возвышающееся, на подобіе крѣпости, выравно отъ ровной и измѣненной пустыни. Этимъ путемъ мы пзбѣгали *Дерата* (или Дера'а), черезъ который, какъ мы знали, прошла линия кордона, открытаго Турціею по случаю открытія холеры въ Дамаскѣ и бѣгства его жителей. Еще въ Суведѣ получили мы пзвѣстія о холерѣ и оттуда начали запасаться всякаго рода свидѣтельствами о томъ, что находимся выгъ неблагополучныхъ мѣстъ.

Изъ Ремте мы прошли черезъ пустыню на *Гауаръ* и оттуда черезъ *Едунъ* и *Мезаръ*, по горнымъ тропинкамъ и ломамъ текущихъ перѣдко среди густыхъ лѣсовъ и зимою ручьевъ, переваливая большія и крутыя горы, въ *Тибне*, расположенное на значительной высотѣ (фот. 448—449, кат. 302).

Отсюда начиналось для нас путешествие по Заиордаанию, нѣсколько сократившееся въ сѣверной своей части, а именно: мы располагали начать это путешествие отъ самой Тиверіады и продолжать его на Ирбидь, и теперь не могли этого сдѣлать, въ виду того, что Ирбидь была включена въ линію холернаго кордона, протянувшагося на этотъ разъ отъ Дамаска, гдѣ въ 1891 году развилась въ сентябрѣ жестокая холера, черезъ Ирбидь до Наблуса. Экспедиція не оставалось иного выбора, какъ идти далѣе внѣ линіи кордона, съ постоянными опросами у мѣстныхъ начальниковъ городовъ и деревень, гдѣ эта линія проходитъ. Изъ дальнѣйшаго будетъ видно, что осторожность была вполне уместна въ странѣ арабовъ и среди турецкихъ порядковъ.

ГЛАВА III.

Путешествіе по Заіорданію. Развалины Пеллы. Деревни Аджлунъ и Суфъ. Памятники Герасы, ея шесть христіанскихъ базиликъ. Салтъ. Пещеры и зданія Аракъ эль Эмири. Общій характеръ древняго Раббатъ-Аммона или Филадельфій и значеніе его отдѣльныхъ зданій. Дворецъ Эль-Казра, система и орнаментальныя детали его декораціи по отношенію къ сасанидскому періоду искусства и образованію арабскаго стиля. Стоянка экспедиціи въ Тери-хонъ и археологическія развѣдки на мѣстѣ, принадлежащемъ Имп. Правосл. Палестинскому Обществу.

Мы вышли изъ Тибне на *Пеллу*, направляясь сначала все внизъ по уади Гаммамъ, но замѣчательно отлогому спуску одного и того же ущелья, пока не дошли до источниковъ этого ущелья, необыкновенно обильныхъ, но нерасчпщенныхъ и пропадающихъ у истока въ пескахъ. Отсюда мы поднялись налѣво на гору, направляясь прямо на югъ и скоро увидѣли деревню *Абу-Дейръ* (которая на англійской картѣ Коммисіи Палестинскаго Общества показана въ масштабѣ на 7—8 верст. разстоянія отъ уади, тогда какъ, въ дѣйствительности иѣтъ и половинѣ).

Затѣмъ мы перешли, держась на югъ, три ущелья и достигли большой деревни, которую намъ назвали *Джюфберель* — на той же англійской картѣ ея иѣтъ, но она есть на старыхъ нѣмецкихъ картахъ — господствующей надъ равниною. Отсюда, съ верхнихъ террасъ, открывается панорама всей сѣверной Палестины (см. фот. 450—453), отъ Тиверіады до предѣловъ Гудел. Спускъ, весьма продолжительный, рядомъ переваловъ черезъ холмы и ущелья, но мѣстности, заросшей только кустарникомъ, привѣтъ наконецъ по ту сторону горъ, на отлогіе склоны къ Іорданской долинѣ. Мы пришли

къ красивому натуральному мосту изъ проточенныхъ въ видѣ арки скалъ надъ сѣрнымъ источникомъ, бьющимъ изъ-подъ горъ и составившимъ цѣлебную славу городка въ богатой пѣкогда и высококультурной мѣстности, излюбленномъ курортѣ времяя Селевкидовъ, по традиціямъ которыхъ и городокъ подучилъ названіе Пеллы (по племени македонскаго города). Для насъ любопытна эпоха Пеллы начиналась съ 68 года по Р. Х., когда сюда ушли изъ Іерусалима первые христіане, тѣсняемые возставшимъ іудеямъ и не желавшимъ примкнуть къ ихъ національной оборонѣ. Въ тѣ времена Пелла должна была быть значительнымъ и въ извѣстномъ смыслѣ международнымъ пунктомъ, гдѣ римскіе ветераны, греческіе торговцы жили рядомъ съ спрійцами. И потому мы ожидали найти по крайней мѣрѣ значительныя развалины и уже совершенно не ожидали въ Сиріи, послѣ Гаурана, увидѣть картину подобной пустоты, зрѣлище города, почти исчезнушаго подъ пломъ отъ рѣки и распахною холмовъ съ лица земли. Если бы, наконецъ, въ этомъ мѣстѣ, гдѣ мы ожидали найти Пеллу, не было никакихъ развалинъ, мы могли бы снискать, что описанъ мѣстомъ, что развалины настоящей Пеллы неизвѣстны и т. д., но никакого сомнѣнія не было, такъ какъ здѣсь были всѣ признаки древняго города и на лицѣ были развалины. Это были, во-первыхъ, у ручья развалины храма: куча (фот. 454, кат. 307) камней, много упавшихъ и поджатыхъ пломъ и пескомъ колоннъ, два, три куска орнаментированнаго гарннза, одна хорошая и довольно сохранившаяся коринфская капитель IV—V вѣка по Р. Х. (фот. 456, кат. 309).

Затѣмъ, вверхъ по ручью встрѣтили еще кучки тесааннаго камня и въ одной — капитель (фот. 455, кат. 308) также повидному (она очень обтпа) константиновской эпохи. Каптели одного тпа, но какъ будто разной работы, одна болѣе мелкой и тщательной рѣзбы, пройдена рѣзцомъ, другая сверломъ и тесломъ, но поверхностно и грубо. Согласно уже описанному нами выше тпу коринфскихъ капителей IV—V вѣковъ, и здѣсь имѣемъ три поаса аканфовъ, но плзу широкіе и короткіе листья идутъ рядомъ другъ возле друга, и острия лонастей упираются или сомкнуты у сосѣднихъ листьевъ; средній поась состоитъ изъ кроны или верхушекъ, и наконецъ третій—изъ большихъ листьевъ по угламъ и неразвитыхъ или молодыхъ по среднѣмъ на мѣстѣ обычныхъ розетокъ. Листья толсты, сочны, но не упруги и не эластичны, иначе говори, въ нихъ не видно еще византийскаго декоративной манеры, сухой, но энергичной и выразительной.

Словомъ, это еще огрубѣлый античный пошибъ, а не новый стиль, уже въ это время сформировавшійся въ Константинополѣ, но неизвѣстный въ глухихъ провинціяхъ.

Выше на холмѣ нѣсколько кучъ отъ разсыпавшихся домовъ, въ одной изъ нихъ косякъ съ тремя крестами въ кругахъ и пнемъ Оомы, былъ

сперва въ храмѣ а затѣмъ служилъ падгробіемъ. Подъ холмовъ, со стороны Иордана, развалины большой базилики, съ атриумомъ, тремя абсидами, но развалины столь ничтожныя, что невольно спрашиваешь себя, куда же дѣвался матеріалъ упавшаго громаднаго зданія. Една видны ограждающія стѣны, которыя, но знаешь почему, еще уцѣлѣли; пространство внутри стѣнъ кое гдѣ завалено камнями также, но такъ мало, что, очевидно, главныя развалины или подъ землею, или разобраны окрестными жителями (хотя и сель по близости, въ виду соседства бедуиновъ, принципиальныхъ воровъ и грабителей, все ближе и ближе надвигающихся, благодаря турецкому управленію, теперь также не видно). Въ рупнахъ нашлись также дѣль корриоскія каштели константиновскаго времени, крайне небрежнаго исполненія, или очень сбитыя, или едва насѣченныя.

Мы напрасно искали по дальнѣйшимъ склонамъ Заіорданскаго хребта въ долину Иордана слѣдовъ древнихъ поселеній, иѣкогда столь многочисленныхъ: ихъ нигдѣ не оказывалось, а то, что принималось за древній городъ, чаще всего представляло кучу битаго камня, т. е. даже не тесанаго камня, а грубыхъ кругляковъ, изъ которыхъ арабы и бедуины въ Сиріи дѣлають свои мазанки и складываютъ насухо ограды. Мы вышли изъ Пеллы, направляясь по ея главному ущелью (съ ручьемъ — *уади Фагиль*, т. е. долина Пеллы) вверхъ, по карнизу, и достигнувъ вершины ущелья, стали переваливать изъ одного въ другое, параллельно Иордану, пока дошли до *уади Иабисъ*: пройдя это ущелье до конца, стали затѣмъ подыматься все выше и выше, пересѣкая горы чуть не въ прямомъ направленіи и чаще всего безъ всякихъ тропинокъ на юго-востокъ къ *Аджлуну*. Мы достигли вершины джебель Аджлуна, близъ развалинъ *Листиба* — куча камней, съ цистерною, *Маръ-Еліасъ* — Св. Ілія, и оставляя выравно цитадель Аджлуна — *Кала'а Рабадъ*, спустились въ глубокое ущелье къ городку Аджлуну. Мы не встрѣтили въ Аджлунѣ никакихъ древностей, кромѣ одной башни и милой надписи, въ мечети, приспособленной къ этой башнѣ; единственная церковь города новой постройки, но не менѣе жалкаго вида, чѣмъ были развалины.

Нашъ переходъ, продолжавшійся съ 5 часовъ утра до 7 вечера, почти безостановочно, былъ крайне утомителенъ, благодаря полному бездорожью: очень рѣдко мы шли по тропинкамъ, но и то всегда направлявшіеся въ сухихъ ложахъ зыбкихъ ручьевъ. Чаще всего путь шелъ вовсе иѣлькомъ, и хотя мы перемѣнили иѣколькокихъ проводниковъ, но явно изутали и, только взобравшись на высоту и увидавъ уже пресловутую Кала'а Рабадъ, пошли прямо и напали на широкую дорогу. Впрочемъ, красота двѣхъ проходимыхъ мѣстностей, сибѣжестъ горнаго и лѣснаго воздуха выкунали тигость перехода, который особенно вспоминается по его картинамъ горной природы и еще нетронутыхъ лѣсовъ.

Изъ Адхлуна, поднявшись вверх по необыкновенно живописному ущелью, заваленному скалами и отблескующему громадными въковыми каменистыми дубами, и переваливъ черезъ два другихъ ущелья, мы стали спускаться по быстро сошли въ деревню *Суфа*, расположенную въ узкомъ ущельи вдоль плодороднѣйшихъ береговъ большой рѣчки, ложе которой заросло тростникомъ и олеандрами на многія версты и опоясано сплошными, необыкновенно плодородными плантаціями манса. Деревня Суфа, видимо, очень богата, тянется на добрую версту, по устроена по мѣстному примитивному способу, т. е. жилища разбиты рядами, одно за другимъ, мѣстами на материкѣ, чаще же всего спереди, на насыпной террасѣ, кое какъ устроенной, а сзади въ горѣ, и такъ деревня расположена высоко надъ рѣкою, и, хотя камень здѣсь подъ рукою, все построено отъ маленькихъ мазанокъ до громадныхъ сводчатыхъ загоновъ изъ щебня и глины. Если древніе города были такой же постройки, то легко понять, почему они бесслѣдно исчезли, когда глина ихъ крыши прикрыла низкія сооруженія изъ камня. Древностей въ деревнѣ никакихъ нѣтъ, но въ концѣ ущелья, уже при самомъ спускѣ, приблизительно въ верстѣ отъ деревни, на западъ по дорогѣ въ Герасу мы встрѣтили (давно известную) колонну съ надписью, которую здѣсь поставили, какъ мильный столбъ.

Рис. 17. Граница по дорогѣ изъ Суфы въ Джерахиъ.

Джерахиъ—древняя Гераса представляется путешественникъ, идущему отъ Суфы, изящнымъ храмикомъ при дорогѣ, на половину разрушеннымъ—изъ него взята, вѣроятно, и колонна, надпись которой показываетъ, что этотъ храмикъ есть гѣроонъ (фот. 458, кат. 311, рис. 17). Колонны (ихъ сохранилось три съ кускомъ антаблемента), по своимъ кантелямъ и пропорціямъ тождественны съ храмами Босры.

Мы остановились на западной половинѣ Джерахиъ—рѣка раздѣляетъ его на двѣ (фот. 483) неравныя половины; эта западная часть выше другой,

и на ней быть расположенъ собственно древнѣй городъ, нынѣ представляющей обширныя развалины. На противоположной восточной сторонѣ есть также нѣсколько развалинъ, но только крупныхъ зданій, а затѣмъ все остальное мѣсто занято въ послѣднее время уже большою черкесскою деревнею (выселенцы изъ Кабарды) или ауломъ не менѣе какъ въ 500 семей, и съ той поры рупны пошли, какъ матеріалъ, только на постройку оградъ и для скотныхъ дворовъ, такъ какъ для жилья кабардинцы предпочитаютъ мазанки на хворостѣ, привыкнувъ къ нимъ у себя на Кавказѣ, гдѣ дѣсу было много и подъ бокомъ. Обѣ половины города доселѣ еще связаны римскимъ мостомъ черезъ ручей, но мостъ на половину разобранъ сверху — сколько понадобилось, то снято, такъ что оцелялись своды; этотъ мостъ вѣтъ нѣкогда отъ центра — главныхъ храмовъ и внослѣдствіи базиликъ — на ту сторону, гдѣ были термы и ридъ (фот. 492, кат. 366) портиковъ; и теперь берегъ вправо отъ моста на той сторонѣ укрѣпленъ, для поддержанія устроеннаго на берегу огорода, колоннами и карниоскими капителями.

Занятая половина Джераша или древняго Гераса дѣлится перекрещивающимися улицами на кварталы. Главная изъ этихъ улицъ, и доселѣ ясно видная на всемъ протяженіи отъ сѣвера къ югу, идетъ параллельно теченію рѣки, отъ однихъ воротъ къ другимъ: эта улица прежде во всю длину, а теперь на одну треть протяженія, была обставлена (табл. XXI) колоннадами (фот. 474—476, кат. 338—341) или крытыми портками. Всѣ колонны стоятъ на высокихъ базахъ и имѣютъ карниоскія капители прекрасной рѣзбы, новѣдному, временъ Антониновъ и геліополитанскаго пѣнша, изъ мѣстнаго, позолоченнаго и подрумяненнаго солщемъ, съ южной стороны, и чернаго съ сѣверной — камня, который имѣетъ обычное для породы замѣчательное свойство твердѣть на воздухѣ. Сама улица имѣетъ въ ширину, считая разстояніе между противоположащими базами—11,5 м., причемъ одна колонна отъ другой въ ряду стоитъ на разстояніи (между базами) 2,45 м., а діаметръ колоннъ равняется 0,90 м. Тамъ, гдѣ на эту улицу выходятъ какія-либо зданія, архитекторъ позаботился, чтобы это была или стала казовая ихъ сторона: начиная съ сѣверной стороны, мы встрѣчаемъ близъ этой улицы главный или большой театръ города: театръ выходилъ на эту улицу особымъ большимъ портикомъ; главный храмъ выходилъ на нее прошлепями (фот. 462 и 463, кат. 320 и 321) съ одной стороны и продолжался къ мосту черезъ улицу порткомъ, изъ котораго внослѣдствіи устроили базилику (*первую, см. ниже*); далѣе, невѣстное зданіе образовывало великолѣпную экседру съ 4 колоннами и великолѣпною рѣзбою карнизовъ и гызмзовъ, въ пальмирскомъ и геліополитанскомъ типѣ (фот. 477, кат. 342); потомъ уцѣлѣли еще остатки двухъ, трехъ портикомъ, тоже примыкавшихъ къ зданіямъ. Улица управилась въ круглый (фот. 484 и 485, кат. 353 и 355) форумъ (табл. XXII),

окруженный колонадой (с известными надписями «совершителей» Сабина, сына Стратига и Ермолая, сына Димитрия); выше этой колонады, на особой террасе, устроенной на субструкциях или на сводах (служивших четверною), стоит большой перитеральный храм (фот. 487 и 488, кат. 358 и 359), господствуя над всем городом; но боковые колонады (двойной на левом фасаде) уже исчезли, и громадная северная стена стояла обнаженная, и только с восточной стороны сохранилась колонада, да вдоль западного фасада тянется ряд высоких и колоссальных баз (фот. 490, кат. 363).

Рядом с храмом, в холме устроены (фот. 478 и 482, кат. 345 и 350) небольшой театр, небольшая сохранившаяся, настолько счастливой, что в нем уцелеть весь просцениум (фот. 479, кат. 347), стена изино раздлана выступавшими портиками и эскарами, декоративными (фот. 480 и 481, кат. 349 и 350) пирами, порталами и окнами.

Но самые замечательные руины находятся в центре города, поперечному его разряду от моста через указанный портик и прошлие до вершины холма, на которой стоят большой театр (его портик на фот. 483, кат. 351) и главный храм (табл. XXIII) Герасы, или так называемый *храм Солнца*, со своим великолдыным фасадом из 9 (сохранившихся) колоссальных колонн (фот. 487 и 488, кат. 358 и 359), который кажется слишком грузным для сохранившегося сада их коринфа стлб, тлбм больше незначительных, что терраса храма почти до верха покрыта распаханною здесь землею, а прочия руины разобраны, за исключением нескольких торчавших из земли барабанов. По всей фронтности, развалины колонады и портиков, видных от храма къ проходу, будучи малые по разрядам, послужили еще в христианскую эпоху для устройства базилик. По, подойди вплотную къ храму, нельзя достаточно удивиться красотл, хотя несколько мелочной и сухой рлзбы громадных капителей храма: любопытно, что их орнаментика тождественна с геліополитанскою. Мы избегаем здесь одинаковые pedestals, тождественную базу, тлбе разряды и пропорция ствов и почти тождественную капитель. А именно: и здесь и там капитель покрыта тремя поясами аваноовых листьев, второй пояс состоит из высоко поднявшихся листьев, а не кроны или верхушек (как мы видели в подлйных, т. е. III влба, зданйх Гаурана), и третій пояс имлет такая же тоненькая волота но углам, прикрытая снизу роскошным листом, и тлбе волота из усиков в срединл. Наконец, всей корзинл или капителя приданъ видъ чашы тлбм, что подъ абакомъ видлется ея выпнутая губа, и негловато выпнутый абакъ декорированъ овами и сахарками, какъ в большомъ храмл Геліополя, такъ и во всемъ Джеранл. Есть, конечно, и разница, замлтная при детальномъ слженнй капителей по фотографіямъ: листья Баальбека илжабе, мягче, донасти шире и больше при-

ближаются къ чудному аканю римскаго Пантеона, чѣмъ прочіе памятники Сиріи. Памятники Герасы имѣютъ капители съ энергическою листовою греческаго акаюа: очевидно, тамъ еще были образцы изъ мрамора, а здѣсь уже они забыты, лѣзветъ лишь манера изображенія акаюа въ известняковыхъ породахъ, болѣе сухихъ, рѣзка и энергическая. Наконецъ, для насъ важно и то ближайшее сходство ажурной обработки волютъ въ Герасѣ и Геліополѣ, также Суведѣ, которая придаетъ особенную эфектность капителямъ и составляетъ въ римской архитектурѣ такую же уточенность, какъ рѣзба въ позднѣйшей готикѣ. Важно и то, что капители Оммадовой мечети не имѣютъ этой примѣты, а, напротивъ, даютъ довольно поверхностную работу и такое декоративное слияніе усюковъ и завитковъ, которое само по себѣ свидѣтельствуетъ о позднѣйшей эпохѣ.

Наиболѣе любопытны въ художественно-историческомъ отношеніи принципъ (табл. XXIV), выходящій на главную улицу: лучший образецъ римскихъ провинцевъ, но изшеству громаднхъ колоннъ и монументальнымъ пропорціямъ декоративныхъ расчлененій.

Все перечисленные памятники¹⁾, по цѣльности своей и одновременноности своего происхожденія, представляютъ значительную важность въ вопросѣ о развитіи греко-сирійскаго стиля, если и не даютъ ни новыхъ типовъ, ни болѣе совершенныхъ формъ, противъ образцовъ Пальмиры и Геліополя.

Но, несмотря на все великолѣпіе этихъ колоннадъ языческой Герасы, онѣ не болѣе какъ повтореніе чужой культуры, которое такъ мало приживалось къ потребностямъ мѣстнаго населенія, что уже, по прошествіи двухъ трехъ столѣтій, большинство памятниковъ представляло руины, которыхъ никто не охранялъ и все жители, нерѣдко безъ видимой нужды, ихъ растаскивали, передѣлывали, дѣлили и соединяли, ради первой потребности. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ инымъ можно объяснить себѣ, что въ Герасѣ, въ теченіи трехъ вѣковъ христіанскаго ея періода, вмѣсто двухъ языческихъ храмовъ, перебивало (а, можетъ быть, существовало одновременно) семь христіанскихъ базиликъ. И въ то время, какъ храмы, благодаря отличной кладкѣ стѣнъ, пропорціональному распределенію тяжести, образцовой покрывкѣ, отлично сохранились, отъ базиликъ, въ большинствѣ случаевъ едва уцѣлѣли слабыя, чуть замѣтные признаки. Храмы со стѣнами римской кладки, паеуха сложеными, но съ притескою каждаго камня, выдержали землетрясенія, пережили пожары и разрушенія; стѣны термъ, сведенныя огчально-смѣлымъ коробовымъ сводами и сдѣланныя изъ щебня и пзвести, сплелись въ одну неразбиваемую массу и служатъ общественными загонами. Базилики утратили

¹⁾ См. также снимки языческихъ памятниковъ Герасы въ сочиненіи кн. С. Абамелектъ-Лазарева, *Джеранъ. Археологическое изслѣдованіе*. Спб., 1897 г. съ табл. и рис.

передко даже пласть, такъ какъ стѣны ихъ, будучи наскоро, пасухо и небрежно сложенными изъ изыскаго матеріала, не выдерживали перваго легкаго землетрясенія и заваливались: тотъ же матеріалъ шель, очевидно, на постройку рядомъ другой базилики, изъ этой постуналъ въ слѣдующую и т. д. Когда являлись арабы, руины и здавія базиликъ были, быть можетъ, лучшими, наиболѣе обильными складами гесаннаго камня, который и былъ разобрать, прежде, можетъ быть, чѣмъ хотя одинъ храмъ былъ тронутъ.

Возможно также и иное объясненіе, извлекаемое нами изъ аналогичныхъ разваливъ базиликъ нашего Херсонеса Таврическаго. Извѣстно, что цѣлый рядъ замѣчательныхъ базиликъ IV—VI вѣковъ, этого богатаго города, открытыхъ произведенными въ немъ раскопками, оказались какъ будто счищенными, сравненными съ землею: отъ нихъ остались едва поля, каменная настллка, пороги, базы, но пезчезло все, что лежало, упало или разрушилось. Причина этого обстоятельства простая: эти древнѣйшія базилики были разобраны для позднѣйшихъ церквей, болѣе простыхъ и меньшаго размѣра. Не то же ли самое имѣло мѣсто и въ древней Герасѣ, гдѣ христіанское (греческое) населеніе уживалось долгое время рядомъ съ арабами-мусульманами и въ размѣрѣ половинны всего населенія указывается еще въ концѣ IX вѣка¹⁾. Конечно, для утвержденія этой догадки необходимы раскопки, но самое число базиликъ, сплннкомъ большое для города, можетъ быть объяснено отчасти передѣлками ихъ и переносомъ изъ одной въ другую всего строительнаго матеріала.

Первая по достоинству, сохраниенію и по мѣсту христіанская базилика (фот. 461, кат. 318 и акварельный рисунокъ по кат. № 319) Герасы паходится на продолженіи храмовыхъ пропильей черезъ улицу къ мосту. Колоннада (табл. XXV) средняго неча (нефовъ — три) поражаетъ своимъ изнществомъ даже постлѣ другихъ памятниковъ: тошкя и эвергическая рѣзба капителей, рѣзной антаблементъ, все это работа средины II вѣка и принадлежатъ древнему портнку: еще сохранилось семь колоннъ направо, четыре и три въ рядъ, поддерживающія антаблементъ, подѣленный на три части жемчужникомъ. Землетрясенія, какъ видно, много разъ прошли подъ этою колоннадою, сбросили весь фрнзъ и всю крышу, нонавали всѣ стѣны вокругъ, расшатали стволы, сдвинули съ мѣста почти всѣ барабаны, но не могли извергнуть стройной, эластичной, подвижной колоннады, которая еще долго будетъ плѣнять своєю красотою, если кабардницы оставить ее въ покоѣ. Эта, однокю возникающая изъ хаотическихъ грудъ, колоннада кажется тѣмъ характернѣе и красивѣе, что все сооруженіе вокругъ нея пропало, обвалилось, разсыпалось, увеличивъ кучу мусора. Только съ западной стороны со-

1) Clemeont-Ganneau, *Rec. d'arch. orient* II, 1898, pg. 50, note 3.

хранился изъ лицевого фасада съ тремя порталами п слабо замѣтно устройство нартекса, хотя вся эта часть настолько разрушена, что трудно сказать о ней что-либо опредѣленное, п легко принять за нартексъ языческое декоративное зданіе надъ тройною входною аркою. Но наирѣдно было бы искать стѣны базилика, настолько безслѣдно онѣ исчезли. Въ концѣ средняго неча передъ алтаремъ видны положенныя, очевидно, для устройства солей, рѣзные антаблемента, п въ плитахъ выбиты желобъ п гнѣзда для постановки обычной алтарной преграды или низкой баллюстрады для пресвитеріума; на все это пошелъ языческій матеріалъ, п все дѣлалось паскоро, такъ что рядомъ положена колонна изъ египетскаго красноватаго гранита; между базами п барабанами любопытны фрагменты п куски розоватаго известняка, тождественные съ тѣми, которые мы потомъ встрѣтили въ Иерихонѣ п Иерусалимѣ. Наконецъ, единственная монументальная часть христіанской церкви является здѣсь въ видѣ абсиды, которая выложена какъ разъ надъ спускомъ къ мосту (уже разрушенному?) (фот. 460) п представляетъ, собственно говоря, исключительное указаніе, что мы имѣемъ дѣло съ христіанскою базиликою. Любопытно, что самый значительный кусокъ стѣны этой абсиды сохранился тоже по линіи колоннады. Этотъ кусокъ еще порядочной кладки IV—V вѣковъ, по задняя сторона абсиды сложена уже изъ мелкаго камня, очень небрежно. Внутри абсиды есть признаки устроеннаго горниго мѣста, а обширная выдвинутая солея также свидѣтельствуетъ въ пользу предположенія здѣсь епископской митрополіи.

Повидмому, это древнѣйшая базилика Герасы, устроенная въ лучшемъ пунктѣ города, на мѣстѣ декоративнаго портика, быть можетъ, даже въ то время, когда языческіе храмы еще сохраняли свой культъ.

Вторая базилика сохранилась на юго-востокъ отъ большого храма п еще можетъ быть изслѣдована въ планѣ, такъ какъ отъ нея сохранились всѣ три входа, хотя, безъ всякихъ украшеній, но сложенные изъ тесаннаго камня. У порога въ среднемъ входѣ есть замѣчательная п большая надпись на трехъ кускахъ антаблемента, лежащихъ по близости входа, гласящая о томъ, что базилика есть «домъ побѣдоноснаго мученика Феодора, безсмертнаго п богоподобнаго», а торжественный входъ поставленъ въ 559 (по расчету для сирійской эры: $559 - 64 = 495$ или 496) году. Далѣе отъ трехъ нечовъ сохранилось много большихъ колоннъ, имѣющихъ въ поперечникѣ 0,87 м. п лежащихъ еще внутри базилики брошенными поверхъ другяихъ руинъ. Восточная часть базилики сохранилась въ видѣ одной лишь абсиды, а прочія разрушены, но эта абсида (фот. 473) устроена на высокой субструкціи, повидмому опять на развалинахъ античнаго зданія въ родѣ полукруглой экседры, входившей въ систему декораціи большой улицы, въ сторону которой базилика расположена, благодаря своимъ громаднымъ размѣрамъ.

Третья базилика составляет почти продолженіе второй въ направле- ній къ главной улицѣ (очевидно, въ подражаніе тинувинемусу ряду портикъ большого храма) и начинается (фот. 470, кат. 330) сейчасъ за ея абсидою, такъ что главный входъ приходится пропвъ ея средину по одной линіи. Базилика эта тождественна по формамъ съ первой, сохраняла еще справа три колонны (въ діаметрѣ 0,65 м. и 0,80 м.) отъ колоннады (совершенно того же типа, что въ первой базиликѣ, но, повидному, укороченной высоты, за отсутіемъ базъ или одного барабана, чего нельзя разсмотрѣть безъ оконки колонн) среднего нефа и абсиду, выложенную ровною стѣною (сохранился до верху юго-восточный уголъ); уцѣлѣли также стѣны базилики на значительную высоту и, что любопытно, сохранилось раздѣленіе боковыхъ нефовъ отъ главного, но всей вѣроятности, гнѣздка отъ мужскаго отдѣленія, а именно, между колоннъ положены были сперва плиты съ железомъ и гипсъдами — вѣроятно, для солей, а затѣмъ на нихъ положены плиты изъ известняка и еще выше куски древняго антаблемента, при чемъ, явно, вся эта разгородка, можетъ быть, сдѣлана позднѣе первоначальнаго устройства базилики.

Четвертая базилика была устроена также рядомъ, изъ древняго матеріала, выше большого храма, на югъ отъ него. Порталь (фот. 471) въ срединѣ и двѣ ниши по сторонамъ его выложены вновь или скорѣе переложены на этомъ мѣстѣ изъ языческаго зданія; но на косикѣ наскоро высѣчена была нѣнѣ стертая надпись (читается слово: τῶν); колонны все одинаковыя, античныя. Абсида оканчивается на улицу прямою стѣною. Съ обѣихъ сторонъ базилика была устроены придѣльныя церкви, отъ которыхъ сохранилось, однако, очень мало: отъ одной четырехугольная абсида, отъ другой — фундаменты входныхъ дверей. Колонны тоже самыя, что въ первой базиликѣ.

Пятая базилика находится наверху холма, сзади большого храма, имѣетъ небольшие размѣры, но хотя, кромѣ одной, стоящей еще въ срединѣ нефа, колонны, вся развалена, однако сохранилась относительно болѣе. Еще ясно виденъ полукругъ абсиды, нѣсколько базъ еще остаются на своихъ мѣстахъ, и около лежатъ небольшія колонны, уцѣлѣвшія отъ колоннады средняго нефа. Передъ входомъ былъ портикъ — то подобіе атриума, которое появилось уже въ VI вѣкѣ на Востокѣ, взаимѣ двора пзничнаго въ городскихъ базиликахъ. Къ востоку отъ базилики лежатъ въ развалинахъ языческой храмикъ, котораго колонны и другой матеріалъ были взяты, можетъ быть, именно для этой церкви.

Шестая базилика Герасы находится (фот. 472) на восточной сторонѣ города, въ углу поворота верхней дороги изъ Суча въ ауль, и представляетъ атриумъ и тотъ же характеръ, что и пять предыдущихъ и *седь-*

мая базилика, остатки которой можно видѣть уже за стѣнами города, на юго-восточномъ углу. Именно: всѣ эти базилики, кромѣ первой, 1) устроены не на мѣстѣ прежнихъ языческихъ зданій, но на новомъ, особомъ; 2) всѣ онѣ расположены по плану, принятому въ IV вѣкѣ, въ три нефа съ круглою абсидою, безъ нарѣзка, по съ тремя входами безъ атриума, и чаще всего съ одною абсидою; 3) онѣ устроены цѣлкою изъ древняго матеріала, передававагося послѣдовательно безъ всякой христіанской орнаментации, кромѣ позднейшей, обыкновенно стихотворныхъ, и уже позднѣйшихъ.

Въ шестой базилкѣ еще ясно дѣлается на нефахъ, колонны имѣли 0,65, 0,70 и 0,90 м. въ поперечникѣ, стало быть, были уже сборными, но уцѣлѣла только одна колонна стоящая. Любопытно, что порталы западныхъ входовъ были устроены съ плоскими сводами, монументальныхъ размѣровъ, и что по близости сводовъ кто-то, коная иму, на глубинѣ 2 метр. достигъ мозаичскаго пола.

Мы пошли изъ Джерама въ Ес-Сальтъ, держась сначала уади Зерка, перешли шумную и быструю рѣку Яббокъ, въ глубокомъ ущельѣ, въ томъ его мѣстѣ, гдѣ есть сторожевая башня (по близости ея встрѣтили дольмены), затѣмъ, поднявшись на обширное плоскогорье той стороны, шли черезъ уади Ашитъ-Румени съ текущимъ ручьемъ, у котораго кочуютъ курды и бедуины со стадами, широкою проторенною дорогою, иловонскими оврагами, съ отвѣсными скалистыми стѣнами, перелезая изъ одного оврага или ущелья въ другое, и на всемъ этомъ пространствѣ не встрѣтили ни одной руины: земля эта, повидимому, всегда, какъ при римлянахъ, такъ и доселѣ, принадлежала кочевымъ племенамъ. Отсюда мы пришли на широкую горную равнину, по которой шли краемъ, съ сѣвера на югъ, и видѣли въ сторонѣ, на лѣво, какія то безформенныя кучи камня, подобныя тѣмъ, что вообще встрѣчаешь въ Зајорданѣ, но не могли узнать точно, было ли это мѣсто какъ-либо названо или показано на картѣ, или нѣтъ.

Отъ этого пункта мы пошли въ западномъ направленіи, перелезая изъ одного ущелья (которыя здѣсь протягиваются всѣ въ одномъ направленіи съ сѣвера на югъ) въ другое, по крайне каменистой тропинкѣ, пока не спустились въ ущелье съ текущимъ ручьемъ, сбоку котораго шли еще около часу, все спускаясь, по каменнымъ карнизамъ, и такъ пришли въ Сальтъ, который расположенъ въ плодородномъ ущельѣ, богатомъ водою и на большое пространство покрытомъ слошными садами; самый городъ раскинутъ обширнымъ амфитеатромъ (фот. 494 и 495, кат. 367 и 368) по обѣ стороны ущелья и на его вершинѣ, близъ выхода источника. Сальтъ совершенно новый городъ и мы, осмотрѣвъ его жалкія православныя церкви, не имѣли здѣсь, что болѣе смотрѣть, но это важнѣйшій, или мы сказалъ бы, центральный, если бы были шире, административный пунктъ для всего За-

иордания, и намъ надо было здѣсь узнать положеніе дѣла холерныхъ карантинныхъ и занастись удостовѣреніями, что мы находились все время въ благоподучныхъ мѣстностяхъ и возобновить наши запасы провизіи.

Итъ Салта черезъ день мы отпавились на *Аракъ эль Омиръ*, сначала по пути, ведущему внизъ въ Иорданскую долину, затѣмъ свернули съ этого пути, въ томъ мѣстѣ, гдѣ открывается вдоль ущелья широкія видъ на эту долину, нагѣво и стали вновь подниматься наверхъ, по горамъ, поросшимъ здѣсь мелкими кустарникомъ, но по прежнему совершенно безводнымъ.

Развалины, посіяныя нѣмѣ легендарное названіе Аракъ эль Омиръ и возбуждившія наиболѣе къ себѣ интереса во всемъ Заиорданіи, благодаря своему отождествленію съ дворцомъ и замкомъ іудейскаго царька Гиркана, на первый взглядъ почти разочаровываютъ путешественника. Когда приближаешься къ мѣсту развалинъ съ юга (фот. 496, кат. 370), то оно представляется обычною вершиною горной котловины или ущелья, раздѣливагося въ этомъ мѣстѣ на два отрага: одинъ безводный и сухой, сначала пологіи, но потомъ, выше, съ отвѣсными скалистыми боками, которые въ самомъ верху, или въ глубинѣ ущелья, подъ горою образуютъ отвѣсныя каменные стѣны, раздѣляемыя террасою на два этажа: эти стѣны покрыты погребальными пещерами. Правый отрагъ болѣе глубоокъ, но немъ течетъ обильный источникъ, пробивающійся вверху ущелья. Такимъ образомъ, оба ущелья образуютъ посреднѣе сѣдловину, идущую съ сѣверо-востока на юго-западъ. Благодаря значительнымъ землянымъ работамъ, которыя замѣтны даже и доселѣ, несмотря на распахку, эта сѣдловина преобразована была въ видѣ острова или возвышенія, окруженнаго нѣкогда водою, нѣмѣ сухими рвами, и именно на этомъ возвышеніи находится главный руины зданія, которое называютъ то дворцомъ, то храмомъ, въ видѣ двухъ крыльевъ изъ громадныхъ блоковъ; правѣе, въ разстояніи нѣсколькихъ десятковъ сажень остались проищелы или входа въ разобранное зданіе, и между нихъ куча камня, разваленныя на узкой дорожкѣ, занимающей всю ширину хребта, видимо, образованнаго искусственною насыпью. Далѣе, отъ проищелы вверхъ къ устью ущелья сѣдловина идетъ уже въ видѣ широкой и совершенно ровной и гладкой террасы. Именно на ней первые изслѣдователи этихъ руинъ Сольеп и др., указываютъ главные развалины поселенія или городка, будто бы даже съ примѣтами разныхъ площадей и зданій на этой обширной платформѣ. Но ничего подобнаго въ настоящее время ни на этой террасѣ, ни выше ея, ни по сторонамъ, не видно; замѣтно, что мѣстность эта прежде вснахлывалась, и собранный съ нивъ камень образуетъ доселѣ обычные ихъ ограды и межи, такъ что мѣстность всего менѣе производитъ впечатлѣніе города или поселенія, и все объясненія Сольеп суть или пропозвольныя, или преувеличенныя фантазіи. Одно ясно, это связь, помощью платформы, сѣдло-

впны, разработанной и насыщенной въ видѣ дороги или скорѣе террасы (via Sacra, по мечтаниямъ Сольса), между непрерывнымъ некрополемъ и указанными руинами, и именно эта реальная связь двorca съ некрополемъ (вѣроятно, обращеннымъ въ жилище, что бываетъ очень перѣдко въ Стрїи), указываетъ на бытовую и архитектурную форму, заимствованную изъ близкаго Египта.

Съ той же точки зрѣнія мы должны разсматривать и художественныя формы разрушеннаго зданія, забывая на время подставленную легенду и лица объясненія и смысла въ самихъ развалинахъ. Это зданіе расположено своимъ фасадомъ (фот. 449, 500 и 501, кат. 375, 376 и 378) на востокъ (ср. храмы Египта, Гелиополя и пр.) съ главнымъ входомъ съ той же стороны; но портала не сохранилось, и по сторонамъ входной двери стѣна раздѣлана въ видѣ устоевъ съ узкими промежутками (по 4 или 5 съ обѣихъ сторонъ), какъ бы въ формѣ такой же монументальной рѣшетки, какія видны на рисункѣ египетскихъ домовъ, — черезъ эти промежутки видно все внутри, но нельзя пройти ни человѣку, ни животному. Далѣе стѣна (табл. XXVII) становится глухою и образована изъ громадныхъ блоковъ, подобныхъ гелиополянскимъ и обработанныхъ съ выпускомъ, но въ рустку, т. е. съ необтесанною поверхностью. На высотѣ человѣческаго роста отъ теперешняго уровня (стало быть, первоначально гораздо выше, такъ какъ входъ нигдѣ не лежитъ на уровнѣ съ землею) стѣна раздѣлана въ видѣ крушнаго фриза, ионическаго или сплошнаго, съ изображеніемъ въ рельефѣ львовъ, идущихъ отъ средины или входа къ краямъ; фигуры обиты и по обычаю изуродованы, но еще можно различить кое-гдѣ шерсть на глѣбѣ и положеніе головъ ищыхъ; далѣе, что особенно важно, какъ указаніе эпохи не ранѣе III—II стол. до Р. X., легко различаешь, что нижній край фриза раздѣланъ въ видѣ ионической полочки зубцовъ¹⁾. На лѣвомъ углу зданія есть еще плита, какъ будто съ изображеніемъ быка (фот. 505), и гдѣ почва разомъ понижается, можно видѣть его фундаменты изъ колоссальныхъ блоковъ и плитъ, какъ будто расконтанные кладочкательямъ, по всюду далѣе вокругъ зданія идетъ широкій валъ (фот. 503, кат. 382) изъ камней, блоковъ и плитъ, мѣстами заросшихъ колючимъ кустарникомъ.

Всѣ надежды наши отыскать какія-либо указанія архитектурнаго плана и формы зданія оказались тщетны: здѣсь надобны раскопки и, прежде всего, приспособленія, чтобы поднимать каменные блоки. Но среди кучъ мы встрѣтили нѣсколько плитъ съ триглицнымъ или дорическимъ (фот. 502, кат. 381)

1) Аналогичные барельефы: левъ, нападающій на быка, найдены въ Касръ-эль-Абїадѣ по пути изъ Дамаска въ Сафа. Vogüé, *Inscr. semit. Syrie Centrale*, p. 141—2. Dussaud et Macler, *Voyage archéol. au Sofá*. 1901, fig. 6, p. 44—45.

Фризомъ, и капителѣй (фот. 504) съ грубою коринноскою листовою и волютами на подколоннахъ. Средства зданія завалена плитами и камнями до такой степени, что, кромѣ входа, нигдѣ не осталось свободнаго мѣста; но въ руинахъ видны такія же подколонны, какъ и снаружи. Если мы добавимъ, что триглицевый Фризь по своей обработкѣ близко подходит къ Фризу на гробницахъ Авессалома и прор. Захаріи такъ наз. въ Иерусалимѣ, то этия ограниченія для насъ все указанія стили. Однакоже, разборъ конструкции убѣждаетъ насъ, что мы имѣемъ здѣсь дворець, почти въ томъ же планѣ выполненный, что и известный дворець Игэри въ Малой Азіи¹⁾, и если принять во вниманіе, что время построенія дворца Гиркана, по Юсію-у Флавію, между 182 и 175 гт., какъ разъ подходитъ къ этому греко-восточному дворцу, то, дѣйствительно, отождествленіе руинъ съ дворцомъ Гиркана наиболѣе удачная догадка. Самое описаніе Юсію-а Флавія значительно изукрашено въ восточномъ кускѣ.

Гораздо менѣе интереса (на нашъ взглядъ) представляетъ некрополь или погребальныя пещеры Аракъ эль Эмира (фот. 497 и 498, кат. 372 и 373). Правда, пещеры высѣчены съ большимъ тщаніемъ и образовывали нѣкогда двѣ галлерей, въ которыхъ только одна верхняя еще не совсемъ завалилась падающею сверху землею и пломъ. Половина этой верхней галлерей вырублена внутри скалы, очевидно, послѣ того, какъ вся эта часть прежде была разработана подъ пещеры, а затѣмъ прорублена насквозь, и новыя пещеры вырублены уже въ стѣнѣ галлерей; другая ея половина образуетъ только наружную террасу, которая, конечно, гораздо болѣе пострадала и не всюду доступна. Затѣмъ многія пещеры раздѣлены архитектурно, имѣютъ египетскіе порталы и пр. Но отъ погребальныхъ пещеръ до подземнаго дворца Гиркана также далеко, какъ отъ простой дѣйствительности до фантастической мечты.

Изъ Аракъ эль Эмира мы пошли въ *Раббатъ Амманъ* или, какъ обыкновенно его называютъ *Амманъ*. Сначала путь идетъ по *уади Сиръ*, противъ теченія обильнаго ручья, котораго ложе мѣстами совершенно закрыто щитунцими озеандрами. Около Муаллаха ущелье сдвигается, и въ отвѣсныхъ стѣнахъ горъ видны (фот. 506) пещеры; одна изъ нихъ имѣетъ два этажа, ея окна закрыты рѣшетчатыми ставнями, и въ ней живутъ бедуины. Но величина находится во владѣніи (юридическомъ или фактическомъ) Черкесовъ, и въ концѣ уади находится большой кабардинскій аулъ, выселки главнаго аула въ Амманѣ, поражающій своимъ хозяйственнымъ видомъ и достаточностью послѣ туземныхъ поселеній и бедуинскихъ кочевьевъ. Отъ этого вы-

1) Perrot et Chipiez, *Histoire de l'art dans l'antiquité*, IV, p. 609, fig. 295 по плану Барта, внимательно провѣренному.

селка до Аммана черкесы провели для своих арбъ прекрасную широкую дорогу по обшпрному плоскогорью, которое въ концѣ въ концѣ, ласково глазь нашъ могъ видѣть, былъ обработывается и засѣвается интенсивно. Только переѣзжая съ запада на востокъ въ прямомъ направленіи это плоскогорье, мы встрѣтили первый склокъ, и разомъ нѣсколько ущелій, которыми воды спускаются на ту сторону Заіорданскихъ горъ, а въ первомъ изъ этихъ ущелій, идущемъ на переѣздъ дороги, и находится Амманъ.

Расположеніе древняго *города Аммонитянъ*, прозваннагося потомъ *Филадельфією*, напоминаетъ весьма близко Герасу, хотя и не достигаетъ той искусственной расцѣпки, какую представляеть этотъ замѣчательный городъ. Здѣсь городъ также устроился по обѣ стороны рѣки, по берега ея не даютъ такого счастливаго противоположенія возвышенной и длинной площади или террасы одного и широкой низменности другого берега. Городъ былъ меньше, не такъ значителенъ въ началѣ, сравнительно былъ всегда бѣднѣе, и когда прежнюю дикость смѣнила въ немъ высокая для окружавшихъ его помодовъ культура, то все украшеніе города ограничилось рядомъ большихъ храмовъ, театровъ и дворцовъ, но ничего подобнаго безконечнымъ колонадамъ, пирамидамъ портикамъ и крытымъ улицамъ Герасы здѣсь не возникло, такъ какъ не было въ этомъ никакой, даже декоративной потребности.

Амманъ былъ, вѣроятно, только резиденціею въ разное время, то набатейскихъ владыкъ, то (послѣ 106 г. по Р. X.) правителей римской провинціи Аравіи. Не даромъ на холмѣ, господствующемъ надъ Амманомъ, стоитъ огромная цитадель съ храмами и дворцами, сохранившаяся отъ первыхъ вѣковъ римской эпохи, хотя и передѣланная потомъ арабами. Всего вѣроятнѣе, что эта цитадель появилась уже не при самихъ римлянахъ, сѣдовательно, послѣ III вѣка, когда, повидимому, эти области были заняты южно-аравійскими переселенцами: гассанидами или иными племенемъ, а цитадель была построена для ихъ шейховъ, которые, въ званіи флларховъ, при римлянахъ, управляли своимъ племенемъ, а послѣдствіи подъ именемъ царей (при Юстиніанѣ въ 531 г. Арена сынъ Габала), которымъ уже были подчинены, правда, номинально и насильственно и другія, путемъ передачи одному флларху царскаго титула. Такимъ образомъ, разница между спрозлпнскимъ вольнымъ городомъ Герасою и азіатскою столицею Амманомъ больше, чѣмъ ихъ внѣшнее сходство, обусловливаемое сходствомъ мѣстностей, нравовъ культурнаго осѣдлага и дикаго кочеваго населенія и близостью эпохъ.

Разсмотрѣніе памятниковъ Аммана мы начнемъ по порядку ихъ мѣстнаго расположенія съ востока на западъ.

Городъ не имѣть стѣнъ: ничего подобнаго, но крайней мѣрѣ, не видно на восточной и западной окраинахъ. На самыхъ отдаленныхъ пунктахъ уще-

дыл, на востокъ, видны по правую сторону холмовъ слѣды погребальныхъ пещеръ, и нѣкоторые остатки ихъ архитектурныхъ украшеній, какъ то: колонны, террасы и пр.

Одна гробница, въ видѣ четырехугольной платформы съ коринфскими пилястрами по угламъ, стоитъ въ долигѣ. При самомъ входѣ въ высшій городъ (поселеніе кабардшцевъ) стоитъ мечеть монументальной постройки первыхъ столѣтій гвдэры, съ круглыми византійскими арками.

Затѣмъ комплексъ полуразрушенныхъ и совсѣмъ разрушенныхъ зданій, обращенныхъ лицевыми фасадами (фот. 508, кат. 396) (табл. XXXIII и XXXIV) на главную улицу, идущую параллельно рѣкѣ и выходящихъ на рѣку; фасады были легкой постройки, и по всей вѣроятности, въ видѣ портиковъ и потому не сохранились; отъ нихъ шли массивныя стѣны, нынѣ на половину или двѣ трети разобранныя, а надъ рѣкою еще стоятъ монументальныя стѣны, экседры съ колонадами, башни и пр. Весь этотъ рядъ съ той стороны рѣчки (фот. 507 и 509, кат. 395 и 397) представляетъ, скорѣе, средневѣковый замокъ въ развалинахъ, чѣмъ обычный зданія сирійскихъ городовъ, которыя пытались угадать въ этомъ комплексѣ: базилику христіанскую, термы, дворецъ термъ и т. д. Всего скорѣе, это одно зданіе есть греко-восточный дворецъ, съ центральной главною частью и двумя боковыми служебными постройками. Зданіе въ передней своей части (табл. XXXIV) относится ко второй половинѣ II вѣка по Р. Х., по, конечно, сторона рѣки (табл. XXXIII) относится къ гораздо позднѣйшему времени, по нашему мнѣнію, къ эпохѣ арабовъ и въ частности, ко времени постройки цитадели. Выглянувъ на фотографическій снимокъ за № 509, по кат. 397, мы легко въ томъ убѣдились: а именно съ лѣвой стороны снимка видна углубившая часть какъ будто римской стѣны, съ ея прекрасною кладкою изъ продолговатыхъ тесаныхъ камней или такъ называемыхъ илгъ. По этотъ кусокъ выше тоже переложенъ, какъ видно, высшими владѣльцами: пригеска камней уже пострадала, подъ ними виденъ щебень. Если бы здѣсь проведена раскопка, то нашлась бы, однако, цѣльная римская стѣна. Рядомъ съ этимъ кускомъ дальше сплошная постройка изъ полукруглыхъ башенъ, есть очевидно, арабская: изъ кубковъ, почти равностороннихъ, тоже съ обдѣлкою ихъ *въ рустику*, съ такъ называемыми вынусками, тождественная съ тѣми стѣнами X—XII вѣковъ, которыхъ кладка была усвоена в крестоносцами, почему и нельзя отличить ихъ замковъ отъ арабскихъ временъ Саладина, если итѣть особой примѣтл. Перечислять памятники безполезно—они считаются тысячами.

То, что Сольса называетъ базиликою, составляетъ правую часть, по ея абсиды была первоначально такою же декоративною пишею, какъ и экседры главнаго зданія, что доказывается боковою пишею около абсиды, совершенно

того же устройства, что въ главномъ зданіи, и того же типа, что во дворѣ Баальбека. Конечно, нѣтъ ничего нефройтнаго, что въ христіанскую эпоху Аммана, могли приспособить эту постройку подъ церковь, но во-первыхъ, рѣшительно нѣтъ на стѣнахъ и развалинахъ не видно обычныхъ въ такомъ случаѣ примѣтъ и признаковъ, а расчлененіе и конструція зданія еще не составляютъ христіанскую базилку, если употребляетъ полукругъ, экседру, ишну и т. и.

Тамъ, гдѣ оканчивается этотъ комплексъ зданій, рѣка близко подходитъ къ крутымъ утесамъ противоположнаго берега, и на нѣкоторомъ пространствѣ ничего передъ рѣкою не видно, кромѣ огородовъ. Но затѣмъ уцѣлые отступая, между рѣкою и горами появляется обширная и гладкая площадь, а въ котловинѣ холма, которая и сама имѣетъ видъ дивана, находится замѣчательно устроенный театръ (фот. 510, кат. 400). Его амфи-театромъ возвышающаяся зрительная зала и величественна и отлично сохранилась, за то исчезъ безслѣдно *proscenium*, и только уже выше на площади большая (фот. 511, кат. 401) колоннада (изъ 8 колоннъ) указываетъ на обычный греческій портикъ театра, выходящаго на форумъ. Отъ этого форума, однако, кромѣ мѣста, никакихъ архитектурныхъ частей не дошло до насъ, да вѣроятно, и не было. Съ лѣвой стороны форума стоитъ еще большая руина (фот. 512, кат. 404) одеона: уцѣлѣла высокая груда камня на мѣстѣ зрительной залы и антаблементъ съ фризомъ изъ тонко и детально рѣзанныхъ животныхъ въ разводахъ. Никѣ въ одеонѣ устраивается на житье богатый кабардинецъ, и руины скоро будутъ разобраны на разные хозяйственные нужды.

Если, наконецъ присоединить единственный памятникъ, сохранившійся на сѣверной сторонѣ рѣчки, а именно храмъ (Діониса?), отъ котораго еще можно видѣть рядъ базъ лицевого портика на мѣстѣ и внутреннюю экседру съ двумя колоннами (подставленными, впрочемъ, вновь теверенскимъ владѣльцемъ мѣста); а на паружной сторонѣ любопытныя (фот. 543) рѣзные карнизы съ масками, то это и будетъ почти вся древность, находившаяся въ самомъ городѣ. Правда, каждый дворъ черкеса, всякая его ограда сложена изъ древнихъ блоковъ, плить, карнизовъ и барабановъ колоннъ, но это уже памятники уничтоженные.

Сравнительно съ этими жалкими остатками, является поразительнымъ памятникомъ цитадель Аммана, называющаяся Эль-Газръ, расположенная на холмѣ сейчасъ надъ городомъ, въ какой-либо сотнѣ сажень отъ него, если подняться прямо въ гору. Ограждавшая нѣкогда цитадель съ этой стороны стѣны исчезли, оставивъ лишь незначительныя слѣды. Равнымъ образомъ маловажны (фот. 541) и развалины героя или храма съ валяющимися у подножія уцѣлѣвшей еще платформы карнизомъ, на которомъ читается въ

пынных литеряхъ имя римскаго императора. Это все остатки языческой эпохи, можетъ быть, одного только III вѣка по Р. Х., ничтожныя сравнительно съ памятниками эпохи послѣдующей, намъ почти совершенно неизвѣстныя, такъ какъ нѣсколько строкъ Прокопія¹⁾ и темныхъ извѣстій съ неопредѣленными именами племенъ въ арабскихъ разсказахъ не могутъ пролить настолько свѣта, чтобы мы могли съ увѣренностью толковать о гассанидахъ и объ южно-аравійскихъ культурныхъ племенахъ, населившихъ эти мѣстности до Магомета.

Гораздо реальнѣе показался намъ тотъ фактъ, что въ Амманѣ намъ принесли на продажу массу мѣдной монеты и что въ ней было на половину монетъ римскихъ и на половину византійскихъ, особенно Юстиніана, Тиверіи

Рис. 18. Амманъ. Эль-Кааръ. Видъ съ юго-запада.

Константина и Гераклія. Испо, что торговое значеніе и богатство города даже въ эту послѣднюю эпоху не падали, а развивались, и хотя мы не знаемъ и, вѣроятно, не скоро будемъ знать, кто именно построилъ цитадель Аммана, однако ея принадлежность VI—VIII столѣтіямъ по Р. Х. не можетъ подлежать сомнѣніямъ, какъ то будетъ видно ниже.

Когда, поднявшись на гору по крутой тропинкѣ и перелѣзши черезъ барьеръ стѣны или террасы, мы миновали упомянутый выше храмикъ, то увидели передъ собою, не безъ нѣкотораго разочарованія, среди пустой и широкой площади холма, четырехъугольный довольно безобразный, лишенный оконъ и всякаго архитектурнаго расчлененія, корнусъ (фот. 513, рис. 43)

1) De Bellis Persico, I, 17—19.

зданія, построенный изъ мелкаго бѣлаго камня и извести, и только по мѣстамъ обшитый тесанными плитами. Мы съ недоумѣніемъ оглядывали это зданіе Эль-Казра, такъ какъ намъ было извѣстно, что мы должны здѣсь встрѣтить дворецъ, богато украшенный рѣзьбою, а мы видѣли передъ собою рунгу средне-азиатскаго или калмыцкаго характера. Но когда мы взошли черезъ низкую дверь, внутрь дворца, въ которомъ теперь поселилась семья, а можетъ быть и цѣлый родъ бедуиновъ, впечатлѣніе наше разомъ измѣнилось. Мы находились среди оригинальной восточной залы, квадратной въ своей средней части и въ древности, вѣроятно, открытой по восточному образцу¹⁾ (фот. 514—521, кат. 408—414); четы е громадныхъ (по пропорціямъ къ среднему залу) арки (табл. XXVIII—XXXII) открываются, образуя экседры или византийскія «камары», причѣмъ двѣ экседры на сѣверъ и югъ снабжены монументальными порталами, а каждая экседра на западъ и востокъ образуютъ полукруглую конху и полукруглую нишу или абсиду. Эта вторая форма настолько обычна въ періодъ византиино-арабскій, что о ней лишне говорить. Напротивъ того, первая форма экседры, съ полусферическимъ сводомъ (въ римскихъ экседрахъ всегда коробовый сводъ) или конхою, но не надъ полукруглою абсидою, а надъ четырехугольнымъ порталомъ, сведена ввиду съ замѣчательною ловкостью при помощи одного, такъ называемаго колпачка, въ каждомъ углу. Четыре экседры образуютъ, на концы, въ промежуткахъ межъ ними, четыре совершенно темныя, внутреннія камеры, служебнаго характера, сальны или чуланы.

Таково все несложное помѣщеніе восточнаго дворца, прототипа всѣхъ арабскихъ, арабо-сицилійскихъ и арабо-магрипанскихъ дворцовъ, отъ Аммана и Машиты до Альгамбры. Но вся внутренность, доступная свѣту (кроме указанныхъ темныхъ чулановъ), была богато украшена рѣзьбою, а по сводамъ росписана по стуку. Орнаментика этой рѣзьбы и архитектурныя формы расчленяющихъ стѣны карнизовъ, аркадъ, полуколоннъ составляютъ важнѣйшую сторону этого историческаго памятника.

Къ сожалѣнію, памятникъ сильно обезображенъ, рѣзьба сбита и скотота, гдѣ можно было достать, а низъ зданія почти до втораго этажа теперь заналетъ сверху полбою, вилу—мусоромъ и камнями, во всей вѣроятности, отъ разсыпающихся загородокъ для скота.

Насколько можно видѣть, стѣны вокругъ всего зданія, и въ пинахъ и экседрахъ, украшены по вилу (на высотѣ человѣческаго роста отъ полу?) декоративными рѣзьбыми полуколонками, которыя составлены попарно и образуютъ какъ бы фронтъ или поясокъ надъ панелями, въ вышину около двухъ

¹⁾ Древніе оригиналы этихъ залъ можно указать въ извѣстныхъ дворцахъ персидскихихъ царей въ Фирюзабадѣ и Саристанѣ, Perrot et Chipiez, *Histoire de l'art dans l'antiquité*, V, p. 561—588, fig. 355—361.

аршиль; на колонки опущены арочки карниза, образованные почти в копилтообразном тифе. Ниже этого фриза местами можно было рассмотреть стѣну изъ широкихъ плитъ, напоминающую способъ византийской облицовки. Между арочками подвѣшены на колонкахъ, по восьми угламъ сдѣланы во семь арокъ плоскихъ съ плоскими же полуколонками и декоративными фрононами и каймами, но уже двойной высоты противъ прежнихъ, съ цѣлью заполнения оставленныхъ стѣлъ отъ пояса до вершины большихъ открытых арокъ. Наконецъ, верхній поясъ, огибающій все зданіе поверхъ арокъ, повторяетъ декорацию нижняго цѣлкомъ. Роспись ступа сохранилась только въ подкуполахъ, но только въ видѣ слѣдовъ окраски.

Такимъ образомъ, архитектурное расчлененіе стѣлъ крайне просто, не-

Рис. 19. Амманъ. Эль-Казръ. Западная часть.

сложно и даже монотонно, но, благодаря орнаментальной рѣзбѣ, густо покрывающей не только бордюры и каймы арокъ, но и самыя ниши, арочные киворы, внутренній пояс и пр. (фот. 522—540), все, что было бы тяжелымъ, становится на видъ живымъ, легкимъ и изящнымъ.

Собственно вся система декорации заключается въ оживленіи всѣхъ поверхностей растительными формами; листья покрываютъ всѣ поля, подымаются деренцами, тянутся веточками, разсыпается цвѣточками по луку. Однако, это не есть восточный орнаментальный ковровый пологъ, и здѣсь все подчинено архитектурной формѣ. Мало того, соединившіеся съ этою формою геометрическіе орнаменты настойчиво повторяются вмѣстѣ съ нею: такъ напр. въ концѣ аркады нерѣдко помѣщается орнаментальная раковина

или подобная ей пальметка. Бордюрь конхитообразной арочки раздѣляется въ видѣ листковъ или ововъ, которые произошли изъ рѣзбы по дереву: нашивная дощечка арки рѣзалась зубчиками. Далѣе мы встречаемъ здѣсь же розетки съ острыми лентками, также относящіяся къ рѣзбѣ по дереву и по нѣскольکو разъ концентрическіе полукруги, какъ бы нашивку дощечекъ одной на другой. Наконецъ, поле аркады представляеть обыкновенно или вѣтвь (аканоовую лозу) или столбикъ изъ розетокъ и листьевъ. Бордюры арокъ часто дѣлаются изъ гирляндъ или разводовъ пальмообразныхъ съ поднимающимися листками, или же гирлянда составлена изъ листьевъ и цвѣтковъ, изъ стрѣловидныхъ листьевъ и бутоновъ. Самая характерная форма листовнаго украшенія есть аканозъ, въ видѣ листа отдѣльно,

Рис. 20. Ажманъ. Эль-Казръ. Юго-западный уголъ.

или же вѣтки съ нѣсколькими листьями или же своего рода пояса листьевъ, подобранаго въ различныхъ геометрическихъ фигурахъ, для заполнения киворія. Иногда же только одинъ леть аканоа загнбается своимъ ланамъ по каймѣ арки на киворіи, занимая весь его уголъ, и въ замкѣ киворія помѣщается какъ бы драгоценный камень, начальный въ вѣнкѣ. Кромѣ аканоа мы имѣемъ здѣсь уже указанную ллію, далѣе розу съ бутонами ея, четырехлентковій цвѣтокъ, изрѣдка вѣтку плюща.

Но, что замѣчательно, это самая форма аканоа, представляющая вырожденіе его римскаго типа: это мягкій, сочный, съ широкими, закругленными ланами аканозъ, короткій леть котораго укрѣпленъ на толстыхъ вѣткахъ, — словомъ, полный контрастъ византійскаго типа, который уже въ

У вѣкъ принимаетъ свой греческій типъ аванао сухого, жесткаго, съ глубокими надрѣзками, съ острыми зубчатыми ланамп, нѣсколько рѣзкаго и схематичнаго, но въ высшей степени характернаго и скульптурнаго. Изъ этихъ растений выдѣляется, понятно, форма древа жизни, изображеннаго особенно ясно въ одномъ углу, въ видѣ большого дерева, съ широкими листьями смоковницы и ея плодами (табл. XXVIII и XXXII).

Въ общемъ, вся эта орнаментация является замѣательнымъ памятникомъ образованія основныхъ типовъ восточнаго искусства въ томъ періодѣ, когда оно незамѣтно готовилось

къ новой всемірной дѣятельности. И самый типъ зданія, и его архитектура и постройка, и вся декорация были исполнены, очевидно, персидскими мастерами и не позже VIII вѣка, а можетъ быть, и ранѣе, т. е. въ самомъ началѣ Ислама. Его вліяніе, на нашъ взглядъ, уже замѣтно сказалось въ полномъ отсутствіи животныхъ въ орнаментации, и потому ни дворецъ, ни его украшения нельзя считать даже произведеніями сасанидскаго искусства, тѣмъ болѣе сасанидскаго періода. Здѣсь все настолько стало арабскимъ, не будучи ямъ по происхожденію своихъ элементовъ, что мы сдѣлали бы большую историческую ошибку, предположивъ чужеземное происхожденіе памятника тамъ, гдѣ только работали чужіе мастера, но по заказу и во вкусѣ туземныхъ властителей.

А уже со времени Юстиніана и до времени турокъ этимъ властителями были арабы, и до тѣхъ поръ, пока общее названіе «арабскаго» искусства будетъ существовать, мы обязаны не отдѣлять отъ него частныхъ, ранихъ и наиболее важныхъ типовъ. Самая опасная ошибка, потому что она же и наиболее частая, обычная и наименѣ замѣтная, состоитъ именно въ томъ, что исследователь орнаментальной системы, анализируя ея составные элементы, и постоянно наблюдая ихъ чужеземное происхожденіе, терпѣтъ, въ концѣ кон-

Рис. 21. Амманъ. Эль-Касръ.
Сѣверный уголъ.

цовъ, самое сознание цѣльности и историческаго существованія и развитія пѣбрашаго типа, и объявляетъ этотъ типъ повтореніемъ старыхъ мотивовъ, лишенымъ всякаго художественнаго творчества. Такъ происходило постоянно съ византійскимъ орнаментомъ, такъ происходитъ въ послѣднее время и съ изслѣдованіемъ арабскаго орнамента, хотя, казалось бы, его необычайная оригинальность, даже странность почти исключаетъ возможность подобнаго увлеченія мелочами и забвенія главнаго. Очевидно, изслѣдованіе частностей несравненно легче, доступнѣе, можетъ быть сдѣлано сразу, при

Рис. 22. Амманъ. Эль-Казръ. Сѣверо-западный уголъ.

первыхъ, такъ сказать, пристунахъ изслѣдователя, тогда какъ характеристика цѣлаго получится только въ концѣ изученія. Въ частности, говоря о дворцѣ Аммана, мы должны были, прежде всего, оговорить ошибку, будто это памятникъ сасанидскій, потому что въ его орнаментѣ есть именно персидскіе элементы. Но, въ то же время, словомъ «арабскій» мы не можемъ въ данномъ случаѣ опредѣлить уже ясно сложившагося типа, такъ какъ арабскій дворецъ Аммана стоитъ, очевидно, на рубежѣ перехода одного типа къ другому. Въ другомъ мѣстѣ мы имѣли уже случай говорить о томъ значительномъ переворотѣ во вкусахъ южной Европы и передне-азіатскаго

Востока, который совершился в течение VI—VII ввков по Р. Х., это было время слияния и нового раздѣленія Востока и Запада. До VI вѣка византійское искусство продолжаетъ еще слагаться; однако, это образование не препятствуетъ его существованію уже вѣ IV вѣкѣ, вѣ вѣкѣ Константина. До IX вѣка мы не вѣ правѣ говорить объ арабскомъ искусствѣ, какъ о типѣ совершенно ясномъ и готовомъ, и, однако, мечеть Оммаядовъ, мечеть скалы вѣ Иерусалимѣ и вѣ Ст. Капрѣ суть памятники арабскіе, а не персидскіе или византійскіе. Безъ сомнѣнія, вѣ орнаментикѣ Аммапа мы имѣемъ почти исключительно или тяжелую и пышную сасанидскую лѣству, римско-персидскій типъ акаюа, персидскія розы и четырехлистки, и преобладающій техничeskій характеръ указываетъ на рѣзбу по дереву, и тѣмъ не менѣе

Рис. 23. Амманъ. Эль-Казръ. Западная стѣна, сѣверная ниша.

мы здѣсь находимъ совершенно новую декоративную систему, иной типъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы сопоставимъ нашъ дворецъ съ монументальными памятниками сасанидскаго искусства, рѣзкая разница между ними выступитъ сама собою. Сасанидское искусство знаетъ только архитектурный орнаментъ, усвоенный цѣлкомъ изъ римскаго образца, и, напротивъ того, съ замѣчательною выдержкою и разнообразіемъ украшаетъ свои мелкія художественныя пздѣлія, въ особенности серебряныя, шелковыя и пыныя ткани и пр. Конечно, арабы не имѣли вовсе своего искусства вѣ то время, когда они, вмѣстѣ съ Исламомъ, выступили вѣ исторической роли, однако, они имѣли или, точнѣе говоря, должны были имѣть рядъ народныхъ произведений съ опредѣленнымъ художественнымъ характеромъ. Этотъ характеръ выра-

злся сразу и со всею слою въ богатствѣ орнаментальной системы, покрывшей мозаиками, фаянсами, инкрустациею и рѣзбою всѣ стѣны и своды перлыхъ мечетей. Правда, если разнить по частямъ всю эту декорацию, то и тамъ, вездѣ за другими послѣдователями, пришлось бы повторять одну и ту же, очевидно, пустую фразу, что въ древней арабской орнаментикѣ мы не встречаемъ собственно никакихъ «новыхъ» мотивовъ. Но вѣдь и въ древнѣйшую эпоху византійскаго искусства въ IV—VI вѣкахъ мы также точно не находимъ «новаго» типа, и различные послѣдователи потратили много времени и трудовъ, чтобы доказать, что всѣ элементы ранняго византійскаго искусства принадлежатъ античному искусству, какъ будто это обстоятельство пуждалось въ такомъ подробномъ детальномъ подтвержденіи. Очевидно, лишь тотъ сдѣлаетъ шагъ впередъ въ этомъ вопросѣ, кто сумѣетъ открыть и указать ясно другимъ новообразовавшийся типъ¹⁾, а не тотъ, кто при каждомъ новомъ явленіи будетъ повторять пустую фразу, что всѣ его элементы прежнее и нѣтъ никакихъ новыхъ мотивовъ²⁾.

Рѣзба по каменнымъ брусамъ Амманъ находитъ себѣ ближайшую аналогію въ памятникѣхъ сѣверной Африки, именно въ деталяхъ большой базилики Тигцирта³⁾. Здѣсь, вмѣсто обычныхъ разводовъ лозы, раковинъ, гирляндъ (классическихъ и византійскихъ), встречаемъ повсюду звѣзды, розетки, меандры, зигзаги, снечко-фигурскіе кружки со вписанными въ нихъ звѣздами, все это въ характерѣ рѣзбы по дереву; по абакамъ и кубическимъ кашнителямъ геометрическія фигуры, квадраты, круги съ завитками, звѣздами, зигзагами, монограммами, условными формами рыбъ, птицъ, лошадей, быковъ, зайцевъ и пр.

Нѣтъ сожалѣнію, только значительныя раскопки могутъ дать со временемъ настоящее понятіе объ остальныхъ зданіяхъ Эль-Газра, лежащихъ въ руинахъ. Доселѣ нельзя было начертить самаго поверхностнаго плана, такъ какъ едва одна наружная стѣна выступаетъ (фот. 542) совершенно ясно, прочія же наружныя, а тѣмъ болѣе внутреннія стѣны съ трудомъ можно различить, поднявшись на какой-либо возвышенный пунктъ. Однако, и поверхностнаго взгляда достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что главная зала этого дворца была расположена, подобно той, которая сохранилась, а ваяющіеся въ нѣсколькихъ мѣстахъ залы каменные блоки, съ высѣченными аркадами, показываютъ, что зала была украшена тѣмъ же декоратив-

1) Strzygowski, *Die byzantinische Kunst*, статья въ *Byzantinische Zeitschrift*, 1 Bd., 1 Heft, L. 1892, p. 61—74.

2) Haug. Sophus Müller, *Die Thier-Ornamente im Norden*, übersetzt v. S. Mestorf, 1881, о византійскомъ, персидскомъ и арабскомъ орнаментѣ, стр. 160, 167, 169.

3) Wieland, F. *Ein Ausflug ins altchristliche Afrika*, 1900, p. 174. Указ. на Gavault, Pierre *Étude sur les ruines romaines de Tigzirt*, 1897, p. 22.

вымп поисамъ и даже, можетъ быть, лучшей работы. Наружная лцевая стѣна представляеть здѣсь фронтоны и скульптурныя ниши, очевидно, перенесенныя сюда цѣлкою изъ разобраннаго языческаго зданія.

Можно насчитать до шести большихъ залъ въ предѣлахъ видимыхъ руинъ, которые отличаются отъ описаннаго зала именно тѣмъ, что исключительно состоятъ изъ древняго матеріала: тесаныхъ камней, илтъ и карнизовъ. Руины представляють, однако, остатки сводовъ, и въ ихъ арабскомъ пропехожденіи нельзя сомнѣваться. Онѣ оканчиваются у самаго края громаднаго, совершенно отвѣснаго обрыва, который обдѣланъ кругомъ въ видѣ стѣны, и представляли прежде недоступную съ этой стороны цитадель, на южная очень близко цитадель Босры и Каира.

Рис. 24. Амманъ. Эль-Казръ. Южная стѣна, западная ниша.

Изъ Аммана тѣмъ же путемъ по долигѣ Спръ на Аракъ эль Эмвръ, уади Гессонъ, и въ сторону на уади Нязринъ, и изъ все видѣвъ, мы спустились въ Иорданскую долину и остановились съ той стороны долины, подъ горами, близъ *Тель-Имринъ*, одиночно стоящаго надъ источникомъ холма, близъ ущелья, известнаго множествомъ своихъ пещеръ. Здѣсь мы были задержаны въ теченіе двухъ дней, но случаю карантинна учрежденнаго передъ Иорданомъ на мѣстѣ обычной переправы черезъ рѣку (фот. 547—551) въ бродъ, но, благодаря внимательству русскаго консульства и агента Палестинскаго Общества, мы были пропущены черезъ карантинъ безъ дальнѣйшей задержки, когда предлашный отъ іерусалимскаго губернатора докторъ удостовѣрился, по нашимъ документамъ и свидѣтельствамъ, что мы прибыли

пзъ благополучной мѣстности. Перенравлявшись черезъ Иорданъ, мы прибыли черезъ полтора часа въ *Иерихонъ*.

Наше время (два дня) въ Иерихонѣ было посвящено, прежде всего, осмотру мѣстности древняго города, столь замѣчательной въ различныхъ отношеніяхъ и посещенію нѣкоторыхъ окрестныхъ мѣстъ, особенно *Сорока-оной горы* съ ея пещерными церквами (фот. 561—563) и монастыря *Касръ эль Йегудъ* (фот. 558).

Основной интересъ всѣхъ перечисленныхъ мѣстъ заключался въ ихъ священномъ почитаніи у христіанъ, съ древнѣйшей эпохи, которое вызвало еще съ IV вѣка появленіе здѣсь церквей и обителей. Наибольшій интересъ представляла для насъ мѣстность, занятая самимъ (теперешнимъ) Иерихономъ съ его многочисленными садами и обширными плантаціями. Конечно, разрушеніе прошло здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и на первый взглядъ, отъ нынѣшней земной резиденціи Ирода ничего не осталось. Но это заключеніе ошибочно: достаточно посѣтить садъ русскаго пріюта Миссін, въ которомъ его знаменитый основатель, радѣвшій о древностяхъ Святой Земли, извѣстный и высокопочитаемый о. архимандритъ Антоній сохранилъ собрать всѣ остатки и самыя маленькія кусочки древности, чтобы убѣдиться въ одномъ: почва Иерихона богата древностями и плесню христіанскими. Городъ Ирода не пропалъ, но пошелъ на украшеніе новаго христіанскаго Иерихона, въ которомъ было, считая съ окрестностями, такое обиліе монастырей, въ V—VI вѣкахъ, какое было развѣ въ окрестностяхъ Иерусалима¹⁾. Правда, всѣ эти церкви и монастыри строились наскоро, безъ особыхъ затѣй, но уже самая эпоха, столь богатая художественными силами, придавала базиликаамъ ихъ колониадамъ и мозаическимъ полами монументальность и характерность.

Наиболѣе интереса представляютъ остатки христіанскихъ базиликъ на мѣстѣ русскаго пріюта; между этими остатками нѣсколько капителей принадлежатъ еще вѣку Константина.

Отъ базилики, находившейся у источника Елсея, ничего не осталось, кромѣ стѣнъ, но и то лишь въ нѣсколькихъ мѣстахъ: очевидно, церковь была разобрана и употреблена на другую постройку.

Столь же мало осталось отъ обширнаго монастыря, сооруженнаго въ VI вѣкѣ противъ мѣста Крещенія Спасителя и служившаго, по свидетельству паломниковъ, пріютомъ всѣхъ, приходившихъ на поклоненіе этому мѣсту. Современное зданіе греческаго монастыря *Иоанна Крестителя*, нынѣ называемое *Касръ эль Йегудъ*, вѣроятно новое, построенное съ фундамента въ послѣднее время. Монахи показали, однако, въ нѣжней церкви, древнюю

1) Ср. Списокъ монастырей Палестины отъ Константина до арабовъ у Couret, *La Palestine sous les empereurs grecs*, 1860, pag. VI, IX—XIII, XIII—XXII.

абсиду, покрытую илѣсенью и сохранившюю остаткн позднѣйшихъ, весьма грубыхъ фресокъ, а передъ церковью монастыря поставлены на колонкахъ двѣ грубыя маленькя кантелы VI—VII стол. Такимъ образомъ, остается, по крайней мѣрѣ, выѣ сомнѣнія, что здѣсь, дѣйствительно, былъ этотъ знаменитый монастырь, но гдѣ находилась построенная по близости этого монастыря, или даже противъ него, церковь Юанна Предтечи, остается неизвѣстнымъ.

Берега Иордана противъ монастыря вседѣ круты, рѣка роетъ и подымаетъ ихъ, у самаго берега по сю сторону глубокіе омуты и водовороты, и нигдѣ нѣтъ брода. Берега съ обѣихъ сторонъ заросли (фот. 551—558) непроходимою и даже непролазною чащю всякаго кустарника, жмлолости, тростника, терпентинновъ, держл-деревя, и на осмотрунномъ нами пространствѣ (около полуверсты) нигдѣ нѣтъ никакихъ признаковъ существованія какихъ бы то ни было построекъ. Правда, церковь І. Предтечи была поставлена на томъ берегу, но она была утверждена на монументальныхъ сводахъ, доходившихъ до середины рѣки.

Послѣ осмотра окрестностей Иерихона, экспедиція, не медля долѣе, отправилась въ Иерусалимъ на остальное время своего пребыванія въ Палестинѣ; тамъ караванъ былъ распуценъ. Но въ то же время въ Иерихонѣ были за это время произведены археологическя развѣдки на мѣстѣ, принадлежащемъ Палестинскому Обществу, съ 12-го по 21-е Ноября 1891 года, подъ ближайшимъ руководствомъ и надзоромъ члена экспедиціи Я. П. Смирнова, которому принадлежитъ и сообщаемый здѣсь отчетъ.

Археологическя развѣдки въ Иерихонѣ на мѣстѣ Палестинскаго Общества, произведенныя отъ 12-го по 21-е Ноября 1891 года.

Сады, принадлежащія Палестинскому Обществу (фот. 561), какъ и окружающіе его сады и цуetryп, лежатъ на мѣстѣ древняго города, протѣправляющагося къ югу до оврага, на краю котораго стоятъ пріютъ архимандрита Антоніина. На значительномъ пространствѣ обнаруживаются слѣды разрушенныхъ домовъ: на цуetryрихъ видны небольшіе холмики, образовавшіеся отъ развалившихся зданій, на одномъ изъ нихъ лежатъ база колонны; въ садахъ при работахъ находятъ стѣны, иногда сложенныя изъ большихъ, хорошо отесанныхъ камней. Въ саду греческихъ монаховъ, сосѣднемъ (съ запада) съ садомъ Общества, кромѣ остатковъ зданія съ классическими орнаментами, найдена часть мозаичнаго пола, къ сожалѣнію не расчищеннаго.

Стѣны, сложенные изъ большихъ камней обнаружены были, какъ въ саду, примыкающемъ съ юга къ саду Общества, такъ и въ южной части сада Общества. Въ сѣверной части сада въ дверяхъ четырехугольнаго зданія найдены были напольномъ два бронзовыхъ креста, хранящихся въ іерусалимскомъ подворьѣ. Но теперь подъ грядями не видно стѣнъ въ южной и сѣверной частяхъ сада. Срединна сада занята бугромъ, на которомъ выстроена домъ садовника. Къ востоку до самой ограды возвышенность изрыта ямами и вездѣ видны стѣны, скрытыя въ землѣ. Здѣсь прежній владѣлецъ, кромѣ водопродной канавы, кошалъ во многихъ мѣстахъ, повидимому отыскивая кладъ; землю и камень изъ ямъ сваливалъ онъ здѣсь же, почему уровень мѣста возвысился и при развѣдкахъ приходилось тратить много труда на расчистку мѣста. У края сада земля вынута большой широкой квадратной канавой для фундамента предполагавшейся церкви. Въ южной части выемки найдены были мозаичскій полъ и древняя стѣна съ сѣверной части его. Передъ домомъ садовника вырыты были стѣны, дверь и колонны, но эта яма засыпалась землею и мусоромъ и на поверхности земли видны были лишь большіе тесанные камни отъ разобранныхъ стѣнъ, обломки одной колонны, да двѣ капители (см. рис. П. А. Околовича), за домомъ видны также два обломка колоннъ. Кромѣ этого среди камней, вынутыхъ при раскопкахъ прежняго владѣльца, замѣчены: осколокъ небольшой колонны бѣлаго мрамора, части карнизовъ и камень изъ свода съ розетками. Въ разныхъ мѣстахъ прежнимъ владѣльцемъ найдены были ряды глиняныхъ и бронзовыхъ вещей, хранящихся въ іерусалимскомъ подворьѣ Общества.

Такъ какъ высказываемо было предположеніе, что мозаичный полъ и другіе древніе остатки, находящіеся въ землѣ, принадлежатъ церкви, то экспедиція предприняла развѣдки, длившіяся съ 12-го по 21-е Ноября.

Работы начаты были около мозаики съ запада, въ надеждѣ найти въ этомъ направленіи продолженіе ея, если бы полъ принадлежалъ дѣйствительно церкви, расчищалась сама мозаика и пространство къ востоку отъ нея, гдѣ долженъ былъ бы находиться алтарь. Но скоро обнаружилось, что никакъ основаній предпологать на изслѣдуемомъ мѣстѣ церковь — не существуетъ.

Мозаика сильно пострадала: уцѣлѣло, повидимому, менѣе половины ея. Сохранившаяся часть пола съ сѣверной стороны примыкаетъ къ стѣнѣ, сложенной изъ чисто отесанныхъ камней, но стѣна эта сохранилась лишь на незначительномъ протяженіи, къ западу она разобрана и осталась лишь бугоръ. Къ востоку тянется подобная же стѣна, но она приложена позднѣе, какъ то ясно видно съ сѣверной стороны, гдѣ замѣтенъ уголъ стѣны, окаймлявшей мозаику: къ югу стѣна поворачивала, образуя небольшой выступъ. Отъ восточной стѣны сохранились лишь два большіе тесанныхъ камня, а на-

правление ее ясно определяется концомъ бѣлой каймы мозаичнаго пола. Въ сѣверо-восточномъ углу мозаика пробита для устройства водохранилища, наполнявшагося изъ водопровода, устроеннаго прежнимъ владѣльцемъ мѣста. Только средняя мозаика осталась на прежнемъ уровнѣ, сѣверная и южная части пола сильно опустившись: въ сѣверной части это видно по тому, насколько ниже мозаика нижняго ряда тесаныхъ камней стѣны, подъ которыми виденъ уже бѣтъ. Въ южной части, при расчисткѣ обнаружена была древняя поправка пола: на опустившуюся часть мозаики положенъ бѣтъ бѣтъ изъ булыжника на извести и по немъ снова мозаичный полъ, но лишь изъ однихъ бѣлыхъ кубиковъ, на той же высотѣ, какъ средняя, не сѣвшая, часть цѣтнаго пола. Вѣроятно, такая же поправка была и на южной части, но здѣсь полъ вырытъ бѣтъ еще прежнимъ владѣльцемъ и верхній слой мозаики могъ быть снятъ; въ южной части поправка сохранилась тоже не вся, а лишь кускомъ; надъ юго-восточнымъ угломъ пола въ невыпнутой насыпи видна также та же поправка, у восточнаго конца ее уцѣлѣлъ кусочекъ мозаики втораго слоя съ черной полосой, но остатокъ этотъ столь незначителенъ, что нельзя понять къ чему принадлежала эта черная полоса. Въ томъ же юго-восточномъ углу значительно выше верхняго слоя мозаичнаго пола обнаружился помостъ изъ четырехугольных плитъ, идущій къ югу, помостъ очевидно позднѣйшаго происхожденія. Съ запада мозаика разрушена во всю ширину, по краю ее положенъ рядъ камней, повидному недавно. За камнями въ насыпи обнаруженъ бѣтъ круглый глиняный водоемъ съ трубами: цементнымъ желобомъ къ югу и глиняной трубой къ сѣверу къ водопроводу, упомянутому выше.

Въ той же насыпи нашлись барабанъ небольшой колонны, стоявшій на землѣ, т. е. попавшій сюда случайно. Хотя мозаичнаго пола найдено не было (лишь въ юго-западномъ углу попалась кусокъ бѣлой разломанной мозаики), но длина пола, определялась сохранившимися сѣверо-западнымъ угломъ бѣлой каймы, этотъ уголъ находится на уровнѣ высшемъ, нежели уровень сохранившейся части цѣтнаго пола. Отъ стѣны, огибавшихъ уголъ этотъ, сохранился лишь бѣтъ.

Далѣе къ западу обнаружена была бутовая стѣна, идущая отъ востока къ западу, конецъ которой выходитъ въ пространство, занятое прежде мозаичнымъ поломъ. Пространство къ югу отъ стѣны этой замощено было бутовымъ помостомъ, въ которомъ обнаруженъ бѣтъ водопроводный желобъ, сложенный изъ плитъ, идущій съ юга на сѣверъ. Западнѣе желоба въ насыпи найдены бѣтъ обломки колонны.

Затѣмъ раскопъ повернуть къ сѣверу, причемъ обнаружены были двѣ параллельныхъ стѣны, идущія отъ востока къ западу и одна стѣна съ юга на сѣверъ. Стѣны эти сложены также изъ булыжника и только конецъ пер-

вой—пзъ тесапныхъ камней. Въ землѣ, наполнившей небольшое помѣщеніе между этими стѣнами, найденъ былъ обломокъ небольшой колонны сѣраго мрамора.

Къ востоку, къ помѣщенію съ мозаичнымъ поломъ примыкаетъ пристройка, образовавшая продолженіемъ сѣверной стѣны первоначальнаго зданія; стѣна пристройки сложена также пзъ тесапныхъ камней, до восточной стѣны этого помѣщенія раскопки доведены не были, такъ какъ пришлось бы перенести большую кучу камня, добытаго и сваленнаго здѣсь прежнимъ владѣльцемъ.

Не удаляясь на всемъ протяженіи и сѣверная стѣна, такъ какъ ее перерѣзала новый водопроводъ; разобрать также и конецъ поперечной стѣны. Раскопъ, проведенный къ югу, не обнаружилъ южной стѣны этого помѣщенія, которая также вѣроятно разобрана. При очисткѣ по уровню мозаики найдена была мѣстами бѣлая мозаика на бутѣ пзъ мелкаго булыжника на извести, но въ полномъ разрушеніи¹⁾. Въ восточномъ концѣ, наряду съ бѣлыми, попадались и красивые кубики, но также нигдѣ не оказалось неповрежденной, гладкой поверхности мозаики.

Въ поворотѣ раскопа къ югу, съ цѣлью дойти до южной стѣны обнаруженъ былъ на значительно высшемъ уровнѣ, чѣмъ мозаика, каменный помостъ, пзъ большихъ толстыхъ прямоугольныхъ плитъ: южной же стѣны найдено не было. Въ землѣ во время раскопокъ около мозаичнаго пола часто попадались обломки древняго стекла въ видѣ обломковъ сосудовъ и силлавленыхъ въ огнѣ кусковъ, среди обломковъ попадались чаще всего горлышки слезищи, найдены были также ножка слезищи и обломокъ чашечки разноцвѣтнаго стекла. Найдены были также три мраморныхъ плитки отъ пола. Пзъ нѣсколькихъ бронзовыхъ монетокъ только одна сохранилась настолько, что можно было разобрать обычную византійскую букву **M**.

Въ сѣверо-западномъ углу квадратной выемки виденъ былъ уголъ помѣщенія, стѣны котораго сложены пзъ тесапнаго камня. Въ надеждѣ, не найдется ли что либо внутри его пола, часть камня, заповняющаго внутренность, была вынута, но вынута оказались лишь громадные булыжники на известковомъ цементѣ.

Въ ямѣ, вырытой прежнимъ владѣльцемъ передъ южной стороной дома, служащаго для приюта поклонниковъ, видны два громадныхъ камня, повидному, отъ порога двери и въ насыни рядъ плитъ бѣлаго камня, какъ бы образующихъ помостъ. Развѣдка, произведенная на этомъ мѣстѣ, открыла каменный помостъ на пространствѣ около квадратной сажени, но со всѣхъ

¹⁾ Глубже ея во всю длину съ востока на западъ тянется желобъ съ стока грязной воды, какъ видно по косточкамъ и черепкамъ наполняющимъ его.

сторонъ оиъ далѣе былъ разобранъ равно, какъ и стѣна, которой принадлежалъ пороги. Этотъ помостъ, какъ и помосты около мозаики, находится не глубоко и, повидному, также принадлежитъ къ позднѣйшимъ временамъ.

Развѣдка къ югу отъ вѣтряной мельницы, доведенная почти до самой мельницы, обнаружила стѣну, идущую съ юга на сѣверъ, довольно грубой кладки.

По разсказамъ лицъ, видавшихъ работы прежняго владѣльца сада, гдѣ то около дома садовника находится другой мозаичный полъ: указывали на примыкающій къ дому хлѣвъ, но развѣдка обнаружила тамъ лишь помостъ изъ черепичныхъ плитокъ. Въ большой ямѣ передъ входомъ въ домъ произведены были развѣдки, далеко не доведенныя до конца, такъ какъ насыпь здѣсь очень высока и обрѣзы грозилъ паденіемъ, снимать же землю требуетъ много труда и издержекъ, такъ что расчистить удалось лишь часть того пространства, которое разрыто было раньше и двинуться далѣе въ мѣста еще не тронутыя не пришлось.

Въ восточномъ краю ямы обнаружена стѣна, идущая съ сѣвера на югъ. Стѣна эта сложена изъ хорошо обтесанныхъ камней; въ среднѣи ея стоитъ колонна на базѣ, заложенная въ стѣну, что свидѣтельствуетъ о позднѣйшемъ пропехоженіи стѣны. Колонна сложена изъ нетолстыхъ барабанныхъ. Стѣна поворачиваетъ на западъ, въ этой южной стѣнѣ находится дверь. Пороги двери выворочены, стѣна съ западной стороны уцѣлѣла до высоты перемычки и на верхнемъ краю ея вырубленъ крестштейнъ грубо обычной формы. Пространство, расчищенное въ углу между этими двумя стѣнами, нѣкогда вымощено было мозаикой; въ самомъ углу сохранился кусокъ бѣлой каймы. Позднѣе, поверхъ попорченного или уничтоженного мозаичнаго пола насланъ былъ помостъ изъ чернаго камня, такъ называемаго неба муса, доходящій на югъ лишь до колонны, отъ средины помоста рядъ плитъ къ двери, такъ что уцѣлѣвшая часть мозаики служила поломъ въ угловой части портика на нѣсколько болѣе низкомъ уровнѣ. Въ сѣверномъ углу портика обнаружена тонкая, очевидно, также позднѣйшая стѣнка, примыкающая повидному къ стѣнкѣ, идущей передъ дверью съ сѣвера на югъ.

Для опредѣленія продолженія зданія за дверью къ югу отъ дома начата была развѣдка, пришедшая къ стѣнѣ, тянущейся съ востока на западъ. Кладка стѣны этой гораздо грубѣе, чѣмъ стѣны съ дверью, что, впрочемъ, можетъ объясниться тѣмъ, что стѣна эта не лицевая. Опредѣлить, есть ли мозаичный полъ въ комнатѣ между этими двумя стѣнами, было невозможно, не снимавъ толстой надписи, лежащей надъ этимъ пространствомъ.

Такъ какъ по словамъ очевидцевъ въ западной, неразсѣдованной части ямы находится еще стволы колонны, и такъ какъ еще западнѣе за домомъ

садовника находятся обломки такихъ же колоннъ, какъ обнаруженная въ восточной части ямы, то очевидно, что открытое зданіе имѣло протяженіе съ востока на западъ и при узкой комнатѣ имѣло колоннаду, можетъ быть, двойную, обращенную на сѣверъ, то зданіе это болѣе всего можно сравнивать съ частными домами, примѣты которыхъ даетъ въ своемъ трудѣ о центральной Сприн Вогюзъ, тѣсныя комнаты съ портками предъ ними встрѣчаются тамъ постоянно.

Около двери найдены были обломокъ небольшой порфировой чашы съ крестомъ, вырѣзаннымъ на выступѣ ея верхняго края. Но обломокъ этотъ, хотя бы чаша и предназначалась для святой воды, не указываетъ еще непременно на релігіозное назначеніе этого зданія.

ГЛАВА IV.

Иерусалимъ. Вопросы по исторіи храма Гроба Господня. Разборъ древнихъ свидѣтельствъ о храмѣ отъ Юсева до крестоносцевъ; предположенія, извлекаемыя изъ древнихъ текстовъ, по вопросу о Константиновой базиликѣ Св. Гроба. Протилен базилики. Детали сѣвернаго нефа и церкви Св. Елены. Обзорныя развалины древнихъ храмовъ Иерусалима и капителей, сохранившихся въ Омаровой мечети, мечети Эль-Акса, Давидова мѣста и Золотыхъ воротъ, храмовъ: Св. Анны, Стефана, Элеонскихъ сооруженій. Капители церкви Рождества Христова въ Виллеемъ. Монастыри Св. Саввы и Св. Креста.

Весьма естественно, если главнымъ предметомъ научнаго изученія въ Иерусалимѣ является храмъ Св. Гроба: превысшее значеніе самой святицы, сложныя историческія судьбы ея зданій, древность ихъ происхожденія, и самая загадочность ихъ остатковъ, все это приковываетъ вниманіе, увлекаетъ любознательность историка. А въ той спеціальной задачѣ, которая была предложена для экспедиціи Православнаго Палестинскаго Общества, этотъ памятникъ играетъ роль заглавія, источника, основной, и конечной цѣли слѣдованія; въ самомъ дѣлѣ, храмъ Св. Гроба не только главная святица, но и главный, исконный памятникъ христіанства, важный не для одной Палестины, и только потому, что мы доселѣ не въ силахъ даже мысленно возстановить его обликъ, этотъ памятникъ еще не поставленъ въ главу всей исторіи восточно-христіанскаго и древне-христіанскаго искусства.

На протяженіи всей исторіи христіанскаго искусства основнымъ ея пунктомъ является вопросъ о формѣ храмоваго зданія, его богослужебномъ

распределеніи, постепенномъ развитіи отдѣльныхъ его частей, ихъ вліяніи на художественную форму цѣлаго зданія, словомъ, исторія сложенія и развитія храмовой идеи, и способомъ ея выраженія во внѣшней формѣ. Въ этой исторіи, построеніе Константиномъ базилики пады Гробомъ Господнимъ составляетъ первое, основное и исходное положеніе, и отъ его пониманія многое должно выслѣдиться. Но, чтобы на дѣлѣ представить, какъ слагаются по этому пункту самыя задачи научнаго изслѣдованія, мы должны начать съ анализа древнихъ текстовъ, говорящихъ намъ о знаменитомъ храмѣ. Только, выработавъ себѣ опредѣленный, хотя смутный въ деталяхъ, образъ прошедшаго, мы можемъ приступить къ изученію его скудныхъ остатковъ и вопрошать ихъ о древности.

Передъ нами тексты, давно извѣстные и толковавшіеся множествомъ разъ и на разныя лады, и тексты, относительно новые и еще не разобранные (наоломничество Сильвил), но мы будемъ относиться къ тѣмъ и другимъ одинаково, оставляя въ сторонѣ сложную литературу вопроса.

Первый по времени и важнѣйшій текстъ, свидѣтельствующій о храмѣ, воздвигнутомъ Константиномъ, принадлежитъ, какъ извѣстно, исторіку церкви и панегристу императора—Евсевію (въ его «Житіи Константина», книга III, гл. 33—39). Мы не будемъ ни перебирать, ни разбирать всѣхъ критическихъ замѣчаній и догадокъ, высказанныхъ доселѣ объ этомъ текстѣ вообще и общихъ сужденій о ихъ авторѣ. Большинство этихъ критикъ строго осуждаетъ Евсевія за риторство, въ описаніи церкви явно лишнее и вредящее точности; многіе идутъ далѣе, исправляютъ и дополняютъ самый текстъ. Между тѣмъ, коротко говоря, всякій древній текстъ имѣетъ значеніе свидѣтельства, лишь подъ однимъ условіемъ: если принимаемъ этотъ текстъ, какъ онъ есть, допуская только тѣ исправленія, которыхъ требуетъ филологическая критика текста, помогающая, черезъ посредство списковъ, восходить къ ея оригиналу или по крайней мѣрѣ къ первымъ его спискамъ. Именно въ этомъ отношеніи, однако, для текста Евсевія сдѣлано уже многое изданіями Вазелія и Гейнрихена (1869 г.) и если можно ожидать детальнѣхъ дополненій и даже объясненій, то нѣтъ основанія ожидать отъ исправленнаго текста бѣльшей ясности. Еще менѣе можно, принимая одну часть текста, отрицать другую, хотя бы на основаніи критическаго отзыва другихъ о степени достовѣрности Евсевія¹⁾: исторікъ описываетъ храмъ, ему отлично извѣстный, для тѣхъ, кто его или видѣлъ, или могъ видѣть, и въ то время, когда храмъ еще существовалъ; стало быть, исторікъ могъ быть, пожалуй, неяснымъ, слишкомъ краткимъ, но врядъ ли могъ быть недосто-

¹⁾ См. по этому поводу *Boissier, Gaston. La fin du paganisme, I, P. 1891, page 16—17, note. A. Лебедева. Греческіе церковные историки IV, V и VI вѣковъ. М. 1890.*

Тѣмъ *безъ исключенія*, всѣ показанія текста, попробуемъ составить умственную схему храма во всѣхъ главныхъ частяхъ *по Евсевію*, съ тѣмъ, что дополненія и разъясненія его свѣдѣній будутъ почерпнѣмы изъ послѣдующихъ, во времени, описаній и свѣдѣтельствъ о храмѣ Константины.

«Всѣхъ за словами царя», говорятъ Евсевій, шло дѣло, велель работы, и на самомъ мѣстѣ спасительнаго страданія (*μαρτύριον*) устраивался Новый Иерусалимъ».

«И вотъ, пишеть Евсевій (гл. 33), какъ бы нѣкую главу всего, онъ (царь) сначала украсилъ священную пещеру, (*τὸ ἕρπον ἀντρον*), ту божественную гробницу, подлѣ которой блистающій свѣтомъ Ангель нѣкогда благовѣствоваль общее всѣмъ паки бытіе, явленное чрезъ Спасителя. Гл. 34. Итакъ, прежде всего, эту гробницу, какъ бы главу всего, царская щедрость украсила отборными колоннами и весьма многими украшеніями, придавая ей вслеческій блескъ. Гл. 35. Потомъ она (царская щедрость) перешла на весьма *большое мѣсто* — *открытый атриумъ*¹⁾, тутъ разтланившійся, который былъ вымощенъ *мрамор-*

ροντο, πολλὸν τὸν ἕρπον περιβεβλημένοις κόσμον. Πύλαι δὲ τρεῖς πρὸς αὐτὸν ἀνίσχοντα ἤλιον εὖ διακειμέναι τὰ πλήρη τῶν εἰσὼ φερμένων ὑπεδέχοντο.

Κεφάλαιον λη'.

Ἐκφρασις ἡμισφαίριου καὶ κίωνων δύοδεκα καὶ κρατήρων.

Τούτων δ' ἀντικρὺ τὸ κεφάλαιον τοῦ παντὸς ἡμισφαίριου ἦν, ἐπ' αἵρου τοῦ βασιλείου ἐκτεταμένον, ὃ δὴ δω-κακίδεκα κίονες ἰσπετέρων, τοῖς τοῦ σωτήρος ἀποστόλοις ἰσάριθμοι, κρατήρη μεγιστοῖς ἐξ ἀργύρου πεποικμένοις τὰς κορυφὰς κοσμοῦμενοι, οὓς δὴ βασιλεὺς αὐτὸς ἀνάθημα κάλλιστον ἐποίητο τῷ αὐτοῦ θεῷ.

Κεφάλαιον λθ'.

Ἐκφρασις μεσαυλίου καὶ ἐξεδρῶν καὶ προπύλων.

Ἐνθεν δὲ προΐωντων ἐπὶ τὰς πρὸ τοῦ νεῷ καὶ ἑνὸς εἰσόδους, αἰθρίων διελέμβανεν. Ἦσαν δὲ ἐνταυθοῖ παρ' ἑκάτερα, καὶ αὐτὴ πρώτη στοὰ τ' ἐπὶ τούτῃ, καὶ ἐπὶ πᾶσιν αἰ αὐταῖσι πύλαι, μεθ' ἧς ἐπ' αὐτῆς μέσης πλατείας ἄγορὰς τὰ τοῦ παντὸς προπύλαια φιλοκάλως ἡσκημένα τοῖς τῆν ἐκτὸς πορεύειν ποιουμένοις καταπληκτικὴν παρεῖχον τῆν τῶν ἔνθεν ὁραμένην θείαν.

1) Текстъ: ἐπὶ παμμεγέθῃ χώρῳ, εἰς καθάρων αἰθρίων. Что мѣсто было «весьма большое», слѣдуетъ понимать сравнительно съ гробницею, которую оно окружало. А такъ какъ изъ текста не видно особаго богослужебнаго назначенія для этого мѣста, то его обширности, очевидно, была дѣломъ архитектора, распланировавшаго такъ, чтобы эта площадь самою обширностью риннаго вымощеннаго мѣста произвела впечатлѣніе и останавившая усиленное вниманіе на памятникѣ, уединенно посреди нея стоящемъ. Стало быть, эту площадь мы должны представлять себѣ имре башлики. Площадь мы должны обязательно называть *атриумомъ*, ибо такъ назывались подобныя *окруженные портиками* дворы во времена Евсеція; если же онъ позволяетъ себѣ латинское *atrium* замѣнить подобноупуначнымъ, то далеко не тождественнымъ прилагательнымъ. *αἰθρίων* и еще присоединить украшающій эпитетъ — *καθάρων*, то это, дѣйствительно, риторика. Атриумъ есть дворъ съ портиками или вантсами, *αἰθρίων* — всякое открытое мѣсто «подъ небомъ», но изъ самаго текста Евсеція и свѣдѣтельствъ всѣхъ паломниковъ ясно, что это былъ «атриумъ» вѣ указанномъ нами смыслѣ.

ромъ¹⁾ и обведетъ съ трехъ сторонъ длинными *галлерейми*²⁾ портикомъ».

Изъ совокупности этихъ трехъ главъ мы должны составить себѣ представление о первой и главной части храма Воскресенія, а именно о самомъ Гробѣ Господнемъ: мы узнаемъ отсюда, что Гробъ Господень не былъ оставленъ при постройкѣ храма въ томъ своемъ натуральномъ видѣ, какъ онъ былъ найденъ Еленою подъ мусоромъ, а вырѣченъ въ скалѣ со всѣхъ сторонъ, такъ что образовалъ памятникъ, отдѣльно стоящій, какъ разсказано въ другомъ мѣстѣ тѣмъ же Евсевіемъ. Этотъ натуральный видъ не удовлетворяетъ, однако, рвенію поклонниковъ, и Константинъ приказалъ его украсить отборными колоннами, всякой внѣшнею разнообразною обдѣлкою и блестящими матеріалами. Какъ бы ни были общи эти выраженія, но и въ нихъ можно искать указаній реальныхъ: гробница была облицована нестрыми мраморами, обставлена колоннами и украшена (въ каптеляхъ, на покрышкѣ, по антаблементамъ и пр.) золотомъ и серебромъ.

Какую форму имѣла эта гробница въ новомъ уборѣ, Евсевій не говоритъ, но очевидной необходимости, для его читателей, такихъ показаній, я мы имѣемъ, для сужденія объ этомъ, матеріалъ только въ памятникахъ современной Константину архитектуры. Но изъ текста не видно, что эта гробница, имѣвшая, по всей вѣроятности видъ небольшого круглага, двухъ яруснаго мавзолея, была заключена при Константінѣ, внутри особаго зданія (современной ротонды), а только то, что сама гробница стояла свободно, на среднѣй монетнаго двора, окруженнаго съ трехъ сторонъ портиками или навѣсами. Это устройство вполне соответствуетъ современнымъ Константину архитектурнымъ типамъ, которые во множествѣ разъ представлены на фрескахъ Помпей, въ живописи ваяль, и намъ пѣтъ даже особой нужды перебирать эти изображенія. Однако, изъ текста Евсевія не видно, что собственно разумѣетъ онъ подъ «главою» всего зданія: одну ли нещерную гробницу, или постройку вокругъ нея, ее покрывавшую, родъ современной ротонды, которую, во многихъ планахъ³⁾, въ томъ или другомъ типѣ (Виллиса, Зенна, Тоблера, Вогюа) принимаютъ, какъ сооруженіе такъ называемаго *Анастасиса*, существовавшаго уже при Константинѣ.

Конечно первоначальная постройка, при самомъ Константинѣ, могла ограничиться обдѣлкою и украшеніемъ самой гробницы, а потому приведенный текстъ былъ бы вполне понятенъ въ томъ смыслѣ, что Евсевій еще не

1) *Αἶθρα ὑδατῶν* — въ данномъ случаѣ, очевидно, мраморъ. въ риторической перифразѣ, что указано уже Валеріемъ, по сравнению съ *ἕσπερ Αἶθρα* стѣна — въ соседней главѣ.

2) *περιδέρματα* — такое же техническое слово въ древности, что нынѣ корридоръ или *галлерей*.

3) См. на таблицѣ XVII атласа, изд. при III-мъ томѣ Палестинскаго Сборника.

знать ротонды. Во всякомъ случаѣ мы считаемъ, что въ данномъ текстѣ Евсевія нѣтъ указанія на ротонду, хотя увидимъ, даѣе, какія трудности получатся, если принять слова Евсевія въ буквальномъ смыслѣ: слова, т. е., какъ относящихся только къ пещерѣ, не къ зданію вокругъ нея. Съ другой стороны, кто составитъ заголовки къ главамъ книги Евсевія и что могутъ значить слова заголовка къ гл. 34: "Ἐκζησις εἰσοδομῆς τοῦ Παναγίου μνήματος". Очевидно, слово *εἰσοδομῆς* — постройка пельзя отнести къ украшенію или обдѣлкѣ, хотя бы мраморамъ и колоппамъ, самой пещеры? Возможно поэтому, что Евсевій, начавъ говорить о храмѣ, остановился прежде всего на пещерѣ, *какъ на святыню*, обще (подъ словомъ *μνήμα*, которое всегда обозначало цѣлое гробничное зданіе, но одну гробницу) упомянуть о «главѣ» храма, окруженной портиками съ трехъ сторонъ, и только, описавъ храмъ, т. е. базилику, вернулся вновь къ гемисферію — зданію, погрывавшему гробницу и бывшему, въ тоже время *главою храма*, какъ увидимъ ниже. Должно прибавить, что *главою* всего храма, колосальнаго и, главное, чрезвычайно широкаго, пельзя было бы называть одну пещеру, по ея малому размѣру, и инопѣ: естественно назвать круглое сооруженіе надъ пещерою, т. е. ротонду — гемисферіей. Въ концѣ концовъ текстъ Евсевія не даетъ точныхъ указаній въ этомъ основномъ пунктѣ.

Иной вопросъ объ атриумѣ: въ текстѣ Евсевія указано точно, гдѣ онъ при немъ быть, а именно (см. ниже) знаемъ, что онъ былъ между «гробницейю», и базиликою, стало быть, окружалъ «гробницу». Слово *διέβηκε* — щедрость *переходила*, спускалась, черезъ высокій предметъ на ровную площадь — только намекаетъ, что гробница стояла посреди атриума.

Возможно, что ил строптели, ил архіен. Макарій не думалъ первое время о потребностяхъ богослуженія при Св. Гробѣ, и что ротонда выстроена была уже въ первое пятидесятилѣтіе послѣ Константина, почему и считалась ноедѣствиемъ, согласно исконнымъ привычкамъ грековъ, постройкою царя Константина. Изъ словъ Св. Кирілла (см. тамъ же, приложение, стр. 91) также можно заключить, что онъ знаетъ одно храмовое зданіе — базилику, ее называетъ одновременно «мартіріемъ» и мѣстомъ Воскресенія, и самое «свидѣтельство» относить къ Воскресенію, не къ Голгооѣ. Наиболее вѣское свидѣтельство Бордоскаго путника гласитъ такъ: . . . *monticulus Golgotha, ubi Dominus crucifixus est. Inde quasi ad lapidum missum est crypta ubi corpus ejus positum fuit et tertio die surrexit. Ibidem modo jussu Constantini imperatoris basilica facta, id est dominicum mirae pulchritudinis, habens ad latus exceptoria, nude aqua levatur, et balneum a tergo, ubi infantes lavantur.* Итакъ, Бордоскій путникъ (ок. 334 г.) знаетъ только холмъ Голгооы, пещерную гробницу Господа и зданіе базилики, по это зданіе онъ помѣщаетъ (въ общихъ выраженіяхъ *ibidem*) какъ то надъ пещерою (*crypta*).

Равно и Св. Кирилл не отделяет «базилику» от Гроба Господня, а если бы Гробъ Господень стоялъ въ его время только посреди своего атриума, нельзя было бы ему не выдѣлять базилики отъ Апостасиса.

Наконецъ, въ текстѣ Евсевія содержится точное указаніе формы атриума, окружающаго Св. Гробъ: онъ былъ четырехугольной формы, по 3 сторонамъ имѣлъ портки или навѣсы, открытыя внутрь двора—атриума и ограниченные стѣнами; съ четвертой, какъ увидимъ, западной стороны была базилика. Такимъ образомъ, если слѣдовать тексту Евсевія, нельзя рисовать себѣ атриумъ только между Св. Гробомъ и базиликою, какъ дѣлаютъ тѣ, которые хотятъ считать этотъ атриумъ преддверіемъ самой базилики, помѣщая въ входы (противъ текста Евсевія) не на восточномъ концѣ, но на западномъ. Равно нельзя представлять себѣ, какъ дѣлаютъ, двѣ стороны портиковъ атриума по бокамъ ротонды, а третью сторону съ портикомъ же помѣщать между гробомъ и базиликою: ибо какъ сейчасъ увидимъ, Евсевій точно говоритъ, что атриумъ имѣлъ портки по тремъ сторонамъ, а по четвертой, гдѣ примыкала базилика, портки не было. Изъ этой небрежности къ тексту проистекаютъ большія послѣдствія.

Гл. 36. «*Ибо къ противоположной сторонѣ нелицы (къ сторонѣ) обращенной на восходъ солнца, примыкала трамъ (νεώς)*», созданіе замѣчательное, воздвигнутое на непзмѣримую высоту, въ длину и ширину также достигнующее величайшихъ размѣровъ. Внутренность этого зданія была покрыта облицовкою¹⁾ изъ нестраго²⁾ мрамора, а внѣшній видъ стѣны, блестящаго тесаннаго³⁾ камня, точно приложеннымъ каждый къ краю другого, представлялъ нѣчто сверхъестественное по красотѣ, ничѣмъ не уступающаго мрамору. Вверху при самой кровлѣ внѣшняя часть зданія покрывалъ матеріалъ изъ свѣпца, надежная защита отъ зимнихъ дождей, а внутренняя сторона кровли (потолокъ), составленная изъ рѣзныхъ *кессоновъ*⁴⁾ и, на подобіе нѣкоего обширнаго моря, расширяющаяся надъ всѣмъ *среднимъ нефомъ* непрерывными ихъ, другъ съ другомъ, сплетеніями, всюду покрытая золотомъ, озарила весь храмъ блескомъ, подобнымъ лучамъ свѣта. Гл. 37. По обѣимъ сторонамъ во всю длину храма тинулись двойныя колоннады⁵⁾ верх-

1) *θεικλίμπτον πλάκωσις* — соответствуетъ нашему техническому «прикрыла облицовка».

2) *ὄλιγος μαρμαίρων ποιήλιος* — не разноцвѣтный только мраморъ, но именно нестрый.

3) *ἕστειψ λίθω* — тесаный камень, мѣстный камень не доуекастъ, кажется, полировка.

4) *εξαρωμάτιον, λικωνήριον* — техническія выраженія для углубленныхъ кессоновъ.

5) *παρασπίδες* — колоннада, стоящая у стѣны, просто — пенка колоннада. Средній нефъ базилики имѣлъ два пояса колоннады, причѣмъ верхній нефъ, приходившійся «на хорахъ», имѣлъ назначеніе пропускать освѣщеніе изъ боковыхъ оконъ нефа.

нихъ и нижнихъ парныхъ порталовъ, которыхъ потолки¹⁾ были также украшены золотомъ. Тѣ изъ колоннадъ, которыя были на лицо въ *среднемъ нефѣ* базилика²⁾, опирались на громадныя колошны, а внутренній ближайшаго ряда состояли изъ четырехугольных столбовъ³⁾, которые были также обильно покрыты украшениями. Трое воротъ, красиво расположенныхъ на Востокъ, припмали толпы входящихъ во храмъ (внутри)».

Начало 36 главы смущало многихъ читателей Евсевія, приступавшихъ къ его тексту съ готовымъ планомъ или предвзятымъ предвѣріемъ къ ипсателю ихъ смущало, что храмъ Воскресенія имѣлъ два атріума. На это замѣтиямъ кратко, что богослужебныя, или просто мѣстныя и весьма разнообразныя причины зачастую заставляли дѣлать при древнихъ храмахъ два, даже три атріума, если обозрѣти планы сохранившихся историческихъ церквей, и не руководиться только планами двухъ, трехъ декоративныхъ базиликъ Рима; еще болѣе случается, конечно, представлять древнія описанія храмовъ, подобныхъ *Св. Софїи, Св. Анастасїи, Апостоловъ въ Константинополь* и пр.

Затѣмъ, данный текстъ Евсевія указываетъ не столько точно, сколько *безусловно*, въ общемъ смыслѣ, положеніе базилики: она находилась между атріумомъ Св. Гроба, примыкая (къ его части или къ Гробу) западную сторону, и своимъ собственнымъ атріумомъ, находившимся на восточной сторонѣ базилики (см. текстъ ниже). Поэтому, какъ бы мы себѣ ни представляли храмъ Константина, но если мы припмаемъ въ основаніи текстъ Евсевія (а это дѣлаетъ почти всѣ исследователи) мы обязаны *сидовать за Евсевіемъ*, за его описаніемъ, и если онъ началъ съ конца, то и считать концомъ, и не переворачивать конца на мѣсто начала. Итакъ, Евсевій, сказавши, что Св. Гробъ былъ въ центрѣ площади, окруженной по 3 сторонамъ, а что съ 4 стороны была базилика, и эта сторона была западная, а входъ въ базилику былъ на восточной ея сторонѣ, этимъ безповоротну устанавливаетъ (для всякаго, припмающаго текстъ), что *базилика простиралась отъ западной стороны атріума (или Гроба) до своего начала на восточной сторонѣ*. Значитъ, выходъ въ базилику на западной сторонѣ быть не могло, и

1) Сказано: τῶς ὀροφῶς περικλυμέναι, но слово «крыши» здѣсь повторено, а употреблено, но требованіямъ риторики, сначала разомъ — о крышѣ и потолкѣ.

2) В. Г. Васильевскій переводитъ слова προσῶπον τοῦ οἴκου — «при лицевой сторонѣ базилики», и, дѣйствительно, οἶκος употреблялось Евсевіемъ ранѣе въ значеніи всего зданія. Но, какъ терминъ, это слово во времена Евсевія означало тоже, что наше слово *залъ*, и οἶκος εὐκτήριος — епископа значило: молитвенный залъ въ домѣ, а затѣмъ уже: домъ молитвы. Οἶκος, перейди къ римлянамъ въ названіи зала: оекус, осей, и у грековъ получило значеніе длиннаго зала, въ одинъ и два свѣта. Въ данномъ случаѣ разумѣется, явно, лицевая сторона средняго зала или невя базилики.

3) Примѣчаніе Валесїя, со ссылкой на Проконїя, точно указываетъ, что πεσσοί — наши четырехугольныя столбы, въ противоположность круглымъ колоннамъ.

потому, иначе говоря, нельзя толковать, что входы въ базилику были из атриума Св. Гроба: такое толкованіе Евсевія было бы невозможно, а если оно имѣть мѣсто, то лишь въ силу нашей привычки въ историческихъ текстахъ видѣть не то, что тамъ дѣйствительно содержится, но собственныя измышленія.

Текстъ Евсевія говоритъ точно, что атриумъ, окружавшій (по нашему мнѣнію) Св. Гробъ, принадлежалъ именно къ нему, не къ базиликѣ, построенной Константиномъ, т. е. хотя эта базилика и примыкала къ атриуму одною стороною (западною), но не имѣла въ ней монументальныхъ входовъ и дверей для пріема молебниковъ, а такія три двери для входа были только на восточной сторонѣ, что и выражено Евсевіемъ, въ своемъ мѣстѣ, какъ увидимъ ниже.

Евсевій, правда, не съчелъ нужнымъ объяснить намъ, какъ и къ чему именно: *къ атриуму или къ гробницѣ примыкала базилика*, сего выраженіе: *συνῆπτε* для того слишкомъ обще и значить: соединена, приложена, прикиута, не болѣе. Такъ какъ, далѣе, портки были въ атриумѣ только съ трехъ сторонъ, именно потому, что вдоль четвертой стороны была прикиута базилика, мы должны заключить, что западная сторона базилики не могла представлять глухой стѣны, иначе базилика была бы *отдѣлена* этою стѣною отъ гробницы, тогда какъ выраженіе Евсевія: *συνῆπτε* и все дальнѣйшее описаніе показываетъ, что самая внутренность неча базилики была открыта со стороны Св. Гроба. Чрезвычайно важно, что Евсевій называетъ здѣсь базилику *ἑὸς*, что значить и «храмъ» и «средній нечъ» храма.

Все послѣдующее Евсевіево описаніе базилики (въ видѣ пеключенія, по сравненію съ остальнымъ текстомъ) оказывалось, по общему приговору, точнымъ и не возбуждало никакихъ сомнѣній, кромѣ развѣ цунка о двойной колонадѣ средняго неча, которую пробовали попить въ видѣ подземнаго ряда колоннъ, толкуя риторическія выраженія Евсевія о подземныхъ (нижнихъ) и надземныхъ (верхнихъ) колоннадахъ. Принять устройство подземной колоннады пренитствуемъ отсутствіе указаній на существованіе, прежде всего, длиннаго свободнаго пространства надъ землею¹⁾, а по словамъ Евсевія двойныя колоннады шли *во всю длину храма*. Иное дѣло—небольшая крыта, которая могла существовать издревле на мѣстѣ называемаго обрѣтенія Св. Креста, но она не можетъ разумѣться въ словахъ Евсевія.

Но такъ какъ все остальное всегда считалось яснымъ, то мы ограничимся лишь указаніемъ необходимости точно пріянять слѣдующій текстъ

1) См. напр. разрѣзы и планы, приложенныя къ *Отчету Палеол. Палест. Общества* за 1882—1883 годъ, Сиб., 1893 г., особенно планъ VI, а также планы и разрѣзы, приложенныя къ III-му тому *Православн. Палестинск. Сборника*, особенно: планъ XI, № XII—разрѣзъ по плану XI, № XV—разрѣзъ плана XIV.

Евсевія: трое входныхъ вратъ базилика находилась *на восточной ея сторонѣ*. И затѣмъ перейдемъ къ важнѣйшему пункту.

Гл. 38. «Напротивъ этихъ вратъ находился главный пунктъ плана, *полунаріе*, расположенное при оконечности средняго нефа; его увѣнчивали двѣнадцать колоннъ, равночисленныхъ апостоламъ Спасителя, но *капителямъ* украшеннымъ громадными чашами изъ серебра—прекрасное приношение Богу отъ самого царя».

Это мѣсто Евсевія—пунктъ преткновенія для толкователей! Было бы, въ данномъ случаѣ, совершенно излишнимъ (такъ какъ мы не пишемъ полнаго трактата о предметѣ, а только устанавливаемъ необходимую точку зрѣнія) приводить всѣ доселѣ состоявшіеся толкованія, а читатели Палестинскаго Сборника легко найдутъ всѣ нужныя подробности въ III его томѣ, а потому мы перейдемъ къ собственнымъ объясненіямъ.

Прежде всего, мы считаемъ правыми, до извѣстной степени, и тѣхъ, которые подъ словомъ полунаріе разумѣли *сводъ абсиды*. Слово *ἡμισφαίριον*—полунаріе (не полукружіе), на самомъ дѣлѣ, соответствуетъ въ архитектурѣ *кунолу*, но, вѣроятно, благодаря тому, что куноль мало былъ извѣстенъ на западѣ, тамъ въ средніе вѣка употреблялось въ смыслѣ абсиды. (Лексикологъ¹⁾ удостовѣряютъ, что этотъ терминъ прилагался, какъ epithetum organum, къ своду абсиды, вѣроятно, увеличенному карбовымъ сводомъ, протянутымъ надъ пресвитеріемъ или центромъ. Однако, понимать текстъ Евсевія въ значеніи кунола не значить предлагать полное соединеніе базиличной формы съ кунолемъ: эта архитектурная задача была впервые разрѣшена и ея форма *открыта* построениемъ Св. Софій при Юстиніанѣ, и ничего подобнаго ей не было извѣстно при Константинѣ. Понятыемся точно и прямо понять текстъ Евсевія.

Во-первыхъ, онъ говоритъ, что гемисферій былъ расположенъ «при оконечности» средняго нефа²⁾, стало быть, зданіе оставалось тою же базиликою, т. е. зданіемъ продолговатымъ и четырехугольнымъ, а не мѣнялось на пилю форму, изъ которой самый центръ зданія покрывается кунолемъ, расширяется: нельзя среднюю зданія называть главою ея. При этомъ, гемисферій имѣеть въ текстѣ Евсевія особое мѣсто, какъ и слѣдуетъ для особаго зданія, и какъ было бы неугодно для абсиды, хотя бы обширнѣй.

Во-вторыхъ, Евсевій точно выражается, что эта часть была «напротивъ входныхъ вратъ». Врата были на восточной сторонѣ, стало быть, гемис-

1) См. Du Cange, Glossarium m. latin. v. Absida: arcus, fornix, Absida est hemisphaerium. Emissperium Absida etc.

2) ἐπὶ ἀκροῦ. См. примѣчанія Валесія. Ἀκρὸς — остріе, верхній острый конецъ, верхъ, верхній городъ (Акрополи), въ данномъ случаѣ замѣняетъ другое выраженіе Евсевія τὸ κεντρικόν.

сферий былъ на *западной* сторонѣ базилики. Это обстоятельство принято Виллсомъ, Вогюэ и Женномъ для ихъ плановъ, такъ какъ оно неизбежно вытекаетъ изъ текста Евсевія, и все, кроме Виллса¹⁾, относитъ «шолунарие» къ ротондѣ Анастасея или церкви надъ Св. Гробомъ. Итакъ, только Виллесъ построитъ обычную абсиду, прочіе находятъ нужнымъ два зданія.

Обратимся опять къ Евсевію: гемпсферій, говоритъ онъ, окружали, въѣчал²⁾ 12 колоннъ, а на ихъ капителяхъ были серебряныя чаши. Евсевій могъ, по всей справедливости и воплѣтъ точно выразиться, что круглое зданіе, покрывавшее Св. Гробъ, было увѣчано 12 колоннами. Римская форма купольнаго зданія (главные образцы котораго, до насъ дошедшіе: Пантеонъ, баптистерій Латерана какъ разъ представляютъ намъ, въ нижнемъ ил верхнемъ полахъ, въ кругъ стоящія колонны, образующія своего рода въѣзцъ³⁾). Такія колонны не поддерживаютъ свода: въ данномъ случаѣ, серебряныя чаши, стоявшія на ихъ капителяхъ, указываютъ, что эти колонны имѣли именно декоративный характеръ, были связаны между собою по капителямъ антаблементомъ, который допускалъ сверху постановку чашъ, соответственно каждой колоннѣ. Число колоннъ въ Пантеонѣ именно двѣнадцать, и въ гемпсферіи это число образовалось по расчетамъ архитектора, а символическое толкованіе числомъ Апостоловъ придумано впоследствии.

Гл. 39. «Отсюда, если идти впередъ къ лежащимъ передъ храмомъ входамъ, (выходящаго) принимать атриумъ. По ту и по другую сторону здѣсь были (жзедры)⁴⁾ и первый дворъ и портики при ономъ и при всѣхъ ихъ ведунія во дворъ ворота, носѣтъ конхъ, при самой среднѣй рыночной⁵⁾ площади, пропшелъ всего зданія, пзанию украшенныя, открывали для мпмо пущихъ поразительное зрѣлище во внутренности».

1) По изображеніямъ Касргона Ганно (*Rec. d'arch. orient.*, III, 1900, pag. 88—90), *ἡμισφαιρικῆς* Евсевія, названный имъ «загадочнымъ» (совершенно напрасно и раніе времени) и отождествляемый (на этотъ разъ правильно) съ *absida* наложникомъ, не былъ будто бы и не могъ быть (ѣ) обыкновенною абсидою византійскихъ базиликъ; равно, это не могъ быть купольн. ротонда или Анастасея. И потому для этого французскаго ученаго, *absida* Константинопольской базилики стала киворіемъ алтари, въ видѣ металлическаго купола, опиравшагося на 12 колоннъ съ серебряными капителями.

2) *ἑταρῶσιν*. Примѣчаніе Вазелія грѣшитъ какъ разъ противъ этого слова: *sciat 12 columnae, semicirculari forma depositae*.

3) См. ниже текстъ *ἑρμῶσιν*, который подробно описываетъ расположеніе колоннъ по окружности алтари.

4) Слова «жзедры» въ изданномъ текстѣ нѣтъ, но оно содержится въ (опущенномъ нами) заглавіи и, по словамъ В. Г. Васильевскаго, изъ московской рукописи Евсевія. Обстоятельство очень важное, такъ какъ слова: «по ту и другую сторону» иначе были лишены всякаго смысла.

5) Въ текстѣ сказано: «перваго» двора; придетъ-ли, однако, здѣсь было два двора, и это выраженіе должно, скорѣе всего, противуположать этотъ дворъ атриуму Св. Гроба.

Очевидно, что *экседры* или углубленія, полукруглыя и четырёхугольныя, находились по лѣвой и правой сторонѣ отъ лицевой стѣны¹⁾ базилика (имѣвшей трое вратъ и слѣдовательно не доускавшей экседры), а по тремъ сторонамъ двора были портки или колонады, и уже за этимъ дворомъ стояли пропсея, обѣ устройства которыхъ скажемъ особо. Далѣе, мы убѣждаемся, что весь текстъ оказывается яснымъ и точнымъ, и болѣе того — представляется хорошимъ описаніемъ художественнаго зданія, чего далеко нельзя сказать вообще о греческихъ описаніяхъ, и что заключительныя слова автора свидѣтельствуютъ о его художественномъ вкусѣ и пониманіи того, что красота зданія въ пропорціяхъ, перспективѣ внутреннихъ видовъ, освѣщеніи и т. д. И еще, что весь архитектурный планъ храма представляетъ, дѣйствительно, грандіозную и разнообразную композицію,iproкаго стѣла, только быть можетъ, слишкомъ помѣшино, небрежно, декоративно исполненную, какъ почти всѣ Константиновскія постройки (кроме храма Апостоловъ и др.), порученныя вниманію придворныхъ архитекторовъ и подрядчиковъ.

Опуская отдѣльныя свидѣтельства въ «словахъ» Иерусалимскаго патріарха Кирилла (347—348 гг.), драгоценныя для вопросовъ о святыхъ: Гробѣ Господнемъ, Дрвѣ Креста, Голгофѣ, но по своей отрывочности и общности ничего не дающія для исторіи зданій и сооружений Константина надъ Гробомъ Господнимъ, перейдемъ къ важнымъ указаніямъ паломницы (Сильвіи) 380—390 годовъ. Эти указанія важны, потому что вѣрны и реальны, какъ всякія показанія очевидца, а не соображенія компилятора и толкователя: прежде всего, эти показанія *во всемъ* подтверждаютъ свидѣтельство Евсевія, притомъ именно въ томъ простомъ и точномъ смыслѣ его текста, какъ мы выше передали, а затѣмъ, эти показанія сообщаютъ намъ всѣ тѣ перемѣны и дополненія въ сооруженіи Константина, которыя за 50 лѣтъ произошли. Благодаря тексту паломничества, мы можемъ не только прослѣдить и констатировать эти перемѣны шагъ за шагомъ, но — что гораздо важнѣе всѣхъ фактовъ — понять ихъ, объяснить себѣ причины и мотивы ихъ появленія.

Начнемъ, естественно, съ самаго Гроба Господня, этой главы всего святаго, по словамъ Евсевія. Согласно греческому обычаю и языку, Гробъ Господень и все мѣсто, его окружающее, носятъ отнынѣ и неизмѣнно имя «Анастасіа»—Воскресеніе. Изъ всѣхъ текстовъ Сильвіи ясно, что именно

1) Экседры могли находиться или *позади портиковъ*, въ видѣ выкругленныхъ углубленій въ стѣнахъ, или же въ видѣ *боковыхъ низъ вышлаго нартекса* по лѣвую и правую сторону отъ входовъ, и послѣ этого нартекса уже были дворъ, обставленный портками. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ объясняются и свидѣтельства о нѣкоторой особой роли экседры, хранившихъ святыни Св. Гроба.

Анастасиса обозначается определенное и выделенное на обширном атриумѣ мѣсто, известное, сооруженіе. А именно, когда паломница говоритъ, что обычная служба происходитъ «передъ Анастасисомъ», «у Анастасиса», «въ Анастасисѣ» (ante A., ab A.), то, очевидно, что эти слова имѣютъ смыслъ тотъ же, что «передъ Св. Гробомъ», и стало быть, во время паломницы Анастасисъ означаетъ и Св. Гробъ и все окружающее мѣсто, то есть сооруженіе надъ Гробомъ Господнимъ со всею окружающимъ мѣстомъ въ совокупности. Вотъ почему этимъ именемъ не обозначается уже самая только нецера, о которой, какъ увидимъ, паломница всегда говоритъ особо, когда напр. енискомъ, при служеніи, входитъ «внутрь нецеры»). Далѣе, видно, что Анастасисъ быть отгороженъ, отдѣленъ, такъ какъ паломница точно указываетъ, когда молебники собираются заранѣе еще ночью къ службѣ «въ Анастасисѣ», то мѣсто имъ отводится не въ самой церкви («базилькѣ», какъ она выражается по своему времени), а вѣдъ ея, гдѣ для этой цѣли повѣшены и горитъ «лампады», т. е. въ томъ зданіи, окружавшемъ Анастасисъ, о которомъ говоритъ Евсевій.

Все это необходимо заключаемъ изъ всего контекста: «собираются къ службѣ въ Анастасисѣ», не внутри церкви, а вѣдъ ея, однако возлѣ базилика, и когда придетъ духовенство, то отворить двери Анастасиса и *оси* войти». Стало быть, это было обширное зданіе, а далѣе, мы узнаемъ, что это зданіе имѣло двери, даже нѣсколько дверей: спрашивается, въ какой преградѣ онѣ были, если бы не было особаго зданія? Это обстоятельство разъясняется двумя мѣстами: енискомъ, при служеніи у Гроба, входитъ за внутреннюю преграду (*caucellos*) латинское слово *caucelli* можетъ означать вообще всякую невысокую преграду, и металлическую и мраморную, и рѣшетчатую, и глухую). Эта преграда была передъ самымъ Св. Гробомъ и, по смыслу всѣхъ рассказовъ паломницы, отдѣляла небольшое мѣсто, вѣроятно, вмѣстѣ съ Св. престоломъ и солею, впереди нецеры, т. е. ту часть, которая въ базиликахъ называлась *пресвитеріумъ*. За этой внутреннею преградю стоялъ уже народъ, а иногда, о чемъ говорится особо, и хоры пѣвцовъ, по сторонамъ Св. Гроба. Все это мѣсто было окружено особою вѣдшею преградю, о которой паломница говоритъ въ гл. 37: весь народъ собирается «въ открытомъ мѣстѣ» между Гробомъ и Анастасисомъ, въ такомъ числѣ, «что нѣтъ возможности открыть рѣшетку» (*caucellos*)¹⁾. Открытое мѣсто— тотъ же атриумъ—противопологается здѣсь Анастасису, и мы должны понимать, что народъ изъ «открытаго мѣста» входитъ затѣмъ подъ кровлю,

1) Но, поименному, и мѣсто Голгофы было около этого времени окружено рѣшеткою, и было бы важно, если бы литургисты различили, согласно вѣнованіямъ, у какого именно пункта идти свицциныя службы, передаваемая Сильвію.

внутри отворенной рѣшетки. Зданіе Анастасіа должно было имѣть стѣны, такъ какъ паломница говоритъ, что когда «внутри Анастасіа громко говорить, то голоса слышны далеко за его дверями». Стало быть, мы должны представлять себѣ Анастасію именно въ томъ родѣ декоративныхъ сооруженийъ изъ колоннадъ, окружающихъ внутренній ваятникъ (или также купель), какъ напр. въ базиликахъ Іоанна Латеранскаго, проходящемъ изъ временъ Константина, у Св. Стефана Круглаго въ Римѣ (которую мы считаемъ копию древней ротонды Св. Гроба, хотя уже позднѣйшаго сооруженія) и т. д. Колоннада была двойная, и между колоннъ шли мраморныя перегородки, съ рѣшетчатыми дверями, которыя и упоминаются паломницею подъ именемъ *omnia hostia*. Надъ колоннадою, какъ бы надъ портикомъ, была крыша, но само внутреннее сооруженіе надъ Св. Гробомъ оставалось «подъ открытымъ небомъ» и было видно отовсюду, изъ атриума.

Когда бывали праздники, то всѣ промежутки колоннадъ и всѣ порталы атриума украшались шелковыми завѣсами, съ золотыми клявами (коймами), о которыхъ также говоритъ паломница, и многочисленными лампадами.

Вблизи отъ этой древней ротонды Анастасіа находилось сооруженіе, не упоминаемое Евсевіемъ, и по нашему мнѣнію, при немъ еще не существовавшее, каменное паломницкѣ подъ именемъ *Св. Креста* (Сѣх). Хотя оно подъ разными именами упоминается у всѣхъ почти паломниковъ, однако, безъ ея показаній, оставалось бы если не невѣстнымъ, то малоизвѣстнымъ.

«Св. Крестъ» находится между Анастасіею и базиликою Константина, «подъ открытымъ небомъ», среди обширнаго и красиваго двора (гл. 37), не покрытаго, по которому проходитъ народъ, будетъ ли тогда дождь или ясно, «ко Кресту», когда «у Креста» правится служба, обыкновенно вечерня (по гл. 35, литургія совершается у Креста только одинъ разъ въ году) или читаются молитвы, поются церковныя гимны духовенствомъ или всѣмъ народомъ. Иногда, отслуживъ у Креста, духовенство идетъ «за Крестъ» и поетъ одну пѣснь. Тамъ же «за Крестомъ» ставятъ въ Великую Пятницу епископскую каедру¹⁾ и приносятъ туда серебряный позлащенный ковчегъ, въ которомъ находится Святое Древо Креста; оно кладется (въ своей рабѣ) на столъ и придерживается обѣими руками епископомъ, когда вѣрные лобызаютъ Животворящее Древо.

Однако мѣсто «Св. Креста» получило названіе не потому, что туда приносились оставшіяся въ Иерусалимѣ части Св. Древа, но потому, что на этомъ мѣстѣ, на небольшомъ естественномъ возвышеніи находилось декоративное подобіе Св. Креста. Мы только позднѣе узнаемъ, что это были

1) Завѣсь именно держалъ свои рѣчи Св. Кириллъ Иерусалимскій въ 348 г., такъ сказать, передъ лицомъ Св. Голговы, реальное свидѣтельство которой онъ нерѣдко призываетъ.

большой Крестъ, обитый серебромъ, позолоченный и украшенный драгоценными камнями. Словомъ, прежде всего, это было точно обозначенное мѣсто, потому что, вѣдь, говорилось: служили у Креста, подлѣ за Крестъ и пр. Паломница (гл. 30) опредѣляетъ мѣсто «Креста» словами: «гдѣ пострадалъ Господь», стало быть, это есть Голгооа, «Кальваріи» или «Любое мѣсто», на которомъ именно, среди Голгооы, были поставлены кресты для Господа и двухъ разбойниковъ. Въ сооруженіи Константина былъ, однако, поставленъ только одинъ Крестъ, для почитанія, и именно этотъ Крестъ въ 404 г. лобызала, какъ бы созерцая на пемь Господа, Павла, павши «плчъ предъ Крестомъ и поклоняясь ему», какъ рассказываетъ блаженный Иеронимъ.

Мы видимъ этотъ самый Крестъ, начиная съ мозаики въ церкви Пуденціаны въ Римѣ, на мпиаіорахъ, дигтихахъ, окладахъ и пр., вездѣ, гдѣ только Крестъ долженъ быть представленъ не въ его «историческомъ» видѣ, но въ условно-принятомъ типѣ торжественнаго, драгоценнаго символа. Согласно натуралистическому характеру византійскаго искусства, и его такъ называемымъ «сакральнымъ» традиционнымъ формамъ, которыя зависятъ именно отъ того, что онѣ передаютъ *опредѣленную святиню*, въ данномъ случаѣ повсюду мы видимъ общее-типическое повтореніе этого намятника.

Вислѣдствіи, надъ этимъ Крестомъ мы знаемъ пишу, съ золотомъ (быть можетъ мозаическою) коихою (sub coelo aereo), но вестакъ самый Крестъ (до временъ Модеста) находится надъ открытымъ небомъ, и когда современные пзлѣдователи говорятъ о «церкви надъ Кальваріемъ», смѣшываютъ сооруженія VII вѣка съ древними.

Возвышеніе, на которомъ стоялъ Крестъ, было именно Любымъ мѣстомъ—Кальваріемъ, которое составляетъ предѣльный пунктъ всего холма, возвышенной площади, называемой Голгоою. Именемъ Голгооы, въ отличіе отъ Анастасея стали, вислѣдствіи называть самую базилику Константина.

Когда паломница ижеаетъ точнѣе опредѣлить мѣсто базилики Константина, или такъ называемаго «Мартиріона», «большой церкви, въ которой служба правится по большимъ праздникамъ и въ Воскресные дни», то она говоритъ, что эта базилика находится *на Голови*, разумѣя надъ Голгоою не ея часть—Любое мѣсто, «Крестъ», но всю площадь. Церковь эта расположена «за Крестомъ», считая отъ Анастасея, стало быть, Крестъ составляетъ край или находится на краю этой базилики. А такъ какъ мы знаемъ, что базилика оканчивалась гемисферіемъ Анастасея, а также, что молебники ходили или базилики въ Анастасея и обратно, то неизбѣжно предположить, что проходъ и мѣсто Креста были сбоку, въ одной сторонѣ.

И современная часовня Голговы, или Любное мѣсто (условно называемая именемъ цѣлой Голговы) находится на юго-западъ отъ Св. Гроба, т. е. въ сторону отъ древней базилики, и, стало быть, показаніе Сильвія въ первыхъ совершенно отбрасываетъ всѣмъ позднѣйшимъ свидѣтельствамъ, и во-вторыхъ подтверждаетъ дѣйствительность почитаемыхъ съ ея времени мѣстъ. Для времени Евсевія Голгова являлась только мѣстомъ Распятія Господня, болѣе или менѣе безформеннымъ возвышеніемъ въ сторонѣ отъ храма и Св. Гроба. Возможно, что углублявшая, при планировкѣ мѣста надъ базилику, натуральная скала была украсена сначала Крестомъ, только эмблемою, и стала впоследствии въ устахъ вожаковъ и паломниковъ специально представлять Голгову¹⁾. Напротивъ того, въ службахъ Страстной недѣли Св. Крестъ и Анастасія играютъ важную роль, по своему значенію въ богослуженіи и обрядѣхъ Иерусалимской церкви, а потому паломницею тогда мимоходомъ упоминается большая базилика Константина, въ которой служеніе производилось по праздникамъ и было чуждо мѣстныхъ обрядовыхъ сторонъ, наиболѣе дорогихъ для разсказа паломницы и ея читателей.

Точное подтвержденіе всего матеріала, сообщаемого паломницею, дается свидѣтельствомъ очевидца Евхерія, посѣтившаго святаго мѣста около 440 года. Упоминая на первомъ мѣстѣ большую и великолѣпную базилику, называемую *martyrion*, Константина (на первомъ мѣстѣ, потому что входъ къ святимъ мѣстамъ былъ черезъ нее), Евхерій продолжаетъ: «отсюда идя» («*Dehinc cohaerentia ab occasu videntur Golgotha atque Anastasis*»), видны прилегающія съ западной стороны къ базиликѣ Голговы и Анастасіи. Анастасія находится на мѣстѣ Воскресенія, а Голгова есть въ среднѣхъ, между Анастасіею и мартыриумомъ, находящеся мѣсто Господнихъ (*locus est Dominicæ passionis*) страданій, на память же «*водна и самая скала*» (*in quo etiam rupes appareret*), на которой стоялъ некогда самый Крестъ (Господенъ) *quæ quondam ipsam Crucem pertulit*). Обобщая словами: «мѣсто Страданій» паломникъ какъ будто хочетъ выразить, что особаго значенія надъ этою частью

1) Mommet, *Golgotha und das hl. Grab zu Jerusalem*, 1900, напрасно пытается найти среди общихъ свидѣтельствъ IV—V вѣковъ о Голгофѣ какое-либо специальное показаніе. Такъ (стр. 11), по его мнѣнію, Евсевій точно указываетъ, что Константинъ придавъ и Голгофѣ образъ памятника (μνημα) и украсилъ его крестомъ: это свидѣтельство Евсевія находится будто бы въ его *Похвальномъ Слово Константину* (*de laudibus*, IX), но этотъ текстъ цѣлкомъ и исключительно относится къ Св. Гробу, не къ Голгофѣ, а именно, Евсевій пишетъ: «*впередѣ города, надъ самымъ памятникомъ спасенія (σωτήριον μαρτύριον — Св. Гробъ) оупъ устроилъ великій мавритенный домъ и храмъ, посвященный знаку спасенія (σωτήριον σημείον) съ драгоценными и разнообразными уборами, и памятникъ, достойный вѣчнаго памятованія, и самые трюсы победы надъ смертию Великаго Спасителя, украшениями пренеше венчикъ похвалы. Этотъ памятникъ — μνημα μνημας χριστου γέρου и эти трюсы — αὐτὰ τὰ χιτῆ τῶν θυμῶν τρέσωνъ суть тотъ же Св. Гробъ. Свидѣтельство это, пожалуй, содержитъ указаніе на постройку надъ Св. Гробомъ, и если относится къ Голгофѣ, то лишь въ указаніи крестомъ—трюсовъ смерти, надъ Голговою и надъ Гробомъ Господнимъ.*

Голговы не было, а стало быть, сооружение Константина оставалось в томъ же видѣ в теченіи V вѣка.

Слѣдующій по порядку, но отстоящій уже на цѣлый вѣкъ, текстъ Осодосія (около 530 года), установленный Гильдемейстеромъ¹⁾ подтверждаетъ всѣ, принятые нами, подробности, но сообщаетъ и новое. «У Гроба Господня, говорятъ этотъ свидѣтель, есть мѣсто (locus Calvariae) гдѣ Авраамъ принесъ сына своего во всесоуженіе (in holocaustum), и такъ какъ (et quia mons petreus est) гора скалистая, то на этой горѣ (in ipso monte), т. е. у подошвы ея (hoc est ad pedem montis ipsius) соорудилъ Авраамъ жертвенникъ (altare), надъ жертвенникомъ возвышается гора (super altare eminet mons), на каковую гору (ad quem montem) восходитъ по ступенямъ; тамъ (ibi т. е. на верху) быть распятъ Господи. Отъ Гроба Господня до мѣста Кальваріи наговъ числомъ 15; (все пространство) находится подъ одною кровлею (sub uno tecto est). Отъ мѣста Кальваріи до Голговы 15 шаговъ, гдѣ обрѣтенъ Крестъ Господень.

Осодосіи, слѣдовательно, указываетъ, какъ бы съ особымъ удареніемъ, что не все въ храмѣ было подъ одною кровлею²⁾: далѣе, отсюда ясно, что въ его время все пространство соединилось портиками, и ихъ покрытіемъ пользовались для перехода молебщиковъ изъ Анастасіа въ мѣсто Кальваріи, изъ ротонды въ базилику.

Никто изъ древнѣйшихъ паломниковъ не обмолвился, однако, ни словомъ на счетъ постановки Креста — какъ декоративной и исторической эмблемы — на вершинѣ лобнаго мѣста, и только изъ хроники Осевана подл. 420 и 427 гг. узнаемъ, что извѣстная императрица Евдокія, жена Осодосія Младшаго, красивая дочь аоніскаго философа, въ бытность свою въ Иерусалимѣ, пожертвовала золотой крестъ съ камнями для *ораторія на Лобномъ мѣстѣ*. Очевидно, что богатый даръ назначался уже взаимѣ другого, болѣе простаго Креста, который, благодаря своему мѣсту, получилъ особое значеніе.

Далѣе, это положеніе Креста, поставленнаго въ извѣстномъ мѣстѣ скалы, по видимому, на оконечности Голговы, подымавшейся утесомъ послѣ измѣненной площади, окружавшей Св. Гробъ, узаконило въ глазахъ грековъ, мало стѣсняющихся вопросами исторической точности въ почитаніи святыхъ, преданіе, что Крестъ, на которомъ былъ распятъ Господи, былъ водруженъ именно здѣсь³⁾. Мало того, извѣстный стихъ псалма Давида (LXXIII, v. 13):

1) Изданъ въ 28-мъ выпускѣ *Правосл. Палестинск. Сборника*, съ пер. и комм. проф. И. В. Пумлянского, стр. 15—16, 61—62.

2) Въ *Compendio. de casis D.* (р. 305) общее сказано, что Св. Гробъ, Кальваріи и Св. Константинъ находятся подъ одною кровлею, но это свидѣтельство относится къ 808 году.

3) Уже въ эпоху забвенія преданій и послѣ персидскаго разгрома, поставили на Лобномъ мѣстѣ три креста, о чемъ упоминаетъ Виллибальдъ въ гл. 16 (ок. 726 г.), однако эти

ὁ δὲ βασιλεὺς ἡμῶν προ αἰῶνος εἰργάσατο σωτηρίαν ἐν μέσῳ τῆς γῆς распростра-
нить завѣтную Иерусалимскую традицію и дозволить благочестивыя меч-
тания о средѣ земли въ томъ именно ея мѣстѣ, гдѣ пострадалъ Господь¹⁾, и
такимъ образомъ, именно горка Лобнаго мѣста стала пупомъ земнымъ на-
равнѣ и наряду съ особымъ «омфаломъ», обозначившимся для круглою или-
тою посреди базилики (откуда ведутъ свое начало всѣ омфалоны средне-
вѣковыхъ церквей и соборовъ, для столбикомъ, какъ пылъ столпцй посреди
греческой церкви Воскресенія.

Мы уже упоминали, что древнѣйшее и самое характерное представ-
леніе Креста, поставленнаго на Голгооѣ, дано въ пѣвѣстной мозаикѣ ц. Св.
Пуденціаны²⁾. Представлена обширная экседра, въ срединѣ которой возвы-
шается скала Голгооа, а на ней драгоценный и монументальный Крестъ.
Передъ горкою на особо поставленной каедрѣ сидитъ Христосъ съ раскры-
тымъ Евангеліемъ; ниже Учителя, справа и слѣва двѣнадцать Апостоловъ
сидятъ въ рядъ, обратившись къ нему и пугя въ главѣ Петра и Павла;
двѣ женскія фигуры, матрональнаго типа, представляющія собою олицетво-
реніе ecclesia ex circumcissione и ecclesia ex gentibus, вѣчаютъ обояхъ Апо-
столовъ. Это есть образъ «Новаго Иерусалима», который, по словамъ Евсе-
вія, открылся въ храмѣ Св. Гроба, въ противоположность ветхому Иеруса-
лиму съ его храмомъ, для Иерусалима Небеснаго, помѣщеннаго въ средо-
точіи земли. И Христосъ занимаетъ здѣсь мѣсто епископа, садившагося въ
Великую Питилицу передъ Крестомъ, когда пропеходитъ чтенія о Страстяхъ
Христовыхъ пѣз Псалмовъ, Апостола, Дѣяній, Евангелій, для того, чтобы по-
учать народъ «тому, что не предречено ничего, что бы не исполнилось всецѣло».
Мозаика Пуденціаны пріобрѣтается, такимъ образомъ, значеніе композиціи,
многихъ современной въ концѣ IV вѣка, когда наломническое движеніе осмы-
слпло религіозную живонисъ едппеніемъ Запада и Востока. Мы не знаемъ
текста, который былъ написанъ иѣкогда на раскрытомъ Евангеліи, такъ
какъ именно вся нижняя часть мозаики была затѣмъ передѣлана, но, ко-
нечно, это не была тенершия надпись, въ которой Христосъ названъ
консерваторомъ церкви Св. Пуденціаны.

кресты стоятъ по прежнему снаружи церкви у стѣны: in orientali plaga ecclesiae, secus pa-
rietem, ad memoriam и пр. И опять: illa (sic) non sunt nunc iatus in ecclesia (замѣчено какъ
дѣло мало обычное) sed foris stant extra ecclesiam.

2) Наиболѣе ясное и подробное указаніе содержится въ Словѣ «на праздниці Св. Креста»
патріарха Савронія, произнесенномъ передъ этимъ Крестомъ. (Migne, Patrol. gr. t. 87,
pag. 3313): проповѣдникъ, соединяя шонятія различныхъ «срединъ» говорить о «Крестѣ по-
среди земли—ἐν μέσῳ τῆς γῆς προσπαύειν εἰς σωτηρίαν ἡμῶν, равно, возвышая гласъ церкви,
посреди земли утвержденной для спасенія всей земли и пр.

1) См. трактатъ объ этомъ вопросѣ Д. В. Айналова, изданный въ Сообщеніяхъ Пале-
стинскаго Общества за 1894 годъ.

Важнѣйшее, однако, указаніе данной мозаики относится къ самой Голгооѣ, т. е. холму, на которомъ совершилось Распятіе, его формѣ, его мѣсту среди построекъ Константины и его украшеніямъ.

Въ мозаикѣ Пуденцианы Голгооа является низкимъ, скалистымъ холмикомъ, среди мѣста, совершенно ровнаго: рисовальщикъ или копировальщикъ что реальное или воспроизводитъ представленіе холмика (monticulus), вѣрнѣе, скалы, сохранный посреди искусственно выровненной (частію сфранзой, частію же насыпанной) площади, своего рода помоста. Пусть мозаичель, въ этомъ случаѣ, руководился даже однимъ названіемъ Голгооы — *monticulus*, все же знаменательно, что его холмъ *даетъ мѣсто одному Кресту*, и никакъ не могъ бы послужить для трехъ крестовъ. Напротивъ, того, всѣ изображенія исторической сцены Распятія, по необходимости, изображаютъ Голгооу не одною копическою скалою, но скалистою площадью, спускающеюся уступами. И такъ, становится понятнымъ, что для времени Евсевія Голгооа была всею тою площадью, нѣсколько поднимающеюся отъ низменности рынка и застроеною цѣлкомъ подъ базилику; почему для многихъ базилика была одно и тоже, что Голгооа. Но, затѣмъ, по окончаніи постройки, оказалась нѣкогорая скала, на которой поставили Крестъ и которая послѣ сначала (у Сильвіи) пмя «Креста», впоследствии же была (въ устахъ паломниковъ, т. е. ихъ проводниковъ) отождествлена съ Голгооою, хотя, быть можетъ, была такъ мала, что на ней неммыслимо было представить себѣ Распятіе съ тремя крестами.

Но, какъ видно, изъ всѣхъ нами перебранныхъ свидѣтельствъ, никакого иного, кромѣ Креста, украшенія, или тѣмъ болѣе, никакой архитектурной обдѣлки эта скала въ первое время не получила. Мы бы и не стали говорить о томъ, чего вовсе не было, если бы, однако, не была въ послѣднее время вышуща г. Моммертомъ совершенно неправдоподобная гипотеза о томъ, что скала или холмикъ Голгооы былъ обдѣланъ при Константинѣ также въ видѣ особаго *памятника* (*μνημειον*) подобно Гробу Господню. По доводамъ Моммерта, самое пмя Голгооы — Любое мѣсто — *Calvaria = Κεχαλιου τῆρας* происходитъ не отъ формы холма, и не отъ того, что этотъ холмъ служилъ мѣстомъ казни (авторъ считаетъ это положеніе Фальмерайера почему то окончательно доказаннымъ), такъ какъ такъхъ мѣсть у евреевъ будто бы не было, но происходить отъ іудейскаго преданія, что на этомъ именно мѣстѣ погребенъ былъ Адамъ. По нашему мнѣнію, самое естественное предположеніе, конечно, первое: холму дано было назаніе «череса» но сходуу голой скалистой, спускающеюся площади съ черепомъ или даже, вѣрнѣе, *лбомъ*. Но затѣмъ, когда мѣсто получило особенное значеніе, названіе лобъ пригнѣпли къ легендѣ о погребеніи Адама въ Иерусалимѣ, въ которомъ храмъ дѣлать весь городъ, для евреевъ, центромъ земли, ея нуномъ, а первый человекъ долъ

женъ былъ имѣть гробъ свой въ среднѣ землѣ. Далѣе, вся мѣстность храма Воскресенія и нынѣ, а тѣмъ болѣе въ древности, представляется возвышенностью надъ низменностями, ее окружающими долинами, напр. на востокъ со стороны Русскаго мѣста, куда вела и теперь ведетъ лѣстница. Между тѣмъ, Моммертъ почему то вовсе не признаетъ (основываясь единственно на ригористическомъ мѣстѣ Св. Елисаія, отрицающаго сходство мѣста съ черепомъ или головою) на мѣстѣ храма возвышенности, и призываетъ въ свидѣльствіе мнѣніе Тоблера, который, однако, оспаривается утвержденіемъ, что *Golgotha* *вообще не была горой* (es kein Berg war)¹⁾. Правда, первое сообщеніе легенды о погребеніи Адама принадлежитъ уже Тертуліану и Оригену, но эта легенда, очевидно, долгое время осталась въ предѣлахъ устнаго преданія и литературы и не могла вызвать на мѣстѣ страданія Господа сооруженія, посвященнаго Адаму. Мы уже указывали, что гипотеза Моммерта²⁾ основывается на неправильно понятомъ мѣстѣ Евсевія, а затѣмъ на раздумьѣ значенія легенды, которую онъ объявляетъ важнѣйшимъ фактомъ науки, такъ какъ легенду о погребеніи Адама «на Голгоѣ» онъ относитъ къ холмику Креста, тогда какъ это указаніе мѣста въ легендѣ долго сохраняло свое общее значеніе для всей храмовой площади, и доказательства этого приводятся имъ самими въ текстахъ Евхерія, Превіарія, Осодосія (стр. 34—35). Но главная ошибка Моммерта заключается въ его совершенно произвольномъ выводѣ, будто бы во времена Константина существовала уже *погребальная пещера Адамова!* Для такого вывода авторъ пользуется, прежде всего, существующею *Капеллою Адама*, затѣмъ смѣшеніемъ общаго наименованія Голговы съ частностью ея въ видѣ скалы Креста. Отсюда выходитъ (стр. 48—57), что архитекторы Константина пѣкли будто бы двойную задачу: построить храмъ и включить въ храмъ двѣ пещеры: Гроба Господня и Адамову. Для этого, говоритъ авторъ, обѣ пещеры архитекторы высклпи пѣзъ окружающей ихъ площади, въ видѣ особыхъ памятниковъ, и при этомъ пещера Адамова «кажется» потеряла «укороченіе» (стр. 49), «такъ что въ настоящее время она состоитъ только изъ абсидообразной пещи, передъ которой былъ воздвигнутъ алтарь, такой же точно, какъ современный, о которомъ упоминаютъ иакоминики». Все это замышленіе автора, построенное на томъ, что ему кажется, приписывается пѣзъ выслѣдствія за непременно доказанный фактъ, на которомъ, въ свою очередь, строятся дальнѣйшія части гипотезы. Мы, между тѣмъ, отлично

1) Но что въ предѣлахъ Голговы существовалъ Крестный холмъ, столь же несомнѣнно, и тотъ же Моммертъ (когда ему нужно) приводитъ свидѣтельство Кирилла Иерусалимскаго, называющаго Голгоу *оперистотрофосъ*, и Антонина, передающаго о ступеняхъ, по которымъ восходить на Голгоу и пр.

2) Mommert, *Golgotha*, p. 21—32.

знаемъ, именно изъ свидѣтельств паломниковъ, что алтарь этотъ былъ въ память жертвоприношенія Исаака», былъ поставленъ сначала гдѣ то на Голгофѣ, затѣмъ у подножія крестнаго холма. Но, всего вѣроятнѣе, это былъ собственно «жертвенникъ», не алтарь, и не стоялъ въ абсидѣ, а на открытомъ мѣстѣ: близъ холма. Никакого, однако, *памятника*, подобнаго погребальной пещерѣ Св. Гроба, по Евсеію великолѣпно украшенной, во времена Константина на мѣстѣ Голговы нѣгдѣ не указано и «памятникъ съ трофеями побѣды надъ смертью» упоминаемый Евсеіемъ, есть тотъ же Св. Гробъ. Поэтому, болѣе чѣмъ страшно читать въ сочиненіи Моммерта (стр. 54, 59) голословное повтореніе, какъ доказаннаго факта, фразы Евсеія въ примѣненіи къ скалѣ Голговы, и мало того, общее свидѣтельство Спльвінъ объ украшенияхъ храма Константина золотомъ, мозаикою и драгоценными мраморами (*tam ecclesiam maiorem, quam Anastasim, vel ad crucem*), въ приложеніи къ доказательствамъ того, что было монументальное сооруженіе и надъ Голговою. Авторъ сперва предплагаетъ, что и въ Константиновой Голгофѣ, какъ въ средневѣковыхъ капеллахъ, были мозаики, представлявшія жертвоприношеніе Авраама и Мельхиседека¹⁾ а затѣмъ уже подыскиваетъ доказательства «монументальнаго сооруженія» надъ Голговою. Такъ напр. мы знаемъ, что «Крестъ» или «Крестный холмъ» находился среди атриума — открытаго двора, только окруженнаго серебряною рѣшеткою, но Моммертъ слова: «подъ открытымъ небомъ» (стр. 67) толкуетъ: «подъ открытымъ сверху куполомъ или иномъ отверстіи въ крышѣ».

Столь же обильно реальными подробностями и описаніе «обзора святыхъ мѣстъ (*perambulatio*) Антоніана изъ Пьяченцы, по прозванію «Мученика». Приводимъ, по необходимости, дословно оригинальный текстъ въ интересующей насъ части:

Antoninus. 18. . . Quod monumentum de petra est excisum et potus ex ipsa petra excisus, ubi corpus D. I. Chr. positum fuit. . . Lapis unde clausum monumentum, ante os monumenti. Color vero de petra quae excisa est de petra Golgotha. Nam ipsa petra ornata ex auro et gemmis. Nam petra monumenti velut molaris est. Ornamenta infinita: in virgis ferreis pendentes brachialia, dextralia, murenulae, anuli, capitulares, cingella gyrata, baltei, coronae imperatorum ex auro et gemmis et ornamenta de imperatricibus. Ipsum monumentum sic quasi in modum metae coopertum ex argento sub soles aureos. Ante monumentum altarium est positum.

19. A monumento usque Golgotha sunt gressus 80. Ab una parte ascenditur per gradus, unde D. noster ascendit ad crucifigendum. Nam et locus

1) Что такіа мозаики были гдѣ то въ храмѣ Константина, можно судить по тому, что копіи подобныхъ, явно греко-восточнаго происхожденія мозаикъ, находится въ Равеннской церкви Св. Виталія.

ubi crux fixa fuit, paret et in ipsa petra cruor Sanguinis. In latere est altarium Abrahae, ubi ibat Isaac offerre, obtulit et Melchisedech sacrificium. Ad ipsum altarium est crepatura, ubi ponis aurem et audis flumina aquarum et factas malum. . . Siloa fontem et ibi eum suscipis. . .

20. De Golgotha usque ibi inventa est crux sunt gressus 50. In basilica Constantini cohaerente circa monumentum vel Golgotha, in atrio ipsius basilicae est cubiculum ubi lignum crucis reconditum est. . . Nam et titulum . . . in manu mea tenui . . . Procedente sancta cruce ad adorandum de cubiculo suo et veniente in atrium ubi adoratur, eadem hora stella apparet in coelo et venit super locum ubi crux residet et dum adoratur crux, stat super eam et affertur oleum ad benedicendum, ampullae modicae. Hora qua tetigerit lignum crucis oram ampullae, mox ebullescit oleum foris et si non clauditur citius, totum redundat foris. Nam et ibi est illa spongia et canna, . . . et calix onychinus quem benedixit in cena. Specillum b. Mariae . . . et zona ipsius et ligamentum, quo utebatur in capite, ibi sunt et 7 cathedrae seniorum.

То есть, въ переводѣ: «...эта гробница¹⁾ высѣчена изъ скалы, и рака²⁾ (? высѣчена изъ скалы, въ которую положено тѣло Господа І. Х. . . Камень, коимъ была закрыта гробница³⁾, (лежитъ передъ входомъ. А цвѣтъ камня, который высѣченъ, есть цвѣтъ скалы Голгофы⁴⁾. Ибо самая скала украшена золотомъ и драгоценными камнями; ибо скала гробницы какъ будто жернового камня⁵⁾. Украшеній безъ числа: висящія на желѣзныхъ прутьяхъ занявья, браслеты, разноцвѣтныя ожерелья (invenulae), кольца, головные уборы (или повязки — capitulares), нагрудникъ (cingella gyrata), пояса (перевязи), короны императоровъ изъ золота и драгоценныхъ камней и уборы императрицъ. Такимъ образомъ, самая гробница, какъ бы ибѣка пирамида, вся покрыта серебромъ, подъ золотыми солнцами (?). Передъ гробницею поставленъ престоль. 19) Отъ гробницы до Голгофы 80 шаговъ. Съ одной стороны всходитъ по ступенямъ, съ той, гдѣ Господь нашъ восшелъ на проианіе. Ибо и мѣсто, гдѣ Крестъ былъ водруженъ, видно и на самой скалѣ пятна крови. Въ сторонѣ жертвенникъ Авраама, на которомъ

1) monumentum — гробница, надгробіе, надгробный памятникъ, стало быть, исполнѣ отъчасть Константинову сооруженію, или върше, обдѣлкѣ гробницы.

2) rotas — или испорченное иеремичскими слово, или rotas = vasculum — фр. rot, быть жеть, въ значеніи мраморной чашы, раки.

3) Въ текстѣ: monimentum, но относится къ венцѣ евангельскихъ временъ.

4) По смыслу можетъ быть на двое: или рѣчь идетъ о цвѣтѣ камня (жернового), закрывшаго устье, или о цвѣтѣ скалы, изъ которой высѣчена шефера. Но изъ дальнѣйшаго какъ будто яствуетъ, что разумѣется, натуральная скала, которая была вся покрыта украшениями, не была видна и доступна народу, почему паломникъ и сообщаетъ о ея цвѣтѣ.

5) molaris, см. Du Cange, Gloss. lat.

опъ намѣревался принести въ жертву Исаака и принесть жертву Мельхиседеку. У самаго жертвенника трещина, гдѣ, приложивъ ухо, услышиши шумъ воды, а бросивъ лблоко, найдешь его въ источникѣ: Силоамскомъ... 20) Отъ Голгофы до мѣста, гдѣ обрѣтенъ Крестъ, 50 шаговъ. Въ базиликѣ Константина, примыкающей къ Св. Гробу или Голгофѣ, въ атриумѣ самой базилики есть помѣщеніе, гдѣ хранится Древо Креста... И надпись... держаль я въ рукахъ своихъ. Когда несутъ въ процессіи Св. Крестъ на поклоненіе пзъ его помѣщенія и придуть въ атриумъ, гдѣ ему поклоняются, въ тотъ часъ звѣзда является на небѣ и приходитъ на мѣсто, гдѣ находится Крестъ, и пока поклоняются Кресту, стоять надъ нимъ, и приносить елей для благословенія, въ маленькихъ ампулахъ. Въ тотъ часъ, какъ Древо Креста коснется края ампулы, впишутъ елей и брызжетъ наружу, и если не закрыть скорѣе, весь вытечетъ воугъ. И есть тамъ святая губа и трость и опшковая чаша, которую Господь благословлялъ на Вечери, зеркало Св. Маріи... и полевъ ея и повязка, которую употребляла она для головы, тамъ же и семь каедръ старцевъ».

Это свидѣтельство Антонина, важнѣйшее пзъ всѣхъ, какъ наиболее правдивое и реальное описаніе имъ видѣннаго, сдѣланное расказчикомъ простымъ и не мудрствующимъ лукаво, даетъ вполне точное понятіе о Св. Гробѣ.

Но если пдпомникъ Антонинъ сообщалъ много реальныхъ деталей о Иерусалимской святынѣ, то онъ мало говоритъ о сооруженіяхъ надъ этой святынѣю. Антонинъ упоминаетъ скаду, накоторой Христосъ былъ распятъ, и слѣды крови Христовой на ея камнѣ, и жертвенникъ Авраама и трещину въ скалѣ, идущую до Силоамскаго источника, и пр. и пр. Но важно также для насъ сообщеніе, что Св. Древо Креста въ его время хранилось въ базиликѣ Константина, въ «атриумѣ этой базилики, въ особомъ отдѣленіи (cubiculum), откуда его выноесли для возданія Св. Кресту почитанія въ атриумъ и тамъ освящали прикосновеніемъ къ Древу ампулы съ елеемъ отъ Святыхъ мѣстъ. благословеніемъ, рассылавшимся въ то время по всему христіанскому міру». Очевидно, здѣсь разумѣется атриумъ базилики Константина, примыкавшій къ пей съ восточной стороны, а не атриумъ Анастасіеа, и потому вполне понятны слова неизвѣстнаго автора *Иероіарія* (VI столѣтія)¹⁾.

1) Изд. Гильдешейстера, при Θεοδοσίῳ, стр. 33. Приводимъ текстъ:

In medio civitatis est basilica Constantini. In introitu basilicae ad sinistram partem est cubiculum, ubi posita est crux Domini. Postea intras in basilicam maguam: ab occidente est absida, ubi inventae sunt tres cruces absconditae. Est ibi desuper altare de argento et auro puro et habet columnas 9 aureas, quae sustinent illud altare. Et in ipsa absida in circuitu duodecim columnae marmoreae, omnino incredibile super ipsas columnas hydriae argenteae 12, ubi sigil-

«Въ среднѣи города (Иерусалима) базилика Константина. При входѣ въ базилику съ лѣвой стороны есть отдѣленіе, гдѣ хранится Крестъ Господень». Стало быть, это отдѣленіе (cubiculum) было устроено въ боковой (полукруглой?) экседрѣ, упоминаемой текстомъ Евсевія; теперь еще узнаемъ, что оно было въ лѣвой.

Мы не знаемъ пока, изъ какихъ источниковъ сведено показаніе Бreviарія, но, повидному, весь его текстъ грѣшитъ недостатками подобнаго свода, который раскрывается самъ собою дальше:

«Потомъ войдешь въ большую базилику: на западѣ находится абсида, гдѣ обрѣтены три скрытые креста». Повидному, рѣчь идетъ о той же лѣвой экседрѣ, гдѣ хранилось Св. Древо Креста, но возможно, что она была связана съ мѣстомъ обрѣтенія, то есть что крыта, или подземелье, гдѣ были обрѣтены кресты, находилось подъ абсидою, или же ходъ въ крыту шелъ изъ абсиды, какъ въ церкви Влолема, Св. Креста Иерусалимскаго въ Римѣ и пр.

«Есть тамъ наверху алтарь изъ серебра и чистаго золота и мѣстѣ 9 золотыхъ колоннъ, которыя поддерживаютъ этотъ алтарь».

Итакъ, здѣсь мы узнаемъ, повидному, о существованіи въ базиликѣ Константина подземелья или крыты, выше которой (или прямо надъ которой) была устроена алтарь. Крыта могла соотвѣтствовать какъ разъ нѣмѣ припаданному преданіемъ мѣсту обрѣтенія Креста, или церкви Св. Елены съ подземнымъ ея отдѣленіемъ, и притомъ такъ, что въ текстѣ Бreviарія подъ мѣстомъ, гдѣ обрѣтены кресты, можно разумѣть современную латинскую капеллу обрѣтенія Креста, а надъ алтаремъ, стоящимъ надъ мѣстомъ, нынѣшнюю церковь Св. Елены.

«А въ самой абсидѣ, продолжаетъ составитель Бreviарія, въ окружности (in circuitu) 12 мраморныхъ колоннъ, и много псевротное дѣло, — поверхъ этихъ колоннъ 12 серебряныхъ сосудовъ (hydriae), въ которыхъ заключилъ Соломонъ демоновъ». Мы легко узнаемъ и колонны гемисферія, описанныя Евсевіемъ, и сосуды, подаренные Константиномъ.

«И затѣмъ входимъ въ Голгооту. Есть тамъ большой атриумъ и тамъ холмъ Лобнаго мѣста, гдѣ распятъ былъ Господь. И въ окружности горы

lavit Salomon daemones. Et est in media basilica lancea, unde percussus fuit Dom. I. Cl. in latus suum et de ipsa lancea facta est crux et sic lucet per noctem, sicut sol per diem.

Et deinde in Golgotha intras. Est ibi atrium grande et est ibi mons Calvariae, ubi crucifixus Dominus fuit. Et in circuitu montis sunt cancelli de argento et ibi est fescia, ubi fuit resuscitatus, per quem fuit crux Christi declarata, et in ipso monte genus silicis ibi admortatur (?). Habet ostia argentea, ubi fuit crux Domini exposita et ipsa crux est de auro et gemmis ornata tota, et celum desuper aureum et de foras habet cancellum. Et a parte occidente intras in Sanctam Resurrectionem, ubi est sepulcrum Domini, ubi autem ipsum est ille lapis genus silicis. Supra ipsum est ecclesia in rotundo posita. Super ipso sepulcro transvolatilis est argenteum et aureum et in circuitu omne de auro.

серебряныя баллюстрады (слѣдуетъ непонятное мѣсто). Оно имѣеть (Любное мѣсто) серебряное устье (ostia), гдѣ былъ поставленъ Крестъ Господень, и самый Крестъ весь украшенъ золотомъ и камнями, и надъ нимъ небо (сводъ) золотое (можетъ быть, *открытое?*), и отгорожено рѣшеткою. Изъ этого описанія мы получаемъ всѣ необходимыя данныя, чтобы мысленно представить себѣ Любное мѣсто въ древнѣйшую эпоху: Крестъ былъ прикрытъ только кивориемъ, съ позолоченнымъ сводомъ (?).

«А на западной сторонѣ входъ въ Св. Воскресеніе, гдѣ находится Гробъ Господа и передъ Гробомъ камень изъ кремневой породы. Надъ Гробомъ *устроени крумяя церковь*, а по самому Гробу (super ipso sepulcro) рѣшетка (transvolatile) изъ серебра и золота, въ окружности вся золотая».

Здѣсь, впервые, мы встречаемся съ единственно точнымъ свидѣтельствомъ о ротондѣ Св. Гроба, но пока отложимъ его разборъ въ сторону и остановимся на детальномъ описаніи наружнаго вида самаго Св. Гроба, которое можетъ быть легче объяснено. Слово transvolatile, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, уже получило правильное толкованіе: этимъ описательнымъ словомъ названо или рѣшетчатое покрытие Гроба Господня (трельяжъ), или прямо высокая рѣшетка, шедшая вокругъ Гроба и назначенная, съ одной стороны, предохранять натуральный камень пещеры отъ разрушенія усердіемъ олебичиковъ, отрывавшихъ отъ нея кусочки, съ другой, по крайней мѣрѣ, въ древнее время, оставлять на виду освещенную великимъ событіемъ природную скалу. Лучшимъ комментариемъ нинѣшнѣ реалистическаго характера можетъ служить изображеніе Гроба Господня на амбулахъ ризницы собора въ Монпѣ, приписанныхъ отъ святыхъ мѣстъ Христовыхъ изъ Иерусалима въ Визюлема въ первыхъ годахъ VII столѣтія, т. е. какъ разъ неполнѣнныя въ Иерусалимѣ въ эпоху современную нашему тексту. На этихъ амбулахъ¹⁾ мы почти постоянно находимъ — что само по себѣ понятно — изображеніе Воскресенія Господня: что эта сцена именно въ Иерусалимѣ сложилась въ пѣлѣтную композицію *явленія Ангела* у дверей Гроба женамъ мпроноспцамъ, о томъ мы уже говорили, и равно, что Воскресеніе т. е. «Анастасія» было именемъ и событія и того Гроба Господня, который былъ *мѣстомъ и эмблемою спасительнаго Воскресенія*. Понятно, что для грека достаточно было изобразить Гробъ Господень и надписать надъ нимъ ἄβριος ἀνέστη или только ἀνέστη, а по сторонамъ представить Ангела и двухъ жепъ, чтобы изобразить всю чудесность, всю божественную тайну, всю духовную глубину евангельскаго события. Но также понятно, что для этого необходимо было настолько подходящее изображеніе Гроба Господня, чтобы

1) Garrucci, *Storia della arte cristiana*, VI-й томъ, табл. 434—435. Айналовъ, Д. В. *Эллинистическія основы древне-христіанскаго искусства*, I. с.

его можно было узнать и простому человеку въ сокращенной пластической схемѣ.

Мы видимъ на ампулахъ легкое шатровое сооруженіе, своего рода сѣнь, которой верхъ сдѣланъ круглымъ куполомъ, подѣленнымъ на шесть коническихъ сѣчей шестью ребрами, и по подзору прикрытъ шестью напорами или арками; нижняя часть сѣни или поддерживается вся четырьмя колоннами или украшается ими по фасаду (на рисункѣ можно видѣть и ту, и другую форму), но въ томъ и другомъ случаѣ забрѣса въ промежуткахъ между колоннами рѣшеткою, кромѣ средняго промежутка, въ которомъ видны или одну дверь, или же дверь между двухъ рѣшетчатыхъ ставней. Въ одномъ случаѣ, входный промежутокъ шатра свободенъ и внутри его виденъ другой менший шатеръ съ открытою дверью, а въ другомъ случаѣ, свидѣтельство Антонина можно считать послѣднимъ отголоскомъ, дошедшимъ до насъ изъ христіанской Палестины передъ страшнымъ нашествіемъ персовъ въ 614 году, обратившимъ въ прахъ величественныя сооруженія Константиана.

Разборъ древнихъ текстовъ доказалъ намъ, что эти сооруженія — по крайней мѣрѣ, самая базилика были сохранены до несчастнаго года почти безъ измѣненій, и болѣе того, что со времени Константиана въ жизни Иерусалима не повторилось уже такого подъема, какъ было въ началѣ его христіанской роли въ первой половинѣ IV столѣтія. Базилика Константиана надъ Св. Гробомъ строилась десять лѣтъ и была сооруженіемъ, составлявшимъ эпоху въ архитектурѣ, образцомъ и типомъ для всемірныхъ подражаній. Мы должны предположить въ общихъ чертахъ, что центральныя формы церквей Вознесенія на Элеонѣ, Антиохіи, ротонды Св. Гроба были оригинальными произведеніями новой архитектуры. Конечно, и въ послѣдующіе періоды, наиболѣе спокойныя и благопріятныя, строительная дѣятельность не прекращалась, и мы узнаемъ о множествѣ базилическихъ церквей, покрывшихъ страну. Такъ было при окончаніи борьбы съ Арианствомъ въ 380-хъ годахъ во времена блаженнаго Иеронима, когда основалось множество обителей, поселились пустыни, и такъ было, затѣмъ, во времена проживанія въ Иерусалимѣ императрицы Евдоксіи, супруги Осодосія Младшаго, съ октября 437 г. (по Муральту), когда была построена церковь Стефана, по сентябрю 439 г. и вновь съ 444 г. до ея смерти въ 455 году, когда щедроты императрицы произведено много большихъ построекъ: въ Кесаріи, Иерусалимѣ, Антиохіи и пр. Послѣ перерыва, произведеннаго смутнымъ періодомъ борьбы палестинскаго монашества съ еретиками и Самаритянами, наводившимъ и разорявшимъ Иудею, наступаетъ опять блестящій періодъ Юстиніана, отозвавшійся на всемъ христіанскомъ Востокѣ повиданнымъ оживленіемъ строительной дѣятельности, а для Палестины привнесшій съ собою

возстановленіе церквей и монастырей, разрушенных Самарянами, а съ ними и самаго христіанства и культуры¹⁾. Возобновлены христіанскія церкви и монастыри въ Галилеѣ, въ горахъ вокругъ Іерусалима, на Іорданѣ и въ Іерихонѣ; многія монастыри укрѣплены стѣнами, снабжены большими приютами и госпитальми, многія получили помощь хозяйственными службами, цистернами и т. д. Но всѣ эти, правда, многочисленныя сооружеія, хотя были чрезвычайно полезны, не образовали, однако, новаго художественнаго періода²⁾ и не дали въ результатѣ ничего новаго, кромѣ банальнаго, сухаго копирования образцовъ, уже созданныхъ и разработанныхъ въ столицѣ, на иной почвѣ. Извѣстнаго рода грубая ремесленность, небрежность исполненія орнаментки, лишеной пластичности и характера, бросается въ глаза въ палестинскихъ древностяхъ позднѣйшей эпохи, а чѣмъ дальше въ VII—VIII столѣтіе, тѣмъ болѣе усиливается эта грубость и бѣдность. Подъвозъ мрамора въ издѣльныхъ прекратился, приходится довольствоваться красноватыми известнякомъ изъ окрестностей Іерихона, и потому превосходная византійская орнаментка VI столѣтія представляется въ немногихъ огрубѣлыхъ тѣлахъ. Правда, затѣмъ, что въ садахъ Іерусалима сооруженіе новой колоссальной базилики, на мѣстѣ ветхозавѣтнаго храма, во имя Божіей Матери, небывалыхъ по размѣрамъ приютовъ и больницъ, декоративныхъ сооружеій въ родѣ Золотыхъ Воротъ, вызываютъ живую дѣятельность въ теченіи 15—20 лѣтъ и потому оставляетъ послѣ себя массу орнаментальныхъ и декоративныхъ обломковъ, среди которыхъ почти не замѣтны остатки эпохи Константина. Но и эта новая церковь, и церкви Іерихона и Неапюлса, Спная и Египта были только базиликами, т. е. были исполнены въ наиболѣе простой, дешевой и наименѣе художественной формѣ продолговатаго зданія въ видѣ сараѣ или каменнаго ящика, въ которой единственная художественная деталь — колонны обыкновенно передавались изъ одного зданія въ другое, изъ разобранный старой церкви въ новую. И хотя Св. Софія и другія замѣчательныя купольныя церкви были именно новымъ современнымъ типомъ, созданнымъ вѣка Юстиніана, однако широкобазисельныя программы наступившаго затѣмъ возрожденія архитектуры въ Византіи³⁾ и на всемъ христіанскомъ Востокѣ, съ безчелюпными куполами, искусной системою сводовъ являются для VI вѣка преждевременными, и составляютъ крупную ошибку слишкомъ на 3 вѣка, такъ какъ распространеніе купольныхъ церк-

1) См. подробный перечень построекъ Юстиніана и реставрацій въ тщательномъ трудѣ Courlet, *La Palestine sous les empereurs Grecs*, 326—636, 1869, p. 178—188, за исключеніемъ различныхъ обобщеній, допускаемыхъ авторомъ, на основаніи устарѣвшихъ и поверхностныхъ французскихъ трактатовъ по византійской археологіи (см. ниже).

2) Сочиненіе Курзъ, толкуя о блестящемъ художественномъ періодѣ, ошибочно переноситъ на Палестину то, что принадлежитъ только Константинополю.

3) Того же Courlet, *ibid.* pag. 179 по сочиненію Лепуара «Architecture monastique».

вей, притомъ въ иной болѣе простой формѣ, чѣмъ куполь Св. Софій, совершилось едва только въ X вѣкѣ.

Въ этомъ смыслѣ свидѣтельство Бreviарія о круглой церкви, поставленной надъ Св. Гробомъ¹⁾, заслуживаетъ всего нашего вниманія.

Изъ нашего анализа текстовъ видно, что вопросъ о томъ, когда именно появилась ротонда Св. Гроба, представляетъ и капитальную важность, и крайнюю трудность для рѣшенія. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ темнаго выраженія Евсевія о «подус-сербѣ», которая составляетъ главу всего зданія базилики, ничто не выдается, вплоть до фразы Бreviарія, существованія ротонды. Когда, поэтому, Вогуэ, а съ нимъ и всѣ французскіе историки²⁾, не признаютъ ротонды изъ числа сооружений Константина, они до известной степени правы или имѣютъ основаніе, но когда, затѣмъ, они же относятъ появленіе ротонды ко времени реставраціи Модеста, то судятъ произвольно и безъ надлежащей критики. Во-первыхъ, эта реставрація, по необходимости преслѣдовала исключительно задачу послѣдшаго возстановленія разрушенныхъ пожаромъ зданій, и, вѣроятно, держалась по существу того, что было прежде, не создавая и не пища ничего новаго (о чемъ мы словомъ и не упоминаемся), а, во-вторыхъ, свидѣтельство Бreviарія нельзя произвольно пропускать, не доказавъ его ложности. Все дѣло лишь въ томъ, что, по заключенію Вогуэ, базилика Константина была окончательно разрушена пожаромъ и не возстановлена въ прежнемъ видѣ большой церкви, а потому, вмѣсто нея, должна была появиться церковь для служенія, и это будто бы была большая ротонда. Насколько этотъ взглядъ основанъ на произвольныхъ искаженіяхъ текстовъ, поверхностномъ знаніи византійской архитектуры и ея деталей (церковь Св. Елены и ея колонны — см. ниже), мы докажемъ впоследствии, а теперь остановимся кратко на нашемъ вопросѣ о времени *происхожденія* ротонды.

Текстъ Бreviарія³⁾, на нашъ взглядъ, не оставляетъ сомнѣнія, что «ротонда» Св. Гроба существовала уже въ VI вѣкѣ, а мы знаемъ болѣе или менѣе положительно, что за время отъ Константина до Юстиніана никакыхъ построекъ надъ свинусею Гроба не было, какъ равно и то, что нѣтъ никакихъ свидѣній о томъ же отъ времени Юстиніана. Вниманіе со времени Иеронима всего христіанскаго міра было настолько приковано къ Св. Гробу, что такая постройка, кажется, не могла быть пройдена безъ вниманія исто-

1) *Supra ipsum (sepulcrum) est ecclesia in rotundo posita.*

2) Наиболѣе полное повтореніе того же взгляда дано въ книгѣ Ed. Courroyer, *L'architecture romaine*, 1888, p. 200—201.

3) Искренность, точность и сноровчатость показаній этого источника указана критикою не разъ, см. примѣч. на стр. XIX къ *Itinera Hierosolymitana*, ed. Tobler et Molinier, 1, 2. Рукопись (единственная) относится къ 9-му вѣку и не предполагаетъ интерполяцій или glosses, столь обычныхъ въ поддѣльныхъ спискахъ другихъ наложниковъ.

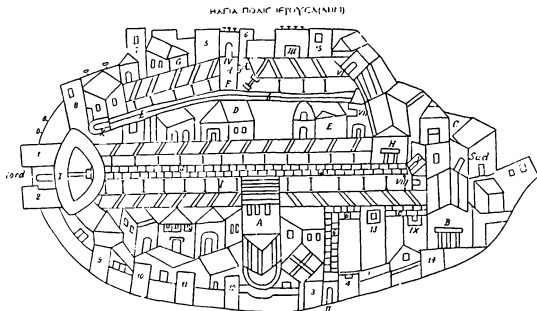
ризами и паломниками. Итакъ, слѣдуетъ возвратиться ко временамъ Константина и потому утверждать, что круглая церковь надъ Св. Гробомъ была построена или въ его время, или скоро послѣ него, въ теченіи первыхъ 50 лѣтъ.

Много рода дѣло, какого рода типы круглыхъ мавзолеевъ, или круглыхъ зданій съ внутренними колонадами и покрытіемъ плоскою (или коническою) крышею могли бы быть взяты за образецъ для этой «ротоиды» Св. Гроба, а ранѣе, при разборѣ текста Сильвіи, уже было показано, какъ возможно предположить здѣсь даже открытыя колонады и предпочесть пхъ глухямъ стѣнамъ. Конечно, полное и ясное представленіе Константиновской «ротоиды» возможно будетъ только въ результатѣ изслѣдованій христіанскаго искусства Палестины и греческаго Востока, однако, и западные образцы не могутъ быть обойдены въ вопросѣ о зданіи Константиновой эпохи, такъ какъ эта эпоха была временемъ господства одного художественнаго вкуса на всемъ пространствѣ Римской Имперіи. Мы считаемъ все это пока *неразрѣшимыми* вопросамъ, за неимѣніемъ точныхъ археологическихъ данныхъ и потому ограничиваемся указаніемъ на образцы, въ видѣ сохранившихся круглыхъ церквей и преимущественно *усыпальницъ*, какъ напр. S. Constanza въ Римѣ, въ свою очередь, ведущихъ свое происхожденіе отъ греко-римскихъ и восточныхъ мавзолеевъ, подобно тому, какъ эти послѣдніе ведутъ свое происхожденіе отъ подземныхъ кунольно-коническихъ усыпальницъ. Словомъ, эта тема чрезвычайно сложная, могущая быть предметомъ археологическаго изслѣдованія, и здѣсь касаться ея въ общихъ чертахъ не повело бы къ положительнымъ выводамъ. Но мы находимъ пужнымъ, въ предѣлахъ критики историческихъ свѣдѣній, остановиться здѣсь на выводахъ и заключеніяхъ спеціальнаго изслѣдованія о храмѣ Св. Гроба г. Моммерта¹⁾ посвятившаго п «ротоидѣ» храма особую (седьмую) главу своего трактата. А именно: мы должны съ сожалѣніемъ отмѣтить, что этотъ, съ виду тщательный, изслѣдователь текстовъ допустилъ рядъ произвольныхъ и искажающихъ текстъ Евсевія догадокъ, быть можетъ, потому, что преждевременно пожелалъ знать болѣе, чѣмъ то возможно.

Мы считаемъ напр. первое положеніе Моммерта, что «площадь» или атриумъ Евсевія, бывшая вокругъ Св. Гроба, *имѣла круглую форму*, ичѣмъ не доказаннымъ: Евсевій говоритъ о *четырехъ сторонахъ* этой площади. Совершенно не допустимо соображеніе, что эта площадь, которую Евсевій называетъ даже *αἰθρῆν κερκιδῆν*, могла быть просто поверхностью ротоиды, находившейся подъ куноломъ. А потому, все дальнѣйшія сообра-

1) Mommert, C. Die heilige Grabeskirche zu Jerusalem in ihrem ursprünglichen Zustande. L., 1898, стр. 135—171.

женія Моммерта, столь же пропзвольны и излишни: будто бы эти *три стороны площади были отръсками круга*, будто бы *онъ были одинаковаго размѣра* (у Евсевія не говорится о квадратной площади, и только Моммерту это нужно для его круга), будто бы *восточная половина круга ротонды была открыта вгнуръ* примыкавшей къ ней базилики (стало бытъ, была обычною абсидою), будто бы зданіе Анастасяса *было доступно только изъ базилики*, и притомъ только въ свопахъ окружавшихъ Св. Гробъ колопнадахъ, такъ какъ ередняя часть назначалась исключительно для клбра. Моммертъ видитъ даже «ротонду» Св. Гроба на планѣ известной мозаики въ Мадеебѣ, которая является у него пятымъ свидѣтелем¹⁾, но, къ сожалѣнію.

25. Планъ Иерусалима на мозаикѣ Мадеебы.

этотъ планъ (рис. 25), который долженъ былъ бы дать намъ такъ много точныхъ данныхъ, представляетъ храмъ Св. Гроба только въ обычной схемѣ базилики. Правда, мы имѣемъ въ этомъ планѣ точное указаніе ея расположенія входомъ на восточной сторонѣ, со стороны рынка и большой улицы: видимъ, что базилика начипается большою *лѣстницею*, паверху которой имѣется *три схода*, ведущіе въ *атриумъ*, за которымъ расположено зданіе базилики съ *фронтономъ и двускатною крышею*, заканчивающаеся *полукругомъ*²⁾.

1) Ibid., стр. 160.

2) По что это за полукругъ, рѣшить трудно. На рисункѣ Моммерта, въ величину оригинала, приложено мѣ. къ его сочиненію, этотъ полукругъ, какъ будто вышощенный большиши плитамъ (и не похожий ни на крышу базилики, ни на стѣну ея фасада съ ровною и правильно рымскою кладкою)—всего скорѣе открытая полукруглая площадь. Никакого купола и отверстія въ немъ, что видитъ издатель, мы не видимъ.

Что касается, при этомъ, ближайшихъ наблюдений надъ стѣнами современной ротонды Св. Гроба, и пространствомъ на западъ отъ западной части этихъ стѣнъ, въ которой Вогюзъ, а за нимъ Моммергъ и др., видятъ остатки древняго Константиновскаго сооруженія, предпочитаемъ судить о томъ по свидѣтельству архитектора Шика и предоставить технические вопросы специалистамъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что всѣ попытки извлечь изъ текстовъ точное указаніе по вопросу о существованіи ротонды Св. Гроба, должны оставаться пока безплодными, и что, въ частности, приводимый для того текстъ Евсевія въ соч. De laudibus, гл. IX, также яснаго указанія не сообщаетъ, какъ бы мы на стали толковать его описательныя выраженія. Евсевій говоритъ здѣсь, что Константинъ соорудилъ и украсилъ у самаго Гроба Спасителя¹⁾: *πρωσλικῆν μολιτισμένην ὁμω²⁾* (εἶχεν εὐκατήριον παμμεγέθη), и святой храмъ нѣбѣ знакомъ спасенія (ὡς ὡν τε ἄγιον τῷ σωτηρίῳ σήμερον), и памятникъ достойный святой памяти (μνημεῖον τε μνήμας ζωοῦντος γέμων) и самыя трофеи великаго Спаса надъ смертью (εἶναι μνημεῖον, Κρῆστι Γολγοῦθι).

Въ 614 году персы овладѣли Иерусалимомъ, избилъ въ немъ 62,455 человекъ³⁾, разграбилъ весь городъ, пожгли, разрушили его церкви, монастыри и пріюты, церкви Сіона, базилику во имя Св. Дѣвы Маріи еще пѣдвдней Юстиніановой постройки, церкви Вознесенія, громадную базилику Стефана, сожгли церковь Св. Гроба и базилику Константина, ограбили и увезли всѣ драгоценности ея ризницы. Это было бѣдствіе неслыханное послѣ взятія Иерусалима при Тигрѣ и на этотъ разъ непоправимое: для этого города уже не было потомъ зры, подобной временамъ Константина, и великолѣпныя сооруженія въ его стѣнахъ, подобно такъ называемой Омаровой мечети, уже не составятъ эпохи въ исторіи; отиный городъ и его зданія переходятъ къ постоянному упадку, со ступеньки на ступеньку, и самыя крестовые походы, столь обильные всякаго рода результатами, и, пожалуй, великою добычею для самой Европы, отзвучатъ только смутною, путаницею и разложениемъ въ излзи самого Иерусалима. Персидское нашествіе разомъ спело напосную искусственную греко-рямскую культуру Палестины, раззорило земледѣіе, обезлюдило города, уничтожило или на время или навсегда монастыри и лавры, прекратило торговлю. Этотъ нашествіемъ освободились

1) κατ' αὐτὸ δὴ τὸ σωτήριον μαρτύριον. Μαρτύριον — martyrium по времени Евсевія значило «гробъ мученика» и «церковь надъ гробомъ мученика», но надо принимать, поинтвно, первое значеніе, и оно тѣснѣе обозначено эпитетомъ σωτήριον.

2) εἶχος употреблялось въ смыслѣ «зала», преимущественно, большаго, крытаго слодами. Возможно, что разумеется и ротонда, и средній нефъ базилики.

3) См. Clermont-Ganneau. Rec. d'arch. or. II, 1898, p. 149.

отъ прежнихъ узы и страха грабительскія племена арабовъ, и оны приготовились къ сплоченію въ будущемъ и повсемѣстному наступленію. Отвыпѣ періодъ культурнаго развитія страны конченъ, для нея настаетъ та смутная эпоха, которой всего естественнѣе было бы дать названіе средняго вѣкова, если бы только она не продолжалась вплоть до настоящаго времени.

Въ сущности дѣла, мы не знаемъ, какъ велико было разрушеніе, постигшее при этомъ нашествій храмъ Гроба Господня; храмъ былъ сожженъ и ограбленъ—вотъ все, что мы узнаемъ изъ хроникъ и житій, и когда напр. Куръ посвящаетъ дѣя страници¹⁾ скорбному разсказу о тѣхъ драгоценностяхъ искусства и богатства, которыя при этомъ пропали, то, за исключеніемъ одной строчки, передающей свѣдѣніе объ увозѣ персами Св. Древа Креста, все остальное есть достойная сожалѣнія риторика. А именно нашъ историкъ поступаетъ здѣсь такъ: онъ сдѣлалъ себѣ сперва перечень всего, что было, по свѣдѣніямъ Евсевія, Созомена, Θεοφана, Антонина и пр., до пожара въ церкви Св. Гроба, и затѣмъ уже построилъ риторическій разсказъ о томъ, какъ все это пропало, разсказъ, поучительный обыкновенно историческою ложью: «плани пожиралъ нѣнѣ портики, колоннады, пять нефовъ, мозаическіе полы, потолокъ изъ золоченаго кедра» и т. д., и т. д. Конечно, нѣны догадки вѣрны, потолокъ долженъ былъ сгорѣть, но какъ могли бы горѣть мозаики, неяснито, и догадка о томъ, что персы «разбили колонны абсиды, чтобы снѣть серебряныя канители», столь же извѣстная и произвольна, какъ и то извѣстіе, что оны «сорвали серебряную крышу Анастасиа и вырвали драгоценныя камни (но ложно помятому тексту Антонина) вставленные въ его стѣны».

Извѣстно, затѣмъ, что игуменъ монастыря Св. Θεοδοσία — Модесть, на собраніи имъ самимъ средства и присланныя Иоанномъ Милостивымъ возобновили (въ 617 году, по Муральту), насколько могли, сооруженія святыхъ мѣстъ Христовыхъ и, очевидно руководясь желаніемъ возобновить, какъ было прежде, возобновили три сожженные церкви: «Анастасиа, Любнаго мѣста и Св. Креста». Такъ гласитъ текстъ письма монаха Антіоха, и только составленные археологами планы (Вогюэ и друг.) одного зданія надъ свѣтницею Гроба и Голговы этому противорѣчатъ. Повидному, самыя тексты древнихъ, начиная съ Евсевія, толкуютъ намъ о раздѣльныхъ церквяхъ или сооруженіяхъ²⁾: надъ Св. Гробомъ, Любнымъ мѣстомъ и даже, быть можетъ, надъ мѣстомъ обрѣтенія Св. Креста. Вся разница, происшед-

1) Ibid., p. 243—244.

2) Даже тѣ тексты, которые приводятъ въ доказательство одного зданія, напр. слова, что мѣсто отъ Св. Гроба до Св. Креста находится *sub uno tecto*, доказываютъ именно обратное, т. е. что одного зданія не было, а притягивались крытые портики отъ одного къ другому.

шая явля оть раззоренія преежнихъ храмовъ, заключалась, главнымъ образомъ, въ стуженіи, уменьшеніи зданій, а именно: громадная «базилка Константіана», будучи разрушена, уступила мѣсто «церкви Креста», тогда какъ древній «ораторій Св. Креста» остался и называется и теперь «Любимымъ мѣстомъ или Гальваріемъ» (а впоследствии «церковью надъ Голгоосою» или просто Голгоосою). Но риторическій оборотъ приводитъ болѣе историческаго факта, и сожалѣніе у Воюю, что Модестъ, по необходимости разбилъ преежнее колоссальное, цѣльное сооруженіе, на четыре мелкія церкви, повторяется доселѣ всѣми историками¹⁾. Если такое цѣльное, колоссальное сооруженіе и было въ древности, то оно получалось въ результатѣ связи цѣлаго комплекса разнохарактерныхъ построекъ, соединенныхъ хотя не вездѣ, но по боковымъ частямъ, крышею и общимъ уровнемъ.

Ближайшихъ свидѣній о томъ, насколько раздѣленныя отъиыи три церкви были возстановленіемъ древняго храма, мы не имѣемъ, но пять разныхъ петочниковъ получаемъ удостовѣреніе, что постройки Модеста удовлетворяли современному благочестивому чувству, а такъ какъ начало VII столѣтія было еще временемъ пышныхъ храмовыхъ построекъ и на Востокѣ и на Западѣ, то можно полагать, что эти постройки были удовлетворительны и въ художественныхъ отношеніяхъ. Вообще, запустѣніе Іерусалимской святыни началось собственно съ завоеваніемъ Іерусалима арабами и ихъ собственными сооружениями въ Іерусалимѣ, а перидское раззореніе коснулось, вѣроятно, наиболѣе сокровищъ храма, священной утвари, а пожаръ уничтожилъ крыши (отчего, вѣроятно, и произошло раздѣленіе отдѣльныхъ зданій храма), великолѣпные своды и деревянные потолки.

По крайней мѣрѣ, если вѣрно шлѣбгіе Осована, что Пракій лично прѣѣхалъ въ 629 году въ Іерусалимъ, то онъ здѣсь ограничился возстановленіемъ патриарха Захаріи, возвращеніемъ «Святыхъ и животворящихъ Древъ» Креста на «свое мѣсто» и изгнаніемъ изъ города евреевъ: стало быть, сооруженныя Модестомъ храмы казались достаточными благочестивому византійскому императору.

Наиболѣе раннее, хотя крайне неясное и неопредѣленное свидѣтельство объ этихъ сооруженияхъ блѣстителю Іерусалимскаго престола Модеста принадлежитъ его преемнику, патриарху Іерусалимскому Софронію²⁾ и за-

1) Couret, *ibid.*, p. 18; Guerin, *Jérusalem*, 1889, p. 320.

2) Авторомъ этихъ словъ признается патриархъ Софроній, очевидно, влѣнній Іерусалимскаго, хотя въ самихъ словахъ упоминается другіи авторъ, влѣнній Софроній; самъ патриархъ былъ искусный риторъ и «совѣсть» въ свое время, сотрудничалъ Іоанна Мосха и его ученики. Годы жизни и патриаршества Св. Софронія не могли быть пока установлены точно; Осованъ передаетъ, что патриархъ Захарій, уведенный персами въ плѣнъ, возвратился въ Іерусалимъ въ 629 году, но, въ виду смутныхъ вѣстей и нашествія арабовъ, Модестъ оставался мѣсто-блѣстителемъ въ 632—633 годахъ. По Осовану, Захарій умеръ до 629 г., и по-

ключается въ его *анакреонтическихъ одах*¹⁾, написанныхъ, какъ видно изъ заглавія 14-й оды, до насъ не дошедшей, въ промежутокъ между наше- ствіемъ персовъ и нашествіемъ арабовъ, т. е. въ общемъ между 614 г. и 638, точнѣе уже послѣ 629 года, когда животворищее Древо Креста уже было возвращено христіанамъ. Въ 18-й одѣ «на честное Древо Креста» пѣвецъ точно указываетъ на это событіе (стихи 65—69) словами: «Крестъ восторжествовалъ надъ злымъ варварами, надъ злѣйшимъ Хозроемъ, настала миръ по всей землѣ, погибъ отецъ войны, виновникъ смуть» и далѣе (стихи 85—89): «хула незаконныхъ евреевъ на ихъ же головы да возвратится, ибо возвратилось Древо Божіе въ свой святой градъ»²⁾. А такъ какъ всѣ оды носятъ чрезвычайно цѣльный характеръ и даже нѣсколько моно- тонный и патицутый, то всего вѣроятнѣе, что сборникъ былъ сочиненъ въ одно время однимъ авторомъ. Мы не знаемъ точно ни этого автора, ни его мнимохода, для прославленія, упоминаемыхъ друзей: Софронія, Василія и не узнаемъ имени патриарха, но изъ того указанія, что весь клиръ въ то время сосредоточился въ Внолосемѣ (городѣ, сохранившемъ базилику, свои укрѣпленія и вслѣдствіе разоренія патриаршаго дома въ Иерусалимѣ, ставшемъ метрополіею), а также изъ вступительныхъ стиховъ къ пѣснямъ о Внолосемѣ и Св. Градѣ видно, что пѣвецъ представляетъ себя только что вернувшимся на родину къ жизни въ мирной обители и поклоненію святыхъ. Изъ своей обители пѣвецъ какъ бы обходитъ святыхъ мѣста Христовы въ Св. Градѣ, Внолосемѣ, на Элеонѣ, въ Вноаніи, и самыя оды или гимны Св. Дѣвѣ, Рождеству Христову, онъ или кончаетъ приглашеніемъ (ода II, стихи 122—125) «вдти съ пастырями въ Внолосемъ, въ пенцери, гостинищу Бо- жію, къ святымъ яслимъ», или даже въ одѣ на Вознесеніе какъ бы пред- ставляетъ обходъ святыхъ мѣстъ Элеона, восхлщается видомъ, отрываю- щимся съ Элеона на Иерусалимъ, посѣщаетъ Вноанію, Внолосемъ, котораго храмъ, еще сохранившій свои колоннады и золоченый потолокъ, поражаетъ пѣвца своею красотою и великолѣпнѣмъ (важное указаніе для сравнитель- наго пониманія текста о храмѣ Св. Гроба), пенцери Рождества Христова, Младенцевъ и обитель, въ которой живетъ патриархъ и гдѣ падѣтся уви-

тому есть мотивъ принимать въ этомъ году вступленіе на патриаршій престолъ Софронія, иначе его патриаршество придется на 634 годъ; годъ кончины Софронія полагаются въ 638, 639, 641 и 644. См. годы у Муральта *Essai de chronographie byzantine*: 634, 638 и 639, также Сергія, *Полный миссионеръ Востока*, 2-е изд., II, 2, стр. 102. О епутанности и исполнотѣ го- довъ Иерусалимскаго патриаршества, см. Muralt. p. 286, a. 629.

1) Angelo Mai, *Spicilegium Rom.*, IV, p. 49; Migne, *Patrologiae gr.*, tomus 87, pag. 3733 sq.; текстъ 20-й оды «о Св. Градѣ и честныхъ мѣстахъ» на стр. 3817—3819.

2) Если, дѣйствительно, Иракліи отослалъ Св. Древо (часть?) въ Константинополь, то ода могла быть написана до этого случая, но, скорѣе и проще можно объяснить тѣмъ, что такъ какъ Иракліи получилъ уже нѣсколько кусковъ животворнаго Древа (у Осевана по много числѣ — τὰ τμήματα καὶ ζωοποιὰ ξύλα), то лишь одинъ изъ нихъ отослалъ въ Византію.

дѣтъ своего друга. Воспоминанія гѣнца о тревоженіяхъ его жизни вдали отъ мирной обители, о недавно пережитыхъ бѣдствіяхъ весьма близко отъи- чають фактамъ біографіи Софронія, его удаленію изъ обители Св. Саввы въ Александрію, путешествію на Гинръ и возвращенію въ Іерусалимъ около 629 года.

Въ 20-й одѣ авторъ живымъ разсказомъ о святыхъ мѣстахъ Св. Града какъ бы пыщетъ насытитъ свое страстное желаніе посѣтитъ «бла- ган» Іерусалима и облобызать его святини: гѣвецъ представляетъ, какъ лпуя, входитъ онъ въ ворота города, спѣшитъ по улицамъ къ храму Св. Воскресенія¹⁾: «я облобызаю тамъ самую землю, я увяжу священ- ный кубъ²⁾, я великій, небомъ накрытый³⁾; четверо- . . . По святой со- леѣ⁴⁾ я пройду въ средшу Гроба Господня и, преклонившись, облобы- заю святую сказу. Приложусь къ колоннамъ, кругомъ гробницы стоя- щимъ и конхамъ, украшеннымъ наверху золотыми лпіями⁵⁾. Я пройду къ трюбному портку, сплошь сіяющему на подобіе круглаго жемчуга;

- 1) Κ.—Εἰς τὸν πόθον, ὃν εἶχε εἰς τὴν ἁγίαν πόλιν καὶ εἰς τοὺς σεβασμίους τόπους.

Ἅγιον πόλισμα θεῖον Ἱερουσαλήμ εἶς ἐς νῦν δὴ Ἐθέλων πόλεις παρῖναι Ἴν ἀγγαλιῶν ἐπέλω. Εὐαγγέλιον Σολομών ἐνθεος εἰστρος Αἰὲν ἐμὴν κραδίην σφόδρα θαμίζει. Βαθίων ἐπὶ πλά- χῶν σου Ἐς Ἀνίστασιν κατέλω, Ὅτι παντάναξ ἀνέστη. Θανάτου κράτος πατήσας. Γλυκίον πῖθον φιλήσω, Ἱερὸν κύβον κατεῖω. Μέγαν οὐρανόστερὸν τε Τετρα . . . Διὶ βήματες θεοῦ Μέσον ἐς τίσας θεοῦ Γεγονῶς, πάτρην ἐκείνην Μαλα προσκυνῶν φιλήσω. Ἐπαναίτιον δὲ τύμβου Κίονας κύκλω τε κόγλας Ἄκροκρῖνοχρυσομαρζρους Φιλέων, ἄγαν χορυσσω. Ἐπὶ τρίστονον παρέλω Ὀλομαρζαργυρόχρυσον, Περικαλλέως γ᾽ ἑπαυλεν Κρανίου τόπον προσέπειν. Ὁκεανὸς βιστῆς αἰὲν βιοῦσας, Ἀτρεκέως τε λήθης, ρωσφόρος τύμβε. Ζήθων μεσόμαλόν τε Πέτρην ἐκταθῆς φιλήσω, Ὅτι τὸ ζῆλον πατήγει Τὸ λύσαν ζῆλου κατάρων. Ὡς μέγα σεῖο κλέος, ραῖδιμε πέτρα, Σταυρός: ὅπη μερῶπων λύτρον ἐπήγης. Θαλέων χαρῆ δ᾽ ἐπέλω Ὅτι προσκυνούμεν ὄσσοι Πέλομεν λεῶς: Θεοῦ Ἄγλαδὸν ζῆλον τὸ θεῖον. Ἴνα παμμέδων τυχῶνας Κεχαρχυμένη γραφῆς Σίβας εἰκὸν προ- σοίσω, Γόντα δρῆμοι κίμψα. Κατὰ παμρῆς δὲ βῆμα Γεγαυομένους πορευθῶ, Ζῆλον οὐ τὸ θεῖον εὐρεν Ἐλένη μεδούσα κεδνή: Μετὰ κραδίης δὲ πλῆρους Κατανοήσεως ἀνέλω Ὑπεροῖτον θεοῦμαι Κέλαρον, σπῶγγον τε, λόγγον. Νεαρὴν δ᾽ ἔπειτα κάλλος Βασιλικὴν εὐ κατεῖω, Μονα- χῶν ὅπου χορῆα Νυχίους τελοῦσιν ὕμνος.

2) Ἱερὸν κύβον, нетолковано словомъ Ἔλος—кунюль II. Магарию, который разумѣетъ рюноду Гроба Господня.

3) Въ текстѣ: οὐρανόστερὸν τε, — не можеть сказать ничего о формѣ слова, но предпо- читаемъ οὐρανόστεγγῆ τε — по образцу любимыхъ Софроніемъ терминовъ. Магѣмъ отрывокъ: слова: τετρα . . . — быть можеть, ст. *четырьмя окодами*.

4) βήματος — подитан на одну ступень, содея для елра, какъ и доишиѣ, переѣ вло- домъ въ пещеру Св. Гроба.

5) κόγλας ἀκροκρῖνοχρυσομαρζρους. Последнее слово не относится къ κίονας, какъ полагаетъ комментаторъ, а именно къ конхамъ — пишамъ, находившимся между колоннъ, окру- жившимъ спаружи Св. Гробъ, и уиычаннымъ надъ полуводами лпіями изъ золоченой бронзы. Мы видимъ эти самыя лпія надъ камерами шитъ въ вюбраженіи Св. Гроба на ампулахъ Моцца. Выходитъ, что реставраціи Модеста возобновила древній типъ, со всею пышностью.

дабы припасть къ находящемуся на прекрасномъ дворѣ³⁾ мѣсту Лобному . . . ».

«И облобызаю я священное средоточіе²⁾, преклонившись, приложусь къ той скалѣ, куда было вбито то древо, которое разрѣшило проклетіе, на древо наложенное».

«Икѹя отъ радости, приѣду я туда, гдѣ мы всѣ, пародъ Божій, преклоняемся передъ славнымъ честнымъ Древомъ⁴⁾, . . . , чтобы оттуда послѣднѣе принести поклоненіе, преклонивъ колѣна передъ свитою иконою. И приѣду съ восторгомъ къ сіюному алтарю⁴⁾, котораго божественное Древо обрѣла славная императрица Елена. И съ сердечнымъ сокрушеніемъ поднимусь я на хоры для созерцанія трости, губы и копія. И буду оттуда созерцать новую красоту базилика, въ которой хоры монаховъ исполняютъ мощныя вѣщанія».

Итакъ, съ храмомъ Гроба Господня повторилось обычное явленіе: всякая реставрація естественно стремится, хотя бы на основаніи преданій, возстановить прошлое, уже связывая съ отжившею формою новое содержаніе; реставрація можетъ прибавлять, но не уменьшать, какими бы средствами она ни располагала и въ какихъ бы формахъ ип вынолила свое подражаніе. Поэтому, всякаго рода догадки о переиначеніяхъ, допущенныхъ Модестомъ, могутъ быть приняты только послѣ ясныхъ доказательствъ. Текстъ Софронія показываетъ, что при Модестѣ все было возобновлено по старому: также украшенъ былъ Анастасіея спаружп колоннами и пирами, какъ въ древнѣйшую эпоху, — но пещели драгоцѣнныя рѣшетки и безчисленныя дары.

Слово патріарха Фотія о Гробѣ Господнемъ⁵⁾ описываетъ его внѣшній видъ тѣмъ же деталями, т. е. декоративную облицовку 11 колоннами вышнюю въ человѣческой ростъ, а въ промежуткахъ сверху — аркамъ, у Софронія — конхамъ, и надъ ними конпчески сведенною крышцею. Мы ничего не узнаемъ изъ того же Слова Фотія о самомъ храмѣ надъ Анастасіею, выраженія: *τέμενος ἱερὸν, μέσον τῶν νεῶν* могутъ быть относимы

1) περιχάλλως γ' ἔπυλον, нельзя ἔπυλος передавать. ἔνοικος: κύλη значитъ дворъ, ἔπυλος — навѣсъ на дворѣ для конюшни, ит. данномъ случаѣ — какъ разъ экедра или прикрытая сверху ниша надъ холмомъ Лобнаго мѣста, и въ настоящемъ видѣ немного измѣнившая противъ древности и также полуоткрытая.

2) μεσομάζον не нуть земли, а такъ сказать, средоточіе (земли) — именно холмъ Калварія или Лобное мѣсто. Винолѣ древнее, неизмѣненное преданіе.

3) Два испорченные стиха, которые мы, не сдѣлавъ примѣру толкователей, предпочитаемъ оставить безъ перевода. Рѣчи, видимо, идетъ о вѣкоторой чудотворной и прославленной иконѣ, которой поклонялись наряду съ святыми Христовыхъ мѣстъ.

4) Въ стихахъ общее выраженіе βῆμα, по его эпитету παρμαξίς — сіюноцій, всевѣдльый не можетъ быть приложено ни къ скалѣ, ни къ алтарю, а очевидно указываетъ на освѣщенный кипоріемъ престолъ, въ которомъ и хранилось Св. Древо, вѣроятно, подъ снудомъ, въ особой рацѣ, какъ принято для мощей.

5) Ид. ит. *Правосл. Палестинскомъ Словникѣ*, 31-й вып., т. XI, илл. 1-й, стр. 1—3.

относимы и къ ротондѣ, и къ атриуму — этому священному участку, среди котораго стоялъ Св. Гробъ.

Весьма важно упомянуть тексты оды о мѣстѣ, гдѣ хранилось въ данное время Св. Древо Креста: известно изъ прежнихъ свидѣтельствъ, что оно помещалось въ особой плитѣ восточнаго атриума базилики, и ниже мы будемъ имѣть еще случаи доказывать, что если базилика была восстановлена, то уже не имѣла атриума впереди, и что самый входъ въ базилику сталъ, со времени Модеста, общимъ съ Анастасисомъ, — а именно перенесенъ на мѣсто современнаго входа.

Особенно важнымъ указаніемъ должно считать, что, по тексту нашей оды, путь къ мѣсту обрѣтенія Св. Креста шелъ внизъ отъ соленъ или бемы той же базилики, — о чемъ уже выше была сдѣлана догадка. Далѣе, любопытно указаніе древняго мѣста для орудій Страстей Христовыхъ — на хорахъ базилики, — любопытно, между прочимъ, потому, что поясняетъ намъ римское подражаніе этому обычаю въ храненіи подобныхъ реликвій на хорахъ церкви Св. Петра.

Тексты Софронія, ясно указывающій на существованіе базилики, построенной Модестомъ на мѣстѣ Константиновой, позволяютъ намъ окончательно опровергнуть произвольныя догадки Вогюэ о томъ, что подземная церковь Св. Елены будто бы была единственною замѣною древней базилики¹⁾. Замѣчательное для своего времени сочиненіе Вогюэ является главнымъ авторитетомъ во всемъ, что касается византійскихъ памятниковъ Палестины, а между тѣмъ самъ Вогюэ, какъ и многіе повѣдшіе исследователи Палестины, сначала оставался при ошибочномъ убѣжденіи въ неподвижности византійскаго искусства, почему и былъ возможенъ случай смѣшенія памятниковъ позднѣйшей эпохи съ вѣкомъ Константина.

Впрочемъ, для даннаго вопроса намъ имѣть надобности попусту доказывать ошибку Вогюэ относительно времени происхожденія подземной церкви Св. Елены (ниже мы укажемъ, по даннымъ слѣди, время происхожденія ея колоннъ, время ихъ передѣлки, а равно и время распространенія прѣдвѣренной въ церкви купольной формы): тексты слѣдующаго по времени паломника Аркульфа (паломничество записано Адамнаномъ около 670 годовъ)²⁾, достаточно ясно говорятъ, что въ это время (если не при Модестѣ) существовала подземная базилика на мѣстѣ прежняго зданія мар-

1) Эти догадки уже были, однако, опровергнуты съ большою основательностью на основаніи текстовъ Аркульфа, Софронія, Моисея Каганкати аца, Фоки—В. Г. Васильевскимъ въ примѣчаніяхъ къ поѣткѣ Епифанія, *Правосл. Палест. Сборникъ*, IV, стр. 46—49.

2) Tobler et Molinier, *Itinera Hierosolymitana*, I, p. 139 sq. Переводъ нами заимствованъ изъ книги П. В. Помяловскаго «Аркульфа рассказы о святыхъ мѣстахъ», 49-й выд. Палест. Сборн., 1895 г.

тријума. Для наших цѣлей этотъ текстъ также имѣетъ свое положительное значеніе и къ тому же почти вовсе не нуждается въ толкованіяхъ, а скорѣе въ оговоркахъ.

Аркульѣвъ описываетъ церковь, построенную надъ Гробомъ Господнимъ, какъ большое зданіе, все построенное изъ камня¹⁾, совершенно круглое, свѣденное къ одному куполу, поддерживаемому тремя концентрическими стѣнами, между которыми оставлены ходы шириною въ обыкновенную дорогу.

Извѣстно, что въ недавней работѣ своей Моммертъ²⁾ предложилъ чрезвычайно остроумное объясненіе графическаго плана церкви Св. Гроба, начертаннаго Аркульѣвомъ около 670 г. и далъ совершенно новое направленіе дальнѣйшимъ заключеніямъ о формѣ этой церкви. Именно, Моммертъ считаетъ три концентрическихъ круга, изображенные на планѣ и соответствующіе тремъ «стѣнамъ», упомянутымъ въ текстѣ, не стѣнами, *рядомъ стоящими*, какъ доселѣ всѣ думали, но *тремя этажами* или стѣнами трехъ галлерей, подымающимися другъ надъ другомъ. Обстоятельство это, буди оно принято, даетъ совершенно иное освѣщеніе для нашихъ взглядовъ на конструкцію Анастасіа.

Въ церкви Св. Гроба, по словамъ Аркульѣва, было устроено три абсиды или алтаря въ трехъ мѣстахъ средней стѣны³⁾, и въ двухъ мѣстахъ восемь входныхъ дверей. Посреди ротонды былъ каменный киворій⁴⁾ высотой внутри въ ростъ рослаго человѣка съ прибавкою до полутора футъ; входъ въ киворій былъ съ востока, а въ сѣверной части находился Гробъ Господень. Приводимъ текстъ въ переводѣ:

II. О церкви круглаго вида, выстроенной надъ Гробомъ Господнимъ. Эта весьма большая церковь, вся изъ камня, сооружена отовсюду съ изумительною круглотою и отъ основанія возвышается тремя стѣнами, надъ которыми поднимается вверхъ одна крыша. Между каждой стѣною и другимъ бокомъ находится пространство, соответствующее улицѣ. Въ трехъ мѣстахъ средней стѣны искусно сооружены три алтари. Эту круглую и весьма высокую церковь, имѣющую три выше-

1) tota lapidea, пошлѣдному, разумѣется, каменная крыша, какъ на Пантеонѣ или другихъ круглыхъ церквахъ, напр. Селуии.

2) *Zeitschrift d. d. Palästina-Vereins*, XX, p. 34.

3) Затѣмъ слѣдуетъ показаніе, что эту церковь «поддерживаютъ» 12 огромныхъ каменныхъ колоннъ. Извѣстіе это не вытекаетъ съ преддущимъ свидѣтельствомъ о трехъ стѣнахъ, гдѣ же могли бы помѣщаться колонны? Не есть ли эта фраза: «эту круглую и высокую церковь, имѣющую 3 алтаря» и пр. до конца — простая glossa ивена или даже Адамана, взятая изъ древнихъ текстовъ о базиликѣ Константины?

4) *Tugurium* вм. *tegorium*, тоже что *cyborium*, по Du Cange, *Gloss. lat. v. tegorium*, у средневѣковыхъ писателей, франц. *soutecte*, *toit* — покрывка, балдахинъ, купюклій.

уномлнтые алтари, одинъ обращенный къ полудню, другой къ сѣверу, третій къ западу, поддерживаютъ двѣнадцать каменныхъ столбовъ удивительной величины. Въ ней восемьъ дверей, то есть по четыре входа черезъ три установленныя другъ противъ друга, съ промежутками, стѣны; въ нихъ четыре выхода обращены къ восточнру, каковой вѣтеръ зовется и кекіасъ, а другіе четыре къ сѣвр.

III. О видѣ самого гроба и его шатра. Въ средней части этого внутренняго круглаго дома находится круглый шатеръ, вырубленный изъ одного и того же камня, изъ котораго могутъ стоя молиться деять человекъ, и отъ макушки стоящаго человека не маленькаго роста до свода это зданіе приходится въ вышину полтора фута. Входъ въ этотъ шатеръ обращенъ къ востоку и весь шатеръ снаружи покрытъ отборнымъ мраморомъ, и верхушка его вѣнчанъ вершиной, украшенная золотомъ, поддерживается не малый золотой крестъ. Въ сѣверной части этого шатра, внутри находится гробъ Господень, выѣченный въ то же камня, но ноль этого шатра ниже мѣста гроба, такъ какъ отъ пола шатра до боковаго края гроба считается въ вышину мѣра какъ бы трехъ локтей. Такъ сказывалъ мнѣ Аркульчъ, часто посѣщавшій гробъ Господень, и точно вымѣрившій.

Въ этомъ мѣстѣ слѣдуетъ отмѣтить разницу въ названіяхъ между гробницею (monumentum) и гробомъ (sepulchrum): тотъ, часто упоминаемый круглый шатеръ, евангелисты часто зовутъ инымъ именемъ — гробницею: она говоритъ, что къ ея дверямъ былъ приваленъ и отъ ея дверей отвалены, по Воскресеніи Господнемъ, камень. Гробомъ собственно зовется то мѣсто въ шатрѣ, т. е. въ сѣверной части гробницы, въ которомъ покоилось положенное и обвитое плащаницею тѣло Господне: длину его въ размѣрѣ семи пядей Аркульчъ вымѣрилъ собственною рукою. И этотъ гробъ не двойной, какъ лжно полагать нѣкоторые, и не имѣетъ нѣкоей перегородки, выѣченной изъ камня, которая проходила бы и раздѣляла обѣ ладели и голени, но весь ровный, представляющій съ головы до ногъ ложе, могущее вмѣстить одного человека, лежащаго на спицахъ; на подобіе пенцеры, онъ имѣетъ входъ съ боку, обращенный на супротивъ по южной части гробницы, и сверху поднимается искусно сдѣланный невысокій куполь. Въ этомъ гробѣ постоянно днемъ и ночью свѣтятъ горящія двѣнадцать лампадъ, по числу двѣнадцати апостоловъ; въ этихъ лампадъ четыре поставлены ниже, въ углубленіи этого гробоваго ложа, а другія восемь горятъ, поддерживаемыя масломъ, помѣщенныя выше, надъ краемъ, съ праваго боку.

Слѣдуетъ еще отмѣтить и то, что мавзолей или гробница Спасителя, то есть часто упоминаемый шатеръ, можетъ быть по справедлив-

ности назвать вертепомъ или пещерой, объ которой, когда въ ней былъ погребенъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ, пророчаетъ пророкъ¹⁾, говоря: Сей вселится въ выеодъ пещерѣ камене крѣпкаго, а немного спусти прибавляется для обрадованія апостоловъ о Воскресеніи Господа: Цари со славою узрите²⁾.

И такъ, изображеніе вышеупомянутой церкви съ находящимел посреди ея круглымъ шатромъ, изъ сѣверной части котораго находится гробъ Господень, въясняетъ приложенный рисунокъ, равно какъ и изображенія трехъ другихъ церквей, объ которыхъ будетъ рѣчь ниже. Мы переискали изображенія этихъ четырехъ церквей согласно съ рисункомъ, который, какъ сказано выше, начерталъ мигъ святой Арукульмъ

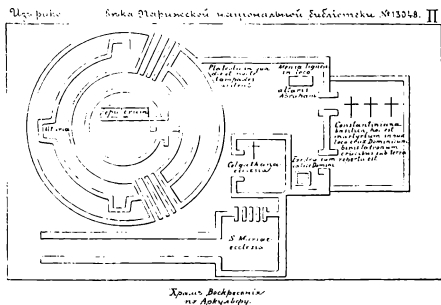

Рис. 26.

на выюценной табличкѣ и переискали не потому, чтобы пхъ подобіе могло быть представлено въ живописи, но для того, чтобы изобразить, хотя бы въ такомъ плохомъ рисунокѣ, гробъ Господень, расположенный въ срединѣ круглой церкви, и разъяснить какъ ближайшую къ нему церковь, такъ и ту, что расположена дальше.

IV. *О камнѣ, который былъ приваленъ къ двери Гроба и который апелг Господень, соиседий съ неба, отванилъ посли Елю воскресенія, о шатрѣ и гробѣ.* Между тѣмъ, слѣдуетъ вкратцѣ разсказать о выше упомянутомъ камнѣ, который, по распространенному преданію,

1) Исаія XXXIII, 16.

2) Тамъ же.

послѣ погребеніи распятаго Господа, быть приваленъ къ дверямъ гроба Господни; Аркулячъ говоритъ, что онъ разсѣченъ и раздѣленъ на двѣ части, изъ которыхъ меньшая, обтесанная рѣзцомъ, видна поставленною стойми въ видѣ четырехугольнаго алтаря въ вышеописанной круглой церкви передъ входомъ въ часто упомянутый шатерь, то есть въ гробъ Господень, большая же часть этого камня, равнымъ образомъ обтесанная, стоитъ въ видѣ другаго четырехугольнаго алтаря, поставленнаго на восточной сторонѣ той же церкви и покрыта пеленами.

Аркулячъ на мой вопросъ о цвѣтѣ этого камня, внутри котораго вытесанъ рѣзцомъ часто упоминаемый шатерь, возмущающій въ сѣверной своей части гробъ Господень, вырубленный изъ того же самаго камня, изъ котораго и гробница, то есть самъ шатерь, сказали: шатерь гробницы Господней, не покрытый никакими украшениями внутри, и до нынѣ является во всемъ своемъ углубленіи стѣды рѣзца, который употребляли при этой работѣ долбильніе или рѣзавшіе: цвѣтъ этого камня гробницы и гроба не одинъ, но кажется, что перемѣняны два цвѣта—красный и бѣлый, вслѣдствіе чего этотъ камень представляется двухцвѣтнымъ. Но объ этомъ достаточно сказаннаго.

У. О церкви Святой Маріи, смежной съ круглою церковью. Впрочемъ слѣдуетъ прибавить кое что не многое объ устройствѣ Святыя мѣсть. По правую сторону съ тою часто выше упомянутою круглою церковью, которая также зовется анastasіею, то есть Воскресеніе, потому, что построена на мѣстѣ Воскресенія Господни, смежна четырехугольная церковь Святой Маріи, Матери Господа.

VI. О той же церкви, которая выстроена на мѣстѣ Калваріи. Другая, весьма большая церковь, къ востоку, сооружена на томъ мѣстѣ, которое по еврейски зовется Голгоа, на верху которой съ канатовъ спускается нѣкое круглое бронзовое коло съ лампадами, а подъ нимъ поставленъ водруженнымъ большой серебряный крестъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ водруженнымъ деревянный крестъ, на которомъ пострадалъ Спаситель, рода человѣческаго.

Въ той же церкви, ниже мѣста креста Господня, находится высѣченная изъ камня нѣкая пещера, гдѣ на алтарѣ приносилась жертва за души нѣкоторыхъ болѣе почетныхъ лицъ, тѣла которыхъ, лежащихъ тѣмъ временемъ на улицѣ, полагаются передъ дверьми этой же Голгооской церкви до тѣхъ поръ, пока не окончится святое таинство за этихъ усонившихъ.

VII. О базиликѣ, которую соорудилъ Константинъ по сосѣдству вышеозначенной церкви, на томъ мѣстѣ, гдѣ обрѣтенъ въ раскопанной землѣ послѣ многихъ столѣтій, Крестъ Господни, подъ развалинами.

Къ этой церкви на мѣстѣ Кальваріи, устроенной въ четырехугольной формѣ, примыкаетъ съ восточной стороны смежная каменная базилика, съ большимъ великолѣніемъ устроенная царемъ Константиномъ, пмемнуемая и мартиріумомъ, сооруженная, какъ говорятъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ обрѣтенъ, послѣ двухъ сотъ тридцати трехъ лѣтъ, дарованный самимъ Господомъ Крестъ Господень съ другими двумя крестами разбойниковъ, спрятанный подъ землю.

VIII. О мѣсть жертвенника Авраама. И такъ, между этими обѣими церквами попадаетея то знаменитое мѣсто, на которомъ патриархъ Авраамъ соорудилъ жертвенникъ, на который возложилъ визашку дровъ и, вынувъ, схватилъ ножъ, чтобы заклать сына своего Исаака: теперь тамъ находится не малый деревянный столъ, на которомъ народъ предлагаетъ бѣднымъ милостыню. Къ столу тщательнымъ вопросамъ Святыи Аркульчъ присоединилъ и слѣдующее, говоря: Между апостасомъ, то есть часто упомянутой выше церковью, и базиликою Константина находится шкая площадь, до церкви Голгооской, въ которой дежно и пощю горить всегда свѣтлыныки.

IX. Объ жездри, находящейся между церковью Кальваріи и базиликой Константина, гдѣ хранятся чаша Господня и губа, съ которой Онъ, оиъ на дрѣво, вкусилъ оцтъ и вино. Между этой Голгооской базиликой и мартиріумомъ находится шкая жездра, гдѣ есть чаша Господня, которую онъ, благословивъ собственноручно на вечери, наканунѣ страданій, самъ, участвуя въ трапезѣ, передалъ трапезующимъ апостоламъ. Эта серебряная чаша имѣетъ мѣроу Галльскій секретарій и имѣетъ въ себѣ двѣ ручки, прикрѣпленныя другъ противъ друга съ обѣихъ сторонъ. Въ этой чашѣ находится губа, которую раслившіе Господа, наполнивъ оцтомъ и обложивъ песономъ, подняли къ Его устамъ. Изъ той же чашки, какъ говорятъ, Господь по воскресеніи пилъ, трапезуя съ апостолами; ее видѣлъ Святыи Аркульчъ и черезъ открытое отверстие покрывающаго ее ларца, собственноручно касался ея и лобызалъ: къ этой чашѣ все городское населеніе приходитъ съ великимъ уваженіемъ.

X. О конь волна, которымъ онъ прободалъ ребра Господни. Тотъ же Аркульчъ точно также видѣлъ и то конь волна, которымъ онъ прободалъ ребра всѣшняго на крестѣ Господа. Это конь находится въбланнымъ въ деревянный крестъ въ юрткѣ базилики Константина; древко этого коня расколото на двѣ части, и его также городъ Иерусалимъ пощцаеть, лобызаетъ и чтить.

Мы не поидемъ далѣе этой простой передачи точныхъ показаній Аркульча, которая констатируютъ окончателно тотъ основной фактъ, что

сооружения Модеста имѣли цѣлью возстановить Иерусалимскую святыню въ прежнемъ ея видѣ. И потому считаемъ дѣломъ простаго произвола заключеніе Вогюса, что именно при Модестѣ совершилось раздѣленіе одного храма на три части. Выплатательное чтеніе текстовъ убѣждаетъ насъ въ противномъ или—еще точнѣе—ничего намъ не сообщаятъ въ этомъ направленіи, а напротивъ, какъ бы постоянно подтверждать, что никакой рѣзкой перемѣны съ Константиномъ до времени крестоносцевъ въ сооруженіяхъ надъ святынею Гроба не было, и если были обновленія, то по старому. Изъ своего собственнаго плана, и забывая, что въ немъ многое основано только на догадкѣ, Вогюсъ извлекъ то положеніе, что Константиновскія сооруженія составляли одинъ храмъ, и только точный комментаторъ «Сказанія Епифанія» рѣшается отступить отъ этого положенія, принятаго на вѣру и оглуломъ весьма изслѣдователями. Текстъ Евсевія ясно говоритъ намъ о сооруженіи около Св. Гроба (мы, однако, не знаемъ, была ли это ротонда), объ атриумѣ, который окружаетъ это сооруженіе и о базиликѣ. Согласно южному климату, восточнымъ обычаямъ, а наиболѣе показаніямъ Сильвіи, мы должны считать три богослужебныхъ мѣста: 1) сооруженіе около Св. Гроба, 2) дворъ или атриумъ Св. Гроба съ холмомъ Любимаго мѣста и 3) базилику¹⁾.

Тѣже три части знаетъ игуменъ Саввинскаго монастыря Антіохъ, когда говоритъ о храмахъ, сожженныхъ персами и возстановленныхъ Модестомъ: Любимомъ мѣстѣ, Св. Воскресенія и «Честномъ домѣ» (ἁγιῶν) Св. Креста—видъ и здѣсь ясно указанъ *большой* храмъ базилики, и *маленькая* церковь надъ Св. Гробомъ и Любымъ мѣстомъ. И потому, когда Аркульеръ говоритъ, что эти три части (при немъ это уже *церкви*, т. е. зданія съ особыми стѣнами) *соприкасаются*, то нельзя или легачѣмъ понимать въ смыслѣ малаго разстоянія, а должно понимать буквально: за стѣною часовни надъ Любымъ мѣстомъ была или начиналась западная часть базилики. И если прежде, во времена Сильвіи, между Анастасіемъ и Любымъ мѣстомъ была свободная площадь атриума, то въ VII или VIII столѣтіи, съ постройкою большой ротонды, она также, быть можетъ, соприкасалась съ часовнею, сооруженной для покрытія Любимаго мѣста.

Выяснивъ это основное обстоятельство, мы можемъ не анализировать и той реставраціи въ планѣ сооруженій Модеста, которую представляетъ Вогюсъ: если схема этихъ сооруженій, нехитро составленная въ рукописяхъ, насъ не удовлетворяетъ (см. рис. 26), то и реставрація, доселѣ единственная, не имѣетъ значенія по своей произвольности.

1) См. также и свидѣтельство о трехъ храмахъ, построенныхъ Еленою, въ Итинъ Константины и Елены, составленномъ воелѣ Праксія, и издан. въ отрывкѣ проф. В. Г. Васильевскимъ въ III-мъ прилож. къ изд. Епифанія. *Правосл. Палест. Сборникъ*, IV, 2, стр. 254.

Свидѣтельства Епифанія, монаха очевидца, составившаго родъ путеводаителя по Сиріи, краткаго, но содержательнаго и, повидимому, точнаго, пріобрѣтаютъ особое значеніе, благодаря замѣчательнымъ комментаріямъ русскаго ученаго¹⁾. «Посреди святаго Града, тагъ гласятъ этотъ текстъ, находится святѣйшій гробъ Господень, и вблизи гроба Любое мѣсто, гдѣ распятъ былъ Христосъ, имѣющее въ высоту уступовъ или ступеней тридцать шесть. Внизу распятія находится церковь и гробъ Адамовъ. По срединѣ между ними (близъ нихъ) лежитъ садъ *Иосифа*, а къ сѣверу отъ сада *темница*, гдѣ были заключены Христосъ и Варавва. Между темницею и мѣстомъ распятія находятся *врата святаго Константина*, въ которыхъ были найдены три преста, и надъ вратами алтарь, гдѣ лежатъ чаша, изъ которой Христосъ пилъ уксусъ и желчь».

В. Г. Васильевскій установилъ и общее положеніе построекъ надъ Св. Гробомъ во времена Епифанія и выяснилъ точность и важность трехъ указаній его о мѣстѣ: 1) сада Иосифа или бывшаго атриума между храмомъ Св. Гроба (или Св. Воскресенія) и базиликою Константина, 2) темницы Христовой, находящейся къ сѣверу отъ Голгообы и нынѣ (въ сѣверо-восточномъ углу нынѣшней церкви Св. Воскресенія), тамъ, гдѣ ее указывали уже въ VIII—IX вѣкахъ, и 3) вратъ Св. Константина, находившихся между (на линіи съ сѣвера на югъ) темницею и Голгообою.

В. Г. Васильевскій занимался весьма этими вопросами «преимущественно съ точки зрѣнія взаимнаго отношенія между зданіями» храма Св. Гроба, но анализъ этого отношенія устанавливаетъ и для архитектурной исторіи этихъ зданій и ихъ остатковъ основныя положенія. А именно, мы извлекаемъ, при помощи такой аргументаціи, ясное свидѣтельство кружной перемены, происшедшей во времена Модеста: новая базилика была ориентирована съ запада на востокъ, получила новый входъ изъ атриума Св. Гроба съ монументальною дверью, и алтарную абсиду въ восточной части, почему прежній входъ черезъ прошенъ и два двора уже тогда были закрыты. Обезгодельство, какъ увидимъ ниже, особо любопытное для пониманія открытыхъ русскими раскопками разваливъ Константиновскихъ прошенъ и древнихъ стѣнъ. Конечно, не смотря на все искусство и ясность анализа незабвеннаго ученаго, ему было трудно, съ одними данными общихъ выраженій древнихъ авторовъ, оснашивать археологическіе взгляды Вогюэ, утверждающаго, что базилика Константина исчезла уже въ VII столѣтіи и была замѣнена подземною церковью, вѣрнѣе, часовнею Св. Елены надъ мѣстомъ обрѣтенія Св. Креста: здѣсь требуется уже аргументація археологическая, надо доказать, что Вогюэ ошибается, принимая разныя капителы нынѣшняго сѣ-

1) Академикъ В. Г. Васильевскаго въ изданіи *Прав. Палестинск. Сборн.*, т. IV, вып. 2.

вернаго печа церкви Св. Воскресенія за остатки Константиновской базилики, равно, считая конструкцію аркады (воротъ), открытой на русскомъ мѣстѣ, также памятникомъ Константиновской эпохи и пр. Возгос отожествляетъ нынѣшнюю церковь Св. Елены съ Моделстовымъ храмомъ Св. Креста не потому, чтобы онъ не зналъ, хотя частію, ясные тексты, гласящіе о *большой* церкви, возстановленной Моделстомъ, а потому, что археологическіе взгляды Возгоса были основаны на первичныхъ наблюденіяхъ византійскаго искусства, когда происходило, такъ сказать, еще первое чтеніе его памятникомъ, начальное знакомство съ его содержаніемъ, и вопросы хронологіи еще не существовали. Надо доказать, что церковь Св. Елены, по своей купольной конструкціи, не могла быть построена въ началѣ VII вѣка, когда купола даже въ столицѣ Византіи только что стали извѣстны въ первомъ соединеніи ихъ съ четырехугольнымъ основаніемъ (въ Св. Софій), а судя по всеѣмъ даннымъ, мѣстѣ въягымъ, построена не ранѣе X—XI вѣка, т. е. какъ разъ около времени Константина Мономаха, когда (какъ то доказываетъ В. Г. Васильевскій) возстановлены были церковь Св. Воскресенія и Голгофа, но храмъ Константина остался въ развалинахъ. «Можно допустить, говорятъ В. Г. Васильевскій, что церковь Св. Елены составляла особое подземное отдѣленіе уже въ первоначальной базилкѣ Константина: тутъ можно припомнить слова Евсевія о надземномъ и подземномъ, верхнемъ и нижнемъ рядѣ колоннъ въ этой базилкѣ; но и въ описаніи, помѣщенномъ у Моисея Каганкатваци, во всякомъ случаѣ, относящемся къ періоду послѣ персидскаго нашествія, говорится о верхнихъ и нижнихъ колоннахъ; слѣдовательно, съ такимъ же правомъ можно предположить существованіе подземнаго отдѣленія и во второй періодъ, въ Моделстовскомъ храмѣ: обрѣтенія Св. Креста, или Св. Константина». Существованіе крытыя, какъ разъ на мѣстѣ церкви Св. Елены, допустить можно, пожалуй, еще въ 1-й періодъ, но ни въ 1-й періодъ, ни во 2-й нельзя допустить существованія церкви Св. Елены, какъ извѣстно, покрытой куполомъ, подъ церковью Св. Константина. Равно, сколько бы ни было крытыя, онѣ, по тому уже, что суть *крытыя*, или скрытыя подземныя помѣщенія, выходящія въ церковь только особыми ходами, лѣстницами, крыльцами, не могутъ дать повода къ описанію церкви съ верхними и нижними колоннами, о чемъ мы уже достаточно говорили выше.

Однако, и тексты говорятъ убѣдительно на этотъ разъ о томъ, что церковь Константина существовала: черезъ нее, вломавъ ея двери, проникли сарацины въ 966 г., въ атриумъ церкви Св. Воскресенія и подожгли ея запертыя двери¹⁾. Далѣе, между 980 и 1005 г., производились «работы надъ

1) См. разсказъ Яхьи Антиохійскаго въ прилож. 2 къ изд. акад. В. Г. Васильевскаго, стр. 265—269. Мѣдникова, 1. с., стр. 338—343.

куполотъ» церкви Св. Воскресенія, и достроено то, что было разрушено и стояло безъ верха, «вромѣ свода (абсиды) Св. Константина, ибо онъ очень великъ» (широкъ и потому былъ невозможенъ для простыхъ каменщиковъ) «и (потому) остался непокрытымъ. И въ то время, когда управлялъ Иерусалимскимъ престоломъ патриархъ Александрійскій Арсеній, послѣ отъѣзда его брата, патриарха Ореста (986—1005 гг.) въ Константинополь, былъ достроенъ сводъ Св. Константина и былъ возобновленъ въ прежнемъ видѣ».

Столь же ясно свидѣтельство объ окончательномъ разрушеніи храма Св. Константина въ 1009 году¹⁾: «церковь (Воскресенія) была разрушена до основанія, за исключеніемъ тѣхъ частей, разрушеніе которыхъ было слишкомъ трудно и уничтоженіе которыхъ невозможно. И были разрушены Кранионъ и (вазилла) св. Константина и все, что находилось въ ея предѣлахъ, и были окончательно уничтожены священныя реликвиі. И старался (посланный халифа Халима) уничтожить Гробъ Господень и стереть слѣды его и разбить большую часть его и разрушилъ его. И было начало разрушенія во вторникъ 5 Сафара 400 (28-го сентября 1009 г.). И были разграблены все ея имѣнія (церкви) и завѣщанія (ей) имущества и захвачены вся ея утварь и металлическія вещи». Извѣстіе это очень ясно, но, повидному, преувеличено: новая церковь Воскресенія, возобновленная (начато черезъ три года) между 1040 и 1055 годами, имѣла, по словамъ нашего напомнима Даниила, «столбовъ облыхъ (круглыхъ колоннъ) 12, а 6 зданыхъ» (сложенныхъ изъ камня или кирпича), и, весьма вѣроятно, эти 12 колоннъ сохранила еще отъ древней церкви, такъ какъ въ XII вѣкѣ новыхъ колоннъ для зданія уже не тесали въ Византіи, довольствуясь кладкою столбовъ. Далеѣ, разрушена была лишь сводчатая ниша, покрывавшая Любое мѣсто, или, точнѣе, Крестъ, поставленный на немъ, а алтарь, а не самый Кранионъ, котораго скала, конечно, сохранилась, и который такъ подробно и точно описывается Данииломъ. Устройство полуоткрытой двойной ниши надъ Любымъ мѣстомъ (или Голговою—какъ стали отнынѣ называть его), сохранившееся нѣсколько и донынѣ, принадлежитъ, скорѣе XII, чѣмъ XI вѣку, и потому же самому и мозаическія изображенія Распятія и Снятія со Креста (о которыхъ говоритъ Даниилъ) исчезли: вмѣсто нихъ появились мозаическіе орнаменты, сохранившіеся на потолкѣ и полу въ правой или католической капеллѣ.

Насиръ-Хосрау, арабскій географъ (+ 1080) рассказываетъ о церкви Воскресенія (послѣ ея возобновленія въ 1040-хъ годахъ)²⁾: «Церковь эта настолько просторна, что въ ней могутъ помѣститься восемь тысячъ чело-

1) Приложение 3-е къ изданію Епифанія съ примѣч. В. Г. Васильеваго, стр. 269—270. Мѣшикова, стр. 368—369. Ср. латинскія свѣдѣнія, собранныя въ соч. Зенна, *Jerusalem und das heilige Land*, 1873, pag. 447—448, того же содержанія.

2) Мѣшиковъ, *Палестина по арабскимъ источникамъ*, стр. 881.

вѣкъ. Вся она тщательно разукрашена цѣлѣннымъ мраморомъ, рѣзною работою и живописью. Внутри церковь украшена румезною парчею и изображеніями. Много чистаго золота пошло на ея убранство. Во многихъ мѣстахъ находятсѣ изображеніе Иисуса — да будетъ надъ Нимъ спасеніе! свдѣннми на ослѣ и изображеніе другихъ пророковъ, какъ то: Авраама, Измаила, Исаака, Иакова и его сыновей, спасеніе да будетъ надъ ними! Эти иконы покрыты лакомъ изъ сандарусоваго масла, и каждая покрѣта тонкимъ стекломъ, чрезвычайно прозрачнымъ, такъ что оно нисколько не мѣшаетъ видѣть иконы. Сдѣлано это для того, чтобы предохранить иконы отъ пыли. Прислуга ежедневно чиститъ эти стекла [стало быть, это не слода?]. Въ этомъ безпорядочномъ и невѣжественномъ описаніи много реальности. Очевидно, главною церковью была уже ротонда, и въ ней именно размѣщалось 8000 человекъ. Но возможно, что облицовка нестрѣми мраморами стѣнъ имѣла мѣсто не только здѣсь, но въ Краионѣ и въ церкви Константина, и эти церкви были покрыты тою же живописью. Замѣчательно, что арабы упомянули стѣнное изображеніе Входа въ Иерусалимъ, а мы какъ разъ отъ этого именно времени знаемъ чудную мозаическую картину этого сюжета въ Палатинской капеллѣ.

Тотъ же Даниилъ (1106—1108 гг.) много дивился мозаической росписи ротонды: «иодъ верхомъ писаны суть пророци святии мусіею, яко явиви стояти, а надъ олтаремъ (*малымъ на западной сторонѣ*) написанъ есть Христосъ мусіею. Въ олтари же великомъ написано есть Адамово воздвигеніе (*т. е. Воскресеніе Господне по византійскому переводу*) мусіею; горѣ верху написано есть мусіею Вознесеніе Господне, оба поды олтаря на обою столпу написано есть мусіею Благовѣщеніе». Эта византійская роспись пещера безслѣдно (кромѣ сцены Вознесенія (?): см. Ciampini, *De aedificiis*, tab. 33) вмѣстѣ съ латинскою передѣлкою храма, около 1130-хъ годовъ или въ среднѣ XII столѣтія; но верхнимъ поламъ ротонды были предстанены пророки; въ маломъ алтарѣ, въ абсидѣ образъ Христа; въ большомъ алтарѣ¹⁾ по среднему поясу абсиды Воскресеніе Христово, а въ конѣ Вознесеніе съ предстоящими Богородицею и 12 Апостолами. Важное указаніе Даниила — мозаика Благовѣщенія на двухъ столбахъ передъ абсидою: на одномъ Архангелъ, на другомъ Богородица, какъ было во множествѣ византійскихъ церквей X—XII вѣка, — важное потому, что можетъ указывать на два такіе столба, которые поддерживаютъ куполъ въ восточной части. Мы можемъ, поэтому, съ нѣкоторымъ правомъ, заключить, что

1) «Отъ дверей гробныхъ до стѣны великаго олтари сажень 12», говоритъ Даниилъ, а его описаніе нисхожденія огня изъ Великой Субботы показывать намъ, что этотъ алтарь находился на востокъ, противъ входа въ Св. Гробъ, за куполомъ, т. е. приблизительно въ томъ же видѣ, какъ и на общезвѣстномъ планѣ среднѣвѣковаго храма.

при реставрации, послещей пня Константина Мономаха, съ цѣлью расширенія ротонды, уже были пещь (средневѣковой хоръ канониковъ, вынѣ греческая церковь Вознесенія), а надъ пещомъ, передъ абсидою уже была сводъ, стало быть, уже ранѣе крестовосцевъ, т. е. во времена Константина Мономаха ясно сознавали необходимость покрыть все крышею. Значить, не одно покрытие общею крышею всего храма въ связи съ ротондою было предпринято крестовосцами въ 1130—1140 гг., но п обдѣлка всѣхъ частей святилища, а именно: Голгофы, ротонды, Св. Гроба, темницы Господней, пупа земнаго и пр. Между проч. мѣ. исчезло оригинальное мозаическое изображение Христа, указываемое Данииломъ въ комаркѣ (пшиѣ) надъ пупомъ земли, «вѣ стѣны великаго алтаря», «за великымъ алтаремъ», съ подписью: «се ядѣю моею пзмѣрихъ небо и землю», и появился рядъ другихъ мозаикъ въ различныхъ частяхъ церкви, описываемыхъ Кварезиміемъ.

Во всякомъ случаѣ, еще остается большая задача разобрать съ современнымъ храмѣ, что именно уцѣлѣло отъ поздне-византійской эпохи, точнѣе говоря, отъ послѣдней реставраціи при Константиноѣ Мономахѣ, принимая, затѣмъ, во вниманіе общій характеръ отношенія крестовосцевъ къ завоеванной Палестинѣ, въ которой они не успѣли порядкомъ ничего устроить, но за то, многое перевернули вверхъ дномъ, многое псказали и спутали. Такъ напр., ясно, что многогранные столбы, поддерживающіе куполь пинѣшней церкви Воскресенія, не византійскіе п не тѣ, что видѣлъ Даниилъ, а средневѣковые, такъ какъ тѣ столбы должны были быть четырехугольные (чтобы на нихъ могли быть мозаическія фигуры), а, потому, очевидно, что п весь куполь цѣлкомъ средневѣковаго происхожденія, что доказывается, впрочемъ, п арочною системою. Стало быть, крестовосцы должны были развалить прежнюю церковь Воскресенія съ пещомъ, куполомъ п абсидою, прежде чѣмъ начали строить широкій храмъ по своему вкусу. Конечно, какой сумбуръ отъ этого не подымался, и какая путаница у новыхъ хозяевъ храма ни происходила, все же были греки, которые могли указать на мѣста, освященные преданіемъ, но, при греческой легкости возрѣвїи на преданіе, перестройка должна была многое смѣстить п спутать. Словомъ, если бы въ исторіи храма Св. Гроба не было этого, краткаго, но глѣбьнаго періода, то, несмотря на всѣ пожары п землетрясенія, это было бы, дѣйствительно, памятникъ древности, тогда какъ въ настоящее время это памятникъ средневѣковья, и древность приходится въ немъ «днемъ съ огнемъ» отыскивать и въ переносномъ, п въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ глухіе потемки, царящія во многихъ частяхъ храма, пропознли отъ новой задачи подведенія многихъ мелкихъ п крупныхъ церквей, часовенъ п капеллъ подъ одну крышу.

Тотъ же Даниилъ, окончивъ на Авраамовѣ жертвенникѣ п темницѣ съ перечнемъ всѣхъ святилищъ, лицезрѣнныхъ имъ въ храмѣ Св. Гроба, прибав-

леть: «И та свитаа мѣста вся, подъ однимъ покровомъ, суть по ряду все къ полунощю лицъ». Свидѣтельство Вильгельма Тирскаго, писавшаго уже въ концѣ XII вѣка, о томъ, что до латинскъ Голгооа, мѣсто помазанія и другія святаа мѣста были отдѣльными капеллами и не были покрыты, нельзя понимать иначе, какъ общеоу крышею съ храмомъ, тогда какъ, по Даніяуду, всѣ святаа, обращенныя на сѣверъ (но эти именно части находятся на южной сторонѣ отъ Св. Гроба) были покрыты однимъ «покровомъ», ифротлю, портикомъ. При передѣлкѣ сохранилась мозаика въ абсидѣ — Воскресеніе Господне, упоминаемое около 1165 года Юганомъ изъ Вюрцбурга; стало быть, стѣна абсиды времени Константина Мономаха была, быть можетъ, на мѣстѣ нынѣшняго хора греческой церкви Воскресенія, котораго стѣна сохранилась отъ средневѣковаго храма.

Очевидно изъ всего этого, что догадка Тоблера о томъ, что передѣлка храма состоялась между 1103 и 1130 гг., ошибочна, а храмъ могъ быть построенъ только между 1140 и 1165 гг., когда его видѣлъ упомянутый Юганъ Вюрцбургскій¹⁾.

Здѣсь же слѣдуетъ замѣтить, что греческое названіе нынѣшняго церкви Воскресенія исторически правильно: греческая церковь есть бывшій неча Анастасіа, до преобразования этого неча въ хоръ (каволоконъ, presbyterium) всего храма.

Еще важнѣе описаніе географа ал-Идриси (исалъ въ 1154 г.), какъ бы ни было оно хаотично, случайно и, на первый взглядъ, непонятно:

«... Церковь Воскресенія (ал-Кыямъ), которую мусульмане называютъ Кумамою, это та церковь, куда приходять паломники изъ всѣхъ странъ румовъ, которая на востокѣ и на западѣ земл. Въ нее входитъ черезъ врата съ западной стороны: тогда вопедшій очутится подъ тѣмъ куполомъ, который покрываетъ всю церковь; этотъ куполь — одно изъ чудесъ міра; а церковь ниже этихъ вратъ, и никто не можетъ спуститься въ нее съ этой стороны. Въ церкви есть ворота съ сѣверной стороны, чрезъ которыя спускаются въ нижнюю часть церкви по 30 ступенямъ. Эти врата называются вратами Св. Маріи. Когда входящій спустится въ церковь, то напротивъ него будетъ священная, почитаемая гробница съ двумя дверями, покрытая сводчатымъ куполомъ, прочно построеннымъ, красиво приподнятымъ и необыкновенно разукрашеннымъ. Изъ этихъ двухъ дверей одна напротивъ сѣвера, гдѣ врата Св. Маріи, а другая напротивъ неа, съ юга и называется дверями Распятія; надъ этою дверью церковная колоколыня. Напротивъ этой церкви съ восточной стороны есть громадѣнная церковь, въ которой румскіе франки служатъ обѣдни, а на востокъ отъ этой священной церкви, не-

1) Также, по другимъ сообщеніямъ, доказательствъ и Зенитъ, I. с. раз. 457.

много на югъ, находится та тюрьма¹⁾, въ которой былъ заключенъ Господь Мессія, и мѣсто распятія Его. Что касается большого купола²⁾, то онъ круглъ, открытъ со стороны неба, и вокругъ него изображены Пророки, Господь Мессія, Владычица Марія Мать Его и Юаннъ Креститель, а надъ священной гробницею, въ числѣ висящихъ надъ этимъ мѣстомъ свѣтланыковъ, отличаются три золотыхъ. . . ».

Изъ разсмотрѣнныхъ нами текстовъ ясно, прежде всего, то общее положеніе, что храмъ Св. Гроба, отъ самаго основанія своего, представлялъ комплексъ зданій разнаго рода и назначенія, а также расположенныхъ на различныхъ уровняхъ, и потому самому составлять сложную архитектурную задачу, исполняющуюся только въ главныхъ частяхъ. Разборъ древнихъ текстовъ убѣждаетъ насъ, что сооруженіе Константина вовсе не создало чего-либо цѣльнаго, а, напротивъ, съ начала и до конца, образовывало двѣ главные части, а послѣ пѣкотораго времени три: собственно храмъ Св. Гроба или ротоуды, и. Голгобы и базилику Константина. Равно и задача, исполненная крестоносцами и сохранившаяся, несмотря на пожары, до нашего времени, имѣла цѣлью только покрыть, предохранять отъ разрушенія святилище, а не сводить ихъ въ одно цѣлое. Вѣдь эти части были опредѣлены взаимными отношеніемъ въ пространствѣ и остались, поэтому, на своихъ мѣстахъ, но именно, по этой взаимности, и мѣнялись совмѣстно, то вырастая, то умаляясь: одна часть дополняла другія, замѣняла ихъ. Само время мало по малу придало значеніе каждому уголку древняго храма, осмыслило вѣдь его входы, ниши и эскадры, дворы и прятворы, а рельефъ грека и не знающее условій времени и мѣста воображеніе сирійца населили каждый уголокъ священными воспоминаніями, начиная съ Авраама и кончая Св. Маріею Египетскою.

Какая высокая историко-культурная задача была бы достигнута исторіею этой святыни въ связи съ сакральной ея ролью въ теченіи двухъ тысячелѣтій! Въ самомъ дѣлѣ, мы не можемъ теперь даже предугадать, насколько выиграютъ напр. лныя литургическія толкованія, если онѣ будутъ основываться на исторіи храма Св. Гроба. Насколько выиграетъ, затѣмъ, самая исторія архитектуры и искусства, когда она выяснитъ себѣ вопросъ о томъ, какія именно техническія пріобрѣтенія были здѣсь достигнуты, и какъ переходъ архитектурныхъ формъ храма Св. Гроба на Западъ вызывалъ тамъ развитіе искусства.

Испокъ архитектурныхъ воспроизведеній храма Св. Гроба Господилъ начивнается съ церкви *Св. Креста Иерусалимскаго въ Римѣ*, будто бы по

1) Золотѣ греч. тиника, находится и нынѣ на сѣверо-восточной сторонѣ.

2) Разумѣется куполь. ротоуды.

строенной *Св. Еленой* на пышной почве, привезенной съ Голгоомъ. Затѣмъ по времени слѣдуетъ копія *Св. Гроба*, построенная будто бы *Св. Петроніемъ съ Голонъ* въ п. *Св. Стефана* изъ бѣлаго мрамора, въ 432 г., и п. *Курантора съ Константинополь*. Монастырь *Св. Гроба съ Валенси* былъ основанъ еще въ VI в. Церковь *Арх. Михаила съ Фульды*, вѣрная копія ротонды *Св. Гроба*, была построена около 820 г., въ X вѣкѣ построена внутри *Константинскаго собора* копія самаго *Св. Гроба*. Начиная съ XI вѣка, появляется множество копій и подражаній¹⁾ въ Италіи, Франціи, Германіи и Англіи, иногда выполненныхъ по точному нарочитому плану, добытому на мѣстѣ, но именно эти копіи XI вѣка: во Флоренціи (Borgo di san Sepolcro), въ Портгемтонѣ, Камбрѣ, Шлетштадтѣ и пр., но именно всѣ эти копіи были впоследствии передѣлываемы по многу разъ, тогда какъ позднѣйшія, уже не любознательныя, которыя копируютъ существующій нынѣ храмъ крестопосцевъ, — сохранились.

Что касается древнѣйшихъ памятниковъ, то между ними надо различать во-первыхъ подражаніе восьмиугольной церкви въ Антиохіи — знаменитому въ древности произведенію Константинова вѣка, во-вторыхъ между подражаніями и точными воспроизведеніями. Все это представляетъ сложную работу, но весьма полезную по своимъ результатамъ всякаго рода.

Вопросомъ о воспроизведеніяхъ храма *Св. Гроба* въ христіанской архитектурѣ занялся мпмоходомъ Ж. Кшира, замѣчательный и непосредственный знатокъ средневѣковой, особенно французской, архитектуры¹⁾. Наблюдая въ такъ называемой романской архитектурѣ много церквей и капеллъ оригинальной круглой или подобной формы, онъ указывалъ на ихъ происхожденіе отъ одного священнаго образца, даннаго въ храмѣ *Св. Гроба*. Правда, этотъ самый храмъ, возникшій, по мнѣнію Кшира, уже послѣ разрушенія базилика Константина персами, въ VII вѣкѣ, не былъ новостью: до него уже были S. Costanza, S. Stefano Rotondo въ Римѣ и S. Germain-l'Auxerrois въ Парижѣ (древнѣйшей формы), но, въ своемъ типѣ круглаго зданія съ крышею въ видѣ усѣченнаго конуса, съ раскрытымъ верхомъ, храмъ *Св. Гроба* сталъ образцомъ для всей христіанской Европы. Во Франціи, въ XI и XII вѣкахъ исполнено нѣсколько копій въ большихъ размѣрахъ, которыя, по нынѣ своего покрытія, окончательно непригоднаго на сѣверѣ, не сохранились въ своемъ первоначальномъ видѣ; только вѣкторія изъ нихъ исчезли уже въ нашемъ вѣкѣ, а нынѣшнѣ уцѣлѣли лишь маленькія капеллы, пздали подражавшія типу.

1) Serr, *Jerusalem und das heilige Land*, 1873, I, p. 451.

1) Слѣдствіи, собранныи Жюлемъ Кшира, помѣщены въ посмертнмъ изданіи его: *Mélanges d'histoire et d'archéologie*, дополненія сдѣланы въ книгѣ Courroyer, *Ed. L'architecture romane*, p. 200—202, указывающаго на 4 церкви въ сѣверной Франціи XI в.

По общій вопросъ о типѣ можетъ быть разрѣшаемъ только при помощи данныхъ, собранныхъ по памятникамъ всей христіанской Сиріи и потому долженъ быть пока отложенъ.

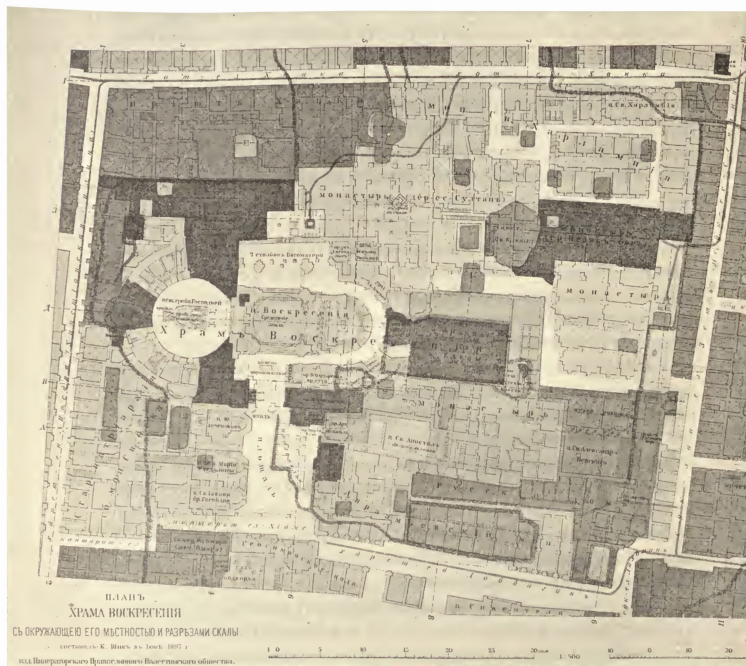

Рис. 27. Планъ храма Воскресенія съ окружающею его мѣстностью, сост. archit. К. Шинкомъ въ 1897 г. для Импер. Палестинскаго Общества.

Сдѣланный нами анализъ текстовъ приводитъ, далѣе, къ постановкѣ цѣлаго ряда частныхъ вопросовъ. *Первый* вопросъ относится къ формѣ Константиновскаго Анастасія, разумѣя подъ нимъ: а) украшенную архитектурно пещеру Св. Гроба и б) храмовое сооруженіе, окружающее пещеру и

находившееся въ атріумѣ Св. Гроба. Сколько можно судить изъ текстовъ, а также изъ непосредственныхъ изображеній пенцеры Св. Гроба (на амбулалахъ Мошцы), она вовсе не имѣла вида того двухъэтажнаго, каменнаго мавзолея, съ массивными стѣнами, прорѣзанннми сверху окнами, вилу дверью, какъ въ послѣднее время полагали, на основаніи общаго изображенія надробнаго мавзолея для круглой церкви (Мюнхенскій диптихъ). Пенцера Св. Гроба не могла имѣть этого вида, такъ какъ она имѣла въ древности свою естественную четырехугольную и продолговатую форму; но была украшена спереди портикомъ изъ 4 колоннъ, но бокамъ также колоннами, а въ промежуткахъ покрыта рѣшетчатымъ трельяжемъ (*transvolatile*); верхъ былъ шатровой, конической, и крыша по краямъ образовывала *конги* и *камары*.

Равно и самое храмовое зданіе, служившее мѣстомъ собранія вѣрующнхъ передъ Анастасею, не могло быть каменнымъ глухимъ зданіемъ, если мы примемъ во вниманіе показаніе Сильвіи. Скорѣе всего, это была круговая колонада, по образцу указываемыхъ нами древнихъ памятниковъ (см. Предисловіе) и, быть можетъ, открываемая нами въ окружающихъ колонадахъ мечети Скалы для Омаровой и мечети Давида, если только вѣрно предположеніе, что первая не имѣла сперва окружной стѣны.

Второй пунктъ — протяженіе атріума, находившагося возлѣ Анастасея и имѣвшаго четырехугольную форму. Чтеніе всѣхъ текстовъ насъ убѣждаетъ, что атріумъ кончался какъ разъ тамъ, гдѣ и теперь начинается открытая наперть (*parvis* или *парадизъ*) храма Св. Гроба, но былъ шире теперешней площади, а именно охватывалъ мѣстности церкви Св. Іакова, Св. 40 мучениковъ и часть мѣста Аврааміева монастыря. Такимъ образомъ, предѣламъ атріума съ западной и южной стороны были оставленные сооруженіями Константина подъемъ мѣстности; когда Сильвія говоритъ, что передъ началомъ службы «открываются всѣ двери Анастасея» и «сходятъ всѣ монашествующіе и дѣвы» или «сходитъ епископъ» и т. д., то, по нашему мнѣнію, эти ея слова указываютъ на то, что и прежде былъ (какъ и теперь есть) суесть изъ «патріархіи», а стало быть, были мѣстности или крыльца, ведшія на дворъ павиль.

Далѣе, исымъ предѣломъ атріума по восточной сторонѣ, является скала Голговы, или вѣрнѣе, Любое мѣсто, оставшееся, послѣ Константиновыхъ сооруженій, у стѣны базилика, или скорѣе, въ ея стѣнѣ и впоследствии уже обставленное декоративнымъ крестомъ и нишею или эсседрою.

Весьма любопытно, затѣмъ, какъ измѣнилось, за 50 лѣтъ, протекавшія послѣ построенія храма, его богослужебное распределеніе, вырабатывавшееся постепенно изъ практическихъ потребностей и религіозныхъ нуждъ. Главнымъ мѣстомъ служенія (по Сильвіи) въ концѣ IV вѣка является, очевидно,

Анастасиясь, а въ базиликѣ Константиина служба прпеходить только по праздникамъ; и народъ приходитъ обыкновенно прямо ко Св. Гробу, т. е. подходить къ церкви не со стороны прошлой Константиина, но съ нынѣшней наперти. Очевидно, поэтому, что архитектору храма, располагая всю постройку, ориентировался въ ней двояко: именно пять въ виду во-первыхъ, устроить пышный храмъ для всего города, въ соответствии съ древнимъ еврейскимъ храмомъ, и открывать его отъ рыночной площади (нынѣ улицы), а располагать на выровненной возвышенности, которую всю цѣлкою звали Голгоою. Во-вторыхъ, задачей архитектора было создать блестящую декоративную обстановку Св. Гроба во вѣсѣ времени. Естественно, что алтарная ниша базилики не могла быть иначе помѣщена, какъ на западномъ ея концѣ, и для строителя оставалось еще совершенно неизвѣстнымъ, какъ церковная практика распорядится съ декоративнымъ зданіемъ вокругъ Св. Гроба. Все это пришло послѣ. Поэтому, весьма понятно, что базилика оканчивалась въ атриумѣ Св. Гроба стѣною абсиды, и только боковая дверь связывала двѣ части храма.

Третій пунктъ, касающійся вопроса объ архитектурномъ типѣ базилики, долженъ быть оставленъ до времени безъ разсмотрѣнія, и наши занятія ограничивались лишь задачею отыскать гдѣ-либо колонны базилики, которые не были нкуда увезены и не могли, ни при какихъ пожарахъ и разрушеніяхъ, пропасть безслѣдно. О нашей догадкѣ, что эти колонны и доселѣ находятся въ мечети Омара, скажемъ ниже.

Четвертый пунктъ касается прошлой, ихъ судьбы со времени сооруженій Модеста. Наши соображенія, что современная перестановка главнаго входа съ восточнаго конца базилики на западную часть, началась съ Модеста, должны быть подтверждены на самыхъ остаткахъ, тѣмъ болѣе, что ихъ пониманіе, въ свою очередь, зависягъ отъ способа представленія этой перегородки въ судьбахъ храма.

Пятый пунктъ — представляется для насъ важнымъ заключеніемъ, что стѣна абсиды базилики Константиина Мономаха (базилика Воскресенія) находилась или какъ разъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ хоръ теверенней церкви Воскресенія, и болѣе, что стѣна этой абсиды въ этомъ хорѣ должна быть сохранена до извѣстной высоты.

Шестой пунктъ касается положенія церкви Св. Елены, времени ея купольной постройки, прпехожденія ея колоннъ и отношенія хода или сгуска въ эту церковь къ абсидѣ древней базилики Константиина.

Конечно, основною задачею или идеальною цѣлью является *отысканіе слѣдовъ* древней базилики на мѣстѣ, въ исторической реальности, не въ схемѣ научной реставраціи. Для прежнихъ изслѣдователей это исканіе слѣдовъ было всегда нѣсколько загадочнымъ, и извѣстный Унгеръ рѣшался

увѣрять, что «ли одинъ камень современной церкви не принадлежитъ первоначальному зданію».

Нынѣ, на русскомъ мѣстѣ, открыты монументальныя руины пропильей древняго храма, и съ нихъ теперь должно начинаться всякое его изслѣдованіе.

Это открытіе Константиновскихъ сооружений на «Русскомъ мѣстѣ» (см. табл. XXXV—XXXVI), было собственно важнѣйшимъ археологическимъ открытіемъ и дѣйствительнымъ изслѣдованіемъ по исторіи храма Св. Гроба.

Православное Палестинское Общество, которому мы обязаны этимъ блестящимъ открытіемъ, простерло свое вниманіе къ наукѣ древности, настолько, что собрало и издало въ переводѣ всѣ тексты изслѣдователей, относящіяся до развалинъ, какъ существовавшихъ издавна на русскомъ мѣстѣ и вблизи отъ него, такъ и вновь найденныхъ (см. Прилож. IV къ 7 вып.). Изъ этого собранія явствуешь, что уже первые изслѣдователи Шульцъ, Вильямъ и Виллсъ, угадали его значеніе (Вильямъ, стр. 113): сообщая объ остаткахъ гранитныхъ колоннъ, шилъстра и стѣны, образующихъ порталъ, намъ прибавляютъ, съ удареніемъ, что развалины приходятся на мѣстѣ, гдѣ *«должны были находиться пропильи Константиновой базилики»*. Робинсонъ, османивая замѣчаніе, что эта древняя стѣна могла быть городской стѣною, уже прямо ставитъ, хотя въ видѣ предположенія, эти остатки въ связи съ пропильями Константина или Модеста. Изъ словъ Крафта видно, что, съ самаго начала изслѣдованій Иерусалима, эти остатки портала давали многимъ идею искать здѣсь остатки городскихъ воротъ и городской стѣны, но и Крафтъ и Тоблеръ (этотъ послѣдній — въ первомъ сочиненіи о «Голгофѣ») этого не признали и также продолжали считать развалины остатками пропильей.

Въ «новыхъ изслѣдованіяхъ» 1857 года, Робинсонъ подтвердилъ свой прежній взглядъ и еще пресоветовалъ, что такъ какъ руины пропильей гораздо ниже поверхности земли въ западной части, то возможно, что первоначально отъ нихъ вели ступени вверхъ къ атриуму. Палестинская Коммиссія занявшись очисткою русскаго мѣста отъ мусора и обнаруживъ при помощи арх. Пьерротти древніе остатки, присоединилась къ общему мнѣнію, которое видѣло въ нихъ портики и пропильи древняго храма.

Еще ближе подошелъ къ предмету извѣстный Вогюэ: относъ всѣ найденныя развалины къ базиликѣ Константина (ib., стр. 122), отъ вновь проязвелъ раскопки на ихъ мѣстѣ и въ предѣлахъ возможнаго въ то время анализа, изслѣдовалъ первыи развалины со стороны стѣны. «Колонны, говоритъ онъ, оказались *«только византійскаго типа»* (Вогюэ отличаетъ этимъ эпитетомъ IV—VI в. по Р. X.): *«столы сираго гранита, профиль pedestала»*

особенно *изященъ*; разрёзь пнякаго валька колонны, превосходящей значительно подукругъ (см. рис. Прилож. IV, стр. 123), весьма характеристиченъ; эти базы колоннъ можно сравнить съ базами колоннъ Визоюемской базилики и съ базами внутреннихъ колоннъ Золотыхъ воротъ; менѣе классической формы чѣмъ первыя, онѣ *далеко не такъ испорчены какъ вторыя*; кромѣ того, онѣ опираются на шестестолы, ломанья линий которыхъ, хотя посятъ на себѣ признаки римской эпохи, но времени упадка искусства. Слѣдовательно, *общій стиль вполне подходитъ къ царствованію Константина*.

Наконецъ, тотъ же Воюю догадался, почему линии проплей по фасаду паходтся не на одной оси съ атриумомъ: эта неправопьяность, говоритъ онъ, произошла отъ того, что при постройкѣ хотѣли воспользоваться остатками массивной *древней стѣны*.

Эту древнюю стѣну Воюю считаетъ остатками второй Иерусалимской городской стѣны, и римскую кладку пзвнутри объясняетъ тѣмъ, что «строители базилики, понятно, желали этою облицовкою древнихъ стѣнъ, достигнуть соответствія съ остальными частями атриума».

Последнее, есть простая догадка, ничѣмъ не подкрѣпимая, разъ, что остальныхъ частей атриума не нашли (доселѣ), тогда какъ первое заключеніе, что въ развалинахъ монументальной стѣны, сложенной изъ камней съ вынусками, мы можемъ видѣть *древнюю еврейскую стѣну*, основывается авторомъ на цѣломъ рядѣ непосредственныхъ аналогій.

Въ заключеніе, Воюю сообщаетъ свой взглядъ п на существующую нынѣ въ 15 метрахъ къ югу отъ угла проплей арку пли, скорѣе, руну бывшей прежде тройной монументальной арки, отъ которой уцѣлѣла только одна боковая, малая арка, п то въ сборномъ видѣ, а именно, какъ говоритъ Воюю, «одна изъ ея капителей была взята отъ центральной арки, другая— есть византійская кубическая капитель, украшенная крестомъ; по центральной арке, отъ которой сохранился всего одинъ пплетръ— римской работы. Коринтскія капители, украшенные въ серединѣ узломъ, съ двумя птицами по бокамъ, довольно хорошаго стиля».

Какъ ни поверхностно здѣсь описаны капители, какъ ни общо определень стиль, Воюю стоитъ здѣсь на почвѣ фактическаго наблюденія п непосредственныхъ выводовъ. Напротивъ того, довольно неожиданнымъ является изображеніе, что эта тройная арка, хотя поздншаго времени, построена на мѣстѣ *древняго входа въ городъ*: не всякая такая арка непременно образуетъ ворота— наоборотъ, такіе отдѣльные случаи были, очевидно, п перечеть п всегда принадлежали не простому входу, а триумфальному, п потому являлись чаще монументальными сооружениями. И потому, Воюю требовалось здѣсь построить рядъ доводовъ, прежде чѣмъ заключать къ

Суднымъ воротамъ, черезъ которыя І. Христосъ былъ веденъ на Любое мѣсто.

Но, по существу дѣла, Вогюэ былъ едва ли не единственнымъ археологомъ, занявшимся палестинскими древностями съ точки зрѣнія стѣл и имѣвшимъ для того необходимыя знанія по исторіи искусства. Достаточно сравнить въ предѣлахъ даннаго вопроса послѣдующія описанія англійскихъ топографовъ (Вильсона — *ibid*, стр. 129—130; Кондера — *ibid*, стр. 132), чтобы видѣть ихъ пріемы: позднѣйшую византійскую кубовую капитель они опредѣляютъ только «каменной глыбою, грубо выѣченной»; противопоставляютъ византійскую капитель коринтской; усматриваютъ перестройку въ томъ, что одна пята арки опирается на пилестръ, а другая на колонну; противъ замѣчанія Вогюэ, что коринтскія капители составляютъ пару, измѣреніями доказываютъ разницу, и древне-христіанскіе символы объясняютъ при помощи Данта и т. д. Наконецъ, выводъ, что эти капители, можетъ быть, принадлежали неизвѣстному дворцу пресловутой Елены царицы Адіабенской, можно назвать прямо забавнымъ.

Итакъ, по словамъ Предисловія (вып. VII, стр. VII), своды вѣстѣй, видимъ, что до 1872 г. были отысканы и открыты раскопками: ослыны колонны съ ихъ продолженіемъ, остатокъ стѣны съ пилестромъ и на западъ отъ него уголъ съ выступомъ древней стѣны и на югъ развалины арки; «связи между всѣми этими остатками не было опредѣлено».

На томъ же русскомъ мѣстѣ, близъ храма Воскресенія Христова въ Иерусалимѣ, были произведены археологическія раскопки извѣстнымъ ориенталистомъ Клермономъ Ганно въ 1874 году¹⁾, по ученые результаты этого разслѣдованія появились впервые черезъ 26 лѣтъ въ особу вышедшемъ сочиненіи въ 4-й главѣ перваго тома. Эти изслѣдованія сосредоточены были на двухъ мѣстностяхъ: мѣстности большаго сводчатыхъ воротъ на юго-восточной сторонѣ и большой стѣны къ сѣверу отъ воротъ. Изслѣдователь, обнаруживъ основаніе воротъ, которымъ принадлежатъ оба пилестра, заключилъ, что эти ворота принадлежатъ византійской эпохѣ и что различныя и разновременныя капители этого свода указываютъ на разновременный архитектурный матеріалъ, вошедшій въ составъ этого сооруженія. Камешъ, съ украшеніями въ византійскомъ стилѣ, найденъ былъ также въ основаніи двухъ арокъ. Между воротами и большою древнею стѣною съ выпусковыми камнями, обнаруженъ былъ помостъ изъ илгъ, расчлененныхъ на различныя высоты, что могло произойти, какъ говоритъ авторъ, или отъ соору-

1) Ch. Clermont-Ganneau, *Archaeological Researches in Palestine during the years 1873—1874*, I, 1899, p. 85—100. На стр. 98 представлена одна мраморная капитель «гречко-римскаго или очень ранняго византійскаго» стиля: *капитель мождественна съ колоннами Омаровой мечети*, а найдена на русскомъ мѣстѣ, близъ Контскаго монастыря.

женій различнаго времени, или отъ различныхъ архитектурныхъ уровней. Наконецъ, обнаруживъ на большомъ разстояніи эту древнюю выпускковую стѣну, Клермонъ Гано осмотрѣлъ и обнаружилъ во всѣхъ подробностяхъ фасады зданій, обращенныхъ къ русскому мѣсту съ южной стороны и составляющихъ вѣншую стѣну зданія времени крестопоосцевъ, принадлежавшаго къ монастырю канониковъ Св. Гроба. Клермонъ Гано обнаружилъ здѣсь характерную средневѣковую сѣчку камней, знаки каменотесцевъ, внутренніе своды, окна и пиластры, къ сожалѣнію внослѣдствіи заложенные стѣнами комнатъ, сооруженныхъ надъ Аврааміевскимъ монастыремъ.

Новое и наиболѣе рѣшительное движеніе вопроса, связаннаго съ этими руинами, послѣдовало въ результатѣ обширныхъ и полныхъ раскопокъ, произведенныхъ въ 1883 году Палестинскимъ Обществомъ подъ наблюденіемъ извѣстнаго археолога о. архимандрита Антонина, на всемъ пространствѣ русскаго мѣста. Главнѣйшимъ результатомъ раскопокъ было то, что разединенныя доселѣ части руинъ представили ясное цѣлое, и тѣ самые остатки, которые изслѣдователями были опредѣлены, какъ слѣды древнихъ городскихъ стѣнъ, нынѣ объяснили всѣмъ извѣстное недоумѣніе относительно Константиновой базилики, а именно, что «отыскавныя колоны проплевей (см. то же Предисловіе, стр. X) оказывались не на одной ося съ храмомъ Воскресенія, а представляли отклоненіе въ южномъ направленіи. Такое отклоненіе оставалось перазъясненнымъ, пока не были изслѣдованы найденыя древне-сврейскія стѣны, которыми воспользовались строители Константиновскихъ сооружений для стѣнъ базилики; а такъ какъ стѣны эти лежали не на одной ося съ храмомъ Воскресенія, то и проплевей, параллельныя къ нимъ, отклонились на югъ». Здѣсь, для точности, слѣдуетъ только, вмѣсто словъ: «для стѣнъ базилики», поставить: «для фасада проплевей», или для стѣнъ зданія, такъ какъ зданіе собственной базилики оканчивалось, несомнѣнно, далѣе на западъ.

То же обстоятельство признано и знатокомъ мѣстныхъ древностей, архитекторомъ Шнкомъ (*Записка* его, напечатанная въ VII вып. Прав. Пал. Сборн., стр. 39—56). Ему принадлежатъ, въ данномъ случаѣ, нѣсколько любознательныхъ заключеній по вопросу о сохранившихся подъ мусоромъ и нынѣ открытыхъ слѣдахъ древнихъ стѣнъ, примыкающихъ къ проплевеймъ. По мнѣнію Шнка, этими стѣнами прямо опредѣляется направленіе базилики: по южной сторонѣ, восточной и отчасти западной, благодаря, въ послѣднемъ случаѣ, показанію остатковъ стѣнъ въ храмѣ Св. Гроба и скалы, выходящей на поверхность земли. Далѣе, пещы древней базилики, по взгляду К. Шнка, совпадаютъ съ нынѣшними стѣнами, а въ сѣверо-западномъ углу двора Абиссинскаго монастыря сохранился будто бы остатокъ древней базилики,

уголь, соединявший средний нефъ съ паружнымъ портикомъ. Всѣ эти заключенія имѣютъ вѣсть лишь благодаря авторитету мѣстнаго знатока, но ничѣмъ не доказаны, кромѣ своей связи съ теоретическою реставраціею храма, дѣлающей ихъ только подозрительными. Съ своей стороны мы предпочитаемъ не принимать этихъ заключеній на вѣру, пока не будемъ въ состояніи ихъ провѣрить на дѣлѣ.

Къ сожалѣнію, изслѣдованіе Шпка по вопросу о новооткрытыхъ рупнахъ, ограничилось однимъ пунктомъ, именно значеніемъ древней еврейской стѣны, вошедшей въ составъ проналеевъ. Заключенія Шпка о роли «византійской» или «Константиновой» арки сдѣланы мимоходомъ и небрежно, равно какъ ничѣмъ не доказано, что арка, неизмѣнно, должна была находиться надъ проходомъ или дорогою. Напротивъ того, увѣренія, будто бы авторъ, при раскопкахъ, въ одномъ только подвалѣ различилъ постройки шести различныхъ эпохъ, мало внушаютъ довѣрія уже своею излишнею притязательностью. Точно также неудачны въ логическомъ и археологическомъ отношеніяхъ попытка г. Шпка отнестись критически къ описанію Евсевія. Въ статьѣ есть прямыя несообразности: потолокъ базилики былъ будто бы убранъ драгоценными камнями, помость украшена разноцвѣтными мраморами (стѣны были облицованы) и базилика на Востокѣ получала купола уже въ IV вѣкѣ. Приложительный къ анализу Шпка планъ древней базилики допускаетъ возможнымъ опустить большой куполъ на кругъ изъ колоннъ — задачу, осуществленную впервые по счастью только въ планѣ и избавляющую насъ отъ излишняго труда разбирать основательность плана.

По наблюденіямъ Шпка (*Записка VII* выш., стр. 54—55), оказывалось: 1) Восточная и южная наружныя стѣны базилики Константиана совпадаютъ съ нынѣ открытыми остатками. 2) «Западная стѣна проходила тамъ, гдѣ въ нынѣшнемъ храмѣ Св. Гроба падаютъ много остатковъ древнихъ стѣнъ и гдѣ скала выходитъ на поверхность земли». Но Шпкъ отождествляетъ трехсторонній атриумъ Евсевія съ ротою. 3) «Нефы совпадаютъ съ нынѣшними стѣнами и перегородками». 4) Въ сѣверо-западномъ углу Аббисинскаго двора сохранился остатокъ самой базилики, составлявший уголь, который соединялъ средний нефъ съ наружнымъ портикомъ. 5) Мѣстоположеніе столбовъ сѣвернаго нефа совпадаетъ съ южною стѣною Контекскаго монастыря и находится далѣе въ подвалахъ дейръ Псаакъ-Бека.

По собственно изслѣдованію Шпка (*ibid*, стр. 39—56) ограничилось вопросомъ о значеніи древней еврейской стѣны, вошедшей въ составъ проналей. Что касается заключеній его же о роли, которую могла играть въ этихъ рупнахъ «византійская» или даже «Константинова» (какъ рѣшались ее называть) арка, то эти заключенія сдѣланы мимоходомъ и крайне неудачно.

Откуда напр. видно, что арка была перекшута через проходъ или дорогу, подъ которой былъ открытъ каналъ и пр., и для чего бы это было сдѣлано? Невѣрно, далѣе, что разбирать остатки стѣны по ихъ принадлежности бесполезно (стр. 41): такъ, какъ этотъ анализъ сдѣлать въ запискѣ арх. Антонина, очень полезно, а такъ, какъ сдѣлано попутно (стр. 41 и вновь стр. 219) у Шика, что *въ одномъ подвалѣ* онъ разлучилъ постройки шести эпохъ, конечно, не внушаетъ никакого довѣрія. Почему бы цистерны не могли быть внутри замка, и отчего это неудобно и нездорово (стр. 45) и почему четырехъугольникъ долженъ быть «замкомъ» (что тоже Акрою), остается неизвѣстнымъ.

Еще слабѣе въ логическомъ отношеніи и до крайности слабы со стороны техники и исторіи замѣчанія Шика «о сооруженіяхъ Константины», по Евсевію, на что было указано и прежде. Здѣсь, наряду съ вѣрными, крупныя ошибки противъ археологій (восточныя *базилики* имѣли купола; смѣшаны два понятія базилики: храма вообще въ первые вѣка и продолговатаго церковнаго зданія безъ купола) и противъ текста Евсевія — даже тамъ, гдѣ онъ вполне ясенъ.

Словомъ текстъ¹⁾ въ данномъ случаѣ вполне отвѣчаетъ достоинству приложеннаго къ нему реставраціоннаго плана древней базилики, въ которомъ громадный куполъ опущенъ только на кругъ колоннъ — чего не рѣшился бы проэкспривать никакой архитекторъ для постройки — и что возможно при изображеніи развѣ мыльнаго пузыря, какимъ по существу и по формѣ является второй куполъ этого пресловутаго плана: появленіе купола самымъ авторомъ объясняется кратко, изъ котораго рода Witz'емъ, что для *увеличенія* зданія необходимо было этотъ вѣнецъ.

Но и самое изслѣдованіе древней еврейской стѣны, предполагаемаго рва при городской стѣнѣ много повредило вопросу: вмѣсто того, чтобы идти отъ извѣстнаго къ некому плечу, опредѣляя возможно точнѣе реальные остатки, сперва установить, что именно мы имѣемъ передъ собою, остатки какого рода построекъ, какую кладку, какихъ зданій и эпохъ, статьи Шика подали поводъ къ дальнѣйшимъ тонографическимъ злукураціямъ. Шикау

1) Текстъ 2-й статьи г. Шика ограничивается тѣми же положеніями, но еще болѣе страдаетъ въ логическомъ отношеніи, такъ какъ авторъ, видимо, детальною анализа хотеть подчеркнуть общія соображенія. См. напр. стр. 236: куполъ *окуренъ* колоннами, достигаетъ *вершины* (?) базилики, къ *продольнымъ* сторонамъ базилики примыкали *передніе* дворы и т. п. Авторъ, видимо, не отличаетъ стилей въ архитектурѣ — три албиды средневѣковаго типа ротонды ему кажутся тождественными съ планомъ Константины, не знаетъ, что въ его время еще не употребляли въ монументальныхъ портикахъ столбовъ, полагаетъ, что въ среднемъ и боковомъ нефахъ колонны (или столбы?) были разной степени массивности. Отсюда и всѣ догадки г. Шика объ остаткахъ столбовъ южнаго нефа базилики совершенно произвольны.

нужно было из остатковъ создать замокъ, арка стала триумфальными воротами, ихъ сопоставили съ аркою Юссе ното, но совершенно случайной комбинаціей этой послѣдней съ традиціоннымъ латинскимъ *крестнымъ путемъ*, стало возможнымъ толковать объ аркѣ византійской на древнемъ, истинномъ пути. Словомъ, возникъ рядъ догадокъ, которыхъ остроуміе заставляло жалѣть о недостаткѣ основательнаго изслѣдованія, о чемъ жалѣть уже проч. Гуте (ibid, стр. 253).

По гипотезѣ К. Шика¹⁾, передній фасадъ базилики Константина долженъ быть находиться не на мѣстѣ, открытомъ русскими постройкамъ, но со стороны церкви Св. Гроба, абсиды же базилики на восточной ея сторонѣ (какъ въ обычномъ византійскомъ планѣ). Разбирая эту гипотезу, Клермонъ Ганно²⁾ называлъ ее «революціонною», въ смыслѣ крайней, совершенно недопустимой новости: онъ отрицаетъ это предположеніе, прежде всего, собственными, ему одному принадлежащими, аргументами. Кучическая шадисъ, открытая на мѣстѣ бывшей мечети у лѣстницы съ восточной стороны базилики, указываетъ, по словамъ этого ученаго, на входную лѣстницу, на входную дверь вверху этой лѣстницы, на преддверіе или наперть базилики, на ея пронапъ, отъ которыхъ сохранилось нѣсколько колоннъ и базъ *in situ*. Шикъ самъ признаетъ и лѣстницу и портикъ (колоннаду) при восточной стѣнѣ, но пытается объяснить ихъ двумя колоннадами, фланкированными (?) глухими стѣнами базилики на сѣверной и южной сторонахъ и двумя боковыми лѣстницами (никуда не ведущими?). Для времени Константина не было обязательнымъ располагать церковь съ запада на востокъ, и базилика Тира была также, какъ и Иерусалимскій мартиріонъ, обращена на западъ, а мартиріонъ находился, по отношенію къ Св. Гробу, въ особыхъ условіяхъ. *Vrevarius* точно опредѣляетъ (ок. 530 г.): *intranti in basilicam magnam (sancti Constantini), ab occidente est absida*. Наконецъ Клермонъ Ганно ссылается на планровку Константиновой базилики въ Мадебской мозаикѣ, которая представляеть храмъ, очевидно, въ первоначальномъ планѣ, даннымъ при Константинѣ, такъ какъ если бы мозаика относилась (была бы начала VII в., какъ другія мозаики Мадебы) даже ко времени послѣ реставраціи Модеста, то все же реставрація эта не могла простираться до кореннаго измѣненія плана.

Клермонъ Ганно³⁾ заявляетъ, что быть «пораженъ» неправильностью прямого угла, образуемаго восточною и южною частями стѣны, неправильностью, доводящею этотъ уголъ до 96° или 97°, и придающею зданію бази-

1) *Zeitschrift d. deutschen Palästina-Vereins*, 1885, VIII, p. 259—277, Taf. XI—XIII.

2) *Rec. d'arch. or.* 1898, II, p. 347—355.

3) *Recueil d'arch. or.* II, 1898, p. 359—362.

лпки трапецеобразную, а не прямоугольную форму. По этой причине Клермонъ Ганно даже не рѣшается видѣть въ данной стѣнѣ часть самаго зданія, а только предполагаетъ въ немъ родъ ограды вокругъ базилика, которой не правильности вызваны или мѣстностью или сосѣдними пристройками. Но подобныя неправильности наблюдаются во многихъ византійскихъ храмахъ, самой совершенной конструкціи, какъ напр. въ Св. Софїи Константинопольской, гдѣ ни одинъ изъ среднихъ столбовъ не представляетъ точныхъ геометрическихъ формъ и каждая линія даетъ самыя разнообразныя изгибы въ кривизну.

Что же касается дальнѣйшихъ предположеній (сдѣланныхъ съ оговорками) того же ученаго, что ограда составляла своего рода «харамъ», а въ немъ различныя святилища: базилику (въ размѣрѣ Влолеевской), атриумъ, анастасию, то эта гипотеза, будучи явно, восточно-мусульманскаго происхождения, совершенно не идетъ къ типамъ намъ извѣстныхъ древне-христіанскихъ базиликъ.

Работы экспедиціи сосредоточились на техническомъ ознакомленіи съ открытыми руинами и ихъ подробное фотографированіе: полученные снимки позволяютъ каждому судить о пропавшихъ.

При взглядѣ на главную стѣну пропилей (фот. 663 и 664), ясно, прежде всего, что она находится въ первоначальномъ положеніи, т. е. сложена и не была переложена: всюду наблюдается безупречно ровная линія кладки, которая не можетъ сохраниться при перекладкѣ. Особенно ясно можно видѣть это обстоятельство на фот. 664, въ смыкающемся углу, гдѣ линія рустикъ или выносковъ необыкновенно вѣрно приходится другъ къ другу, такъ что, очевидно, эти насѣчки сдѣланы отчасти уже на мѣстѣ послѣ кладки и не были никогда потревожены. Тоже самое должно замѣтить о среднемъ камнѣ, положенномъ въ нижнемъ ряду сверхъ природной скалы, высѣченной съ уступомъ, и также не сдвинутомъ съ своего первоначальнаго ложа.

Кладка стѣны, къ которой примкнута позднѣйшая арочная дверь, видна на фот. 666, также относится къ древнѣйшему періоду, т. е. эпохѣ Константина по искусству сипванія разнообразныхъ плитъ, еще имѣющему характеръ римскій, а не византійскій. Наоборотъ, арка, видимо, византійской кладки. Къ древней кладкѣ должно отнести и нижніе два ряда кладки стѣны, продольно идущей отъ пропилей на фот. 667 и 668. Стѣна поперечная, сохранившаяся на значительную высоту (6 рядовъ) и поперечная къ этимъ рядамъ, поздне-византійской дурной кладки.

Отлично видна, наконецъ, поздняя византійская кладка въ кускѣ поперечной стѣны съ извѣстною аркою на фот. 670 и 671: эта стѣна времени Модеста, сложенная частію изъ древнихъ кусковъ, но уже мелкихъ, обильно

связанных известью и пригнанных другъ къ другу, безъ соблюденія рядовъ и шпиковъ, безъ притески камней постлѣ кладки.

Въ эту стѣну вставлены именно тѣ пилястровыя канители, которыя ставляя видѣть въ ней остатки Константиновыхъ сооружений, по которымъ, при внимательномъ разсмотрѣніи, указываютъ, напротивъ, на время Модеста, когда эта стѣна и арка были сооружены. Въ самомъ дѣлѣ, только верхняя канитель на лѣвомъ пилястрѣ на углу стѣны (табл. XXXVI) можетъ почитаться первоначальною, т. е. принадлежащею именно этому углу: канитель эта вполне соответствуетъ по размѣрамъ пилястру, который имѣетъ сверху поясокъ въ видѣ выступающаго тора по краю плиты, на которой канитель поставлена. Рядомъ съ выѣченнымъ пилястромъ ясно виденъ изломъ древней стѣны, направляющійся къ пиэзу, за которымъ кладка, кромѣ верхняго ряда, уже перебита, т. е. имѣетъ ряды неправильные, сложенные пзъ древесныхъ, хорошо обтесанныхъ и другихъ грубыхъ кусковъ, и перебивку рядовъ и связей и кончается у арки, не образуя уже никакого пилястра. Между тѣмъ, въ пятую арку вставлена опять тождественная по рисунку и фактурѣ пилястровая канитель на этотъ разъ, безъ полочки пиэзу и урубанная, а съ угла поломанная, стало быть, вынутая тутъ же изъ мусора или другой разобранной стѣны. Сразу ясно, при взглядѣ на фот. 670, что эта канитель понадобилась здѣсь не столько для арки, сколько для соотвѣтствія съ поздне-византийскою кубовою канителью, на которую арка опущена.

Итакъ, если эти канители одновременны то ихъ размѣщеніе не одновременно, какъ не одновременно съ ними же арка. Типъ кубовой канители указываетъ на VII—VIII столѣтіе, къ тому же времени относится и арка. Спрашивается: къ какому времени относится канители и уголъ стѣны, признаваемый нами одного съ канителями времени?

Мы находимъ здѣсь типъ коринской канители, съ толстыми листьями акаюа, какъ бы приподнятыми надъ поверхностью, которая намѣренно углублена, и для удобства каменотеса плиты служены, вытесаны каждый отдѣльно. По корзинѣ канители расположены три пояса акаюовыя, а наверху, въ самомъ углу, зашита съ Геракловымъ узломъ въ ерединѣ; карнизъ состоитъ изъ зубчатаго пояса. Но этотъ типъ, хотя начавшійся въ IV вѣкѣ, представляетъ особенности въ исполненіи, а именно: листья акаюа на данныхъ канителяхъ такъ мелко, сухо нарѣзаны или насѣчены, что въ ихъ фактурѣ ясно замѣтно тождество съ орнаментикою «Золотыхъ воротъ». Напротивъ того, подобнаго типа канитель въ церкви Св. Анны (фот. 686), отличается болѣе широкою манерою, что видно по массивной сердцевинѣ, ясному рисунку лопастей, еще сохраняющихъ античный типъ, тогда какъ здѣсь, въ листьяхъ нельзя почти различить этого расчлененія на лопасти. И потому, относя напр. канитель Св. Анны къ V вѣку, мы должны считать канители

Прошлей или той же эпохи, или весьма мало отстоящими другъ отъ друга. Замѣтъ, важное обстоятельство заключается и въ томъ, что найденная при раскопкахъ пиллстрова капитель (фот. 676) тождественна съ двумя капителями арки и потому какъ бы указываетъ, что нѣкогда цѣлый рядъ подобныхъ капителей былъ употребленъ здѣсь для орнаментирования неизвестной намъ въ точности постройки, и что эти капители принадлежать другому зданію, бывшему здѣсь или по близости въ V вѣкѣ или даже въ сравнительно позднѣйшую эпоху.

Сущность вопроса сводится, стало быть, къ точному опредѣленію эпохи капителей по ихъ орнаментации и формѣ аканоовыхъ листьевъ. А такъ какъ, открытая нынѣ лицевая колоннада Прошлей найдена безъ всякихъ признаковъ передѣлки и реставраціи, въ видѣ рунтъ, сохранившихся подъ мусоромъ, отъ времени Константина, то часть стѣны съ аркою должна принадлежать временамъ Модеста.

Отъ колоннъ Константиновыхъ прошлей уцѣлѣли теперь только безобразные обрубки (фот. 662—702), но и въ ихъ легко угадать древности намятника: еще виденъ обезображенный, но древній шедевалъ, того типа, который знаемъ въ Вилеумской базиллкѣ, мечети Дамаска и пр. Замѣтная во второй колоннѣ база вмѣстѣ тотъ же рисунокъ, что и въ колоннахъ (фот. 847) Вилеумскаго храма, т. е. широкій торъ внизу и сверху, мягкій, сѣбяшій и подѣленный желобкомъ. Колонны монолитныя, малаго размѣра, и сломаны на одной высотѣ, онѣ, повидимому, тождественны по діаметру съ заложеными въ стѣну колоннами хора нынѣшней церкви Воскресенія, Коначный, а можетъ быть, и угловой пиллстръ (фот. 672) вмѣстѣ базу подобного рисунка, но съ нѣкоторою варіаціею въ нижней части, вызванной четырёхугольнымъ рисункомъ базы. Слѣдуетъ замѣтить, при этомъ, что базы древнихъ колоннъ Омаровой мечети или задѣланы, или замѣнены мусульманскими и потому не могутъ служить для сравненія; напротивъ того, базы колоннъ въ мечети Эль-Акса, также взятые изъ древняго зданія, оказываются подходящаго рисунка. Колонны Прошлеевъ поставлены на особые четырёхугольные (около 1 м.) шедевалы, подобные тѣмъ, что въ мечети Дамаска, церкви Вилеума, Омаровой мечети и мечети Эль-Акса. Эти шедевалы вообще свойственны всѣмъ римскимъ постройкамъ Сиріи и отсутствуютъ въ греческихъ базиллкахъ. Любопытно, поэтому, что въ позднѣйшую эпоху, когда преобладали формы византійскія, мы видимъ или шикіе шедевалы, сохранившіе едва треть высоты прежнихъ, или прямо одніѣ базы, поставленные на плиту, узкую плиту (см. фот. сѣвернаго неча храма Св. Гроба, сним. 588—590).

Изъ капителей и кусковъ орнаментальнаго карниза и пр., найденныхъ въ развалинахъ Константиновыхъ прошлей, наиболѣе интересна пиллстро-

вал капитель на фот. 676: мы легко, при сравнении, заметим ее сходство с капителями сохранившимися в стенах арки, и ее различие с ипп. Тот же рельеф акантовою ридамп, одного за другим, также сожнутыя острыя лопастей, также завитки и узелъ на верху, но характеръ работы иной, болѣе небрежной и болѣе широкой манеры, по которой эта капитель подходит къ указанной выше капители изъ раскопокъ на мѣстѣ церкви Св. Анны.

Что касается, затѣмъ, опредѣленія первоначальнаго плана Пропилеевъ, на основаніи найденныхъ остатковъ, оно не можетъ быть исполнено раѣе свода всѣхъ данныхъ о постройкахъ въ греко-римскую эпоху подобныхъ зданій, и въ частности пропилеевъ Баальбека и др. Можно указать лишь на нѣкоторыя общія черты, которыя устанавливаются аналогіями: близость и даже связь пропилеевъ храма Воскресенія съ изысканными святилищами и ихъ торжественными входами, равно связь съ устройствомъ зданій малоазійскихъ и сирійскихъ оократіи, жреческихъ и храмовыхъ общинъ. Далѣе, по отношенію къ формѣ этихъ входовъ можно указать на обычное ихъ оформление въ видѣ отдѣльнаго корнуса надъ воротами («порта»), на обычную лѣстницу, крылья главнаго корнуса, устройство лицеваго продольнаго портика и пр.

И вообще, хотя главнымъ предметомъ нашихъ занятій въ Иерусалимѣ былъ храмъ *Гроба Господня*, но самыя эти занятія были, скорѣе, подготовительными, въ смыслѣ собранія матеріаловъ для разрѣшенія столь же важныхъ, сколько трудныхъ и сложныхъ вопросовъ объ этомъ памятникѣ. И потому, впродолженіе до окончательной разработки этихъ матеріаловъ, сравнительно съ другими памятниками, нашъ отчетъ долженъ ограничиться перечнемъ пунктовъ изслѣдованія и объяснить только тѣ, которые стали ясны при самомъ осмотрѣ и которыя указаніе можетъ быть полезно въ современной литературѣ вопроса.

Для удобства ориентировки и слѣдованія мы предпочитаемъ придерживаться естественнаго порядка, т. е. разсматривать части храма одну за другою, какъ бы осматривая его, начиная со входа, въ современномъ его состояніи. Въ храмѣ Гроба Господня все, начиная со входа, является вопросомъ, а при полной смутности нашихъ свѣдѣній о храмѣ Константина, нерѣдко, вопросомъ тяжелымъ и сложнымъ.

Извѣстно изъ анализа свѣдѣтельствъ у Иаковиковъ и Евсевія, что древній храмъ Анастасіа, построенный Константиномъ, а затѣмъ и отдѣленный отъ базилики храмъ Воскресенія, вращень Меодинъ, имѣли боковой входъ съ южной стороны. Спрашивается, насколько современный входъ въ храмъ Св. Гроба, находящійся, какъ извѣстно, съ южной его стороны, соответствуетъ древнему? Интересъ въ рѣшеніи этого вопроса, очевидно, капитальный, такъ какъ отъ него зависитъ тонографія древняго храма.

Современному входу предшествуетъ, какъ извѣстно, обширная четырехугольная, замощенная площадь, заступающая роль атриума и пылѣ въ извѣстныхъ торжественныхъ случаяхъ, напр. церемоніи омовенія ногъ, которая и въ древности проходила именно въ атриумѣ. Мѣсто получило свое современное устройство въ средніе вѣка, въ видѣ открытой площади итальянскаго типа, съ портиками по тремъ сторонамъ, изъ которыхъ сохранилась только одна южная сторона, отдѣлявшая площадь отъ улицы. Доселѣ на верхней ступени спускающаго крыльца остались базы отъ стоявшихъ здѣсь колоннъ, и въ одномъ углу есть еще вдѣзанный въ стѣну барабанъ колоны, а въ другомъ углу къ стѣнѣ приделана полуколонна, и на ней византийская капитель корзинчатого типа, дающая поводъ полагать, что въ данномъ случаѣ въ колоннадѣ всѣ другія капители были собраны изъ другой, разобранной византийской постройки. Прямѣрь подобнаго же употребленія византийской капители VI вѣка въ портикѣ атриума софійскаго монастыря Иоаннатовъ указываетъ, по нашему мнѣнію, на эпоху построенія нашей колоннады, ограждавшей въ средніе вѣка *parvis* (парадизъ) или нанерть Гроба Господня отъ улицы.

Невозможно рѣшить, какое именно византийское зданіе было разобрано для украшенія атриума храма Св. Гроба, но всего вѣроятнѣе, что эти капители происходятъ уже изъ построекъ времени Модеста. Часть свода, уцѣлѣвшая надъ капителью, показываетъ, что портикъ состоялъ изъ средневѣковыхъ остроконечныхъ арокъ.

Постройка по обѣ стороны площади относится къ позднѣйшей эпохѣ—XV—XVII вѣкамъ, что доказывается, между прочимъ, тремя гранями абсиды греческой церкви Св. Аност. Іакова, остатками купола этой церкви и ея фресокъ.

Но если всмотрѣться въ характеръ атриума, если сопоставить крайнее неудобство этого входа именно уже въ средніе вѣка, станеть понятно, что этотъ дворъ, окруженный портиками, принадлежалъ еще первоначальной базиликѣ Константина, былъ сохраненъ, затѣмъ, для Св. Гроба и Голгобы и принятъ латинянами, какъ единственное мѣсто входа со временъ турокъ. Такимъ образомъ, первый шагъ по направленію къ храму Св. Гроба убѣждаетъ насъ, что сила преданія, гѣснота мѣста, издревле освящаемаго и по всею откупленнаго, какъ и отсутствіе пициатпы и средствъ для монументальной перестройки, совмѣстились здѣсь для того, чтобы сохранить слѣды древней святыни.

Настоящій атриумъ не былъ, какъ видно изъ древнихъ текстовъ, дворомъ базилики, но сначала атриумомъ Анастасяса, а затѣмъ *дворомъ Голговы*.

Статья проф. Стрыговскаго: «значительный остатокъ сооруженія Константина Вел. на мѣстѣ Св. Гроба», составляющая V-ю главу разобранаго

нами его сочленение о «Востоке и Риме» в древне-христианском искусстве, заслуживает особого внимания. Автор хочет доказать, что весь южный фасад современного храма Св. Гроба, келати заключающий в себя пять единственных входов в него, избегает происхождения древне-христианское, точнее говоря, целиком сохранился от времени Константина и будто бы уже в его сооружении образовал часть атриума ротонды и часть бокового фасада базилики. А так как доселе полагали, что ни одной части этой великозальной базилики не сохранилось, и разве только из ее материалов построены (при Модесте, или при крестоносцах, *что остается доныне под вопросом*) некоторые части современного здания, то понятен живейший интерес подобного заключения со стороны талантливого наблюдателя. И действительно, ему, вслед за догадками археологов и архитекторов (Адлера, частью самого Вогюэ) легко удалось доказать, что плитный ризитный карниз, украшающий стѣну этого фасада, относится ко времени Константина Великого, показать сравнительно его стѣпные особенности. Но проф. Стрыговскій доказывает болѣе того, что эти карнизы находятся тут на первоначальном мѣстѣ со времени Константина, что самая стѣна выступающаго фасада и вся та боковая стѣпа, которая къ нему справа примыкает и по которой проходит тот же карнизъ, также уцѣлѣли съ того времени, и что въ первоначальном храмѣ эти части были паружными стѣнами атриума ротонды и самой базилики. Конечно, такой важный и несомненно неожиданный выводъ авторъ дѣлаетъ не безъ оговорокъ, что его гипотеза есть только опытъ, что въ сложной исторіи храма Св. Гроба заключены величайшія трудности, и хотя сдѣлано уже много спеціальной работы, но недостаётъ общей художественно исторической постановки, нѣтъ научной основы.

Общій разборъ гипотезы профессора Стрыговскаго сдѣланъ былъ въ сообщеніяхъ Палестинскаго Общества (томъ 13, часть 2, № 1) профессоромъ Д. В. Айналовымъ. Признавая древне-христианское происхождение скульптурныхъ карнизовъ, украшающихъ современный южный фасадъ церкви Св. Гроба, авторъ этого разбора рѣшительно отказывается признавать такую же древность за самую стѣною фасада, на которой укрѣплены карнизы и считаетъ ее средне-вѣковою. Дѣйствительно, если принять гипотезу Стрыговскаго, пространство, которое останется, въ такомъ случаѣ, для атриума между ротондою и базиликой, будетъ очень малымъ, тогда какъ Евсевій и некоторые паломники открыто и съ удареніемъ объявляютъ атриумъ, окружающій Гробъ Господень, очень большимъ. Стрыговскому приходится въ данномъ случаѣ, прежде всего, доказать, что Евсевій и паломники ошибаются въ своихъ показаніяхъ, но нельзя строить гипотезы на основаніи подобныхъ предположеній. Далѣе, Стрыговскій предполагаетъ,

что выступъ южнаго фасада современной церкви Воскресенія точно соответствуетъ шпрингъ западнаго атриума въ Константиновыхъ постройкахъ: опять таки подобное заключеніе идетъ совершенно въ разрѣзъ съ тѣмъ, о чемъ говорятъ намъ тексты. Далѣе, на основаніи свѣдѣній въ текстѣ монаха Епифанія, что врата базилики Константины находились между «темплицею и мѣстомъ распятія», должно отодвинуть фасадъ Константиновой базилики дальше на востокъ, что также увеличиваетъ размѣры атриума. Авторъ указаннаго разбора отрицаетъ также — и вполне справедливо — что Константиновскій атриумъ могъ быть двухэтажнымъ, какъ то приходится доказывать Стрыговскому, на основаніи современнаго фасада. Въ заключеніе, должно однако сказать, что этотъ современный фасадъ можетъ быть даже нѣсколько древнѣе постройки крестопосцевъ, такъ какъ его общая форма частью соответствуетъ типу фасадовъ восточныхъ церквей: для примѣра укажемъ на западный фасадъ Бѣлаго Монастыря, близъ Сохага, на краю Львівской пустыни¹⁾. Возможно, что западный фасадъ выстроенъ въ цѣломъ еще во времена Константина Мономаха, только передѣлать, украсить порталами и скульптурами при крестопосцахъ.

Иные исследователи находили, что готическій стиль современнаго фасада, особенно въ его орнаментикѣ, содержитъ мѣстные восточные элементы, что указываютъ напр. въ рельефныхъ фризахъ, которыми украшены оба портала (табл. XXXVII и фот. 571 и 572): однако, ничего собственно восточнаго рельефы не содержатъ—это прекрасная композиція и рѣзба ранней французской готики. Иное дѣло колонки, которыми обставлены порталы — онѣ взяты изъ туземнаго византійскаго зданія, хотя капители къ нимъ придѣланы въ средніе вѣка, одного типа.

Внутри храма Воскресенія особенную важность представляютъ детали сѣвернаго нефа съ остатками византійской колоннады (табл. XXXIX) и капители ея (591—596), также церкви св. Елены и ея капителей (табл. XL).

Въ самомъ дѣлѣ, самаго поверхностнаго сравненія фотографическихъ снимковъ съ видовъ сѣвернаго нефа храма Воскресенія и съ капителей мечети Эль-Акса достаточно, чтобы убѣдиться въ тождествѣ капителей этого нефа съ капителями мечети Эль-Акса, построенной изъ матеріаловъ различныхъ іерусалимскихъ церквей, сооруженныхъ въ VI—VII стол. На одной изъ капителей сѣвернаго нефа храма Воскресенія мы (рис. 28) видимъ тождественную плетеную корзинку, на другой—вариантъ корпоской византійской колонны VI в., съ тѣмъ же сульмъ, но энергичнымъ характеромъ (что въ орнаментикѣ «Золотыхъ воротъ») летвы, крохотными едва замѣтными завит-

1) В. Г. Бокль. *Матеріалы для археологіи древняго Египта. Посмертное изданіе* (И. П. Смирнова). 1901, табл. XX.

ками и пр.; совершенно ту же рѣзьбу и тотъ же способъ рѣзьбы и даже тѣже размеры. Но въ мечети Эль-Акса мы видимъ ряды такихъ одинокихъ колоннъ,

Рис. 28. Иерусалимъ. Церковь Св. Востанесенія. Старый цвѣтъ.

здѣсь одна колонна больше, другая меньше, и капители ихъ тоже сборныя, очевидно, время Модеста. Капители за № 591—592 средневѣкового про-

пехождения. Канитель на снимкѣ (рис. 29) въ типѣ VII вѣка, но болѣе ремесленной работы или пострадала отъ повторительныхъ побѣлокъ.

Напротивъ того, канители колоннъ, на половину замурованныхъ въ окружающъ корридорѣ или ходѣ церкви Воскресенія (№ 601—604) принадлежатъ повидимому, болѣе ранней эпохѣ, представляють чистый коринтскій типъ канителей переходнаго времени IV-го столѣтїя, но, вслѣдствіе царящей въ этомъ хорѣ темноты, лишь съ большимъ трудомъ могутъ быть разли-

Рис. 29. Иерусалимъ. Храмъ Св. Гроба. Сѣверный нефъ.

чны. Самыя колонны отличаются замѣчательною стройностью (измѣрить діаметръ нельзя, такъ какъ колонны представляютъ теперь лишь полуколонны), а канители ихъ имѣютъ тройной поясъ акантевъ съ легкой пластическою формациею листьевъ и свѣшивающихся верхушекъ, болѣе свободного рисунка, чѣмъ даже канители Византийской базилики. Впрочемъ, дѣйствительный характеръ этихъ канителей можетъ быть опредѣленъ только тогда, когда, за отсутствіемъ свѣта, канители будутъ отформованы и могутъ быть

хотя в гипсовых снимках рассмотрены на сифту, а не в полутьме: корридора или на фотографиях, полученных при помощи магнетиального освещения. Любопытною является капитель на рис. 30.

Спятое нами на фотографии за № 605 окно с восточной стороны представляеть, по видимому, с правой стороны такую же древнюю коринфскую капитель IV столетия с куском роскошнаго рѣзнаго карниза, украшеннаго акавовыми листьями.

Маленькая церковь, посвящая пмѣ Св. Елены (табл. XI) и :

Рис. 30. Иерусалимъ. Храмъ Св. Гроба.

мающая лишь малую долю прежней базилики Св. Креста, любопытна во многих отношеняхъ, но въ данномъ случаѣ мы не можемъ останавливаться на вопросахъ топографическихъ и историческихъ, и ограничимся только указаньемъ некоторыхъ пунктовъ археологическаго наблюдения. На первомъ, конечно, мѣстѣ, стоитъ вопросъ о времени происхожденія общей постройки этой церкви съ ея куполомъ и острокопечными сводами, опертыми на колонны.

Очевидно, уже по образцу средневѣковыхъ романскихъ крестовъ, въ церкви Св. Елены куполъ утверждёнъ на четырёхъ нижнихъ колоннахъ (по-

тъ какъ онѣ очень низки, въ половину размѣра противъ низкой колонны). Канители, взятые для столбовъ, были очень ши-

Рис. 31. Иерусалимъ. Храмъ Св. Гроба. Церковь царицы Е.

роки и велики, и каменогесь приладить ихъ къ столбамъ, стесавъ весь нижній поясъ, а побѣлка, ложившаяся сверху, окончательно обезобразила ихъ прекрасный рисунокъ. Канители, въ большинствѣ, тождественны съ мечетью

Эль-Акса, и потому весьма естественно предположить, что церковь Св. Е.
устроена одновременно с этой мечетью из того же материала.

Рис. 32. Иерусалимъ. Храмъ Св. Гроба. Церковь царицы Елена или Обрѣтенія Св. Креста.

Одна капитель справа (рис. 31) того самого коринтскаго типа, что въ
цѣль мечети Эль-Акса съ прижатými широкими листьями и маленькими свѣ-

шивающимися верхушками; другая (рис. 32) также из толстых и узких листьев, высоко поднимающихся над поверхностью, плоских только сверломъ, очень грубо, каждый листъ отдѣльно, имѣетъ себѣ подобную въ рис. 45. Двѣ капители (фот. 606 и 607) съ корзиною формою въ среднемъ поясѣ того же типа, что во многихъ капителяхъ Эль-Акса.

Любопытнѣйшая капитель, имѣя въ дворѣ бывшаго монастыря Иоаннитовъ, слѣва при входѣ во второй дворъ, и очевидно, происходящая изъ бывшей церкви Божіей Матери, построенной Юстинианомъ, оказывается тождественною съ равенскими колоннами колоннады на площади В. Эммануэла, также церкви S. Apollinare in classe, какъ то доказывается сравненіемъ (фот. 661 и Ricci Ravenna, № 10228, 10327 — 10328 и др). Нижняя часть калатоса капители покрыта въ два пояса большими листьями акапоа, расположенными нѣсколько въ бокъ или въскось, обыкновенно съ наклономъ на правую сторону, причѣмъ листъ почти до половины перегибается и свѣшивается, образуя причудливыя формы, какъ будто листья изгибаются по калатосу подъ давленіемъ вѣтра и даже завертываются — верхняя часть направо, нижняя налево; по низу идетъ прекрасный вѣличекъ верхушекъ акапоовъ, охваченныхъ торомъ, и подобный же вѣличекъ выступаетъ поверхъ калатоса, подъ абакомъ; этотъ послѣдній остается выпуклымъ и орнаментированъ лавровымъ вѣчкомъ. Равенскія капители не плѣются, правда, этого опредѣленнаго движенія листьевъ въ бокъ въ той степенн, какъ въ иерусалимской и афинской капителяхъ, однако ихъ основное построение тоже и рпеуюкъ необыкновенно грузныхъ перегнувшихся верхушекъ отвѣчаетъ мелкимъ зубчатымъ лопастямъ, и *жирнымъ* листьямъ, раздѣленнымъ только наколами.

Капитель двора Иоаннитовъ, издаваемая нами въ табл. XLII, быть можетъ уцѣлѣла отъ древней церкви Св. Маріи Латинской, которая, въ свою очередь, является преемницею предполагаемой церкви Божіей Матери, построенной въ VI-мъ вѣкѣ возлѣ храма Гроба Господня. Этотъ замѣчательный типъ капителей съ развѣвающимися листьями заинтересовалъ не даромъ археологовъ въ самое послѣднее время. Въ новѣйшее время такую капитель изъ церкви Св. Аполлинарія во Флотѣ издалъ Ригль въ указанномъ сочиненіи на стр. 39, сопровождая ее эстетическою оцѣнкою, правда въ области тѣхъ же общихъ понатій: живописнаго, индивидуалистическаго, тактическаго и оптическаго и пр., которыми этотъ авторъ играетъ, безъ всякой видной пользы для дѣла. Профессоръ Стрыговскій¹⁾ указалъ цѣлый рядъ подобныхъ капителей съ пригнутыми вѣтромъ листьями въ церкви Св. Параскевы въ Халкидѣ (нижній и верхній рядъ листьевъ пригнуты вѣтромъ въ

¹⁾ Сходная капитель издана г. проф. Стрыговскимъ въ ст. *Die Akropolis in altbyzantinische Zeit* въ Mittheil. d. d. Inst. Athen, 1889, XIV, стр. 290, ст. Акрополи.

разныя стороны), одинъ фрагментъ въ Акрокоринѣ въ музеѣ Аргоса, въ одной базиликѣ Сиріи и въ церкви Св. Дмитрія въ Солунѣ.

Курюль Скалы или мечеть Скалы (Кубобетъ есъ-Сахра) или такъ называемая Омарова мечеть (построенная въ 691 году Абд-эль-Меликомъ, по капителямъ своихъ сборныхъ колоннъ, была для насъ также одною изъ важнѣйшихъ задачъ изученія. Въ настоящее время точно установлено, что мечеть эта построена Халифомъ Абд-ель-Меликомъ, по единогласному свидѣтельству арабскихъ хроникъ, въ 72 году геджры, а не халифомъ Ель-Мамунъ, который приказалъ уничтожить имя своего предшественника и поставить свое собственное, забывъ взмѣнить и указавшую дату¹⁾.

Трудности, встрѣченныя при фотографированіи мечети, особенно вълѣдствіе слабого освѣщенія, при исполненіи снимковъ внутренности мечети, были главною причиною того, что ихъ исполнено мало (снимки 709—711), и капители требовали бы, для ихъ сниманія, лѣсовъ, чего сдѣлать было нельзя, а потому неизбежныя деформациа при сниманіи снизу препятствовали получить удовлетворительные снимки: весьма жаль, конечно, что и вообще доселѣ не было сдѣлано снимковъ и другихъ съ капителей.

Все снимки капителей въ изданіи Вюгю передаютъ, по обычаю, лишь общій стиль коринтскаго ордена и потому не имѣютъ настоящаго значенія.

Далѣе, мы не имѣли времени переизмѣрять діаметръ колоннъ, различить ихъ на мѣстѣ по типамъ капителей, базъ и пьедесталовъ, по характеру и достоинству монолитовъ. Мы успѣли только замѣтить, что двѣнадцать колоннъ внутренней колоннады, окружающей священную скалу, одинаковой высоты и имѣютъ одинаковыя базы и пьедесталы, за немногими, быть можетъ, исключеніями. Правда, эти колонны разныхъ мраморовъ: есть (кажется) *cipollino*, есть *verde antico*, но также и нѣкѣихъ изъ рѣдчайшихъ нестрыхъ мраморовъ, желтаго съ чернымъ, розоваго, пурпурнаго и пр. При взглядѣ на колонны, легко убѣдиться въ ихъ происхожденіи изъ одного зданія, но это зданіе никакъ не могло относиться ко времени Адриана: все капители, крозмъ одной, много двухъ, не ранѣе IV вѣка и потому, всего вѣроятнѣе, *происходятъ изъ капицель изъ базилики Константина*, и развѣ только позолота капителей возобновлена арабами да огнифрованы самыя барабаны, пострадавшіе во время пожара.

Къ I—II столѣтіямъ по Р. X. относятся капители, снятыя за № 715 (рис. 33), еще воспоминающая древніе греческіе типы: здѣсь акабовыя листья охватываютъ округлую корзину капители, только по низу ея, двумя полсами, надъ которыми эта корзина оставлена гладкою, и только подъ аба-

1) Clermont-Ganneau. *Recueil d'arch. or.* 1888, I, p. 212—213.

комъ широкій карнизъ изъ овоивъ съ большими волютами, впацно выкру-
ленншй и накрытый вырѣзнымъ абакомъ, вѣнчается капитель.

Все прочія кантелы (не могли быть сняты фотографомъ, потому что изъ середины мечети, отъ Скалы, намъ снимать не позволяли, а изъ корридора эти кантелы были въ полутьмѣ) воспроизводить очень близко типъ Виолесем-ской базилики¹⁾.

Иной характеръ и значительное разнообразіе представляютъ кантелы

Рис. 33. Иерусалимъ. Мечеть Скалы.

второй или вѣншей колоннады, числомъ 16, которыхъ барабаны, также драгоцѣнные, не сохранили, однако, своей древней шлицовки. Здѣсь кантелы имѣютъ сверху еще кубовый наглавникъ, служащій, впрочемъ, только для увеличенія высоты колонны, а не какъ посредникъ между собственною кап-
телью и широкою питою арки, которую въ поздневизантийской архитектурѣ

1) Обстоятельство, указанное, между прочимъ, и Зешомъ: *Jerusalem*, 1873, I, pag. 350, хотя это не необходимо автору относить колонны къ эпохѣ Адриана.

привыкли оканчивать подобным наглавником. Кубъ этотъ, вѣсуду гладкій и лишенный профилевки, а потому достаточно безобразный, плохо выжета съ фигурнымъ вырѣзнымъ абакомъ, еще сохранившимъ вогнутую линію. Самая капитель (см. рис. 34, № 712) можетъ быть названа характерною и даже щеголеватою капителью V столѣтія, или даже конца IV вѣка. Одного взгляда на эти тонорнаціеся листья, съ прижнутыми другъ къ другу лопастями, чрезвычайно энергичнаго и живаго рисунка, достаточно, чтобы не смѣнать

Рис. 34. Иерусалимъ, Мечеть Скалы.

съ позднюю капителью VI в., мелочною и безжизненною. Здѣсь и волюты еще велики, и усики по среднѣмъ сохранены, а надъ ними удержано подобіе нераспустившагося листа пальмы. Листья акаѳаю могутъ считаться наиболѣе характерными представителями дикаго и колючаго акаѳаю греческаго тина; листья расположены только въ два пояса, очень широки и толсты, но уж не эластичны. Иногда верхъ занимаетъ жемчужный поясскъ и овы, а абакъ рѣзной, раздѣляя волною (№ 714, рис. 35).

Совершенно иной типъ капителей и иныя колонны, дуриаго мрамора, плохой шлифовки, съ низкими поднезвизантійскими базами, встрѣчаемъ мы въ портикахъ, окружающихъ октагонъ и носящихъ или громкія названія: «вратъ райа», «вратъ иѣны», также южныхъ и западныхъ воротъ. И это обстоятельство служитъ, въ нашихъ глазахъ, не малою поддержкою гипотезы, указанной выше, что мечеть, построенная надъ Скалою, первоначально ограничивалась двумя описанными концентрическими колоннадами, т. е. круг-

Рис. 35. Иерусалимъ. Мечеть Св.

лою основою зданія, копированнаго храмъ Св. Гроба, тогда какъ октагональная стѣна, украшенная по низу мраморами, а по верху фаянсами, позднѣйшаго происхожденія.

Такимъ образомъ, и здѣсь извѣстны сборъ, и капители «Омаровой мечети» даютъ смѣшанный выборъ вариантовъ коринтскаго типа позднѣйшаго типа: повидимому, или строители разобрали для мечети не одну только бази-

лику Константина, но много других христианскъ зданій, или ж эти зданія уже были сборными.

Такъ, во входномъ внутреннемъ портикѣ мечети (фот. 711) двѣ одинаковыхъ колонны отличаются другъ отъ друга. Корзинка капители здѣсь имѣетъ сильно преувеличенное расширение на верху, своего рода развалъ; на корзинкѣ всего два пояса акавовыхъ листьевъ, нижній плоскѣ, изъ широкихъ, остролопастныхъ листьевъ, верхній изъ длинныхъ листьевъ съ закручиваю-

Рис. — Иерусалимъ. Мечеть Св.

щимися лопастями, оба плотно прилегаютъ къ поверхности. Капители по безрежкости типа и фактуры принадлежатъ, какъ мы сказали, IV—V вѣку.

Весьма разнообразны капители V вѣка (и даже IV в.) на колоннахъ, помѣщенныхъ въ наружномъ портикѣ (фот. 702): листья толсты и грузно поднимаются надъ поверхностью, благодаря тому, что промежутки глубоко просверлены; острия лопастей сомкнуты. Капители колоннъ, поставленныхъ въ кругу, лучшаго, хотя сухого и схематичнаго рисунка; исполненіе ихъ,

бъсть позолоты, теперь сильно обезобразившей рисунокъ, весьма энергичное и характерное. Основною чертою листы является ея рѣзкая угловатость и острота лопастей: листья тощорчатся, другъ отъ друга отодвигаются, живо и эластично переглабаются и перекидываются лопастями; сердцевина сплыная и крушная, на ней посаженъ листь пять пяти лопастей, сомкнутыхъ взаимно съ сосѣднимъ листомъ помощью соответственныхъ изгибовъ. Послѣ сверла, вся канитель пройдена рѣзцомъ, особенно углублены съ энергію, хотя схе-

Рис. 37. Иерусалимъ. Мечеть Скалы.

матично, острія листовъ (см. фот. 712—718, рис. 36—38). Иногда изгибы листовъ становятся, видимо, игрою для рѣзчика, разнообразящаго одни и тѣже мотивы всевозможными комбинаціями. Иногда (фот. 714) рѣзчикъ сокращаетъ или опускаетъ ушки и завѣтки, и напротивъ развиваетъ аканты верхняго пояса, видимо щеголяя своимъ умѣньемъ расположить торчащіе концы листа по округлой канители и прикрыть ихъ изящнымъ рядомъ такъ, чтобы зритель могъ различать продолженіе контура верхнихъ листовъ. Напротивъ того, въ другихъ кантеляхъ типъ возвращается къ тремъ поясамъ

(фот. 718). Чрезвычайно характерна листва зубчатых акашоуз, въ которой уже нельзя разобрать рисунка отдельных листьевъ, но все подучаетъ характеръ колючей, тонорщащейся растительности одного куста (фот. 719, рис. 38).

Все это разнообразіе манеры, вариантовъ и пріемовъ уборки и украшения коринтской канители явилось, конечно, въ результатѣ утраты опредѣленнаго ея шаблона, который мы знаемъ со временъ Адриана до Констан-

Рис. 38. Терусь.

тина въ Сиріи. Отчего произошла эта утрата великолѣпнаго, хотя тяжелаго и скучнаго шаблона, можно выиснить только въ результатѣ сложныхъ наблюдений на разныхъ пунктахъ; наша задача ограничивалась мѣстнымъ историческимъ тиномъ.

Мечеть Эль Акса предтавляетъ, въ свою очередь, нѣсколько типовъ канителей, VI столѣтія или, точнѣе, Юстиніановской эпохи, хотя вполнѣ тождественныхъ по рисунку здѣсь нѣтъ, какъ будто рѣзчики, попавъ, нако-

лесть, на свой пошибъ, соперничаютъ въ изобрѣтенія новыхъ формъ и вариантовъ, что служитъ отчасти доказательствомъ національности Юстиниановскаго орнаментальнаго типа. Основаніемъ типа служить извѣстная въ Юстиниановскую эпоху цвѣтущая корзина, проявляющаяся иногда прямо въ реальномъ подражаніи плетеной корзины, изъ которой уже подымается куча листьевъ съ волотами, въ то время какъ изъ корзины окруженъ полемъ акабовыхъ листьевъ. Однако форма только сплетенной изъ прутьевъ кор-

Рис. 39. Иерусалимъ. Мечеть Эль-Акса.

зины, съ корявою абакомъ наверху и гуськомъ внизу, составляющей исключительно все тѣло капители (фот. 742, рис. 39), встрѣчается рѣдко, кажется, — въ одномъ случаѣ.

Типъ, воспроизводящій формы античной корявою колонны, можетъ быть производимъ изъ типовъ времени Константина и въ иныхъ образцахъ изященъ: акабовые листья расположены двумя рядами, прикрывающими другъ друга; листья отличаются высотой и стройностью, но парѣзаны или какъ бы наплены мелко, безъ пластическаго изгиба и выпуклостей; пучки

сжатых листьев в профиль выходить наверху и прикрывают тонкие побѣги, имѣющие видъ усиковъ; гзымъ раздѣланъ орнаментальными полями изъ лавровъ, шитковъ и и. д. Таковы капители на снимкахъ: 738, 748 и др. (рис. 40).

Менѣе изящна третья форма капителей, плотно покрытыхъ какъ бы прижавшимися къ фону акантовыми листьями въ три и четыре пояса, безъ волютъ, вмѣсто нихъ крохотные овы, а въ промежуткѣ, съ крохотными едва

Рис. 40. Иерусалимъ. Мечеть Эль-Акса.

замѣтными усиками и узелкомъ, въ родѣ пальметки по среднѣ: три образца этой капители, вѣроятно, относящейся къ V столѣтію, отличаются превосходною работою и мелкою рѣзбою, но въ тонко насѣченныхъ листьяхъ нѣтъ ни эластичности, ни, главное, основнаго типа листовыхъ жилокъ; особенно характерною является свѣшивающаяся верхушка листа какъ то отдѣленная отъ листа, какъ едва развившаяся почка (см. фот. 740, 743—744, 751, рис. 41—42).

Сверхъ того, въ мечети Эль-Акса видимъ цѣлый рядъ капителей мелкаго размѣра (фот. 739, 746), небрежной и поверхностной работы, но весьма характерныхъ формъ, которыя, по признаку зубчатыхъ листьевъ, мы считаемъ возможнымъ отнести ко второй половинѣ V или первой половинѣ VI вѣка, словомъ, ко времени предшествующему Юстиниановской эпохѣ (рис. 43).

Капитель мечети Эль-Акса, видная на фот. 737, кат. 853 (рис. 44),

Рис. 41. Иерусалимъ. Мечеть Эль-Акса.

одна изъ лучшихъ образцовъ новой византийской капители. Она начинается снизу обычнымъ поисомъ акаантии, которые, на этотъ разъ, согласно мощному, грузному характеру колонны и капители, также широки и уруги, листья тѣсно жмутся къ корзинѣ, и только маленькая верхушка въ родѣ отдѣльнаго цѣлика или розетки свѣшивается наверху. За этимъ капитель раздувается, и по выгнутой полостѣ ея плетъ великолѣпно выработанный, крутящійся завиткомъ и кружками, пышный побѣгъ акапоа, который мы при-

выкли встречать на византийских карнизахъ. Какъ разъ и здѣсь мы находимъ перетяжку или полсокъ въ видѣ гирлянды, и тѣло кантели стянуто, а затѣмъ и вся корзина, покрытая опять полсомъ акаановъ, изъ круглой формы переходить въ четырехугольную. Все это тяжело, неуклюже, приземисто, но характерно и энергично.

Подобная же кантель, такой же отличной фактуры, но еще болѣе

Рис. 42. Иерусалимъ. Мечеть.

простаго и цѣлесообразнаго рисунка, дѣлающаго честь византийскимъ кампосамъ, имѣетъ по средней вышуклости полюсу какъ бы открытой, освобожденной отъ листьевъ корзины, превосходно изображенной плетениемъ и каемкою (фот. 741, рис. 45). Здѣсь верхъ образуется кучною листвою, какъ бы выплывавшею изъ тѣсной корзины. Кантель имѣетъ близкое сходство съ колоннами церкви св. Елены, обезображенными побѣдою. Несравненно грубѣе въ томъ же родѣ кантель на рис. 46 (фот. 745).

Одного взгляда на внутренность средняго неча мечети Эль-Акса на снимкѣ 734 (851 по кат.) достаточно, чтобы убѣдиться, что эта мечеть цѣлкомъ арабской постройки, и что средній нечъ никакъ не можетъ происходить отъ древней христіанской базилики, что, напротивъ того, арабы укоротили самыя колонны, оставивъ отъ ихъ ствола только 4 модуля, а вмѣстѣ съ капителью и базю $5\frac{1}{2}$ модулей, такъ что колонны представляютъ, сравнительно съ поднимающимися выше остроконачными арками, рядъ низкихъ столбовъ,

Рис. 43. Иерусалимъ. Мечеть Эль-Акса.

связанныхъ деревянными, протянувшимися по этому ряду, брусомъ. Въ этомъ ряду всѣ капители, кромѣ одной, на одинъ фасонъ, и очевидно, взяты также изъ средняго неча разобранной христіанской базилики: представители этого типа изображены на снимкахъ 743—744 и отнесены нами (по времени, т. е. по характеру и исполненію) уже къ третьей формѣ, въ тѣхъ видахъ, что хотя всѣ эти три типа относятся къ VI вѣку, но первые два, по оригинальности Юстиниановской орнаментаціи, могутъ быть съ вѣроятностью поставлены въ первую половину VI вѣка, тогда какъ эти сухія подражанія

прежней коринфской капители могут быть импозаны только во вторую половину вѣка или даже первую половину VII вѣка. Итакъ, по типу капителей мы имѣемъ въ мечети дѣло не съ остатками церкви Дѣвы Маріи, такъ называемой церкви Введенія, построенной Юстиніаномъ, такъ какъ, прежде всего, находимъ здѣсь очень разнообразный сборъ капителей и колоннъ, болѣе или менѣе отовсюду привлеченныхъ для постройки.

Цѣльный характеръ имѣютъ разнѣ колонны зеленого мрамора, поста-

Рис. 44. Иерусалимъ. Мечеть Эль-Акса.

вленные у столбовъ, на которые опущенъ главный куполь, увеличившій (въ позднѣйшее сравнительно время) конецъ средняго нефа: между ихъ капителями есть типы конца V вѣка, съ перегибающимися листьями, расчлененнымъ верхомъ и прочими примѣтами древняго образца (фот. 747), но зато и весьма причудливыми позднѣйшими капителями съ явнымъ огрубнѣнiемъ въ формахъ (739, 745, 749, рис. 46) или даже арабскими подражаніями византийскому оригиналу (фот. 750).

Изъ отдѣльныхъ экземпляровъ капителей, находимыхъ или въ боко-

выхъ нецахъ, или въ поперечномъ, обращаютъ на себя вниманіе: капитель, изображенная на рис. 40 (снимокъ 738), хотя также VI вѣка, но болѣе изящныхъ и не такъ тяжелыхъ формъ, какъ другія; здѣсь есть по угламъ волоты, листья только въ два пояса, поднимаются прямо, но по изгибу корзинки, плѣтуть свѣсы только по угламъ, подъ волотою.

Капитель (рис. 39) фот. 742 напоминаетъ колонны маленькой мечети Давида и имѣетъ опредѣленный типъ коринтской капители, какъ бы опущен-

Рис. 45. Иерусалимъ. Мечеть Эль-Акса.

ной до верху въ плетеную корзину. Снимокъ 745 (рис. 46) очень любопытенъ по своимъ позднѣйшимъ грубымъ формамъ: на мѣсто пальметки, на верху капители помѣщена плетеная корзинка съ плодами, выдвипутая на половину и потому сохраняющая волнообразную форму Юстиниановской капители. На слѣдующемъ 746 номерѣ мы видимъ эту типичную капитель византийской столицы VI—VII вѣковъ, переданную въ ажурной рѣзбѣ, облегающихъ грани капители листьевъ, довольно внимательно. Наконецъ капитель № 748 мы рѣшительно относимъ къ лучшимъ работамъ IV—V вѣка;

хотя, против Виллсеской базилики и Омаровой мечети, здесь только два пояса листьев и развиты из них только верхний, но вел тонкая детальная разработка, ясность пластических форм и свобода работы указывают на отличную постройку, от которой уцелела эта капитель.

Из заключение следует сказать, что наши занятия мечетью естественно ограничивались изучением этих ясных остатков древнего христианства и не могли идти далее; отрицал, однако, совершенно существо-

Рис. 46. Иерусалим. Мечеть Эль-Акса.

вание какой-либо части древней базилики, мы полагаем, что эта мечеть целиком построена халфам на месте древних портиков или колоннад, что она, затѣмъ, была расширена болѣе, чѣмъ вдвое, а при крестоносцахъ также увеличена и, главное, передѣлана въ церковь.

Только тогда этой церкви, согласно съ утвердившейся, въ эту смутную эпоху, легендѣ, что Дѣва Марія жила въ Иерусалимскомъ храмѣ, дано было имя церкви Св. Дѣвы или Введенія во храмъ, и стало быть совер-

шенно напрасно искать именно здѣсь церковь Маріи Новой, бывшую гдѣ то на Сіонѣ или около него ¹⁾.

Церковь во имя Богоматери была построена Юстиніаномъ въ Иерусалимѣ, по представленію Саввы Освященнаго, посланшаго къ царю патриархомъ Петромъ (524—544) съ прошеніемъ основать въ Иерусалимѣ больницу для паломниковъ и кончить новую церковь Богородицы, пачатую архіепископомъ Илією. Юстиніанъ, снисходя на эти просьбы, послалъ въ Иерусалимъ архитектора Осодора, который и построилъ черезъ 12 лѣтъ великолѣпный храмъ и церковь, превосходящую, будто бы, все, что было извѣстно ранѣе и за заключеніемъ Св. Софій Константинопольской, такъ какъ она была построена позднѣе.

Извѣстный Клермонъ Ганно ²⁾ рѣшительно высказывается противъ допускаемаго многими отождествленія «Новой» базилики во имя Богоматери съ современною мечетью Эль-Акса. Помѣщая самъ базилику близъ Сіонскихъ воротъ (Баб-ель-Махар'бе (?) или близъ Баб-Небя-Дауд, на основаніи одного мѣста въ арабскихъ хроникахъ, этотъ ученый выставляетъ противъ помянутаго отождествленія одно возраженіе, которое представляется непреодолимымъ. Имено: юстиніановская базилика еще существовала въ IX вѣкѣ, и принадлежала христіанскому культу, какъ свидѣлствуетъ *Commematorium* 818 г. Между тѣмъ мечеть Эль-Акса была главнѣйшимъ святилищемъ ислама со времени завоеванія.

Описаніе мечети Эль-Акса, построенной въ 73 году геджры, дано въ собраніи арабскихъ историковъ ³⁾: «мечеть прострается съ юга на сѣверъ столпѣтъ изъ 7 нефей, возвышающихся на мраморныхъ колоннахъ и каменныхъ столпахъ; число колоннъ 46, изъ нихъ мраморныхъ 33, 12 каменныхъ, подъ крышею два ската; столпѣтъ 40; три нефа покрыты деревомъ, средній, вышній, имѣетъ крышу въ два ската, прочіе нефы построены въ видѣ сводовъ, два на востокъ и два на западъ. У южной стѣнки съ восточной стороны находится Колыбель Иисова. Длина мечети 100 локтей, ширина отъ восточной двери до западной 76 локтей».

По отношенію къ христіанскимъ исчезнувшимъ нынѣ памятникамъ, по сохранившимся долго, послѣ завоеванія, важнымъ свидѣніямъ о находившихся на площади Харама «Рынокъ знаній» и «Колыбели Иисовой». Первое сведеніе мѣсто съ михрабомъ было, очевидно, въ XI вѣкѣ рупна какой-либо христіанской эскадры или пиши. Названо оно было такъ, во всей вѣроятности, «служителями для возбужденія любопытства обращающихся къ нимъ послѣ-

1) Ся. В. Г. Васильевскаго, «Повѣсть Финанія о Иерусалимѣ», стр. 101.

2) *Rec. d'arch.* or. III, 1900, p. 57, note 1.

3) И. А. Мѣдикова, *Палестина отъ завоеванія до крестовыхъ походовъ, по арабскимъ источникамъ*, 1897, II, 2, стр. 1263.

тителей», какъ попеняетъ и историкъ въ этомъ мѣстѣ. Пные будто бы называли эту руппу «Вратами Раскаянія», такъ какъ пребываше грѣшника въ молитвѣ на этомъ мѣстѣ вело къ прощенію грѣха, который будто бы записывался чудесно на дверяхъ дома израильянина и оставался до тѣхъ поръ, пока Богъ не прощаль его.

Нѣсколько мраморныхъ плитъ, уцѣлѣвшихъ отъ христіанской церкви, можно видѣть задѣланными въ стѣны «мечети Омара» или купольной. Такъ на одной стѣнѣ задѣлана опрокинутая низомъ плита баллюстрады съ двумя вѣнками на разводѣ (фот. 699, по кат. 802). Въ портикѣ, съ правой стороны отъ входа, видѣлана небольшая плита съ натуральною «ягрюю природою» — тѣловымъ изображеніемъ на блѣломъ мраморѣ двухъ птицъ, пьющихъ изъ чаши (фот. 702—703, кат. 805—806).

Совершенно разрушены и разобраны были по частямъ въ первые же годы торжества Ислама церковь Св. Софіи на мѣстѣ преторіи Пилата (загѣмъ церковь Пилата) въ мѣстѣ Антоніевой башни, церковь Аппы (или «Разслабленной»), церковь Стефана за Дамасскими воротами, церковь Геосманской Богоматери и «Новая базилика», находившаяся въ неизвѣстномъ мѣстѣ на Сіонѣ. Откуда были взяты капители и колонны новыхъ мечетей и куда пошли матеріалы разобранныхъ церквей, врядъ ли когда нибудь будемъ знать мы точно.

На такихъ же сборныхъ византійскихъ колоннахъ: 6 внутреннихъ и 11 вѣншей колоннады сооружено крохотное купольное зданіе такъ называемаго «Кунола Цѣли» или «Давидова мѣста» (Мехметъ Даудъ). Капители «Давидова мѣста, въ большинствѣ, относятся къ излюбленному типу ажурныхъ плетеныхъ корзинъ послѣ Юстиніановой эпохи. Чаще всего, корзина капители, какъ и подobaетъ плетенымъ издѣліямъ, избѣгаетъ обычной округлой формы, получаетъ форму «на углы», гранями, сборками; чѣмъ рѣче эти гранн, чѣмъ онѣ эластичнѣе выгнблены, и чѣмъ ажурная рѣзба глубже, тѣмъ капитель эффектнѣе. Рисунокъ плетения—трельяжный, изъ растительныхъ разводовъ, иногда съ фигурами птицъ (фот. 724—729, рис. 47—51), иногда только изъ акановыхъ лозастей и кружочковъ съ трельяжникомъ внутри или лянюю (фот. 727), или изъ трельяжной лозы (фот. 731). Огрубѣлый тлнщ представляютъ самыя гранн корзины въ видѣ ажурныхъ пальметокъ съ разводами внутри, въ которыхъ выписаны ромбы и лянли (фот. 728 и 746, рис. 52); такой типъ орнаментаціи, допущенный въ церкви Св. Виталия въ Равеннѣ только для плоской декораціи нѣкоторыхъ кубическихъ трансей, замѣнявшихъ кое-гдѣ капители, въ Сирии разработанъ уже пластически и далъ довольно тяжелую форму. И вообще, этому роду трельяжныхъ корзины въ Сирии не могло быть удачи уже потому, что здѣсь рѣзба искусныхъ рѣзчиковъ по мрамору замѣнилась сверленіемъ каменотеса по дурнымъ породамъ

известкового камня, а постоянная побѣлка, практикуемая мусульманами въ ихъ мечетяхъ, еще болѣе уродуетъ грубую рѣзбу. Капитель, изображенная

Рис. 47. Иерусалимъ. Мечеть Давида.

на рис. 49, тождественна съ капителью собора VI вѣка въ Паренцо, въ Пестрин¹⁾.

¹⁾ Errard, Ch. et Gayet Al. *L'art byzantin. II. Parenzo*. 1903, pl. V.

Одна капитель мечети Давида (си. 725, рис. 47), принадлежащая къ лучшимъ, исполнена еще въ античной формѣ, изящна по рисунку: это композиция, съ поясомъ оновъ по карнизу капители, подъ нимъ два ряда сплюс-

Рис. 48. Иерусалимъ. Мечеть Давида.

выуклыхъ (надъ поверхностью поднятыхъ) листьевъ, а подъ нимъ торусъ, по сглаженный варварски, для того чтобы пригнать капитель къ болѣе тонкой колоннѣ. Въместо жила здѣсь видимъ рядъ просверленныхъ дырочекъ — причудливая форма, входящая въ общую ажурную орнаментку

У вѣка¹⁾. Въмѣсто прежнихъ эпергичныхъ и широкихъ лопастей съ тремя острыми концами, дающими подозрѣвать пглы, листъ подѣленъ на много мелкихъ лопастей (около 12—14) тонкими зазубринами.

На другой капители (сн. 730, рлс. 51) находимъ ту же манеру ажурныхъ иколовъ, по указанное сходство съ капителью Золотыхъ воротъ Константинополя дополняется еще вѣнцомъ какъ бы выступающихъ пзъ корзины верхушекъ акашоовыхъ листьевъ, а вмѣсто пояса ововъ плоскій абакъ покрытъ пзъ-подъ пвзу густою листвою, образующею какъ бы края чаши (фот. 725, рлс. 47).

Гораздо болѣе стараго характера сохранилось въ капители, снятой подъ № 726, рлс. 50: здѣсь еще видимъ манеру сверлить вглубь въ капителихъ V вѣка, по грубое углубленіе фона вокругъ каждаго листа заставляеть отнести капитель къ VI вѣку.

Чрезвычайно любопытны субструкціи въ каменной обдѣлкѣ горы Морія (фот. 780 и 779) подъ мечетью Эль-Акса и особенно подземный ходъ съ лѣстницами, на столбахъ, пзвѣстный подъ именемъ «Двойныхъ Воротъ» табл. XLII), и направляющей съ сѣвера на югъ, въ видѣ двухъ корридоровъ, крытыхъ сферическими сводами, опирающимися на столбы. Великолѣпная кладка стѣнъ, сводовъ, съ обтескою камней, отлично пригнанныхъ къ шву, хотя уже не даетъ образцовой правильности римскихъ стѣнъ въ субструкціяхъ (подобныхъ напр. храму Геліополяса), однако многихъ увлекла въ область мечтаній о храмѣ Соломона, тогда какъ Вогюзъ, увлекаясь, въ свою очередь, желаніемъ доказать, что мечеть Эль-Акса, если не есть сама остатокъ «Июной церкви», построенной Юстиніаномъ, то построена на ея мѣстѣ и пзъ ея матеріаловъ, пытается увѣрить, что вся подземная постройка ведетъ начало отъ Юстиніана, и что его историкъ Прокопій говорить именно объ этихъ субструкціяхъ, когда рассказываетъ о колоссальныхъ сводахъ, на которыхъ утверждена была частію эта «Новая базилика». Извѣстный свопмп увлеченіямъ Сольси считалъ эти субструкціи Иродовой эпохи, и на этотъ разъ, не въ примѣръ прочимъ, Сольси оказывается правымъ, а Вогюзъ пристрастнымъ судьей, грѣшущимъ противъ истины, ради созданной имъ теоріи. А именно, достаточно присмотрѣться къ рисунку капители на послѣдней колоніѣ корридора передъ лѣстницею (фот. сн. 755, табл. XLII), чтобы убѣдиться, что эта капитель съ ея узкими и высокими пальмовыми листьями, поднимающимися совершенно перпендикулярно по корзнѣ капители, съ пхъ тонкою и мелочною раздѣлкою всѣхъ лопастей и жилковъ, а главное, пхъ ри-

¹⁾ Ср. капитель пропшея у *Золотыхъ воротъ* Константинополя, построенныхъ Осодосіемъ Младшимъ. Проф. Стрыговскаго: *Das Goldene Thor zu C. Sonder-Abdr. aus d. Jahrb. d. K. d. A. Inst.* VIII, 1839, I, p. 27, Abb. 17.

сункомъ, не аканоонъ, а пальмоваго листа, не можетъ относиться къ Юстиниановой эпохѣ. Когда же мы сравнимъ эту лству съ украшеніями фронтона

Рис. 49. Иерусалимъ. Мечеть Давида.

такъ называемой «Гробницы Судей» (фот. 858), а также новооткрытыхъ саркофаговъ склепа, найденнаго въ 1891 г. на мѣстѣ «Никифорія» близъ

стѣны Иерусалима, то убѣдимся, что имѣемъ дѣло, действительно, съ эпохою Прода. Напротивъ того, наружность входа въ «двойныя ворота» облицована

Рис. 50. Иерусалимъ. Мечеть Давида.

была разными кусками уже въ поздне-византійскую эпоху, въ чемъ убѣждаетъ насъ, хотя слабо видимые, очерки этой наружности на сплмкахъ 779 и 780.

Правда въ тѣхъ же субструкціяхъ «двойныхъ воротъ» («простыхъ»?) фотографъ Борщевскій снялъ двѣ капители, изображаемыя на рис. 53 и 54 и которыя, быть можетъ, могли подать поводъ къ заключеніямъ о византийскомъ происхожденіи этихъ субструкцій. Капитель на рис. 53 дѣйствительно относится къ VI-му вѣку, представляетъ реліефъ Коринтскаго ордена съ 3-мя поясами акабовыхъ листьевъ съ завитками наверху, мелкаго и сухаго ремесленнаго реліефа. Вторая капитель (рис. 54), повидному,

Рис. 54. Иерусалимъ. Мечеть Давида.

средневѣковаго происхожденія и не имѣетъ ничего общаго съ византийскими.

Пазинная капитель аркады (рис. 55), находящейся на верхней площадке Храма, можетъ относиться къ первымъ столѣтіямъ по Рождествѣ Христовѣ, хотя, должно замѣтить, совершенно отличается отъ капители колонны Омаровой мечети. Здѣсь два пояса акабовыхъ листьевъ, расположенныхъ одинъ на другой и сильно сдвинутыхъ узкой перетяжкой вверху, а тамъ акабовые листья разбиты по корзинѣ капителей и выдѣланы каждый

особо, съ особенной видной щеколелатостью. Здѣсь верхъ капителя раздѣланъ сильнымъ рельефомъ, въ завиткахъ и концахъ акавовыхъ побѣговъ,

Рис. 52. Иерусалимъ. Мечеть Давида.

такъ что получается живописный контрастъ между массивнымъ низомъ и ажурнымъ верхомъ. Тамъ, т. е. въ капителяхъ Омаровой мечети, общал композиція капителей болѣе архитектурная и нижній поясъ акавовъ пзъ

короткихъ и массивныхъ листьевъ рѣзко различается отъ верхняго болѣе стройнаго и высокаго.

Святилищная скала Омаровой мечети, оказавшаяся на поверхности террасы Соломонова храма послѣ его разрушенія, стала, какъ извѣстно, предметомъ мѣстнаго поклоненія въ теченіе первыхъ столѣтій христіанской эры. Извѣстный «Бордоскій Путникъ» (333 года) рассказываетъ: «На самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ храмъ, построенный Соломономъ, на мраморѣ передъ жерт-

Рис. 53. Иерусалимъ. «Двойная ворота».

венникомъ, гдѣ, говорятъ, нѣкогда пролита была кровь Захаріи (Евангеліе отъ Маттея глава 23—35), видны по всему помосту слѣды обуви убившихъ его воиновъ, отпечатанные точно въ воскѣ. Здѣсь же двѣ статуи Адриана, а недалеко отъ нихъ *пробитый камень* (lapis pertusus), къ которому разъ въ годъ приходятъ Иудеи, помазываютъ его, съ воплемъ рыдаютъ, разрываютъ свои одежды и затѣмъ удаляются. Здѣсь-же домъ Іезекіи — царя іудейскаго. Также, если выйти изъ Иерусалима, чтобъ подняться на

Сіопъ, на лѣвой сторонѣ и внизу въ долигѣ, возлѣ стѣны находится водоемъ, называемый Сялоамъ, *имѣющій 4 крытыя входа* и другой большой водоемъ выгѣ города. Источникъ этотъ течетъ въ продолженіе 6 дней и ночей, на 7-й же день, который есть суббота, онъ вовсе не течетъ, ни днемъ, ни ночью. Желая быть точнымъ, Путникъ какъ будто раздѣляетъ Сялоамъ отъ Соломонова храма и представляетъ, что, для того, чтобы пройти къ Сялоамскому источнику, нужно сдѣлать извѣстный обходъ вокругъ террасы Соло-

Рис. 54. Иерусалимъ. Капитель въ субструкціяхъ Храма.

монова храма и уже возлѣ стѣны пайдешь источникъ Сялоама, такъ какъ собственно городская стѣна, во времена «Путника», не могла заходить такъ далеко на югъ. Если подѣ стѣною здѣсь разумѣется стѣна той же террасы, то сялоамскій источникъ находится еще очень далеко отъ нея. Дѣло въ томъ, однако, что, связывая такъ или иначе между собою площадь Соломонова храма съ Сялоамскимъ источникомъ, «Путникъ» подчинился, повидимому, мѣстнымъ рассказамъ и легендамъ, что будто бы вода Сялоамскаго источ-

ника образуется гдѣ-то подъ этою площадью. Точно также впоследствии «Путникъ» Антонина изъ Палестинѣ передаетъ со словъ мѣстныхъ путеводителей, что «возлѣ жертвенника Авраама, на которомъ онъ намѣревался припести Исаака и гдѣ припестъ жертву Мельхиседекъ» (подъ скалою Голгооы) «есть разсѣяна, къ которой, если приложитъ ухо, то услышишь плескъ текущей воды и, если бросишь яблоко или что-нибудь другое, что можетъ плавать и пойдеши къ источнику Силоамскому, то найдеши его тамъ. Между

Рис. 55. Иерусалимъ. Капитель аркады на верхней площади Храма.

Силоамомъ и Голгоою будетъ милларій. А Иерусалимъ не избежитъ проточной воды, какъ только въ Силоамскомъ источникѣ¹⁾. Но затѣмъ рассказы паломниковъ объ этой скалѣ прекращаются и для ихъ дальнѣйшаго развитія надо

1) Далѣе, въ дополнительномъ текстѣ Антонина, изданномъ у графа Рана. Tobler, T. et Molinier, A. *Itinera Hierosolymitana*, I, 2, 1880, стр. 371 и примѣч., читается еще: «Oravimus etiam in pretorio ubi ... modo est basilica Sancte Sophie. Ante ruinas vero templi Salomonis sub platea aqua decurrit a fonte Siloa (въ другихъ спискахъ: ad fontem Syloam), secus porticum Salomonis. Словомъ, у того же Антонина была занесена мѣстная легенда о таинствен-

было, чтобы эта скала, вмѣстѣ съ своимъ тапшвепнымъ подземельемъ, оказалась въ среднѣхъ мусульманскаго сооруженія: не долго оставалась она здѣсь непопулярнымъ предметомъ чтимой старины. Скала получила прозвище *висящаго камня* и была прославлена магометанскою легендой и стала священною для мусульманъ, такъ какъ именно на ней остановился Магометъ конь Эльборагъ во время его ночного путешествія на небеса; скала поднялась вслѣдъ за улетающимъ пророкомъ, но, по повелѣнью Магомета, опустилась назадъ и долго оставалась въ вислечемъ положеніи. Очевидно, легенды и сказанія христіанскаго характера получили своеобразное мусульманское измѣненіе, и слѣды ногъ Спасителя, крови Захаріи замѣнились отпечаткомъ ногъ Магомета копы. На это превращеніе легендъ обратилъ свое тонкое ученое вниманіе покойный академикъ Васильевскій въ своихъ примѣчаніяхъ къ русскому переводу Свѣтоградца Епифанія, «Повѣсти о Іерусалимѣ и сущихъ въ немъ мѣстѣ». Мѣсто, вызвавшее его ученое вниманіе, гласитъ такъ: «близъ Овчей Кувели — Святая Святыхъ, гдѣ заеклась кровь Захаріи и находится вислущій камень (въ другихъ спискахъ «гдѣ повѣшена Елизавета»), потомъ храмъ Соломона—каждый со своею особою стѣпою». Академикъ Васильевскій замѣчаетъ, что когда послѣ перваго крестоваго похода мечеть Сахра была обращена въ христіанскій храмъ подъ названіемъ Храма Господня (отсюда Храмовники или Тампліеры), то присутствіе въ немъ камня (отчасти поврежденнаго и раздробленнаго) объяснялось, конечно, уже не магометанскою легендою, а тѣмъ напротивъ, что это былъ камень, на которомъ спалъ Іаковъ, когда видѣлъ лѣтвицу, какъ рассказываетъ нашъ игумень Даниилъ и греческій шоломикъ XII вѣка Фока, а позднѣйшіи греческіи анонимы называютъ этотъ камень «Богоповѣщеною трапезой». Правда, только одинъ Ватиканскій списокъ повѣсти Епифанія говоритъ о вислечемъ камнѣ, въ славянскихъ же редакціяхъ говорится о кровн Захаріи, которая заеклась, какъ камень; а при искаженіи въ греческомъ спискѣ вмѣсто камня появилось по созвучію имя Елизаветы. Епифаній писалъ свою повѣсть, по всей вѣроятности, въ первой четверти IX-го столѣтія и потому вполне естественно, что онъ былъ осведомленъ по мусульманскимъ легендамъ. Но вотъ одинъ изъ арабскихъ источниковъ намъ непосредственно сообщаетъ преданіе, которое онъ (обычная форма арабскаго разсказа) прочелъ въ разныхъ старинныхъ книгахъ¹⁾. По этому преданію «все земныя воды вытекаютъ изъ подъ скалы Іерусалимской. Она одно изъ чудесъ Всевышняго Бога на землѣ Его. Эта необъятная скала въ среднѣхъ Меджиятъ-аль-Аксы (вся площадь

ной связи тапшвепнаго Силоама съ Соломоновымъ храмомъ. И далѣе, слѣдуетъ разсказать о базиллкѣ надъ источникомъ Силоамскимъ и водоемахъ для омовеній народныхъ и пр.

1) Мединковъ, «Палестина по арабскимъ источникамъ», стр. 1273—1274. Сл. Сказаніе о райскихъ источникахъ Силоамскомъ и др., тамъ-же, стр. 1287.

Харама называлась такъ въ этомъ мѣстѣ) отдѣленная (отъ окружающей почвы) со всѣхъ сторонъ. Ее поддерживаетъ Тотъ, Кто удерживаетъ небо отъ паденія на землю». Дальше разсказывается, что скала висѣтъ на воздухѣ, что на ней видны слѣды ноги Пророка, пальцевъ Ангела и другія «чудеса чудесъ». Отсюда воиоли? естественнымъ становится предположеніе, что эта скала Иерусалима, отдѣленная, т. е. высѣченная изъ почвы, какъ памятникъ, источающая изъ себя всѣ воды земныя, скала Иерусалимскаго храма, почитавшагося средоточіемъ земли, на которомъ впервые было огла-

Рис. 56. Свинцовый оттискъ ст. палестинской формы VI в., въ ризницѣ собора въ Монѣ.

шено самимъ Спасителемъ новое благовѣствованіе всему міру, должна стоять такъ или иначе въ связи съ тою символическою скалою, которая служитъ подножіемъ Спасителя въ образѣ Учителя вселенной (такъ какъ онъ есть Учитель Апостоловъ), подножіемъ Добраго Пастыря, и изъ которой текутъ четыре райскія рѣчки, иначе четыре Евангелія. Такая скала или холмъ, подъ ногами Спасителя или Добраго Пастыря, или Агнца, изображается въ значительномъ числѣ древне-христіанскихъ памятниковъ, начиная съ саркофаговъ и кончая мозаиками. Скала представляется или на берегу рѣчки Иордана,

или посредп аркадѣ Иерусалимскаго храма и могла появиться въ качествѣ символической эмблемы именно въ мѣстномъ искусствѣ Палестины, подѣ влияніемъ сказаній о чудной священной Скалѣ Иерусалимскаго храма, на которой было объявлено ученіе и изъ подѣ которой чудеспымъ образомъ протекаетъ Евангеліе Христіанства. Должно прибавить, однако, что, для утверженія такого предположенія, потребно будетъ еще продлить изслѣдованіе легендарныхъ источниковъ.

Въ допущеніе къ высказанному нами предположенію представляемъ рисунокъ (рис. 56), замѣчательнаго свинцоваго оттиска съ изображеніемъ апокрифической сцены, такъ называемаго «Благовѣщенія у колодца». Этотъ оттискъ, представляетъ, повидному, оттискъ шаблона для благословенныхъ хлѣбовъ — свлогіи, раздававшихся паломникамъ въ святыхъ мѣстахъ Иерусалима. Ангелъ Господень, съ мѣриломъ въ лѣвой рукѣ и благословляя правою, слетаетъ съ небесъ къ Богоматери и провозгласить слова привѣстствія, написанныя внизу: $\chi\alpha\rho\epsilon\ \kappa\epsilon\ \chi\epsilon\zeta\alpha\rho\iota\sigma\tau\epsilon\mu\epsilon\nu\iota$. Богоматерь, преклонивши одно колено, держитъ принесенный ею сосудъ подѣ струю источника, бьющаго изъ скалы, а лѣвою рукою выражаетъ изумленіе и испугъ при видѣніи Ангела, къ которому она обернула голову. Скала, изъ которой бьетъ вода, изображена въ томъ же самомъ типѣ, какъ и скала, изъ которой извелъ Моисей воду въ пустынѣ, на извѣстномъ саркофагѣ Латеранскаго музея съ изображеніемъ Христа въ историческомъ типѣ съ бородою. Вокругъ изображенія ижется слѣдующая надпись:

✠ ΕΥΛΟΓΙΑ ΤΗΣ ΘΕΟΤΟΚΙΑΣ ΤΗΣ ΠΕΤΡΑΣ ΖΩΔΑΧΟ (?)

И такъ, по этой надписи, мы должны заключить о существованіи какого то храма Богоматери, расположеннаго у Скалы имени «Иудевъ» (?) (τῶν Ἰουδαίων) или имени «Испредавца» (*Zωδότης*?) и, повидному, находившагося въ Иерусалимѣ, такъ какъ, по Протоевангелію Іакова, «Благовѣщеніе у источника» совершилось во время пребыванія Богоматери въ Иерусалимскомъ храмѣ. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ возможныхъ предположеній, мы останавливаемся на одномъ изъ трехъ: храмъ Богоматери находился близъ Священной Скалы храма Иерусалимскаго или у Силоамскаго источника или, съ другой стороны, по близости современной мечети Эль-Акса, а священная Скала, о которой идетъ рѣчь, по всей вѣроятности, есть скала Омаровой мечети¹⁾.

1) Историческія подробности о Скалѣ Иерусалимскаго храма, съ рисунками и планами, сообщены въ сочиненіи проч. А. А. Одесницкаго: *Святая земля*, Киевъ, 1875, стр. 123—145, и въ его же сочиненіи *Ветхозаветный храмъ въ Иерусалимѣ*, 1889 г., о скалѣ, какъ жертвенникѣ несожженій, см. мѣста по указателю, на слово: скала. Также въ указанномъ сочиненіи Жена. Ср. особенно главу: «О церкви Святая Святыхъ» въ «Хожденіи игумена Даниіла», изд. Веневитинова въ *Палест. Сборн.*, I, стр. 29—31. Ср. изображенія Спасителя на скалѣ въ

Здaнiе «Золотыхъ вoрoтъ» въ Иерусалимѣ описано наиболѣе точно въ брошюрѣ Унгера¹⁾, но опредѣлено имъ столь же ошибочно, какъ и другими исследователями, кромѣ Вогюэ. Нѣтъ надобности разбираться здѣсь въ высказанныя догадки Вильямса, Зешна насчетъ иудейскаго будто бы проехожденія самаго зданія этихъ вoрoтъ, или гипотезу Сольси—что вoрoта составляли часть храма, построеннаго Продоу Агринию. Унгеръ отгадалъ въ «Золотыхъ вoрoтахъ» византійскiй памятникъ, но попалъ на истинный путь ему помѣшало фантастическое мнѣнiе, что базилику Константина и Голгоу должно искать въ мечети Скалы: Унгеръ, потому, считалъ вoрoта проиллюстрированными базиликой и посвятилъ напрасно много времени на выясненiе своей гипотезы. «Золотыя вoрoта» и, дѣйствительно, служили иллюстрацией собственно всего священнаго участка, на которомъ нѣкогда стоялъ храмъ Иерусалимскiй, но пока мы рѣшительно ничего не знаемъ опредѣленнаго по вопросу о томъ, зачѣмъ въ византiйскую эпоху построены были эти монументальныя вoрoта. Четырехугольный корпусъ вoрoтъ заключаетъ въ себѣ обширную залу 75 ф. длиною, съ двойнымъ (таб. XLIII) вoрoтaми—внѣшнимъ и внутреннимъ въ восточной и западной стѣнахъ корпуса, нынѣ заложеными, но сохранившими свои аркады и пиластры съ капителями. Догадка Унгера, что покрытие корпуса куполами принадлежатъ позднѣйшему времени (по нашему мнѣнiю—мусульманамъ), вполне вѣрна, но анализъ самаго памятника, со стороны стѣлъ, крайне неточенъ, отчасти благодаря невѣрнымъ рисункамъ, а наиболѣе, вслѣдствiе предвзятой цѣли доказать, что Голгоа и Св. Гробъ находились на мѣстѣ иудейскаго храма на площади Харамъ.

Конструкцiя вoрoтъ и вся система ихъ орнаментики принадлежатъ къ оригинальнымъ деталямъ византiйской архитектуры V—VI вѣка, хотя, конечно, эти формы могутъ быть сведены къ основному римскому прототипу. Такъ, внутреннiй (внѣшнiй слабо сохранился) орнаментальный фронтонъ, идущiй по всему карнизу (корпусъ зданiя былъ покрытъ, вѣроятно, крестовымъ сводомъ, опиравшимся на пиластры въ стѣнахъ и три колошны по среднѣ), увеличивавшему стѣны, наиболѣе напоминаетъ римскiя (см. фот. 75B, рис. 57) зданiя своею пышностью, размѣрами и обилiемъ рѣзбы, но въ

Линцевыхъ Псалтыряхъ, указ. въ «Исторiи визант. иск.» стр. 123. И. Н. Смирновъ, которому мы сообщили эту догадку, указываетъ на отождествленiе источника Богородицы съ Гюномъ (Gion, у 70-Гювъ) и райскою рѣкою Гювъ). См. также Петра дiакона «Сказанiе о Святыхъ мѣстахъ» (XI вѣка, но составленное по древнѣйшимъ сказанiямъ, напр. по паломничеству такъ называемой Сильвии, конца IV вѣка), въ *Правосл. Палестинскомъ Сборникѣ*, VII, 2, стр. 78—79, гдѣ описывается «всреди храма Господни, построеннаго Соломономъ», «большая гора, обнесенная стѣнами, гдѣ была Скиния, а въ ней Кивотъ Завета... Съ лѣвой стороны Скинии, Господь Исусъ Христосъ поставилъ на камень ногу Свою, и тамъ остаеся нога отпечатливной» и др. Ср. Иоанна Фоки *Сказанiе XII вѣка, Палест. Сборникъ*, VIII, 2, стр. 43.

1) *Die Bauten d. Constr. d. hl. Grab zu Jerusalem*, p. 57—65.

детали здѣсь носятъ специфическій характеръ Византіи VI—VII вѣка. Громдныя пилястры очень тонко, но мелочно и сухо раздѣланы различными

Дис. 57. Ранней византийской работы из Иерусалима.

полочками, вальками и завитками, въ характерѣ византійской рѣзбы по дереву, сохраненной намъ плитами иконостасныхъ и другихъ баллюстрадъ.

Надъ пилостромъ широкая большая капитель (рис. 58) покрыта въ три ряда отличной рѣзбы акашоамп, но эти листья сухи, угловаты, не имѣють эла-

Рис. 58. Иерусалимъ. «Золотыя ворота».

стичности, лишены прежнихъ живыхъ изгибовъ и расположены одинъ возлѣ другого, такъ чтобы рѣзчикъ не могъ сбиться въ релюифъ и каждый лис-

токъ могъ окружить углубленнымъ фономъ: по низу расположена кайма пзъ конье-стрѣловидныхъ лѣстиковъ лянн накосъ.

Нынѣ зданіе «Золотыхъ воротъ» пзуродовано арабскою передѣлкою: кушольнымъ покрытиемъ, заложеными арками, дурною кладкою и вообще восточною реставраціею величественной руппы, которой первоначальныя (боковая) стѣны могутъ еще похвалиться величавою римскою конструкціею и кладкою, а тонкая декорація своимъ вкусомъ. Рѣзной монументальной фризъ заступаетъ здѣсь мѣсто карниза на высотѣ равной каштелямъ колоннъ (см. внутренній силмкъ за № 759 табл. XLIII), и этимъ ограничивается все украшеніе, по внутренность производятъ впечатлѣніе своимъ пропорціями и даетъ хорошее понятіе о декоративномъ вкусѣ времеп: такой же ямнозатный характеръ, разчитанный на силу впечатлѣнія большого открытаго свода и пластичность декоративнаго рѣзнаго карниза, мы находимъ и въ церкви Св. Софіи, церкви Св. Сергія и Вакха и «Золотыхъ воротяхъ» Константинополя. Основной типъ унаслѣдованъ отъ римлянъ.

Капители нашего здавія были, очевидно, нѣкогда разрушены и замѣнены кромѣ одной, безобразными, плохо выработанными поздневизантийскими іоническаго типа, не заслуживающими разбора, или же ихъ подобіями, пзуродованными пожаромъ. Изъ первоначальныхъ капителей, которыя всѣ были выполнены въ стилѣ орнаментки здавія, сохранилась едва одна, видная на снимкѣ (рис. 59) на средней колоннѣ. Ея типъ намъ уже отлично пзвѣстенъ, а именно, отъ тождественъ съ капителями средняго нефа мечети Эль-Акса: это капители безъ волокъ и до верху закрыты густою сѣткою плотно прижатыхъ акавовъ, подымающихся тремя и четырьмя поясами.

Этому типу волюбі отвѣчаютъ капители пмястровъ, также до верху покрытыя тремя поясами акавовъ (фот. 762—768), широкихъ плотныхъ и жесткихъ, съ едва замѣтною отгибающеюся напередъ верхушкою. Иногда вмѣсто среднихъ усковъ есть узелъ, напоминающій прежніе (V вѣка) Герракловы узлы, а на углахъ пзрѣдка есть даже волоты — совсѣмъ не къ мѣсту, и по этой разницѣ можно было бы различить фактуру однихъ капителей отъ другихъ (напр. 762 и 764—766, 747—748), если бы это по чему либо заслуживало вниманія.

Самый фризъ (фот. 768 рис. 57) состоитъ пзъ десяти различныхъ пологекъ, валковъ и гуськовъ, покрытыхъ сплошною рѣзбою: спзу, какъ бы по архитраву, расколены на валикѣ зигзагомъ трехчастныя лиліи, затѣмъ слѣдуетъ полоса самого фриза (въ тѣсномъ декоративномъ смыслѣ), въ видѣ широкаго выпуклаго вала, по которому идутъ разводами (т. е. образуютъ завитки) побѣги акавовыхъ вѣтокъ, которыхъ лѣстья искусно заггибаются каждый внутрь завитка; далѣе, собственно карнизъ начинается пояскомъ зубцовъ, продолжается валкомъ съ перегнутыми вязъ акавами — словно

завернутыми на скалке, а заканчивается каблучком съ носомъ ововъ (уже значительно утратившихъ свой основной типъ), и наконецъ подзоръ изъ мо-

Рис. 59. Иерусалимъ. «Золотыя ворота».

дильновою, зубцы и вѣнечное сима изъ антэмй, также подчинившихъ базенной формѣ аканона.

Пышный азиатско-коряносій фризъ, который въ греческой древности украшалъ великолѣпные храмы Эфеса, но въ болѣе ясной, расчлененной строготельными частями формѣ, а въ римской сталъ лѣпымъ украшеніемъ дворцовъ, примѣненъ здѣсь въ рѣзбѣ по мягкому сѣрому камню, внутри зданія, на разсѣяномъ свѣтѣ, съ большимъ эффектомъ.

И потому, хотя всѣ составные элементы и даже композиція ихъ, архитектурная и декоративная принадлежатъ антику, какъ приложение рѣзбы въ архитектурѣ, этотъ фризъ принадлежитъ греко-восточной архитектурѣ; его образцы въ Студійскомъ монастырѣ: Юапна Предтечи въ Константиноплѣ и пронизалъ бывшей главной церкви Дамаска, а пылъ мечети Омйадовъ.

Византійскія капители трапецеобразной (или кубовой) формы, орнаментированныхъ по визу іоническою подушкою съ условными волутиами, а по переду куба аканеамп и крестами по среднѣй пайдены въ развалинахъ Гезера (дорога отъ Рамле къ Іерусалиму) ¹⁾. Эти капители бѣлаго мрамора, съ зеленоватымъ прожилками, повидному, привезены изъ Прокопесса и относятся къ IX—X столѣтіямъ: словомъ, между капителямъ Іерусалима мы не видали нигдѣ имъ подобныхъ. Тѣмъ любознѣтѣ появленіе этого послѣдняго чисто константинопольскаго типа, обратившаго на себя вниманіе и французскаго ученаго, ихъ издателя, отнесенаго ихъ, предположительно ко времени крестоносцевъ. Но эти капители только лишній разъ утверждаютъ то наіне положеніе, что между орнаментированными капителями Іерусалима мы не имѣемъ (за рѣдчайшими и намъ пока неизвѣстными исключеніямъ) ничего позднѣе первой половины VII вѣка, если, конечно, это не капители арабскаго стиля и происхожденія, узнающіяся легко по своему типу.

Такого рода опредѣленность и древность христіанскихъ намятниковъ Іерусалима можетъ составить драгоценное основаніе для исторіи древне-христіанской архитектуры и подспорье для изслѣдованій въ другяихъ ея областяхъ.

Въ развалинахъ византійскаго храма *Св. Анны* ²⁾ обращаютъ на себя вниманіе, прежде всего, прекрасная колонна, на пьедесталѣ съ крестомъ,

1) Clermont-Ganneau, *Recueil d'arch. or.* III, 1900, p. 124.

2) Эти развалины занимаютъ довольно обширное пространство вокругъ церкви, рестрирансь, видимо, и далѣе за церковную и монастырскую ограду. Но мѣсто вокругъ церкви раздѣлено нѣмѣе подъ садъ, въ которомъ и установлены, въ качествѣ садовыхъ украшеній, открытыя древности, и никто не помнитъ, гдѣ именно онѣ добыты. Далѣе, на сѣверо-востокъ отъ фасада церкви, за стѣною, подъ остатками стараго монастыря, обнаружена, по-первыхъ, площадь (табл. III, фот. 688) византійской церковки или часовни, а сбоку отъ нея (или даже впередъ нея) въглубь (фот. 689) иудія лѣстница и подземные своды (повидному, обычный субструкція зданій въ этихъ мѣстахъ), очень высокіе, въ разныхъ направленіяхъ, коробоного устройства, также, вѣроятно, византійскіе, принимаемые за развалины галлерей «Овчей купели», бывшей гдѣ то по близости. Изслѣдованія развалинъ пока не было сдѣлано въ научномъ смыслѣ. О древней церкви Св. Анны на мѣстѣ средневѣковой постройки, съ планомъ,

очевидно, уцѣлѣвшая отъ базилики и нынѣ стоящая одиноко возлѣ современнаго храма. Капитель этой колонны, коринтскаго ордена, ясно различаема (фот. 681), врядь ли указываетъ на IV вѣкъ; скорѣе, это прекрасная работа V вѣка, насколько можно судить по толстымъ сердцевинамъ листьевъ, прижатыхъ къ корзинѣ и совершенно утратившихъ свою эластичность, по ма-

с. 60. Иерусалимъ. Церковь Св. Анны.

нерности прижатыхъ другъ къ другу лопастей, по малому отбѣсу верхушекъ, и вообще по сухому, мало пластичному характеру рѣзбы: на ту же

видомъ, разлѣномъ в орнаментальными деталями (весьма условно переданными и не дающими понятія объ эпохѣ) трактовалъ архитект. Пьеротти, въ соч. *Jerusalem explored*, 1864, vol. II, pl. 40—42. Виссзда — Бейт-Ганна — домъ милости и домъ Анны. Clermont-Ganneau, *Recueil d'arch. or.* II, 1898, p. 156. Иalomники: Осодосей (изд. Гальдемейстера, стр. 20): «juxta piscinam probaticam item est ecclesia dominae Mariae». Также: Антоновичъ, 27: «ad piscinam natatorium quae habet 5 porticus, ex quibus una habet basilicam S. Mariae, in qua multae fiunt virtutes» — называютъ еще церковью Св. Дѣвы Маринъ («Великой»), а соч. De Casis Dei, около 808 г. прибаллетъ: «in S. Maria ubi nata fuit in probatica», указывая, такимъ образомъ, на посвященіе Матери Св. Дѣвы. Также данныя въ четырехъ строкахъ 20-й олы патр. Софроній, Migne, t. 87, pag. 3821—3823, v. 81—91.

эпоху указываетъ и пьедесталь съ византийскимъ крестомъ, отличающийся, противъ раннихъ пьедесталовъ (мечеть Дамаска и пр.), тонкою, детальною и мелочною профилевкою.

Того же типа, но болѣе небрежна капитель, снятая па № 682 (рис. 60) и тождественная съ нею ¹⁾, хотя пострадавшая капитель за № 684, (рис. 61) очевидно, даже не V вѣка, а VI вѣка, когда въ Сиріи еще не стали пзвѣстны новыя формы византийскихъ капителей въ видѣ плетеной корзины. Затѣмъ въ саду разбѣлены мраморные куски: орнаментальнаго амвона (фот. 685),

Рис. 61. Иерусалимъ. Церковь Св. Анны.

декоративной тумбы или устоя съ любовными поздними пальметками (фот. 687), базы отъ колонокъ иконостасной преграды и пр. Все эти остатки принадлежать, видимо, малой церкви, открытой нынѣ надъ субструкціями, что же касается большой византийской церкви Св. Маріи и Свв. Богоотцевъ Іоакима и Анны, то, при средневѣковомъ возобновленіи ея, ея стиль останется намъ болѣе или менѣе неизвѣстнымъ.

1) Ср. капитель собора въ Паренцо, *Eyraud et Gayet*, pl. VI, 2.

Капителей въ развалинахъ церкви *Св. Стефана* ¹⁾ сохранилось и открыто очень немного: церковь была, по обычаю распесена по частямъ, и на мѣстѣ уцѣлѣло только то, что признано было негоднымъ, или что было подъ мусоромъ. Уцѣлѣвшія капители поставлены на свѣту, на террасахъ и стѣнкахъ, по, видимо, происходить не отъ церкви, а отъ разныхъ пристроекъ, усыпальныхъ часовень и т. п. Пилястровая капитель (фот. 791 рис. 62) любопытна своею близостью къ капители, открытой на русскихъ постройкахъ,

Рис. 62. Иерусалимъ. Церковь Св. Стефана.

но лучше по фактурѣ: тѣ же два пояса широкихъ апагоовъ, сомкнутыхъ остриями, тотъ же третій поясъ верхушекъ аканоовыхъ листьевъ и падъ илии поверхностно высѣченныя ленты завитковъ; капитель или IV, или начала V вѣка. Капитель въ видѣ плетеной корзины (фот. 792) или конца V,

1) Появилася въ 1894 г. книга: P. M. S. Lagrange, *Saint Étienne et son Sanctuaire à Jerusalem* освобождаетъ насъ отъ необходимости описывать развалины, прилагать планы и пр., что сдѣлано авторомъ, самолично производившимъ раскопки на мѣстѣ древней базилики. Снимки капителей даны на стр. 132—135.

или VI вѣка. Коринфская капитель (на фот. 793 рис. 63) того же характера, что въ Омаровой мечети, но болѣе поверхностной, ремесленной работы IV столѣтія; такова же капитель на фот. 794, но сильно пострадавшая лства не сразу выдастъ свое тождество.

Въ развалинахъ церкви Св. первомученика *Стефана* также открыты мозаическіе полы, вопервыхъ на мѣстѣ, занимаемомъ главною, древнею базиликою, въ двухъ кускахъ, у сѣверо-восточнаго угла базилики, между сохра-

Рис. 63. Иерусалимъ. Церкви Св. Стефана.

нившимся здѣсь пиллестромъ изъ скалы, обдѣланнымъ въ мраморъ, и у восточной стѣны, отъ ея середины до южнаго угла; въ первомъ случаѣ кайма изъ жгута или волны и завитковъ, во второмъ кусокъ мозаики, съ тою же каймою. Въ западной части базилики весь полъ былъ выломанъ постройкою позднѣйшей малой церкви. Кромѣ того, съ боку новопостроеннаго, близъ развалинъ, пріюта доминиканцевъ, открыты въ 90-хъ годахъ фундаменты древней усыпальницы, со склепомъ, украшенной мозаическимъ поломъ, отлично

сохранившимся (общій видъ трехъ склеповъ и покрытой часовни съ поломъ на фот. 787—964, снимокъ мозаики — 788—965, табл. LXVII, также на рисункахъ Околовича по кат. 966). Полъ представляетъ обычную сѣтку, по плиткѣ: бѣлымъ шпиферомъ, раздѣланную цвѣтными (темнокраснымъ) накосъ рѣшеткамъ, а въ среднѣ медальонъ, какъ бы прибитый на рѣшеткѣ, съ изображеніемъ агниа, пасущагося въ саду—образъ души праведнаго въ раю. Другой склепъ также былъ украшенъ мозаическимъ поломъ, но безъ священныхъ изображеній.

Многочисленные склепы, открытые въ холмахъ, противуезжанскихъ базиликъ Св. Стефана (между прочимъ, здѣсь же находится и такъ называемая Голгоа Гордона), даютъ поводъ заключать, что и эта загородная окрестность стараго города также была излюбленнымъ мѣстомъ для усыпальницъ, хотя не въ той степени, какъ Элеонъ. И потому, съ разработкою участкавъ по этому склону, здѣсь можно надѣяться на богатая находки древне-христіанскихъ намитипковъ.

Равно и на Элеонѣ, въ русскомъ пріютѣ, мы встрѣтили рядъ капителей, найденныхъ при очисткѣ мѣста для новыхъ построекъ и собранныхъ устройтеlemъ этого пріюта арх. Антопномъ. Передъ самымъ зданіемъ пріюта установлены обломки мелкихъ колоннъ (0,36 и 0,40 м. въ діаметрѣ) изъ мѣстнаго розоватаго мрамора; между ними одно побольше (0,54 м.) изъ verde antico, къ этимъ колоннамъ одна найденная капитель коринтскаго ордена, съ аканомъ въ два пояса, широкими и низкими, и поясомъ ововъ на верху; другая капитель, сильно постраданшая, имѣетъ тотъ же типъ мелко высѣченныхъ и плотно прижатыхъ листьевъ, какъ въ описанной капители пиластра въ пропилеяхъ базилики Константина, стало быть, по нашему расчету, не ранѣе V вѣка. Другіе обломки или мелки, или сильно пострадали.

Какъ извѣстно, самый домъ пріюта прикрываетъ собою два мозаическіе пола древнихъ элеонскихъ усыпальницъ; одинъ изъ этихъ половъ крайне простаго рисунка, изъ чернаго, краснаго и бѣлаго камня; другой, съ армянскою надписью, великолѣннаго рисунка, изданъ Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ, но вновь снятъ нами и въ фотографіяхъ (снимки 801—802) табл. LXI и LXII и въ краскахъ П. А. Околовичемъ.

Въ главной залѣ, прикрывающей собою древній полъ, разставлены по полу, съ краю мозаическаго рисунка, и размѣнены въ шану множество мелкихъ древностей, найденныхъ въ гробницахъ холма Элеона, открытыхъ на русскомъ мѣстѣ: изъ этихъ древностей главное вниманіе на себя обращаютъ 11 погребальныхъ урнъ, украшенныхъ рѣзьбою, представляющихъ двери мавзолея и иные орнаменты, далѣе множество плитъ, шипъ съ крестами, монограммами и пр., лампочки, стеклянныя фюлы и пр.

Рядомъ съ Элеономъ на холмикѣ, получившемъ въ послѣднее время имя «Новой Галилеи», согласно приуроченію къ этому холму извѣстнаго явленія воскреснаго Спасителя, мы осмотрѣли новооткрытый мозаическій полъ на мѣстѣ бывшей тамъ уснальницы, съ простымъ рисункомъ изъ розовыхъ розетокъ и надписью *μνησθητι της θουλης σουζαννης*. Возлѣ этой часовни огорожена нынѣ большая древняя плита съ надписью: *† θηκη του αγιου πατρος*

Рис. 64. Иерусалимъ. Царскія гробница.

ημων θεουγενοος επαιςξας. Тутъ же открыто нѣсколько обломковъ монолитныхъ колоннъ и капителей, относящихся къ V вѣку.

Мы уже говорили, что капитель (рис. 64) открытая въ 1880-хъ годахъ въ Царскихъ гробницахъ (и нынѣ поставленная среди разныхъ обломковъ въ углу ихъ главнаго портика), по своему сходству (почти даже тождеству) съ двумя капителями оригинальнаго типа въ Суейдѣ (рис. 65), заслуживаетъ особаго вниманія. И, дѣйствительно, присутствіе этой капители окончательно

доказывают принадлежность Царских гробницъ первому или второму вѣку по Р. Х., о чемъ, правда, на основаніи другихъ декоративныхъ формъ этого памятника давно догадались компетентные изслѣдователи, въ то время какъ другіе продолжаютъ увлекаться фантазіями о глубокой древности этого памятника. Доказательство льніи представляется на лицо: капитель, очевидно, принадлежала лицевому портику главной гробницы (или усыпальницы) и она не можетъ быть ранѣе I и позднѣе II вѣка по Р. Х. Мы видимъ здѣсь такой же повышенный калатосъ (какъ въ одной капители Суейды, въ то время какъ другая, видимо, была сплена), но безъ розвала и выпѣва, тяжелый, почти четырехугольный; но низу калатоса подымаются въ два пояса широкіе, какъ бы тростниковые листья, съ небольшими (грубой дѣлки и толстыми) верхушками; изъ за этихъ поясовъ подымаются стебли (*cauliculi*), изнутри которыхъ выходятъ угловыя волоты и средніе усѣки, поддерживающіе центральную розетку. Конечно, въ капители Суейды характеръ тростниковыхъ стеблей гораздо опредѣленнѣе, но сущность типа та же.

Совершенно тотъ же типъ капителей въ Греціи и Римѣ мы лично не можемъ указать, хотя считаемъ вполнѣ возможнымъ существованіе его образца на западѣ, но знаемъ нѣсколько вариантовъ этого типа. Уже на извѣстномъ памятникѣ Пизакрата въ Аоніяхъ находимъ въ орнаментации его чудныхъ капителей въ нижнемъ поясѣ подобныя же тростниковыя листья, вмѣсто аканоовъ. И, конечно, скульпторъ искалъ здѣсь противоположеніемъ зубчатого аканоа гладкому листу водянаго растенія достигнуть извѣстнаго эффекта, также какъ эту цѣль преслѣдуетъ контрастъ верхняго пояса острыхъ листьевъ тростника на капителяхъ аоніской Башни Вѣтровъ съ нижнимъ поясомъ ланчатыхъ аканоовъ. Тонкій листъ тростника отлично передаетъ въ капителяхъ Суейды, но въ Царскихъ Гробницахъ рпуснокъ, видимо, спутагъ, и получился какой то листъ изъ двухъ половинокъ, отдѣльно сгибающихся наверху.

Четыре античныя колонны въ церкви *Santa Agnese fuori le mura* (626 г.) въ Римѣ представляютъ (близъ алтаря, см. фотогр. см. бр. Альварн Лѣ 21269) два пояса широкіхъ, совершенно гладкихъ листьевъ, какъ будто

Рис. 65. Суейда. Домъ въ городѣ.

не раздѣланныхъ акапоовъ, и подобную же канитель представляетъ чудный аптаблементъ въ Римѣ, относимый къ вѣку Августа ¹⁾.

Такое же значеніе матеріаловъ по исторіи развитія спрійскаго орнамента имѣютъ и наши снимки въ извѣстныхъ издавна «Царскихъ гробницахъ» и «Гробницѣ Судей» (фот. 797—798 и 858). Въ кучѣ декоративныхъ обломковъ, лежащихъ въ портикѣ большой «Царской Гробницы», обращаетъ на себя вниманіе фрагментъ карпиза, украшеннаго мелкою листовою пальметкою и овамъ съ вертикально-торчащими листьями акавоа (тождественными съ листовою канители «Двойныхъ воротъ»). По этимъ даннымъ еще болѣе укрѣпляется догадка, основанная на указаніяхъ Юсифа Флавія, что «гробницы» эти принадлежали фамиліи Елены, царицы Адіабенской, обратившейся въ христіанство и умершей въ 48 году по Р. X. ²⁾

Хронологія такъ называемыхъ «Царскихъ гробницъ» и ихъ происхожденіе установлены были еще Евсевіемъ его «Церк. Ист.», II, гл. XII: «Въ предмѣстіи нынѣшней Эліа (Евсевій называетъ такъ Іерусалимъ, прозванный въ честь Эліа Адріана, цѣлкомъ перестроившаго городъ) и доселѣ еще указываютъ пышные памятники той самой Елены, о которой упоминаетъ Юсифъ (царица Осхоелы, шакормившая Іудею во время голода 46 года по Р. X.). Говорятъ, что она была царицею Адіабиновъ». Юсифъ Флавій *Antiq.* 20, с. 2, сообщаетъ, что, по смерти Елены, ея кости, вмѣстѣ съ костями ея сына Ипата, прислапаны были въ Іерусалимъ и погребены «подъ тремя шпиритами».

Приблизительно того же времени «Гробница Судей», открытая въ горѣ, цѣлкомъ изрытой могильными нещерами одного стѣла (съ подражательными греко-египетскими формами входныхъ дверей, указывающими на римскую эпоху). Большой входъ, украшенный фронтономъ, отлично раздѣланъ мелкою листовою акапоовъ (фот. 858), въ которой особенно характерны стрѣловидные листья по угламъ, и ихъ сухая, мелочная рѣзба.

Близкое сходство рисунка и рѣзбы съ украшеніями на саркофагахъ открытаго въ 1891 году склена въ Никлѣоріи близъ Іерусалима (фот. 815—819); по крышамъ этихъ саркофаговъ глубокая рѣзба представляетъ разводы лозы съ акапоовыми листьями по концамъ; греко-римскій орнаментъ переданъ здѣсь со многими натуралестетическими варіаціями.

Уже въ послѣднихъ числахъ октября 1891 года ходила въ Іерусалимѣ слухи объ открытіи, на участкѣ земли, принадлежащемъ Православной патриархіи и называемомъ «Никлѣорія», замѣчательнаго семейнаго погребальнаго склена. Открытіе это было сдѣлано случайно однимъ изъ рабо-

¹⁾ Фот. бр. Альпари 15265: Frammento della Trabeazione dell' Efebo d'Agrippa.

²⁾ Cp. Clermont-Ganneau, *Recueil d'arch.* II, 1898, p. 254, note 256—257.

чихъ при начатыхъ на этомъ участкѣ работахъ по постройкѣ. По обнаруженіи склена, владѣльцы производили въ теченіи двухъ мѣсяцевъ съ перерывами раскопки кругомъ него, причемъ никто, кромѣ рабочихъ, туда не допускался, и настоящая краткая записка имѣеть цѣль дать только отчетъ о видномомъ; подробное разслѣдованіе памятника, по различнымъ причинамъ оберегаемаго и даже скрываемаго, не было удобно и, видимо, право этого слѣдованія владѣльцы желали оставить за собою.

Участокъ «Никп-орія» приходится противъ Сионской возвышенности Иерусалима, по прямому направленію на западъ, и лежитъ надъ Вполеемскою дорогою, представляя собою легкой склонъ къ Иерусалиму. Какъ мѣстность подъ этимъ участкомъ, такъ равно и вся сосѣдняя на сѣверъ до монастыря Св. Георгія и на югъ до колоній храмовниковъ въ древности служила, повидному, для ломки камня (см. каменоломни, обозначенныя на картѣ № 3 къ стр. 86 въ путеводителѣ Гедекера изд. 1891 г.). По собственно патриаршіи участокъ показывалъ наиболѣе ясныя слѣды этой эксплуатаціи, быть можетъ, потому, что крижи скалы были здѣсь повыше, ломка удобнѣе и давала больше матеріала. По крайней мѣрѣ, ходя по участку, легко замѣтить карпизы обтесанныхъ скалы, а рядомъ съ новою находкою громадная пенсера представляеть подобную ломку въ очень свѣжихъ изломахъ.

По близости отъ найденнаго склена подобный карпизъ на большомъ протяженіи представлялся уже откошаннымъ: мѣстамъ онъ образуетъ просто обѣшенную стѣну вышиною отъ 1 до 1½ сажень, мѣстами рядомъ идущая параллельно другой стѣна образуетъ съ нею родъ длиннаго открытаго корридора или хода, неизвѣстно куда ведущаго. Одинъ ходъ приводитъ къ большой террасѣ, облицованной тесаннымъ камнемъ, котораго илжия кладка сохранилась и представляеть замѣчательную (рямскую или рямскаго періода) укладку правильныхъ кубовъ на вытесаной скалѣ, безъ всякой связн. По линіи терраса имѣеть 28 аршинъ, и оба угла этой линіи выוליгъ правильны; если считать эту сторону лицевою, то боковыя стороны пока остались не отысканы и неизвѣстны по своимъ размѣрамъ. А такъ какъ терраса образовала, видимо, правильный четырехугольникъ и кладка тесанныхъ камней исполнена была *вокругъ* массивной скалы, то возможно думать, что эта терраса представляла массивное и монументальное сооруженіе, вѣроятно, падгробное и всего скорѣе правильную ширмаду или гіеронъ съ глухими стѣнами выше и декоративнымъ верхомъ въ видѣ храма, увѣчаннаго ширмадою.

Но затѣмъ оставалось вопросомъ, имѣеть ли эта часть какое-либо отношеніе къ склену, или нѣтъ. Въ углу площадки были свалены найденные по близости террасы обломки архитектурныхъ украшеній, повидному, принадлежавшихъ именно этому гіерону.

Обломки же обращали на себя внимание, прежде всего, своею мелочностью: очевидно, въ нихъ уцѣлѣть только мусоръ отъ зданія, обломки нигде не годные, тогда какъ все крупное было взято. Уже въ отдаленіи найдено было нѣсколько барабановъ колоннъ, но ни одной цѣльной капители не встрѣчено. А такъ какъ обломки эти относятся еще къ хорошему времени греко-римской архитектуры съ I вѣка до Р. X. и по II стол. по Р. X., то естественно думать, что все массивное зданіе было разобрано въ христіанскую эпоху.

Упомянутая яма образовывала правильно высѣченный въ скалѣ четырехугольникъ: эта высѣчка одновременно должна была давать доступъ къ склепу и доставляла матеріалъ для постройки.

Входъ въ склепъ имѣетъ видъ узенькаго покатаго хода внизъ: онъ оканчивается первою дверью, устроенною въ складеной стѣнѣ; за стѣною узкій корридоръ, открывающійся налѣво и нѣтъ занятый вращающимся камнемъ (рис. 69) которымъ былъ задвигнуть первоначально ходъ. Вновь узкій и низкій покатыи ходъ приводитъ, затѣмъ въ первую камеру. Какъ эта камера, такъ и всѣ послѣдующія пять, и связывающіе ихъ впадіе и узкіе корридоры оказываются выложенными (или скорѣе облицованными) изъ правильно и отлично (по римскимъ примѣрамъ) вытесанныхъ камней средней величины (отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 арш., при высотѣ $\frac{3}{4}$ аршина). Было бы точнѣе говорить: облицованными, такъ какъ за многими стѣнами видна натуральная скала и забутка между нею и тонкою стѣною изъ кусковъ. Очевидно, что во всѣхъ боковыхъ камерахъ эти стѣны прикрываютъ натуральную скалу пещерныхъ склеповъ, но и въ корридорѣ, связывающемъ среднюю камеру съ боковою, въ оснавшемся углу также видна скала — въ наше посѣщеніе нельзя было разобрать точно, но можно думать, что устроители склепа воспользовались *существовавшими уже пещерными гробницами* и только облицовали ихъ для знатнаго рода.

Повидямому, вся работа, хотя была исполняема лучшими мастерами, но ведена на скоро, а именно: потолокъ почти вездѣ оставленъ натуральнымъ и слегка прикрытъ ступомъ, или скорѣе побѣлепъ отъ сырости; этотъ тонкій и нѣтъмъ не закрѣпленный слой почти вездѣ осыпался и рѣдко гдѣ обвалился кусками. Потому, особое обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что средняя камера имѣетъ потолокъ въ видѣ свода, именно коробоваго, или скаго и выложеннаго топкимъ плитнякомъ.

На полу средней камеры, во время нашего посѣщенія, лежали одна на другой плиты, замыкавшія наглухо входы въ боковыя камеры. Въ камерахъ справа и слѣва ничего не оказалось, но въ камерѣ, противъ входа, имѣющей продолговатую форму, найдено два замѣчательныхъ саркофага, стоявшихъ у стѣны, а въ глубинѣ камеры обнаруженъ низкій корридоръ, ходъ или даже,

быть может, позднѣйшая лазейка въ склепѣ, устроенная въ то время, когда имъ завладѣлъ или грабитель, или лицо, захватившее склепъ для устройства втораго погребенія. Когда мы видѣли этотъ ходъ, онъ былъ закрытъ плп, скорѣе, забученъ мелкимъ камнемъ, и владѣльцы хотѣли очистить этотъ ходъ и продолжать въ этомъ направленіи поспѣхъ.

Но самое любопытное данное касательно саркофаговъ намъ не пришлось установить: изъ рассказовъ ясно было только одно, что саркофаги найдены были въ потревоженномъ состояніи, а именно: они стояли не прикрытыми, крышка одного лежала сверху, прикрывая часть того и другаго саркофага, а крышка втораго была найдена у противоположной стѣны. Что было затѣмъ найдено внутри саркофаговъ, быть можетъ, разъяснится впоследствии лицами, которые были очевидцами открытія: во всякомъ случаѣ, никакихъ драгоценностей или даже цѣнныхъ предметовъ не было найдено.

Рис. 66. Никифорія. Крыша саркофага.

Повидному, склепъ былъ разоренъ, крышки съ саркофаговъ сняты, и одна крышка, оказавшаяся въ сторонѣ, разбита.

Отдѣлка саркофаговъ очень изящна, богата и ясно указываетъ на время погребенія, весьма близкое къ эпохѣ Рождества Христова. У одного саркофага стѣнки его покрыты замѣчательно тонкимъ орнаментомъ (рис. 67 недостаточно передаетъ эту тонкость): посреди стѣнки виднѣется горлышко сосуда, изъ него подымается такъ называемый флипкійскій букетъ, и уски или разводы его расходятся по обѣ стороны волною въ видѣ побѣговъ съ суставчатыми колѣнцами; внутри каждаго завитка этой волны помѣщена спиріиская розетка съ округлыми лепестками.

Крыша одного изъ саркофаговъ (рисунки 66 и 68 представляютъ орнаментацию обоехъ скатовъ крышки) оказалась богато орнаментированною: разводы виноградной лозы съ акантовыми листьями по концамъ расходятся здѣсь по сторонамъ средней пальметты. Орнаментъ въ основаніи греческій,

по примѣненію живописнаго богатства въ рѣзбѣ греко-римскій, а по нѣкоторымъ натуралистическимъ приаткамъ, напр., плодамъ среди побѣговъ — сирийскій.

Эта обычная въ Палестинѣ помѣсь сирийскаго и эллинскаго черезъ средство римскаго образца здѣсь является весьма характерною и заслуживаетъ подробнаго анализа.

Рис. 67. Никифорія. Бокъ саркофага.

Типъ орнамента и сухая рѣзба паномпнасть наиболѣе орнаментъ фронтона надъ входомъ и мелкаго щипца надъ дверью извѣстной гробницы Судей.

Рис. 68. Никифорія. Саркофагъ.

Наиболѣе замѣчательный мозаическій полъ, послѣ Элеонской мозаики, находится въ монастырѣ Св. Креста, основанномъ еще въ V вѣкѣ, но построенномъ (фот. 848) въ своемъ современномъ видѣ, не ранѣе XIII стол., что указывается, прежде всего, планомъ церкви, а затѣмъ, ея острокопечными арками, при купольномъ покрытіи. Церковь (табл. LVII) имѣетъ на западной сторонѣ узкій партэксъ, съ единственнмъ (пыль?) входомъ на южной сторонѣ; затѣмъ, три нефа, образованные парю столбовъ, куполь,

опущенный на 4 столба, три абсиды; словом, эта церковь представляет вполне поздне-византийский план, а остроконечные арки здесь должны быть отнесены к приемам местных архитекторов и к мусульманской архитектуре, а не к готике. В начале XIV века церковь была недолгое время

Рис. «Никифорія». Входъ въ открытую гробницу.

мечетью, возобновлена в 1643 году грузинскими царями и вел росписана хороними мастерами аль-фреско. В куполѣ еще можно различить I. Христа Вседержителя, на столбахъ триумфальной арки отлочно (см. 851—852) сохранились фрески: Христосъ и Богородица (табл. LIX и LX по надписи: «Одигитрія») стоящая съ младенцемъ на лѣвой рукѣ, подъ сценою Благовѣ-

щения (см. 849). Затѣмъ любопытны отличныя колоссальныя изображенія (по столбамъ): соборъ арх. Михаила (табл. LVIII) Святителя и Святыхъ (по стѣнамъ церкви, въ пажнемъ поясъ): у входа: Константинъ и Елены, грузинскихъ царей, отшельниковъ, святыхъ воиновъ, и пр. по принятому византійскому церковью подбору. Мозаическій полъ, современный построенію церкви, сохранился: 1) въ среднемъ пространствѣ, внутри 4 столбовъ, почти цѣлкомъ, такъ что разрушенная у переднихъ (западныхъ) столбовъ часть закрѣплена каменною настилкою, и 2) въ сѣверномъ нефѣ, сбоку этого средняго пространства, съ характеромъ каймы вокругъ всей средней мозаики: здѣсь рисунокъ представляетъ сплошное плетеніе. Въ центральной мозаикѣ являеся (снимокъ 856, табл. LVI), прежде всего, два бордюра изъ вѣточки и волны, а внутри ихъ уже широкая кайма изъ крупныхъ акабовыхъ разводовъ съ помѣщенными внутри животными, наиболее причудливыхъ или даже фантастическихъ типовъ. Вся средина подѣлена, сѣтью перекрещивающихся и изламывающихся въ различныхъ геометрическихъ построеніяхъ линий, на многоугольники, по принципу арабской орнаментики съ ея «геометрическими плетениями», въ которыхъ параллельныя линіи перерѣзываются перпендикулярно и вновь дробятся діагоналями, а одна фигура многоугольника производитъ другую. Внутри этихъ фигуръ, какъ въ византійскихъ разводахъ и завиткахъ, помѣщены красныя птицы, гѣхъ уже схематическихъ типовъ, какіе мы знаемъ въ средневѣковыхъ миниатюрахъ и особенно металлическихъ издѣліяхъ арабовъ. Но отъ древняго контекаго орнамента, который и здѣсь послужилъ образцомъ, еще остались полурозетки и медальоны, также разные узлы, условныя цвѣтки, гирлянды и пр., размѣщенные по мозаической сѣти въ ромбахъ, кругахъ и многоугольникахъ. Мозаика заслуживаетъ быть изданною въ краскахъ, по благоудетству ея тоновъ, уже не принадлежащихъ византійской схемѣ, но арабской: сѣро-лиловый тонъ здѣсь отлично сведенъ съ свѣтлоричневымъ или шоколаднымъ; красный утратилъ свою обычную яркость, а зеленый — свою силу; вообще господствуютъ полутоны.

Далѣе, являя необходимость посѣщать Іерихонъ ради производившейся тамъ развѣдки, мы воспользовались случаемъ (23-го ноября) и отправились отсюда (въ 8½ часовъ утра) въ монастырь *Св. Саовы Освоищеннаго*, обычною дорогою маломшиковъ изъ Іерихона по правому берегу Іордана, пересѣкая плодородныя заливыя плантаціи, вилоть (около 1 часа) до подъема въ гору. Тамъ, среди крайне печальной мѣстности, не представляющей уже никакой растительности на сыгучихъ властныхъ и мѣловыхъ холмахъ, съ немалымъ удивленіемъ встречаемъ громадный, нынѣ возобновленный, монастырь деревнишей *Н.би-Муса*, котораго хрстіанское пропехожденіе заслуживало бы изслѣдованія. Отсюда иди съ одного мѣловаго холма на другой, взбирался

по крутым подемамъ, или мы по совершенно безплодной мѣстности, гдѣ не только не видишь кустарниковъ, но и травы нѣтъ въ самыхъ глубокихъ ложбинахъ: вода, попадая здѣсь на крайне глинистую и илистую почву, затягиваетъ всѣ ея поры, «заблачиваетъ», какъ говорятъ, а солнечный жаръ разомъ образуетъ непроницаемую корку, изъ подъ которой никакая былинка не вырастаетъ: мѣстность болѣе пустынна на видъ, чѣмъ сама песчаная пустыня. А между тѣмъ, и здѣсь есть кой-какая жизнь, и здѣсь бродятъ стада

Рис. 70. Видеанъ. Базилика Рождства.

Бедуиновъ. Только поднявшись на господствующее плоскогорье (черезъ 2 часа послѣ Неби-Муса), котораго склоны эта холмистая мѣстность образуетъ къ Мертвому морю, и увидавъ съ вышины этого плоскогорья моавитскія горы, то голубоватыя то красно-коричневыя и ярко-пурпурныя, то подернутыя бирюзовою дымкою, мы могли передохнуть. Задохлись ослы и мулы, три раза роняли на крутыхъ спускахъ наши аппараты и багажъ. Поэтому плоскогорью было легко и пріятно идти и людямъ, и животнымъ: отовсюду открывались чудные виды, воздухъ отличался легкостью горныхъ

мѣсть. Только въ $3\frac{1}{2}$ часа дня (стало быть, черезъ $7\frac{1}{2}$ часовъ перехода отъ Иерихона, хотя мы нигдѣ не имѣли стоянки) мы завидѣли въ лощинѣ рядъ бедушекскихъ палатокъ съ ихъ хозяевами, промышленяющими пшеенствомъ, и стали подыматься по широкой, вырубленной въ скалахъ и частью долопленной мостовыми, дорогѣ, пока (черезъ 20 миль подъема) пришли въ монастырь. Его дивное мѣстоположеніе, полное суроваго величія, глубокое ущелье съ отвѣсными стѣпамъ, безчисленныя пещеры, пзрыттыя, подобно гнѣздамъ въ пѣдрахъ скалъ, грандіозныя постройки, которыхъ фундаменты и основанія восходятъ къ VI вѣку, наконецъ, священныя воспоминанія мѣста и его необыкновенныхъ подвижниковъ, все это дѣлаеть изъ монастыря Св. Саввы памятникъ христіанства, и потому фотографъ экспедиціи долженъ былъ постыдиться, чтобы въ теченіи двухъ сутокъ, нами проведенныхъ въ обителѣ, выполнить рядъ наружныхъ его видовъ (фот. 822—831, табл. LXXII), снимковъ внутренности главной церкви (827), церкви Св. Николая (832), одной иконы изъ церкви Юанна Дамаскина въ старомъ окладѣ (831) и пр. Собственно древнихъ памятниковъ въ монастырѣ не оказалось: соборъ новыи, и все убранство въ немъ новое, ризница или пичего не сохранила отъ древности, или, быть можетъ также, именно намъ не удалось найти пичего древняго, и только въ одномъ уголку, за главною церковью, между часовнею Св. Георгія и примощенными сбоку келіями (въ одной изъ нихъ при пасѣ помѣщался старецъ Симеонъ, 76 лѣтъ, русскій, изъ оставшихъ солдатъ) нашли мы остатки мозаического пола, самаго бѣднаго рисунка, но, вѣроятно, весьма древняго, какъ, конечно, и многое другое въ монастырѣ. Дѣла рукъ человѣческихъ имѣютъ свою физиономію и узнаются со стороны древности, только когда не лишены выюгѣ художественной формы, а здѣсь пздравле пзбѣгали красоты во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Экспедиція посетила не разъ Вюлеемъ и выполняла въ церкви Рождества Христова рядъ снимковъ. Колонны Вюлеемской базилики, монолитныя 6 метр. вышины, т. е. очень пзкія и даже приземистыя, безъ суженія (по крайней мѣрѣ, на глазъ), съ базою на низкомъ плитусѣ и очень бѣдныхъ формъ (верхній торъ вертикально обѣченъ и подбѣленъ желобкомъ), но снабжены еще прекрасными каштелямъ, одного типа и фактуры и, очевидно, сработанными для самой христіанской базилики, въ мѣстной мастерской, такъ какъ и крупнѣйшій камень самихъ стволовъ есть мѣстный «малыкъ». Тѣмъ интереснѣе эти капители (фот. 846 рис. 70), что онѣ являются послѣдними, ясно опредѣляемыми и еще не сорванными съ мѣста, звеномъ въ послѣдовательной цѣпи развивавшихся въ Сиріи орнаментальныхъ формъ коринфской капители. Христіанское происхожденіе капителей засвидѣтельствовано на каждой четырьмя кронштейнами на среднѣ ихъ абака, имѣющими, посреди лиственной раздѣлки, глубоко вырѣзанныи крестъ: предпола-

гать здѣсь подновленіе нѣтъ никакихъ основаній. Акавовые листья охватываютъ капитель тремя поясами, и оба верхніе пояса равно развиты и равной высоты; вмѣсто средней розетки два плоскихъ завитка, тождественныхъ съ угловыми. Листва акавовъ пышная, сочная, листья низки и жирны, лопастей широкія и безъ иглъ, наклонъ небольшой; контуры листа утратили пластическую выпуклость и эластичность, и листъ сталъ грузезъ; острія лопастей не сомкнуты.

Рис. 71. Яффа. Капитель въ долѣ Русской Миссіи.

Почитаніе пещеры Рождества въ Влодеэмѣ восходитъ ко временамъ Орпгена, свидѣтельство котораго о всеобщей извѣстности ея (противъ Цельса, I, 51) подкрѣпляется впоследствии и Евсевіемъ и Иеронимомъ. Узенеръ¹⁾ указываетъ, что такъ какъ базилика была устроена Еленою, а крыпта только въ 335 году устроена Константиномъ, то Пилигримъ изъ Бордо естественно знаетъ и упоминаетъ въ 333 г. только базилику.

1) Usener, Religionsgesch. Unters. Einacht-fest, p. 284.

Чрезвычайно интересное извѣстіе о Влоесемской базиликѣ передается въ посланіи Иерусалимскаго собора 836 года¹⁾, собравшагося въ защиту почитанія: тамъ упоминаются большія мозаики, украшавшія пѣкюгда наружный фасадъ базилики и представлявшія, между прочимъ, *Поклоненіе волхвовъ*. Послание сообщаетъ, что Персы, при взятіи Иерусалима въ 614 г., увидавъ будто бы на Влоесемской базиликѣ своихъ царей волхвовъ, поща-

Рис. 72. Ифа. Капитель на Греческомъ подворьѣ.

дили базилику отъ разрушенія. По мнѣнію Клермона Ганно²⁾, мозаики эти могли относиться къ реставраціи базилики Юстиніаномъ, а арабы украсили въ VII вѣкѣ стѣны «Омаровой мечети» подобными мозаиками, которыя этотъ писатель своими глазами видѣлъ еще въ 1874 году на мѣстѣ теперешнихъ фаянсовъ.

1) Изд. Сакселіаномъ въ 1877 г. въ Лоннахъ.

2) *Rec. d'arch. or.* 1898, II, p. 139—141. *Виз. Врем.* 1897, стр. 91—92; ib. 1898, стр. 177—180.

Остановившись на обратном пути, въ ожиданіи парохода, на одинъ день въ Иччѣ, мы посѣтили русскій пріютъ, осмотрѣли прекрасную строящуюся церковь, коллекція надписей и мелкихъ древностей, собранныхъ арх. Антоновичемъ въ домѣ, а также выкопанныя на мѣстѣ пріюта капители и колонны, стоящія во дворѣ и въ комнатахъ пріюта. Со всѣхъ наиболее сохранившихся капителей исполнены были фотографическіе снимки: большинство капителей повторяли знакомые намъ по Иерусалиму типы, но были и новыя варианты позднѣйшихъ формъ. Такъ, снимокъ 862, рис. 71 даетъ сильно поврежденный образчикъ капители коринтскаго ордена V вѣка съ описанными выше толстыми и узкими листьями, грубо высѣченными вълубъ. Напротивъ того, капитель на снимкѣ 863 можетъ считаться весьма оригинальною, при всей грубости своего исполненія: а именно, здѣсь мы встрѣчаемъ на корзинѣ только одинъ полевъ крупныхъ листьевъ, которые, изгибаясь по тѣлу корзины, представляютъ затѣмъ подъ верхомъ любопытныя большіе свѣсы верхушекъ, какъ бы висящіе плоды, — форма намъ нова неизвѣстная: капитель должна относиться къ VI—VII столѣтіямъ. Такой же грубости по исполненію, но также характерная капитель на снимкѣ № 864 представляетъ кресты и розетки въ кругахъ, — также, вѣроятно, VII вѣка. На снимкѣ 865 видимъ прекрасную капитель V или даже конца IV вѣка.

Одну любопытную и отлично сохранныую капитель, въ видѣ куба, украшеннаго по угламъ плоскими листьями акаѳа, а по срединѣ изображеніями птицъ и монограммами въ кругахъ (снимокъ 861, рис. 72) мы встрѣтили въ домѣ греческаго подворья, на верхней его террасѣ, въ углу: было бы очень желательно, чтобы русскій пріютъ пріютилъ у себя подобныя остатки древности.

ГЛАВА V.

Ризница храма Гроба Господня. Приложение: древне-христианскія мозаическія композиціи на тему „Слава Креста“.

Мы употребили много успій, чтобы проиллюстрировать таинство пресловутой ризницы храма Св. Гроба. Известно, какіе разнообразные и крайне преувеличенные слухи ходили всегда и ходят доселѣ на ея счетъ не только вдали отъ Иерусалима, но и въ самомъ святомъ городѣ и между людьми, наиболее интересующимися и близкимъ! Понятно, съ какою недоумчивостію приходилось слышать, съ одной стороны, что въ ризницѣ ничего нѣтъ, и все, что было, давно продано, и съ другой, что все, въ ней находящееся, держатъ подъ великимъ секретомъ и никому не показываютъ, кромѣ нѣсколькихъ дорогихъ и святыхъ предметовъ, которые ризничій выносятъ любителямъ паломничества. Ни то, ни другое не подтвердилось на дѣлѣ, и истина можетъ быть по срединѣ, которая, впрочемъ, оказывается далеко не золотою: а именно, въ ризницѣ нашлось нѣсколько предметовъ церковной старшины, сохраненной отъ XVII—XVIII в., и совсѣмъ не оказалось предметовъ древности. Равно, мы не были допущены въ самую ризницу и не знаемъ, что въ ней находится, кромѣ показаннаго, но и то, что было намъ показано, достаточно иллюстрируетъ ея составъ и освобождаетъ отъ пустыхъ догадокъ. Въ самомъ дѣлѣ, ризничій, удивившись, что мы ищемъ только предметовъ древности, видимо, выносить намъ все, что по этой части имѣлось, такъ сказать, самымъ хламомъ и ломъ, хотя, при полномъ незнаніи ризничихъ, нельзя было ругаться и за то, что предметъ, ими не показанный, какъ совершенно новый, могъ быть передѣлкою древняго. Это было причиною, что мы, подѣ конецъ

осмотра, просил, чтобы намъ показали ризницу, но въ этомъ желаніи было отказано намъ, на основаніи, будто бы, «устава» святогробской ризницы. Единственная льгота, которой можно было добиться, — осмотрѣть ризницу церкви Воскресенія въ храмѣ Св. Гроба, о чемъ скажемъ ниже.

Въ ризницѣ Св. Гроба намъ показали, во-первыхъ, *частицу Живо-творящаго Древа*, т. е. какъ не точно говорятъ паломникамъ, Св. Древо, приписанное Пракліемъ, тогда какъ, въ дѣйствительности, находящаяся въ оправѣ серебрянаго креста на подножій (работы XVIII вѣка), частица можетъ представлять собою только очень незначительную часть Св. Древа, приписаннаго Пракліемъ.

2) Еще меньшую *частицу Св. Древа*, даръ, по преданію Г. Палеолога, въ драгоцѣнной оправѣ креста, усыпаннаго брилліантами, послѣдняго времени.

3) *Митру* іерусалимскаго патріарха Папісія (614) 1657 г. съ надписью по гречески и ивритомъ мастера *Λεζζος*, украшенную алмазными эмальными вѣнчиками, рѣзными херувимами съ чернью.

4) *Кочезеца* или *раку* (613—606) (табл. LXIV) изъ цѣльнаго куска, конической формы (0,18 м. выш., 0,22 м. шир. и 0,7 толщ.), горнаго хрусталя, латинской работы XII вѣка, въ видѣ епископской митры, съ выдолбленнымъ сплужу въ хрусталѣ гнѣздомъ для вкладывающейся туда деревянной дощечки съ двумя крестиками. Митра обрамлена мѣдными (или дурнаго серебра?) золочеными басменными полосками, представляющими какъ бы обычныя *infula* и *titulus*: всѣ полоски покрыты разводами серебряной скани, а по краямъ украшены зубчатыми листиками. Вдоль по золоченымъ полоскамъ вставлены, средъ разводовъ, пенолненные ленточною и зерневою ялпгранью, камни въ гнѣздахъ, оправленныхъ плетениемъ. Въ одномъ камнѣ имѣется рѣзное вглубь античное позднѣйшее изображеніе богини Тихе. Внутри вкладывается кедровая (0,10 м. выш.), покрытая листовымъ золотомъ дощечка древохранильницы, съ углубленіемъ въ видѣ крестовъ; въ одномъ имѣется крестикъ, оправленный въ серебро, украшенное сканью, и въ немъ части Св. Древа, съ надписью: *lignum Sancte crucis*; одной части не достаетъ; кругомъ крестика яхонты. На оборотѣ дощечки 18 отдѣлений рѣшетчатаго набора частицъ Св. мощей съ латинскими надписями (мощи Св. апостоловъ, Св. Стефана, Лаурентія, Вита, англосаксонскаго короля Освальда VII вѣка) чернью по ободкамъ серебряной рѣшеточки. Этотъ единственный въ своемъ родѣ предметъ древности поступилъ въ ризницу не задолго до 1891 года¹⁾, изъ церкви б. ордена Іоаннитовъ во имя Іоанна Крестителя.

1) Не въ 1893 году (такъ какъ мы видели его уже въ 1892 г.), какъ сообщали Клермону Ганно, см. *Recueil d'arch. or.* II, 1898, p. 234. По свидѣніямъ францисканцевъ, найдено въ стѣнѣ, куда могло быть спрятано при взятіи Іерусалима Саладиномъ въ 1187 году.

гдѣ найдены были, по словамъ о. ризничаго, въ развалинахъ подъ древнимъ престоломъ. Такимъ образомъ митра-ковчегъ была изготовлена для освященія церкви и престола, уже латинскаго вѣроисповѣданія, возникшихъ по взятіи Иерусалима крестоносцами, на мѣстѣ греческой церкви С. Предтеч. Фактура и стиль ковчежца представляютъ простую копію филиппинныхъ издѣлій византійскихъ X—XI вѣка.

5) Грузинскій шптый серебромъ и золотомъ *омофоръ*, XV—XVI столѣтія, со множествомъ вышитыхъ изображеній.

6) *Серебряный рукомошникъ* (aiguilère) — 0,43 м. выш. съ блюдомъ — 0,56 м. шир., великолѣпной итальянской работы Renaissance, съ изображеніемъ на блюдѣ Музы, перехода черезъ Черное море и проч.; на задней сторонѣ надпись: лѣта зрѣдъ году мѣа июля въ послана отъ великаго гдѣря святѣйшаго патріарха Филарета Пякитпча Московскаго и вся Русія сія лоханъ въ Иерусалимъ къ Воскресенію Христову Госнодію Гробу при Теофанѣ патріархѣ Иерусалимскомъ и всей Палестины, въ лохани вѣсу зѣ гривнепокъ ад золотипка ізъ алотом но є рублі гривен кал'то пѣ ру^е лѣ" пѣ алты" де. На рукомошникѣ, на исподѣ таже надпись. По рукомошнику представлена сцена посланія Евреямъ манны въ пустынѣ и пзведенія Моисеемъ воды.

7) Великолѣпный *напрестольный крестъ*, итальянской работы, конца XVII вѣка, на подножіи, рѣзной по золоту; у подножія креста пзвывается змѣя съ алмазною головкою; подъ крестомъ золотой черепъ; крестъ осьнанъ алмазами и рубинами.

8) *Крестъ напрестольный*, золотой, съ изумрудами, новѣйшихъ работъ.

9) *Митру* русской работы XVIII вѣка, съ алмазами и эмалевымъ украшеніемъ.

10) *Серебряный ковчегъ* 1688 года, съ рельефными преображеніями Апостоловъ и длинною греческою надписью, въ которой ковчегъ названъ «дедаловою» работою (впрочемъ, не по искусству, очевидно, а только потому, что Дедалъ былъ рѣзчикъ). Въ ковчегѣ наложены ломаные старые серебряные подвійчипки отъ Гроба.

11) *Саккосъ грузинскій* XVII вѣка, съ изображеніемъ древа Иессеева.

12) *Саккосъ*, украшенный эмалевымъ блехомъ, 1643 г. (617).

13) *Иконку* рѣзную на деревѣ, съ 12 Госнодіими праздниками.

14) *Панайю* рѣзную по дереву, въ серебряной оправѣ съ филицтыю и надписью, съ именемъ митрополита Арсенія.

15) *Панайю* пзъ горнаго хрустала, съ надписью имени К митрополита Кесарія Палестинской.

16—22) *Семь панайй* рѣзныхъ на деревѣ, съ священными пзобра-

женіями: Богоматерью, Вседержителемъ и пр., въ рѣзныхъ серебряныхъ съ фиניчтью, камнями и жемчугомъ оправкахъ, XVII—XVIII вѣка.

Много крестовъ рѣзныхъ на деревѣ, въ обыкновенныхъ серебряныхъ съ финичтью оправкахъ, и равно много лому старого серебра.

23) *Греческое Четвероевангеліе* 7104=1596 г., 0,40 м. выш. вкладъ царя Бориса Годунова, въ русскомъ великолѣпномъ (621—622) того-же времени серебряномъ окладѣ съ золотыми цатами, съ литыми и рѣзными изображениями, украшенными чернью; окладъ оснапанъ во множествѣ сап-прами, изумрудами и аметистами; по ободу верхней крышки оклада вязью и тончайшею чернью исполнена надпись, гласящая объ этомъ вкладѣ царя Бориса Осодоровича.

24) *Евангеліе съ Псалтырью № 16*, греческое XII—XIII вѣка, въ малую четвертку, на пергаментѣ, съ грубыми миниатурами къ Псалтыри.

25) *Евангеліе № 7*, въ четвертку, на пергаментѣ съ заставками къ четыремъ Евангелистамъ, XII вѣка.

26) *Евангеліе греческое* 1643 года (табл. LXVIII) угровлахійскаго письма¹⁾ въ большой листъ, въ серебряномъ окладѣ, чеканенномъ въ высокомъ рельефѣ.

На лицевой сторонѣ оклада представлено Воскресеніе Христово по общему византійскому переводу съ Денеусомъ, Пророками и Апостолами. На оборотѣ Распятіе съ изображеніемъ вокругъ Апостоловъ. При изображеніяхъ славянскіе надписи. На лицевой сторонѣ выгнута крупными буквами надпись: *δῆσις εὐσεβεστάτου ἀθῆντος ἰω ματαίη ἰπασαράμ (?) βουρέδῃ δακίως συγροβλαγίας. ἡ εὐσεβεστάτη δεσφνῆ Εὐχρη.* Дѣй. выходныя миниатюры во весь листъ представляютъ неуклюже, но портретно, вкладчиковъ въ книжеслѣхъ вѣнцахъ, съ дарами, и греческая надпись подъ первую называетъ «Матѣи бессарабскаго воеводу, архонта 7140 г. τῶμ; Евангеліе писано въ 7151 году рукою Аноима іеромонаха»; подъ вторымъ портретомъ «домна едина» (623). Къ каждому Евангелію замѣчательныя заставки, и всюду любовныя и фигурныя инициалы, зооморфическаго типа.

Святогробское Евангеліе 1643 года писано іеромонахомъ Анопомомъ, однимъ изъ каллиграфовъ мастеровъ молдавскихъ господарей, заготовлявшихъ ихъ вклады многимъ экземплярами. Изъ нихъ мы знаемъ нацрестольное Евангеліе въ Кплип²⁾, въ и. Писколая Чудотворца, въ серебряномъ чеканномъ складѣ, съ изображениями Юанна Матен и госпожи Елены, писанное,

1) Ср. Елисаветградскую рукопись *Евангеліа*, описанію въ *Трудахъ VI Археологическаго съезда въ Одессѣ*, съ рисунками въ *Атласѣ фотографій*, издавнцахъ къ Трудамъ.

2) *Записки Одесскаго Общ. Ист. и Дрслв. Росс.*, II, 464—468, табл. XVI.

по припискѣ, въ г. Краювѣ протопопомъ Иоанномъ Сербякомъ, родомъ изъ Крадова, въ воеводство Мухлы (Михапла) (1658—1659 гг.). Очевидно, каллиграфъ, желая украсить свое Евангеліе, заимствовалъ листъ съ изображеніями Господарей изъ старой рукописи: не только самыя изображенія, но и вся орнаментация этихъ вырѣзныхъ листовъ почти тождественны, за весьма мелкими деталями, какъ будто каллиграфъ срисовалъ изъ стараго кодекса, измѣняя противъ оригинала разныя детали; вѣнцы не графскіе, но округлые; на кунтушѣ Господарини рядъ петель для аграманты и пр.

Независимо отъ ризницы Гроба Господня, намъ удалось осмотрѣть также предметы священнослуженія, находящіеся въ шкафахъ стѣбъ, окружающихъ абсиду церкви Воскресенія. Между этими предметами должны находиться и нѣкоторыя памятники старины, но такъ какъ намъ, по любезности іеромонаха, предоставлено было только *озглянуть* на эту ризницу, то записать видѣнное и видѣть всѣ предметы было неудобно. Большинство предметовъ здѣсь иконы афонскаго, а можетъ быть, и южногреческаго письма, XVII—XVIII столѣтій, съ обычными въ этихъ иконахъ реалистическими, лубочными иллюстраціями Житія Святыхъ. Но кромѣ иконъ есть много старыхъ потировъ, дискововъ, крестовъ и ковчежцевъ, большинство изъ золоченаго серебра; въ одномъ серебряномъ ковчежцѣ показываютъ руку І. Златоуста.

Два предмета оказались здѣсь очень любопытными памятниками византійской древности:

1) Маленькая панакія, устроенная (615—616, сипмокъ увеличенъ) по надписи, патриархомъ Іерусалимскимъ Аврааміемъ (1775—1787), (см. рис. 73), изъ овальнаго образа на яшиѣ, изображающаго съ одной стороны Архангела Михапла во весь ростъ со скипетромъ и забаромъ въ рукахъ, и Б. М. Одигитрію, съ Младенцемъ на лѣвой рукѣ, стоящую. Рѣзба относится къ VII—VIII вѣку: мы имѣемъ здѣсь древнѣйшій типъ Архангела, съ простою діадемою на нешкрытой головѣ, въ волпской хламидѣ и кожаныхъ саноглахъ, еще перевязанныхъ (мягкія *цани* — *чани*) съ ланчнемъ, виднымъ поверхъ рукава тунши, съ мѣрломъ въ рукѣ. Богородица по рисунку слабѣе, болѣе поздняго характера (слабо вышита на фот. 616 и подрисована, къ сожалѣнію, фотографомъ). Рисунокъ представляетъ столь совершенный византійскій стиль ранняго времени, какой въ рѣзбѣ рѣдко приводится видѣть.

2) Въ одномъ изъ шкафовъ, среди собранія самыхъ плохихъ дощатыхъ образовъ, находится замѣчательная грузинская икона¹⁾ Спасителя

1) Первое извѣстіе о ней сообщено у проф. Цагарели въ отчетѣ.

(табл. LXV) (618—619) въ древнемъ византийскомъ эмалевомъ окладѣ, представляющемъ первоклассную рѣдкость, соперничающую съ знаменитымъ Лимбургскимъ эмалевымъ окладомъ Св. Древа. Икона писана на доскѣ очень грубо, не ранѣе XVII вѣка, и что особенно важно — подобрана была для вставки въ эмалевую ризу, а не обратно, и риза не исполнена для нея, какъ увидимъ. Сзади доска покрыта (620—613) серебрянымъ листомъ, по которому чеканомъ выбитъ, во-первыхъ, орнаментальный крестъ, въ полѣ,

Рис. 73. Ризница Св. Гроба. Панагия матр. Авраамія.

окаймленномъ полюсомъ розетокъ, во-вторыхъ, подъ лѣвонъ рукавомъ креста грузинская надпись, относящаяся къ вкладу иконы въ храмъ Святаго Гроба.

Возлѣ наклеенъ клочекъ бумаги, на которомъ написано по гречески, что икона пожертвована княземъ Мпигрельскимъ Дадіаномъ Кація въ 1770 году. Ниже мы объяснимъ, какъ эти надписи и серебряная доска относятся только къ послѣдней передѣлкѣ памятника, а здѣсь замѣтимъ кратко и окончателно, что собственно памятникъ заключается только въ

наружномъ эмалевомъ окладѣ, а икона и все остальное убранство принадлежатъ XVIII вѣку.

Окладъ состоитъ 1) изъ металлическаго, покрытаго эмалью фона и вѣличка кругомъ головы Распятаго, или того, что называется *ризой*, и 2) изъ соборнаго оклада или бордюра, который, окаймляя икону, не опирается, однако, самой доски, какъ то принято дѣлать: въ этой частн ясно видна передѣлка оклада. Далѣе, если мы всмотримся пристальнѣе въ бордюръ, то увидимъ, что внизу оиъ на обѣихъ сторонахъ перерѣзанъ и куски бордюра надвинуты здѣсь одинъ на другой, очевидно для того, чтобы скрыть этотъ недостатокъ. Спрашивается: какимъ образомъ могло случиться, что бордюръ оказался длиннѣе иконы, и что его пришлось съ обѣихъ сторонъ укорачивать или, по крайней мѣрѣ, рѣзать? Отвѣтъ, какъ увидимъ, простой и точный: этотъ бордюръ снятъ съ другой иконы большаго размѣра и набитъ на эту меньшаго размѣра. Въ нижней полосѣ этого бордюра, подъ иконою, есть ленточка грузинской надписи; мастеръ, собиравшій (какъ говорится) икону, или самъ имѣлъ только кусокъ надписи, или удовольствовалея этимъ кускомъ, потому что прочее (въ старой иконѣ) было слишкомъ испорчено, а прежняя надпись окаймляла, вѣроятно, всю икону по четыремъ сторонамъ.

Окладъ драгоцененъ, потому что сохранилъ ризу—византійскіе эмалевые оклады, за рѣдчайшими исключениями, давно разобраны, и только куски ихъ сохраниены въ коллекціяхъ. Поле набрано мельчайшими эмалевыми розетками разныхъ типовъ, ромбиками и крестиками: въ общемъ получается тонкое сочетаніе общаго блѣднолиловаго тона съ золотомъ, очень изящнаго характера. По концамъ въ углу сдѣлана каемочка изъ синяго эмалеваго фона съ бѣлыми аганоовыми разводами. Выше помѣщенъ штучный наборъ эмалевыхъ разноцвѣтныхъ крестиковъ. Въ углахъ поля помѣщены изображенія погрудь скорбно-преклоненныхъ ангеловъ, которые, всплеснувъ руками, смотрятъ внизъ на Распятаго; ангелы одѣты въ голубые хитоны и пендельныя мантии, т. е. въ общепангельскія облаченія (а не архангельскія ризы). Между тѣмъ надъ ангелами (неправильно, стало быть, надписи собраны, отъ другихъ изображеній взятыя) находится надпись: Ο ΑΡΧΑΚΕΛΟΣ ΜΙΧΑΗΛ η σπρα Ο ΑΡΧ ΓΑΒΡΙΗΛ. Тутъ же въ крестообразныхъ клеймочкахъ буквы племни *ι̅ς χ̅ς*—помѣщены безъ всякой надобности. Затѣмъ вновь набита полоска изъ штучнаго кренчатаго набора, что называютъ также и шахматнымъ полемъ. И наконецъ вверху широкая кайма слегка вышуклая содержитъ по синему полю большими буквами надпись *σ βασιλεις τῆς θεῆς*—т. е. *царь* славы, и сверху надпись, вторая штучная полоска. Но самая любопытная часть ризы есть эмалевый вѣличикъ или пямбъ вокругъ головы Распятаго.

Перекошенное положеніе рукавовъ креста приводитъ къ опредѣленнымъ заключеніямъ: икона Спасителя, нынѣ находящаяся подъ окладомъ, не первоначальна, а подобрана къ нему въ XVIII вѣкѣ. Первоначальная икона должна была представлять Христа Распятаго, т. е. съ главою, преклоненною слегка на правое плечо, что доказывается: 1) положеніемъ ангеловъ плачущихъ и 2) надписью: *Царь Славы*, помещающеюся только на крестѣ, надъ изображеніемъ Распятаго. Древняя византійская икона, теперь отсутствующая, тѣмъ болѣе любопытна, что она была бы единственный примѣръ византійскаго оригинала вообще латинскихъ и въ частности итальянскихъ *Pietà* XII — XIII вѣковъ.

Главную драгоценность памятника составляетъ любопытный бордюръ иконы, въ видѣ золотой чеканной полосы, на которую набитъ рядъ подобранныхъ эмалевыхъ медальоновъ. Этотъ подборъ эмалевыхъ медальоновъ и ближекъ въ византійскихъ иконахъ подчиняется столько же декоративнымъ условіямъ, сколько и задачамъ иконописной темы, т. е. релігіозной композиціи. Интересъ этой композиціи тѣмъ выше для насъ, что мы находимъ здѣсь зачастую болѣе живыя мысли, чѣмъ въ монументальномъ искусствѣ, и что мастеру нужно много искусства, чтобы сочетать богословіе и искусство на весьма условномъ и ограниченномъ полѣ. Начиная съ центра верхней каймы, мы находимъ, во главѣ или на первомъ мѣстѣ, въ замѣтъ всей конструкціи, символическій образъ *Утовоаннаго Престола*, съ надписью $\tau \epsilon \tau \mu \alpha \tau \iota \varsigma$: престоль съ красною подушкою, служащей треномъ съ крестомъ и Евангеліемъ на немъ, кошемъ и губкою на трости сзади. Но такое мѣсто образъ Гегимасіи занимаетъ только въ изображеніяхъ *Страшнаго Суда*, *Славы Господней*, *Моленія* или *Дискуса*, какъ условная эмблема грядущаго откровенія всемогущества Божія, и уже по этому неизмѣнному смыслу не можетъ появляться и никогда не появляется въ Распятіи, сценѣ чисто исторической и иного значенія.

Впрочемъ, мы часто встречаемся съ подобными прегрѣшеніямъ противъ строгой византійской иконописи въ древнихъ византійскихъ эмаляхъ, гдѣ нередко подборъ сюжетовъ бываетъ случайнымъ. Причина этого обстоятельства заключается въ томъ, что производство эмалей и тогда было дорогимъ, а издѣлія — своего рода рѣдкостью, и потому были предметомъ поспеховъ и такой же перепродажи, какъ драгоценныя камни. Конечно, если икона была заказываема на мѣстѣ въ Константинополѣ, то отъ мастера или фабрики можно было требовать и строгого подбора. Но если эмалевый бордюръ исполнился въ Грузіи, гдѣ византійскія эмали только грубо поддѣлывались¹⁾,

1) О грузинскихъ эмаляхъ по византійскому способу см. мое сочиненіе: *Византійскія эмали собранія А. В. Звенигородскаго*.

такимъ требованіямъ уже не было мѣста, и мастеръ долженъ былъ ограничиваться выгнаннымъ подборомъ¹⁾. И дѣйствительно, если мы сравнимъ орнаментъ нашего бордюра съ другими намятиками²⁾, то убѣдимся, что этотъ бордюръ грузинской работы XII вѣка, и что на немъ грузинскій мастеръ прилаживалъ пѣвшіяся у него греческія эмал. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ орнаментъ встрѣчается въ грузинскихъ иконахъ XII вѣка.

По сторонамъ Гетимасіи грузинскій мастеръ исполнилъ рельефно чеканомъ двухъ ангеловъ, скорбищихъ о Распятіи, и выбѣлъ надъ ними по три звѣзды, зашлпивъ ихъ красною масткою, а въ средину каждой звѣзды посадилъ по жемчужинѣ (недостающей).

Слѣдуютъ два круглые медальона: въ одномъ голова Геліоса (ΗΛΙΟΣ) въ красномъ полѣ съ бѣлыми лучами, въ другомъ пепельная голова Селены (ΣΣΕΛΗΝΗ) и вновь летающіе ангелы.

По угламъ дѣлѣ четыреугольныхъ цаты представляютъ ангельскіе и архангельскіе соимы, по слову Спасителя, стоящіе на стражѣ у Престола; всѣ въ ризахъ архангеловъ, держа жезлы процвѣтшіе, съ бѣлыми пліями вмѣсто коней на копцахъ, въ золотыхъ коронахъ, юные и кудрявые. Ниже въ двухъ медальонахъ два скорбищихъ ангела. Еще ниже, но не настолько, чтобы положеніе было натурально относительно головы Христа, тогда какъ прежняя икона пѣла еще нѣсколько лишнхъ медальоновъ и была выше, изображена Богородица, въ спней фелоніи пепельноголубомъ хитогѣ, плачущая съ платомъ въ рукахъ; она стоитъ оборотясь къ умиравшему сыну; по другую сторону на рамкѣ І. Богословъ, (ΙΩ ΘΕΟΛΟΓΟ) юный ученикъ, стоитъ подпирая голову рукою. Ниже ихъ, съ лѣвой стороны, стоятъ двѣ жены мироносицы (Π ΜΙΡΟΦΟΡ), одна въ снѣи, другая въ коричневой фелоніи, протягивая руки, а съ правой Лопгивъ (Ο ΛΟΙΝΟΣ), толстый сотникъ, въ стальномъ панцирѣ съ золотыми пряжками, красной рубашкѣ на выпускѣ, спиномъ короткомъ сагіи — плащѣ, зеленыхъ штанахъ, черныхъ сапогахъ и съ бѣлымъ шарфомъ, съ одутловатымъ лицомъ. Ниже, въ медальонахъ, представлены отдѣльно: сѣдой Иосифъ и Никодимъ, послѣдній въ бирюзовомъ гматіи, держа въ рукахъ свѣчу. Вновь почему то пошла бляшка съ фигурами двухъ мироносицъ³⁾, стоящими, обернувшись другъ къ другу, одна въ снѣи, другая въ пурпурной фелоніи, а по ту сторону пять вопловъ (Π ΣΤΡΑΤΙΟΤΕ).

Затѣмъ уже на нижней каймѣ, въ соответствіи съ престоломъ, пред-

1) См. доказанные примѣры, тоже сочиненіе, стр. 126 слѣд.

2) Мое сочиненіе *Опись памятниковъ Грузіи*, стр. 103, 132, рис. 48, 73.

3) Преданіе рано стало насчитывать не двухъ или трехъ женъ мироносицъ, но болѣе, зная ихъ по именамъ: Маріи Магдалины и Маріи Клеоповой, Маріи и Марфы изъ Евангеліи, Соломеи, дочери Иосифа обручника, и Сузанны, Иоанны и другихъ безъ именъ.

ставленъ Святой Гробъ, въ видѣ саркофага изъ чернаго мрамора, накрытаго доскою съ инкрустациями изъ пестраго мрамора. По сторонамъ Гроба два ангела (ОПАГЕЛ), одинъ, весь въ бѣломъ, указываетъ на Св. Гробъ, другой, смотря на Гробъ и держа лѣвую руку передъ собою, правую прикладываетъ къ груди, въ знакъ обожанія и скорби.

Всѣ эмали уже далеко не отличаются тою блестящею техникою, какую имѣютъ древнѣйшіе памятники этого производства въ Византіи; рисунокъ не только неправиленъ, но и небреженъ, контуры перепутаны и детали сдѣланы грубо. Еще сохраняется извѣстная чистота и прозрачность эмалевыхъ красокъ, но эмаль непрочна, легко трескается, а, главное, мало шлифована, и потому становится матовою, блѣсоватою, теряетъ чистоту глубокихъ тоновъ. Измѣнился и самый подборъ красокъ: пѣмбы являются синими, блѣдпоголубыми, бирюзовыми, свѣтло изумрудными, но зеленъ бирюзы и изумруда имѣетъ желтый оттѣнокъ, а цвѣтъ мѣдники указываетъ на эмаль второй половины XII вѣка.

Мы вышли изъ, затѣмъ, рядъ фотографическихъ снимковъ въ Иерусалимской Патріаршей Библіотекѣ, съ замѣчательныхъ по своимъ миниатюрамъ рукописей. Такова напр. рукопись въ видѣ пергаментнаго свѣтка *Литургіи І. Златоуста*, № 109, длиною 8½ метровъ, писана золотомъ, и украшена замѣчательно тонкими миниатюрами и заставками. Такъ первая выходная (№ 626 фот.) миниатюра надъ молитвою выходною представляетъ внутри арки заставку въ видѣ нолога, внутри котораго открывается образъ Спаса на престолѣ, а сверху въ арочкахъ Богородица съ 3 Святыми и Св. Георгіемъ, и тутъ же крохотными, но замѣчательно тонкими, фигурками представлено Благовѣщеніе и Рождество въ инициалѣ Д. Далѣе, къ молитвѣ Трпсвятаго—икона Вседержителя и передъ нею икона Богоматери, затѣмъ къ различнымъ молитвамъ: Ап. Павелъ и Златоустъ, или чаще всего: І. Христосъ и І. Златоустъ передъ нимъ. Къ молитвѣ: «наки и наки припадемъ»—изображено Срѣтеніе, къ проскомидіи—І. Христосъ за престоломъ, группы Апостоловъ и служащіе ангелы. Къ молитвѣ: «достойно и праведно есть»—Сочестіе во адъ; къ словамъ «Пійте, ядите»—привчаеніе апостоловъ дважды. Наибольше любовитны миниатюры: Крещенія, Троицы, Александрійскаго еп. Петра съ Христомъ Младенцемъ, Усенія, Христа въ саду Геосимапскомъ, Преображенія и Распятія. Все это, конечно, декоративныя миниатюры, но ихъ соотношеніе къ молитвамъ важный фактъ въ византійскомъ искусствѣ.

Рукопись Словъ Св. Грягорія Богослова за № 14, на пергаментѣ, въ 4°, XI вѣка, съ 96 миниатюрами на 313 листахъ, представляетъ значительный интересъ по оригинальности иллюстрацій, которыя, въ видѣ вписокъ съ боку текста, поленяютъ его содержаніе и тѣмъ отличаются отъ обыч-

ныхъ лицевыхъ редакцій Слово Григорія, сочиненныхъ на подобіе лицевыхъ Евангелій, Правда, и здѣсь есть выходная миниатюра, представляющая самого Св. Григорія, и затѣмъ рядъ выходныхъ миниатюр¹⁾: къ Слову на Пасху (Христосъ среди двухъ ангеловъ, возвыщающій «днесь спасеніе міру» — миниатюра любопытная въ иконографическомъ отношеніи), къ другому Слову на Пасху, на весну и мученика Маманта, на Пятидесятницу (Сочество Св. Духа, съ обычной темной аркою, въ которой видны царь и смердь, а не Пророки Іезекиль и Юль, какъ объясняетъ г. Понадоуло-Керамевъ), на мученика Кипріяна, на Юліана, на Богоявленіе, на Василія Великаго, Крещеніе Господа и Святое Крещеніе, Григорія Нисскаго, о ницелюбіи и пр. Всѣ эти иллюстраціи болѣе или менѣе повторяютъ извѣстныя редакціи. Но уже къ Слову на Маманта на лл. 33—34 (фот. 632, 634) рядъ вишетоковъ иллюстрируетъ текстъ, представляя паннию, плаваніе по морю, настиховъ играющихъ на свирѣляхъ и пр. и пр.

Помѣщенное въ среднѣ этихъ рѣчей Слово Іоанна Дамаскина (принятое) на Рождество иллюстрировано въ томъ же родѣ и пошибѣ множествомъ оригинальныхъ вишетоковъ по полямъ текста, вмѣсто втораго столбца: сначала выходное изображеніе Іоанна пишущаго среди монаховъ, а далѣе слѣдуютъ толковыя иллюстраціи текста: бѣгство въ Египетъ и три Святыхъ (Пророка?), простирающихъ руки къ божественной семьѣ, какъ провозвѣстники бѣгства (л. 96); любопытно, что сзади ола идутъ два демона. На л. 97 — Рождество Христово, на 98 — три волхва ѣдутъ за звѣздою, представленъ вертень и Марія съ Младенцемъ и звѣздою, ниже Аггаль, царь Лакедемонскій, на одрѣ, а передъ нимъ отроки и женщина. На слѣдующихъ листахъ (фот. 642—647) идутъ мнѣологическія и александричскія иллюстраціи изъ исторіи греческой религіи и почитанія идоловъ и оракуловъ. На 104 л. (фот. 630) скачущіе въ Влоесемъ волхвы. На 106 листѣ (фот. 627—641): Богородица сидитъ передъ зданіемъ, держа Младенца на рукахъ, передъ нею сидящій живописецъ пишетъ съ нея икону — портретъ на доскѣ, держа ее въ рукахъ; передъ нимъ ящичекъ, открытый съ чашечками для красокъ, поставленъ на табуретѣ. Ниже представлено зданіе, въ верхнемъ сводѣ котораго помѣщена та же самая икона, передъ зданіемъ три волхва (трехъ возрастовъ) и одинъ Персъ; подъ этою миниатюрою три волхва лобызаютъ Младенца, держа его на рукахъ, но Младенецъ становится у втораго уже отрокомъ, у третьяго мужемъ. Голова Младенца заключена въ простой шибѣ, безъ креста; волхвовъ легко узнать

1) Ихъ подробный перечень, съ изложеніемъ содержанія, сдѣланъ г. Понадоуло-Керамевомъ въ его тщательно изданный каталогъ рукописей Иерусалимской Библіотеки, издаваемый на греческомъ языкѣ Правосл. Палестинскимъ Обществомъ, 1891 г., 1-й томъ; описание см. на стр. 45—65.

по традиционнымъ фресочкамъ на макушкѣ, принявшимъ, однако, крайне малые размеры. Слѣдующій 107 листъ (фот. 628) представляетъ двѣ сцены Поклоненія волхвовъ, отличающіяся поздними формами и экспрессіей в фигурѣ, крайне длинныхъ, тонкихъ, почти безгласныхъ и деревянныхъ. Напротивъ того, дальнѣйшіе листы 108—111 (фот. 631—639) иллюстрируютъ извѣстную исторію левита, жившаго на склонахъ горы Ефремовой и его наложницы изъ Вилолема Иудейскаго, изнасилованной въ Гивѣ Веніаминовой и пмя разрубленной на 12 частей по челу «предѣловъ Израилевыхъ» (книга Судей, главы 19—21). Въ заключеніе помѣщено Пзбіеніе младенцевъ Вилолемскихъ и поклоненіе Божіей Матери.

Такимъ образомъ, иллюстраціи Слова предлагаютъ въ лицахъ поученіе или, своего рода, *толковыя* миниатюры, и по приѣмамъ, и по стилю, чрезвычайно напоминаютъ Толковыя Псалтыря, Толковыя извлечения изъ Ветхаго Завета и прочія поучительныя иллюстраціи X—XII столѣтій въ византійскомъ искусствѣ. Мы коснулись лишь вкратцѣ этихъ любопытныхъ иллюстрацій, чтобы указать, какое обиліе новыхъ данныхъ онѣ въ себѣ содержатъ для исторіи византійскаго натурализма, цѣлкомъ перешедшаго въ искусство средневѣковаго запада.

На листахъ 307—313 помѣщено «сводъ и истолкованіе исторій», приводимыхъ Григоріемъ Богословомъ въ его Словахъ, иначе мифологія въ картинкахъ, которыя, на этотъ разъ, представляютъ явную копию отличнаго образца композицій, гораздо ранѣе появившихся и только подобранныхъ тѣмъ книжникомъ популяризаторомъ, который в текстъ приспособилъ къ миниатюрамъ. Было бы любопытно изслѣдовать, къ какому именно времени относятся оригиналы миниатюръ. Онѣ представляютъ (фот. 642—651): Персея и Эномалъ, Артемиду и Актеона, Ахилла и Хирона, Крона и Рею, Семелу и Зевса, Колосса Родосскаго и Мавзолей, Зевса, Лонну и Гецеста, Гекату, Мендскаго козла, идоловъ и кумировъ, почитаемыхъ Египтянами животныхъ¹⁾. Правда, однако, что всѣ эти миниатюры данной редакціи, по своему стилю, не могутъ быть ранѣе IX вѣка, — настолько ясно въ нихъ зачатѣльнъ поздній византійскій типъ, но оригиналомъ ихъ могъ быть гораздо древнѣйшій образецъ. Миниатюры еще негнѣзельнъ розовымъ тономъ и свѣтлоглубою или бирюзовою краскою, но уже тонъ золота красноватый, пропорціи да нельзя удлинены, движенія чрезмерны, экспрессія уродлива и моделровка мутная или даже грязная.

Въ церковной ризницѣ Армянской Патріархіи оказалось въ распоряженіи золоченомъ окладѣ Евангеліе на пергаментѣ, на армянскомъ

1) См. перечень и прилагаемые фототипическіе снимки въ каталогѣ г. Новоузуло-Керамева.

языкъ, сходное съ библиотечнымъ №№ 1748—1749 той же Патріархіи (заключающимъ въ себѣ только изображеніе Евангелистовъ), и украшенное миниатюрами во весь листъ съ изображеніями Рождества (фот. 769), Крещенія, Преображенія и «Деисуса», въ образѣ Спаса на престолѣ, благословляющаго обѣими руками, съ предстоящими Предтечею и Богородицею, и покланяемаго царемъ Леваномъ II съ семьєю (табл. LXIII, фот. 770). Украшенія выходныхъ листовъ нестрѣютъ обычною орнаментациєю капоповъ (табл. LXX и LXXI, фот. 771—772).

Въ бібліотекѣ Патріархіи Евангеліе № 1260 (п подобное № 251), скопированное въ украшеніяхъ съ отличнаго византійскаго образца, но уже переданнаго въ большемъ размѣрѣ и болѣе деревляннмъ письмомъ. Въ заставкахъ пестрал орнаментака птицъ, животныхъ среди листьвы, двухъ Сирепъ въ вѣщахъ, охотящихся за животными собакамъ (фот. 774), кентавровъ, грифамъ (777). Наиболее любопытны инициалы (особенно фот. 775), указывающіе намъ, гдѣ должно искать источникъ монструозныхъ формъ средневѣковыхъ инициаловъ XIV столѣтія; здѣсь наир. изъ буквы идетъ побѣгъ, скручивающійся завиткомъ, а внутри ихъ изъ чашечекъ до пояса выставлены юношескія фигуры и забрасываютъ дальше петлю на растеніе и пр. Великолѣпная миниатюра на Рождество (фот. 776) любопытна оригинальною композиціею, а на слѣдующей страницѣ заставка представляетъ наверху источникъ жизни съ стоящимъ поверхъ вазы львомъ и по сторонамъ двухъ мпмовъ или ряженыхъ: одного съ орлиною головою, другого съ козлиною, первый посеетъ вѣтку съ цвѣтами, второй держитъ крюкъ.

Въ ризницѣ же мы видѣли *Библию* армянскую 1269 года, на бомбляницѣ, всю богато иллюстрированную въ началахъ книгъ большими миниатюрами съ явною орнаментикою изъ листьвы и фигуръ, большими фигурными инициалами, пестрыми портиками и заставками. На одной сторонѣ: Моисей принимаетъ заповѣди, на другой — Христосъ—Вседержитель. Къ пророку Іезекілю (табл. LXXIX)—любопытная сцена Видѣнія, къ Іисусу Навину—образъ ангела съ мечемъ; къ ап. Павлу замѣчательная заставка съ двумя спинами въ корокахъ (фот. 773).

ПРИЛОЖЕНИЕ¹⁾.

Декоративная, а, можетъ быть, также и символическая форма креста, увѣнчаннаго кругомъ, или вѣнкомъ, внутри котораго находится монограмма Христа или такъ называемая Хризма, не столько известна въ древне-христианской археологii, что не пуждается ни въ дополнительныхъ толкованiяхъ, ни въ хронологическомъ опредѣленiи. Появленiе этой формы относится, повидному, еще къ III вѣку, а время господства къ IV и V. Крестъ, увѣнчанный монограммою, находимъ, или въ значенiи общей христианской эмблемы, высѣченныиъ на саркофагахъ или же въ особо осмысленной обстановкѣ. Такъ, по сторонамъ одного саркофага²⁾ изображены подобныя кресты съ верхнимъ цѣткомъ, на которомъ вырѣзана хризма, среди двухъ свѣтильниковъ. Чаще всего подобный крестъ изображается даже въ среднѣиъ самаго саркофага, обозначая мѣсто страданiя Господня—Голгофу или самый Гробъ Господень, и подъ рукавами креста, въ такомъ случаѣ, изображаются два дремлющихъ воппа³⁾, или даже самъ воскреснiиъ Спаситель съ двумя женами мироносицами⁴⁾. По сторонамъ такого креста изображаются въ такомъ случаѣ, или 12 апостоловъ⁵⁾, или сцены чудесъ и страданiя Христовыхъ. Иногда подъ вѣнкомъ, заключающимъ въ себѣ хризму, изображены двѣ илчпки, клюющiя ягоды этого вѣнка, а внизу подъ рукавами креста два агнца⁶⁾.

Подобнаго же рода декоративныя кресты находимъ на различныхъ мелкихъ предметахъ древне-христианской утвари и, между прочимъ, на рѣзныхъ печатяхъ⁷⁾. Такое обильное употребленiе этой формы указываетъ, повидному, на ея происхожденiе отъ известнаго египетскаго креста (*anakt*), который, изъ языческой эмблемы, сталъ, какъ известно, декоративною формою древняго христианскаго креста въ Египтѣ.

Въ понятной и наглядной связи съ этою же формою креста стоитъ, какъ его важнѣйшiй вариантъ, изображенiе креста съ медальономъ головы

1) См. прилѣт. 1-е на стр. 22.

2) Garrucci, *Storia d. a. crist.* Томъ 5-й, табл. 337.

3) Тамъ-же, табл. 350, 1, 2 и 3.

4) Тамъ-же, табл. 350, 4.

5) Тамъ-же, табл. 350, 3.

6) Тамъ-же, табл. 337.

7) Тамъ-же, томъ 6-й, табл. 471, 476 и 477.

Христа наверху. На одной бронзовой медали Ватиканскаго музея изображень большой крестъ, съ подвѣшанными къ нему на цѣпочкахъ буквами альфа и омега; поверхность креста вырѣзана бюстъ Спасителя, держащаго два вѣнка, которые Овъ собираются возложить на головы двухъ предстоящихъ кресту людей въ апостольскихъ облаченіяхъ и держащихъ на плечахъ кресты, ими взятые для поспѣдованія Христу. Въ сторонѣ изображена фигура христіанки въ даматикѣ съ зажженой свѣчю, молящагося передъ этимъ изображеніемъ. Такимъ образомъ, здѣсь, очевидно, представлена, какъ догадывается уже Гарруччи¹⁾, какая либо извѣстная въ римскихъ церквахъ композиція. Что особенно слѣдуетъ въ ней отмѣтить, какъ обстоятельство, важнѣйшее для дальнѣйшихъ заключеній—то, что здѣсь бюстъ Спасителя не заключенъ въ особый медальонъ, а представленъ поверхъ креста, какъ бы въ небѣ. И такъ здѣсь мы уже имѣемъ извѣстнаго рода осложненіе декоративно-символическаго знака.

Изображеніе креста на сферѣ и въ иныхъ случаяхъ поверхъ скалы, источающей четыре рѣки, съ двумя предстоящими ангелами по сторонамъ, образуетъ, какъ уже было высказано по поводу извѣстнаго Строгановскаго блюда²⁾ изъ Березова, такъ называемую «Славу Креста» или «Похвалу Кресту».

Къ VI или VII столѣтію относятся два рѣзныхъ камня: одинъ, изданный покойнымъ Г. Д. Флимоновымъ (на сосудѣ Московскаго Успенскаго собора) съ надписью: «покровъ .Леонтія» и другой на сардоникѣ въ Парижскомъ кабинетѣ медалей, повторенный въ изданіи Гарруччи³⁾. Хотя Гарруччи отказывается отъ такого толкованія надписи, которое даетъ Флимоновъ, но это толкованіе единственно возможное и вполнѣ подходитъ къ главному сюжету рѣзнаго камня, а именно къ изображенію креста, который является «покровомъ» владѣльца, при чемъ крестъ изображенъ въ торжественной обстановкѣ, которая должна представлять торжество креста⁴⁾.

Мы уже знаемъ, что подобнаго рода монументальное, изъ драгоценныхъ матеріаловъ, исполненное изображеніе креста находилось въ Голгооской церкви и играло важную роль въ различныхъ служеніяхъ Иерусалим-

1) Тамъ-же, табл. 480, 6.

2) Тамъ-же, табл. 460, 10.

3) Garrucci, IV, . 480, 6. *Вѣстникъ Общ. древне-русскаго искусства* за 1875 г., 6—10, стр. 59—60.

4) Robault de Fleury, *La Messe*, pl. 404, ср. подвѣшеные кресты внутри вѣнка, pl. 390, 391—393, 399. На двухъ любопытныхъ перстняхъ Британскаго Музея, VI или VII столѣтія (по опредѣленію издателя) представлена голова или бюстъ Спасителя надъ двумя преклонившимися ангелами, на третьемъ — бюстъ Христа надъ крестомъ, находящимся среди мужа и жены. См. Dalton, *Catalogue of early chr. antiquities and objects from the christian east in the British Museum*, L., 1901, №№ 120, 133, 189, стр. 19, 22, 30.

скаго храма. Но къ перечисленнымъ нами выше свѣдѣніямъ получается любознтельное, хотя не достаточно ясное въ настоящее время, дополненіе. Оно находится въ греческомъ «Чинѣ богослуженія страстной и пасхальныхъ седмиць въ Святомъ Иерусалимѣ: по уставу IX — X вѣка»¹⁾ и заключается въ слѣдующемъ указаніи: въ день Великой Пятницы, послѣ различныхъ лгтій на Елеонѣ, въ Геосиаміи, во Святой Софїи, затѣмъ въ Константиновомъ храмѣ въ среднѣмъ святаго Сада, передъ Лобнымъ мѣстомъ и наконецъ на мѣстѣ крестнаго распятія, передъ самымъ отпустомъ, полагалось по чину такое священнодѣйствіе: патриархъ съ архидакономъ входятъ въ *Ангельское Лобное* (*αγγελικὸν ἀγυλακίον*), сзади святаго Краиена мѣста, берегъ Честный Крестъ отсюда и несутъ его привязаннымъ на плечахъ своихъ. Архидаконъ объ изываетъ ораремъ выно его и влечетъ его во святую Темницу и остается въ ней патриархъ. Здѣсь, т. е. во святой Темницѣ совершается лгтія, при ибнїи «Господя, осудившя Тя Гудеи на смерть» и пр. и пр. Послѣ пѣнопѣній діаконь провозносятъ ектешию, и потомъ бываетъ отпустъ. Доселѣ мы нигдѣ не находимъ какого бы то ни было упоминанія о мѣстѣ Иерусалимскаго храма, носившемъ наименованіе «Ангельскаго Лобнаго». Единственное свѣдѣніе, такъ или иначе касающееся этого мѣста, дается Дюбанжемъ по поводу слова «Лобное» (*αγγελικόν*) на выраженіе «Лобный гласъ Креста», которымъ были наименованы воинскій кличъ, получившій начало отъ извѣстнаго видѣнія Константина Великаго; Дюбанжъ указываетъ на соотвѣстныя мѣста различныхъ сочиненій по воинской тактикѣ и историковъ. Изъ сопоставленія другихъ текстовъ мы знаемъ о томъ, что уже къ VI вѣку сложились многочисленныя «Похвалы Кресту», въ которыхъ крестъ назывался: «красотою церкви», «державою царей», «утвержденіемъ вѣрныхъ», «славою ангеловъ». Такимъ образомъ, становится возможнымъ предположить, что именно изображеніе креста съ предстоящими ангелами было въ эпоху Константина типическимъ представленіемъ «Славы Креста» и, стало быть, славы христіанства. Иначе говори, изображеніе креста съ двумя ангелами по сторонамъ было для эпохи Константина ясною эмблемою признанія христіанства государственною религіею Римской имперіи. Наши свѣдѣнія, почерпаемыя исключительно изъ древнѣйшихъ памятниковъ, столь скудны по вопросу объ украшеніяхъ и художественныхъ подробностяхъ устройства въ храмѣ Святаго Гроба, что мы остаемся въ полномъ невѣдѣніи о томъ, какъ было устроено и украшено мѣсто Голгофы. Вѣсь носилъ среди археологическихъ памятниковъ оказываются доселѣ безплодными, вслѣдствіе крайне условнаго характера, усвоеннаго древне-христіанскимъ искусствомъ для своихъ изображеній. Только путемъ догадокъ, болѣе или менѣе вѣроятныхъ,

1) Изд. проф. А. А. Дмитриевскаго, стр. 145.

мы узнаемъ напрямѣръ, что на скалѣ Голговы стоялъ одинъ крестъ, и тотъ крестъ былъ декоративный, обложенный серебромъ, золотомъ и драгоценными камнями, и по его сторонамъ, очевидно, не было поставлено крестовъ двухъ разбойниковъ, хотя, по словамъ извѣстнаго «сказанія о пахождении Святаго Креста», эти кресты были найдены. Мало того: многочисленный изображенія декоративнаго креста, поставленнаго на Голгофѣ, не только представляютъ его одинокомъ, но и самую Голгову представляютъ узкою пирамидальною скалою, на которой вовсе нѣтъ мѣста для двухъ другихъ крестовъ. Такимъ образомъ, изображеніе не отвѣчаетъ современному состоянию этой скалы, которая, въ настоящее время, будучи покрыта каменнымъ помостомъ, представляетъ площадку въ 40 футовъ длины и ширины, со входами по двумъ крутымъ лѣстницамъ, въ 18 ступеней каждая. Эта площадка раздѣлена на двѣ капеллы пополамъ: капеллу Распятія, принадлежащую грекамъ и латинскую капеллу — «привожденія ко кресту». Въ алтарной части греческой часовни, на выступающей скалѣ указываютъ (правда, въ слишкомъ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, для того, чтобы здѣсь могли находиться 3 большихъ креста), три углубленія будто бы относящіяся, по преданію, къ мѣстамъ утвержденія трехъ крестовъ. Но видѣть можно только углубленія, сохранившіяся отъ Креста Христова, въ 1 футъ глубины, а прочія углубленія покрыты мраморнымъ помостомъ и обозначены только черными кругами. Зная, какъ произвольно обходится греки со святыми мѣстами, нѣтъ вроченнымъ, будетъ вполнѣ позволительно думать, что со времени обрѣтенія животворящаго древа на Голгооской скалѣ, всегда существовалъ только одинъ крестъ и что даже самая скала была обѣчена въ видѣ пирамиды, и не допускала постановки прочихъ крестовъ. Затѣмъ сохранившіеся и извѣстные намъ доселѣ памятники древности представляютъ крестъ Голговы исключительно въ видѣ высокаго, поганнаго, чисто декоративнаго греческаго креста, съ удлинненнымъ нижнимъ рукавомъ, обложеннаго драгоценными металлами и осыпаннаго камнями. Были ли на этомъ крестѣ какіе-либо флгурные медальоны, въ среднѣй, по рукавамъ, вдоль креста или на верху его, стоялъ-ли онъ на сферѣ или былъ утвержденъ, какъ реальный крестъ непосредственно въ скалѣ, и только устье было обдѣлано, какъ говорятъ паломники серебромъ,—не знаемъ, но вотъ, что находимъ мы на мѣстныхъ памятникахъ, а именно на извѣстныхъ ампулахъ собора въ Мопцѣ.

Ампулы Мопцы, содержавшія въ себѣ освященный елей, какъ гласятъ на нихъ надписи, «отъ Животворящаго Древа святыхъ мѣстъ Христовыхъ» были принесены въ концѣ VI вѣка изъ Иерусалима въ даръ королевы Теоделиды изъ Рима поподіакономъ Іоанномъ около 600 года, когда папа Григорій (590 — 604) занималъ папскій престолъ. Надпись на одномъ

экземпляръ гласитъ иначе: «Благословеніе Господа Святыхъ Христовыхъ Мѣстъ» и такъ какъ изображаетъ «Поклоненіе волхвовъ», пастырей и славословіе ангеловъ предъ Младенцемъ, то повидимому, пропеходитъ изъ Внолеемской базилики, въ то время какъ все остальные амуллы были наполнены елеемъ, освещеннымъ у Животворящаго Древа. Мы не знаемъ точно, гдѣ именно въ Иерусалимскомъ храмѣ сохранилось Святое Древо, но что это не было на самомъ Лобномъ мѣстѣ, о томъ свидѣтельствууютъ все наомники и приведенный выше текстъ патріарха Софронія: по его стихотворенію видно, что приложившись сначала къ скалѣ Голговы, въ которой утверждены были крестъ, иѣвецъ отуда идетъ на мѣсто, гдѣ, преклонившись, иѣрныя почитаютъ Б жественное Древо и гдѣ въ тоже время воздаютъ поклоненіе иѣкоторой «честной иконѣ». Извѣстное сказаніе монаха Александра «О обрѣтеніи Честнаго Креста», относимое съ большою вѣроятностью къ концу V или къ началу VI столѣтія, ясно передаетъ намъ, что когда императрица Елена обрѣла Святой Крестъ въ Иерусалимѣ, то передъ отъѣздомъ своимъ въ Римъ распорядилась раздѣлить Древо на части и одну часть взяла съ собою, а другую вручила епископу Макарію для храненія на мѣстѣ въ Иерусалимѣ, положивъ эту часть въ золотой ковчегъ. Изъ разсказа наомницы Спльвіи мы знаемъ, что эта часть была достаточно большаго размѣровъ, такъ что, при выносѣ ея на поклоненіе вѣрнымъ, она ставилась передъ епископомъ на особый столъ, покрытый полотномъ, кругомъ котораго стояли діаконы на стражѣ. Серебряный позлащенный ковчегъ, въ которомъ находилось святое Древо Креста на столѣ, открывался, и Святое Древо вынималось и клалось на столъ, какъ древо креста, такъ и написаніе. И когда оно было положено на столъ, епископъ, сѣди, придерживавъ своимъ руками концы святого Древа, а діаконы, стоя вокругъ, охраняли его, и весь народъ, подходя по одиночкѣ, какъ вѣрныя, такъ и оглашенные, преклонялись предъ столомъ и лобызали Святое Древо. «А дѣлается это, говоритъ наомница, потому, что, какъ разсказываютъ, не знаю когда, кто-то отгрызъ и укралъ частичу Святого Древа и, поэтому въ ся время діаконы охраняли его, чтобы никто не дерзнулъ сдѣлать того же. Итакъ, говоритъ наомница, проходитъ весь народъ по одиночкѣ, все преклоняется и касаясь крестомъ и написаніемъ сперва чела, а потомъ очей; затѣмъ, облобызавъ крестъ, проходитъ; руку же никто не протягиваетъ для прикосновенія». Итакъ часть Животворящаго Древа, находившаяся въ Иерусалимѣ, по всей очевидности, представляла собою во-первыхъ, надпись или титулъ и во-вторыхъ, кусокъ дерева величинаю около 3 футовъ, не болѣе.

Множество сохранившихся до насъ византійскихъ, русско-византійскихъ, русскихъ и западныхъ древохранилищъ (*ставротекъ*) наглядно рисуютъ намъ форму храненія частичъ Животворящаго Древа: какъ бы по

была эта часть маза, тшпчпая п сакральная форма хранения была непзмѣнно одна п таже, а именно эту частцу разпзмала п прпдавали ей форму креста, полагаля, затѣмъ, крестпкъ въ особо устроеное для него мѣсто п покрывала святыно особю доскою пли дощечкой, соответственно самой святынѣ, болѣе пли менѣе богато украшенной. Таковы «ставротекп» ¹⁾, имѣющія размѣры моленной пконы, большой пли малой, таковы же п крохотные тѣльпнпкп, посивпшея на груди, каковы напрпмѣръ, описанный нами драгоценный византийскпй тѣльпнпкъ, перешедшпй отъ наслѣдпнковъ грузпнскпхъ царей къ покойной пмператрпцѣ Марпн Александровнѣ п находящпйся доселѣ въ придворной церкви въ Лпвадпѣ ²⁾. Весьма понятно, если, по сторонамъ вложеннаго креста, пли на наружной доскѣ, изображали Константина п Елену, поддерживающпхъ обрѣтенный крестъ. Столь же естественно изображенпе на внѣшней покрывающей доскѣ самого декоратпвного креста, окруженнаго двумя ангелами, прославляющпми крестъ, какъ эмблему победы Константина, а съ пзмъ п Хрпстіанства надъ языческпмъ мпромъ. По сторонамъ такого декоратпвного креста вполнѣ понятны эмблематическпя надпсана: IC. XC. NI. KA., какъ напрпмѣръ на выходныхъ лпстахъ византийскпхъ рукопшеп (№ 510 Парпж. Націон. Бпбл.), на оладахъ п перелпстахъ, на наружной сторонѣ длпгпховъ п складней. Такого рода декоратпвные кресты утверждаются обыкновено на сферѣ п заключаются иногда въ медальонъ, несомый ангелами. Медальонъ, помѣщенпый въ центрѣ свода пли въ абсцдѣ, будетъ тогда обозначать побѣдпный крестъ, узрѣнный Константиномъ наканунѣ рѣшительнаго дня: такъ, по крайней мѣрѣ, изображаютъ этотъ крестъ византийскпя мпвпатуры въ пелѣ передъ Константиномъ, несущпмся на конѣ противъ враговъ въ битвѣ у Мпльвійскаго моста. Естественно представить себѣ подобнаго же рода декоратпвный крестъ на наружной створкѣ того складня въ абсцдѣ пли простой пшѣ, куда было вложено Жпвотворящее Древо въ Иерусалпмѣ.

Возвращаясь къ тѣмъ же упомянутымъ ампулламъ Монцы, мы находпмъ, что пхъ рельефныя изображенпя въ шестп случаяхъ воспроизводятъ Жпвотворящее Древо святаго Креста. Не даромъ надпсь на всѣхъ этихъ ампуллахъ гласптъ объ елѣ, взлтомъ отъ Древа Жпзнп. Правда, изображенпе Хрпста дается здѣсь въ нѣкоторой болѣе сложной темѣ, которую можно было бы называть даже «Распнѣемъ», если бы оно не было представлено столь условно, такъ какъ лишь въ одномъ случаѣ изображена полная фпгура

1) Рпсунки дрепохранптельнпцъ см. въ снпжкахъ, приложенныхъ къ соч. Schlumberger, *Épocée byzantine*, I, p. 81; II, p. 63, 81, 176. Venturi, *Storia dell' arte italiano*, II, fig. 411—412, 662—663. *Памятники хрпстіанск. иск. на Азовѣ*, табл. XXIV, XXV, XXVIII. *Исторія п памятники византийской эмалп*, стр. 196—207.

2) *Исторія п памятн. византп. эмалп*, стр. 206.

Спасителя, стоящаго съ простертыми въ стороны руками, т. е., какъ бы распятаго, при чемъ, однако, не представлено самаго креста. Въ прочихъ случаяхъ, а именно въ двухъ ¹⁾ вовсе даже нѣтъ сцены Распятія, а изображенъ византийскій крестъ, стоящій среди арки и эта арка окаймлена лавромъ. На пластическомъ ливнѣ того времени эта арка можетъ изображать кюту священнаго изображения или реликвии. Тотъ же самый византийскій крестъ помѣщается на другихъ ампуллахъ (рис. 74) уже среди известной сцены, а именно среди двухъ разбойниковъ, представленныхъ распятыми, пзъ которыхъ одинъ глядитъ по направленію къ Христу, а другой отъ Него отвернулся. У подножія креста помѣщаются двѣ меньшаго размѣра фигуры, которыя представляютъ двухъ воиновъ, бросающихъ жребіи между собой, о томъ, кому достанется риза Христова. Наконецъ, этотъ же самый крестъ замѣняется фигурною эмблемою креста, *слетеннаго изъ лавровыхъ вѣтвей*, подъ которымъ видна или пирамидальная скала изъ нагроможденныхъ камней или четырехугольный пьедесталь, утвержденный въ подобной же скалѣ. Этого рода «прошвѣтніи крестъ» во-первыхъ отвѣчаетъ «Древу Иквизии» и во-вторыхъ эмблематическому изображенію «побѣднаго креста», сопровождаемаго надписью ІС. ХС. XI. КΑ. и украшеннаго внизу разводами акаюа. Итакъ весьма естественно представить себѣ, что ампуллы, содержащія елей, взятый отъ Древа Иквизии, воспроизводятъ декоративную сторону его кюта, украшеннаго подобнымъ лавровымъ крестомъ, эмблематически указывающимъ на это Древо Иквизии. Но поверхъ этого креста на ампуллахъ Монцы въ *шести* случаяхъ изображена голова Христа или верхній бюстъ Его (безъ рукъ). Медальонъ съ головою представляется здѣсь прикрѣпленнымъ къ самому кресту, хотя слишкомъ для него великъ; что же касается бюста, то

Рис. 74. Ампулла Монцы.

1) Гаруччи, томъ VI, табл. 434, 4 и 8.

онъ представленъ отдѣльно отъ креста, какъ будто бы исполненнымъ въ рельефѣ надъ крестомъ. Какое изъ этихъ двухъ изображеній отвѣчало

Рис. 75. Мо-

заей церкви С

реальной декорации киота святаго древа, рѣшитель, конечно, трудно, хотя возможна и та и другая форма. Любопытно, что мы найдемъ и ту, и другую форму изображенія, воспроизведенную затѣмъ въ римскихъ мозаикахъ.

Первое и наиболее ясное представление того же самого Палестинского креста съ медальономъ Спасителя наверху находится въ алтарной мозаикѣ римской церкви Святого Стефана, по прозванію «Круглой». Церковь относится по своей постройкѣ еще къ V стол., но ея мозаичскія украшенія были исполнены при папѣ Теодорѣ около 648 года, по случаю перенесенія въ эту церковь мощей Святыхъ Прима и Фелиціана. Уцѣлѣвшая дониндѣ въ одной ябедѣ мозаика изображаетъ монументальный, осыпанный драгоценными камнями византійскій крестъ, съ медальономъ Спасителя наверху и Святими Примою и Фелиціаномъ по сторонамъ. Крестъ утверждёнъ прямо, безъ особаго подножія въ землѣ, на которой поднимаются отовсюду цѣвты и, очевидно, долженъ, вмѣстѣ съ мученикамъ, представлять собою идею славы креста, господствовавшую въ вѣкъ Константина. Къ сожалѣнію, помѣщенный въ медальонѣ образъ Спасителя сохранился весьма слабо и былъ нѣкогда перерисованъ по стукатуркѣ масляною краскою, въ манерѣ школы Леонардо да Винчи. Но уже первые комментаторы этого изображенія, итальянскіе ученые, находили въ немъ близкія соотношенія съ рельефами амбулята собора въ Монцѣ и потому полагали, что папа Теодоръ долженъ былъ имѣть въ данномъ случаѣ какой-либо особенный поводъ для воспроизведенія «палестинской» композиціи Святого Креста. Изъ дальнѣйшаго мы, быть можетъ, увидимъ яснѣе, что и въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло только съ обыкновенною репликою Константиновскаго сюжета.

Второе изображеніе предполагаемаго Палестинскаго креста находится въ Равеннѣ въ церкви Святого Аполлинарія во Флотѣ и относится къ VI столѣтію. Не описывая его подробнѣе, такъ какъ мозаика эта пользуется большою извѣстностью, отмѣтимъ только варианты принятой композиціи. Здѣсь уже весь крестъ помѣщенъ внутри большого круга или медальона, и образъ Христа находится въ перекрестьѣ, а сверху и снизу креста особыми надписями воздается похвала кресту, спасшему міръ. Если затѣмъ по сторонамъ креста, являющагося въ небесахъ изображены не два ангела, но Моисей и Илья, то изображеніе славы креста не становится въ данномъ случаѣ эмблематическимъ изображеніемъ сцены Преображенія Господня, какъ иногда это изображеніе толкуется только потому, что внизу подъ крестомъ земля изображена подѣленною на три полосы, какъ будто бы это была гора и внизу же стоятъ въ позѣ молящагося Святой мученикъ Аполлинарій, среди 12 агнцевъ, долженствующихъ изображать собою апостоловъ. Гораздо естественнѣе предположить, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ нѣкоторой осложненною символикою, той же самой темы Похвалы Кресту, и эту композицію слѣдовало бы такъ описать словесно: Крестъ Христовъ, эмблема самого Христа (Распятаго), и христіанской вѣры, которая являлась «спасеніемъ міра», является во славу въ небесахъ, какъ послѣдованіе и испол-

неніе «закона (Моисей) и пророковъ (Илья)». Осѣненный вышнимъ покровомъ этого креста Святой мученикъ Аполлинарій является славою Равенской церкви». Дополнениемъ къ этой мозаикѣ служитъ помѣщенный надъ нею на триумфальной аркѣ образъ Спасителя въ медальонѣ, среди евангельскихъ

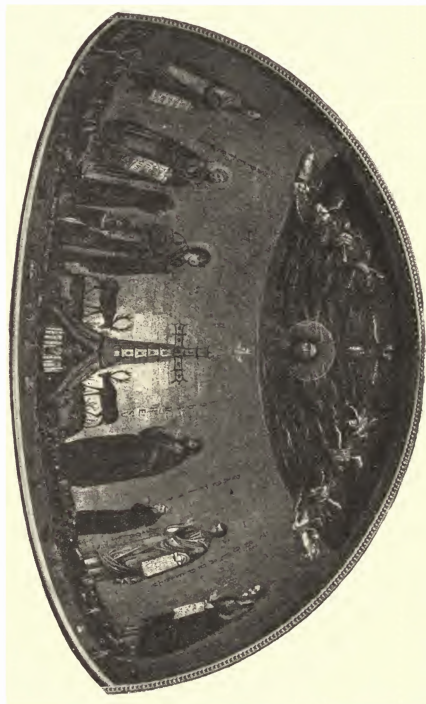

Рис. 76. Алтарная мозаика базилики Іоанна.

эмблемъ и изображеніе двухъ архангеловъ на стѣнахъ этой арки, по сторонамъ центральной мозаики.

Алтарная мозаика базилики Іоанна Предтечи въ Латеранѣ, въ Римѣ, въ настоящее время представляетъ двѣ разновременныя части: верхняя треть относится, кратко говоря, къ Константиновскому времени, а прочія двѣ

третя ко времени папы Николая IV, который передѣлать мозаику въ 1290 году. Въ надписи, помѣщенной въ первомъ поясѣ надъ окнами папа объявляетъ, что онъ помѣститъ священный ликъ Спасителя въ цѣлости на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ впервые чудеснымъ образомъ явился, когда эта церковь была освящена.

По поводу этой надписи, издатель мозаики Джіованни-Баттиста де-Росси сообщаетъ рядъ соображеній о времени исполненія верхней части, заключающей въ себѣ образъ Спасителя, видимый въ небѣ и окруженный ангелами. По этимъ соображеніямъ, самъ Константинонь не участвовалъ въ мозаическомъ украшеніи абсиды, такъ какъ есть свидѣтельство «Панской книги», за время папы Сильвестра, что камера базилика, т. е. трибуна или абсиды была покрыта въ это время сплошь въ шпирцу и длину золотыми листами, вѣсомъ въ 500 ливровъ. Папа Левъ Великій, послѣ разгромленія Рима вандалами, возстановилъ камеру латеранской базилики въ 455 году, стало быть, именно въ это время она и была украшена мозаиками, хотя тотъ же самый де-Росси не отрицаетъ вполнѣ и Константиновскаго происхожденія ея. Средневѣковая легенда сообщала образу Спасителя чудесное происхожденіе: онъ слыветъ «перукотворнымъ», — правда, не ранѣе X или XI вѣка. По этимъ занесеннымъ въ книгу сказаніямъ, образъ Спасителя явился всему народу написаннымъ на стѣнахъ первымъ. Де-Росси указываетъ, что въ легендѣ сказано только явился «видимымъ» (visibiliter), а вносѣдствіи слово «видимый» было замѣнено словомъ «чудесно». Далѣе въ средніе вѣка, говорить тотъ же де-Росси, было распространено свѣдѣніе, будто бы христіанская религія была официально объявлена Константиномъ съ высоты латеранской трибуны: «такое вѣрованіе, говорить де-Росси, сдѣлало изъ этого мѣста второй Спайи новой вѣры, отмѣчая въ немъ торжественный и историческій памятникъ великаго событія, которое повлекло изъ катакомбъ и вынесло на свѣтъ солнца побѣдоносные символы креста и образа Спасителя». Таковы, но крайней мѣрѣ, мотивы, которые внушили бывшую ижегда въ абсидѣ надпись.

Къ сожалѣнію, въ этой надписи мы рѣшительно отказываемся видѣть какое-либо указаніе на изображенный сюжетъ. Но заключеніе де-Росси о томъ, что почитаніе образа Спасителя, видимого въ небѣ въ латеранской абсидѣ, установилось именно въ связи съ утвержденіемъ христіанской вѣры въ государствѣ, заслуживаетъ полнаго вѣроятія, тѣмъ болѣе, что оно подтверждается самымъ желаніемъ папы Николая IV сохранить этотъ образъ въ цѣлости, какъ залогъ святости самой базилики этой главы панскаго Рима. Образъ Спасителя подвергался въ началѣ XIX в. нѣкоторымъ легкимъ передѣлкамъ, но тѣмъ не менѣе впечатлѣніе древняго искусства, хотя огрубѣлаго и варварскаго, сообщаетъ этому образу много характера. Узкій, крайне

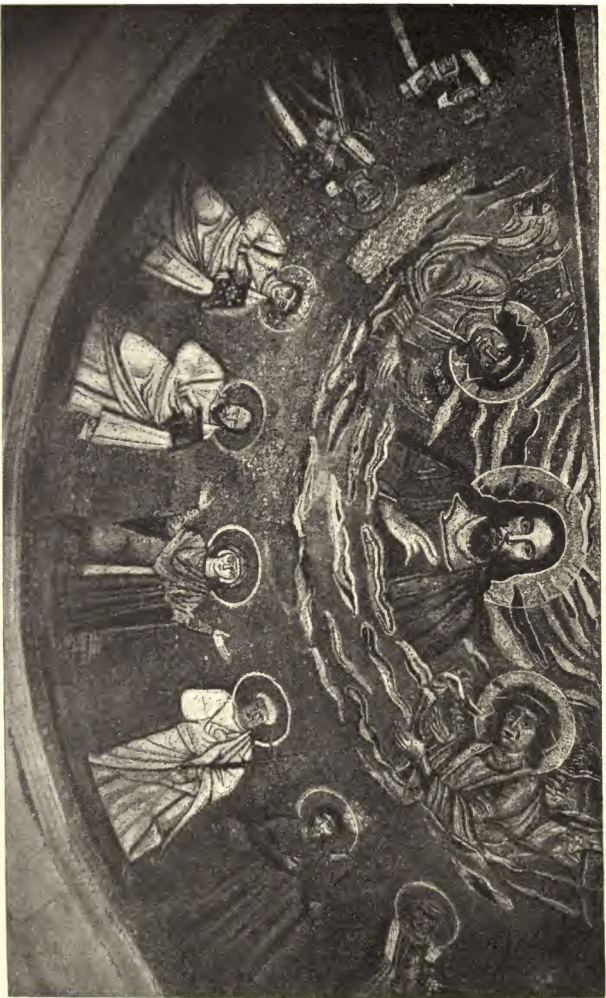
удлиненный и сухой овалъ лица, съ темными впадинами на щекахъ, узкимъ ротомъ, длинною плоско падающею бородою съ густыми и длинными волосами, ниспадающими за плеча, треугольный контуръ лба, высоко поднятыя, но правильныя брови, длинный и узкій, по безъ горбыни носъ, большіе глаза (повидимому, именно глаза были предметомъ передѣлки и получили необычное поднятіе зрачковъ) и наконецъ пенимѣрно удлиненная нижняя часть лица; таковы общіе признаки этого типа, воспроизведенные лишь отчасти въ большомъ рисункѣ головы итальянскаго художника, исполнившаго акварельный снимокъ для изданія де-Росси. Однако же этотъ рисунокъ не даетъ постояннаго представленія латеранской головы, по крайней мѣрѣ въ ея современномъ видѣ, какъ о томъ можно судить по фотографіи и, конечно, по оригиналу. Въ оригиналѣ обращаетъ прежде всего на себя вниманіе фонъ снѣгого неба, перерѣзаннаго красновато-огненными облаками и во вторыхъ самый образъ Спасителя по рѣдкому контрасту этой головы со всѣми ея окружающими фигурами: даже при поверхностномъ взглядѣ совершенно ясно, что летающіе въ небѣ ангелы по своему поздне-византійскому стилю, уже прикрашенному, въ миловидныхъ лицахъ и развивающихся одеждахъ итальянскими мастерами, относятся къ концу XIII вѣка, т. е. составляютъ работу мозаичистовъ папы Николая IV. Но въ данномъ случаѣ, что для насъ особенно любопытно — эти 8 ангеловъ съ девятимъ херувимомъ посреди, очевидно не соответствуютъ по своимъ мелкимъ размѣрамъ колоссальнымъ размѣрамъ Главы Христа и отсюда естественно допустить догадку, что въ древности на ихъ мѣстѣ былъ, по всей вѣроятности, только два ангела по сторонамъ Главы Христовой, какъ то видно въ находящемся рядомъ съ базиликою ораторіи Святого Венація, къ мозаикѣ котораго мы выслѣдствіи перейдемъ. Въ оригиналѣ глава Христа имѣетъ бороду и волосы, какъ въ типѣ Христа въ церкви Святого Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ и не имѣетъ ничего общаго съ византійскимъ типомъ. Самый цвѣтъ лика слегка красноватый, со смуглымъ оттѣнкомъ, темнокаштановые волосы густы, безъ вьющихся волосовъ, кругомъ глазъ темныя впадины, но не мѣшки (какъ нарисовано итальянскимъ художникомъ). Важнѣйшее обстоятельство, свидѣтельствующее о древности изображенія, есть простой имѣъ Спасителя, по раздѣленный вышаннымъ въ него крестомъ.

Уже покойный Мюнцъ догадывался, что и нижняя мозаика, представляющая моленіе по сторонамъ креста Богоматери, Иоанна Предтечи и другихъ лицъ, составляетъ по существу снѣмокъ или подражаніе древнѣйшей мозаикѣ, бывшей первоначально на этомъ мѣстѣ. Доказательства Мюнца основывались, главнымъ образомъ, однако, на нижнемъ поясѣ, изображающемъ водныя игры, которыя, какъ извѣстно, встрѣчаются именно съ характеромъ эмблематическихъ композицій въ мозаикахъ V столѣтія. Но и самая средняя

полоса мозаикъ, т. е. изображеніе Святаго Креста, на который спсходящій Святой Духъ льетъ потокъ воды изъ клюва, а къ этому потоку приходитъ шсть два оленя и рядъ колоссальныхъ фигуръ приводящихъ ко кресту Святыкъ меньшаго размѣра, вся эта композиція должна представлять только въ средне-вѣковой передѣлкѣ древнюю мозаику. Центромъ же и содержаніемъ этой мозаики было очевидно изображеніе «Славы Креста».

Алтарная абсѣда въ ораторіи Святаго Венаціи, въ томъ же Латеранѣ была украшена мозаикою при папѣ Иоаннѣ IV (640—642 г.). Папа, родомъ далматъ, перенесъ въ Римъ мощи мучениковъ Венаціи, Анастасія и Мавра и положилъ ихъ въ древней церкви, построенной еще въ V вѣкѣ, которая потомъ была сожнута входомъ съ Константинскимъ бантистеріемъ Латерана. Подобно мозаикѣ въ абсѣдѣ главной латеранской базилики, мы имѣемъ и здѣсь двѣ разнохарактерныя и быть можетъ даже одновременныя, только условно и случайно сожнутыя части: верхнюю и нижнюю. Въ верхнемъ полѣ изображены представлень средн облаковъ, густо покрывающихъ небо, Спаситель по грудь, съ благословляющей десницею, среди двухъ архангеловъ, также видныхъ по грудь и молитвенно къ Нему обращенныхъ. Въ нижнемъ полѣ изображена Богоматерь, стоящая въ видѣ оранты съ поднятыми молитвенно руками, а по ея сторонамъ апостолы Петръ и Павелъ, Иоаннъ Предтеча и Иоаннъ Евангелистъ, Святой Венаціи и епископъ папа Иоаннъ IV. Въ этомъ своемъ настоящемъ составѣ мозаика очевидно не можетъ быть истолкована иконографически: никакія соображенія, относительно видоизмѣненнаго будто бы здѣсь Вознесенія Христова, не могутъ имѣть мѣста. Длинный иконографическій комментарий, который дѣлается по поводу мозаики де-Росси, ограничивается данными о мученикахъ Далматин, и вовсе не входитъ въ разборъ той сцены, которую собственно представляеть настоящая композиція, по той простой причинѣ, что въ данномъ случаѣ никакой сцены нѣтъ, а есть совершенно случайный сводъ фигуръ, лившихся въ результатѣ понятнаго желанія соединить привычную композицію съ новыми задачами. Дѣйствительно, подобнаго рода малопонятныя сцены возникаютъ именно тогда, когда хотятъ въ предѣлахъ стараго сюжета изобразить много новаго содержанія и, пасируя первый, лишаютъ его прежняго опредѣленнаго смысла.

Уже Кроу и Кавальказелле сдѣлали замѣчаніе, что верхняя часть композиціи, т. е. Спаситель съ двумя ангелами въ небесахъ отличается стилемъ болѣе классическимъ и менѣе тяжелымъ и по рисунку болѣе широкимъ и пропорціональнымъ. Повторяя это замѣчаніе, де-Росси указываетъ на то, что объясненіе этой разницы можетъ быть дано сравненіемъ настоящей мозаики съ алтарною мозаикою большой соседней базилики. Въ этой части, по его мнѣнію, слѣдуетъ искать воспоминаніе и даже по-

Мозаика вѣнч.

вѣнчанинъ св. Авергана, 610—612 гг.

нытку подражаніи, желаніе передать болѣе или менѣе точно образъ Спасителя въ небѣ, какъ Онъ былъ изображенъ въ абсидѣ Іоанна Латеранскаго. Дѣйствительно, голова Спасителя болѣе сходна съ типомъ IV и V столѣтій, чѣмъ съ типами, господствовавшими въ VII вѣкѣ. Между фигурами Спасителя съ ангелами и нижнимъ поясомъ фигура есть, конечно, ясно видимое сходство характеровъ: та же массивная грузность фигуры, та же блѣдность лянкъ (новпдяному, цѣлякомъ набранныхъ изъ шифера), та же блѣдность драпировокъ и та же грубая ремесленность работы, незнающая вовсе художественныхъ пріемовъ. Однако заключить изъ этого, что верхняя часть мозаики принадлежитъ къ VII столѣтію, нельзя столь же увѣренно, какъ и противоположное, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ остатокъ мозаики, украшавшей церковь во имя Святого Стефана, построенную въ V вѣкѣ и превращенную затѣмъ въ ораторію. Напротивъ того, стиль середины VII вѣка передается нижнимъ поясомъ съ полною ясностью, если особенно сравнить эту мозаику съ Равенскими. Такимъ образомъ будетъ вѣрнѣе утверждать, что мозаичисты, призванные паною Іоанномъ IV, нашли въ абсидѣ настоящей церкви старую, быть можетъ, полуразрушенную композицію Спасителя съ двумя ангелами въ облакахъ, а подъ нимъ обычный крестъ съ предстоящими, а потому и неполное или изображеніе Спасителя отличается еще древнѣйшими чертами. Нимбъ Спасителя прорѣзанъ голубыми и розовыми облаками, нимбъ простой, не крестчатый. Волосы Спасителя темно-каштановые, густые и длинные, лежатъ по плечамъ, борода не острал, но округлая и небольшая, овалъ лица широкій, не удлинненный, и черты лица правильныя. Христосъ благословляетъ яменословно, что также указываетъ на седьмое столѣтіе и было бы не возможно въ изображеніи V вѣка.

Подобную же, нимбъ пещезнунную, мозаическую композицію Славы Креста Господня указываетъ извѣстный де-Росси въ алтарной абсидѣ церкви Святыхъ Перей и Ахиллеса въ Римѣ, построенной и украшенной мозаиками при папѣ Львѣ III (795—816 г.). Эта мозаика существовала еще, хотя въ нѣкоторыхъ остаткахъ, во времена извѣстнаго Угопіо и затѣмъ была замѣнена, вѣрнѣе прикрыта, штукатуркою, на которой живописецъ сохранилъ изображеніе креста и по его сторонамъ рядъ идущихъ къ нему агнцевъ, опустившихъ лишь непонятный ему подъ крестомъ холмъ съ истекающими изъ него 4-ми источниками. Приведи этотъ древнѣйшій сюжетъ, де-Росси, для его объясненія, полагаютъ нужнымъ указать аналогичскіе примѣры украшенія алтарей такими, какъ онъ выражается, простыми темами. Къ сожалѣнію, его примѣры ограничиваются упомянутыми выше церквами Святого Стефана Круглаго, Святого Анолларія въ Равеннѣ, Неаполитанскаго банистерія (сюжетъ совершенно иной и вовсе не даетъ аналогичскаго примѣра, такъ

какъ не представлять славы креста или христіанства на землѣ) и абсиды церкви Святого Феликса въ Норѣ, уже на основаніи стихотворнаго описанія Святого Паулина.

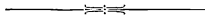
Въ заключеніе этого краткаго и, такъ сказать, предварительнаго экскурса въ область «Палестинской иконографіи», которая имѣетъ привести со-

Рис. — Миниатюра изъ Минеи грузинской XII вѣка, изъ собранія рукописей при Сѣвоборѣ въ Тифлисѣ.

временемъ къ болѣе точному пошманію христіанской иконографіи, представляемъ вниманію одну миниатюру (рис. 78), встрѣченную нами въ грузинской Минеѣ XII вѣка, находящейся въ собраніи рукописей при Сѣвоборѣ въ Тифлисѣ. Миниатюра сопровождается греческими словами: *μετῶ-*

σῆς τῆς ἐσφραγῆς, указывающими на содержание гл. 2 Ев. отъ Луки 41—50, и представляет Спасителя, двѣнадцатилѣтняго отрока, въ Иерусалимскомъ храмѣ, среди учителей, со свиткомъ въ лѣвой рукѣ и благословляющею десницею. Спаситель изображенъ на полукругломъ, вымощеномъ камнемъ, возвышеніи, которое помѣщается въ экседрѣ, среди двухъ, сходящихся сюда, крыльевъ амфитеатра, съ вѣчающими его верхъ пертыками и шестью рядами ступеней или мраморныхъ скамей, также идущихъ, повидному, полукругомъ. Врядъ-ли возможно думать, что полукруглое возвышеніе должно представлять средлинную овальную арену, такъ какъ Спаситель сидитъ выше учителей, помѣщенныхъ на ступеняхъ. Было бы весьма важно путемъ подбора дополнительныхъ изображеній разъяснить эту любопытную каменную Учитель, которая также можетъ оказаться древнѣйшимъ представленіемъ «Скаль» Иерусалимскаго храма, такъ какъ и мпiатюра, суди по юнымъ фигурамъ дидаскаловъ, копируетъ древне-христіанскій оригиналъ.

І.

Предметный указатель.

- Адамъ**, его гробъ на Голгоѣ — 41.
Абсиды — 52, 90, 118.
Акантозъ въ орнаментикѣ капителей — 6—7, 33—39, 48, 50, 60, 104—105, 111, 130—131, 205.
Акрополь Баальбека — 57—59.
Ампулы Мопцы — 22, 165, 167—168, 288—289.
Авастасисъ—Воскресеніе—храмъ Св. Гроба — 154—155.
Арка триумфальная — 65—104.
Атриумъ храма Св. Гроба — 146, 148—149, 151, 153, 171—172, 186, 208—210.
Археологія, Палестинская — 1—46.
Базиліки, христіанскія—25—31, 51—52, 60—62, 64—67, 71, 78, 83—84, 85, 86, 87, 88—89, 90—91, 97, 99, 100—102, 105—107, 111—112, 116—120, 126.
Базиліка Св. Гроба: по описанію
Евсенія — 143—154.
Сильвіи — 154—158.
Еухерія — 158—159.
Теодосія — 159.
Автонна — 163—165.
одамъ Софронія — 175—179.
Аркузфа — 180—185.
Евнфавія — 186—187.
Башни (погребальныя) — 74, 78, 84—85.
Базы (колонны) — 206.
Бѣтлѣ — 54.
Ворота: «двойныя» въ Иерусалимѣ — 236—239.
» «Золотыя» въ Иерусалимѣ — 247—252.
Воскресеніе Господне — 40.
Гемисферій храма Св. Гроба — 152—153.
Гпсехей въ базиликахъ — 119.
Голгова и церковь на Голгоѣ — 161—163, 183.
Гробъ Господень—146—147, 154, 164—165, 167—168, 181, 281.
Дворцы — 121—123, 125, 127—135.
Древо Животворящее — 165, 166, 273, 290—292.
Древохранительницы — 289—290.
Евангелія рукописныя — 275, 283—284.
Жертвенникъ Авраама — 184.
Идолъ сиро-фивкійскій, рельефная копія — 56.
Иконографія византийская — 40.
Иконы — 274, 276.
Источникъ Силоамъ — 242—243.
Камень: у дверей Св. Гроба — 182—183.
» у входа въ склепъ Никафорія — 262, рис. 69.

- Камни: рѣзные — 276—277, 286.
- Капителы: ихъ формы въ древне-христианскомъ искусствѣ — 6—7, 36—38, 48, 49—51, 59—60, 66—68, 80—81, 97, 98, 104, 107, 111, 115, 123, 205, 207, 210—213, 214—216, 217—223, 224—231, 233—236, 236—241, 248—252, 253—254, 255—256, 257, 268—269, 271.
- » Суевы и Царскія гробницъ — 7, 99—100, 258—260.
- Копчегъ — 273, 274, 276.
- Копіе, прозвище ребра Господни — 184.
- Коптское искусство — 18.
- Коптскія ткани — 8.
- Крестъ: Голговы — 22, 41 примѣя. 2, 43, 156—158, 159, 160—163, 165, 166, 286—288.
- » парестольный — 274.
- » съ Главою Спасителя — 285—300.
- Крещеніе Господне — 40.
- Куполы: Скалы — 217—233.
- » Цѣли — 233—236.
- Литургія І. Златоуста: рукопись — 281.
- Любое мѣсто — 161—163, 183.
- Мечеть: Акса — 223—231.
- » Омйадовъ — 64—67.
- » Омара или «Скалы» — 217—233.
- Миниатюры рукописей — 275, 281—284, 300—301.
- Митры — 273, 274.
- Монастырь: Св. Креста (близъ Иерусалима) — 264—266.
- » Св. Саввы Освященнаго — 266—268.
- Мозаики — 44—45, 68—69, 160—161, 188, 189—190, 191, 270.
- » церквей: Анолларія въ Равеннѣ — 293—294.
- » Вепанія въ Латеранѣ — 297—298.
- » Іоанна Латеранскаго — 294—297.
- Мозаики церквей: Неря и Ахилла — 299.
- » » Пуденціаны — 160—161.
- » » Стефана Круглаго — 293.
- Мозаическіе помы — 13, 44, 137—141, 256—258, 266.
- Некрополь — 93, 123.
- Образки — 276—277.
- Оклады рукописей — 275.
- Омофоръ — 274.
- Омфалъ — 160.
- Орнаментика — 7—8, 51, 83—84, 87, 89—90, 92, 94—97, 98, 102, 128—134, 260, 284.
- Орудія Страстей Господнихъ (троость, губа и копіе) — 178, 179, 184.
- Папалія — 274, 276.
- Пещера Св. Гроба — 146—148, 164—165, 167—168, 181, 195.
- Положеніе вохволь — 42.
- Престолъ, уготованный — 43—44, 279.
- Пропилеи (Константиновой базилики Св. Гроба) — 197—207.
- Распятіе Христово — 40—41.
- Рельефы: восточные — 54—55, 95, 122.
- » греко-римскіе — 74, 81.
- » христіанскіе — 74, 86, 87, 94—95, 210.
- Ризница Св. Гроба — 272—276.
- Ротонда Св. Гроба — 147, 166—167, 170—172, 180, 195.
- Ружьейницъ — 274.
- Рукописи, ливевія — 275.
- Рѣки, райскія, четыре — 245—246.
- Садъ Іосифа — 186.
- Савкосъ — 274.
- Сасанидское искусство — 54—55.
- Саркофаги — 262—264.
- Сирия, ея искусство — 4—8, 16—18.
- Скала: Голговы — 161—163, 300—301.
- » Иерусалимскаго храма (см. «Скала Омаровой мечети») — 241—246.
- » Омаровой («Скалы») мечети) — 241—246.
- Склепъ, погребальный въ Иерусалимской Никифоріи — 260—264.

Слава Креста — 287—300. Слова Григорія Богослова (рукопись) — 281—283. Стеклѣнные издѣлія — 8—9. Театръ — 108, 115, 126. Темница Господня — 186. Ткани фигурныя, восточныя — 14—15. Фресковая роспись — 265—266. Храмы языческіе — 56, 59—61, 72, 79, 81, 82—83, 87, 91—92, 94, 97, 98, 103, 115. Церкви: круглыя — 75—76. " купольныя — 76—78, 168—172. въ Иерусалимѣ: Св. Анны — 252—254.	Церкви въ Иерусалимѣ: Св. Воскресенія — 188—189, 191—192. Св. Елены — 179, 186—187, 213—216. Св. Маріи — 183. «Новая» — 232. Стефана — 255—257. Рождества въ Византии — 268—270. " " " Построенныя по плану храма Св. Гроба — 192—193. Чаша Господня — 184, 186. Эмаль византийская — 276—281.
-

II.

Указатель рисунковъ въ текстѣ.

1. Ашны. Акрополь. Капитель V—VII вѣка, стр. 50.
2. Нижа. Идолъ въ стѣнѣ частного дома, стр. 55.
3. Дамаскъ. Гробница Малекъ Дагера. Сѣверная сторона, стр. 67.
4. Монастырь Св. Фомы близъ Сейдиал, стр. 68.
5. Самантъ. Башни на сѣверномъ краю деревни, стр. 72.
6. Самантъ. Храмъ Счастія, стр. 73.
7. Ризе. Гробница Целестина, стр. 79.
8. Шухба. Капитель колоннады въ арабской кочевнѣ, стр. 80.
9. Шака (Сакке). Базилика, стр. 82.
10. Шака. Кесарій, стр. 83.
11. Шака (Сакке). Монастырь на постокъ отъ деревни, стр. 85.
12. Кенаватъ. Простынный храмъ, стр. 91.
13. Сіахъ. Фрагментъ фриза отъ гѣрона, стр. 95.
14. Суведа. Храмъ. Сѣверная сторона, стр. 99.
15. Ес-Суведа. Домъ на храмовой площади, стр. 101.
16. Босра. Колонна въ мечети (монастырь) на западъ отъ города, стр. 106.
17. Гробница по дорогѣ изъ Суфа въ Джеравлъ, стр. 113.
18. Амманъ. Эль-Казръ. Видъ съ юго-запада, стр. 127.
19. Амманъ. Эль-Казръ. Западная часть, стр. 129.
20. Амманъ. Эль-Казръ. Юго-западный уголъ, стр. 130.
21. Амманъ. Эль-Казръ. Сѣверный уголъ, стр. 131.
22. Амманъ. Эль-Казръ. Сѣверо-западн. уголъ, стр. 132.
23. Амманъ. Эль-Казръ. Западная стѣна, сѣверная ниша, стр. 133.
24. Амманъ. Эль-Казръ. Южная стѣна, западная ниша, стр. 135.
25. Палатъ Иерусалима на мозаикѣ Мадобы, стр. 172.
26. Храмъ Воскресенія по Аркульфу, стр. 182.
27. Палатъ храма Воскресенія съ окружающею его мѣстностью, сост. архит. К. Шикомъ въ 1897 г. для Православнаго Палестинскаго Общества, стр. 194.
28. Иерусалимъ. Церковь Св. Воскресенія. Сѣверный нефъ, стр. 211.
29. Иерусалимъ. Храмъ Св. Гроба. Сѣверный нефъ, стр. 212.
30. Иерусалимъ. Храмъ Св. Гроба, стр. 213.
31. Иерусалимъ. Храмъ Св. Гроба. Церковь на риги Елены, стр. 214.
32. Иерусалимъ. Храмъ Св. Гроба. Церковь на риги Елены или Обрѣтенія Св. Креста, стр. 215.
33. Иерусалимъ. Мечеть Скалы, стр. 218.
34. Иерусалимъ. Мечеть Скалы, стр. 219.
35. Иерусалимъ. Мечеть Скалы, стр. 220.
36. Иерусалимъ. Мечеть Скалы, стр. 221.
37. Иерусалимъ. Мечеть Скалы, стр. 222.
38. Иерусалимъ. Мечеть Скалы, стр. 223.
39. Иерусалимъ. Мечеть Эль-Акса, стр. 224.
40. Иерусалимъ. Мечеть Эль-Акса, стр. 225.
41. Иерусалимъ. Мечеть Эль-Акса, стр. 226.

42. Иерусалимъ. Мечеть Эль-Акса, стр. 227.
 43. Иерусалимъ. Мечеть Эль-Акса, стр. 228.
 44. Иерусалимъ. Мечеть Эль-Акса, стр. 229.
 45. Иерусалимъ. Мечеть Эль-Акса, стр. 230.
 46. Иерусалимъ. Мечеть Эль-Акса, стр. 231.
 47. Иерусалимъ. Мечеть Давида, стр. 234.
 48. Иерусалимъ. Мечеть Давида, стр. 235.
 49. Иерусалимъ. Мечеть Давида, стр. 237.
 50. Иерусалимъ. Мечеть Давида, стр. 238.
 51. Иерусалимъ. Мечеть Давида, стр. 239.
 52. Иерусалимъ. Мечеть Давида, стр. 240.
 53. Иерусалимъ. «Двойныя ворота», стр. 241.
 54. Иерусалимъ. Капитель въ субструкціяхъ Харама, стр. 242.
 55. Иерусалимъ. Капитель аркады на верхней площадке Харама, стр. 243.
 56. Свинцовый отпечатокъ съ палестинской формы УІ в, въ ризницѣ собора въ Монцѣ, стр. 245.
 57. Рѣзной фризъ «Золотыхъ воротъ» въ Иерусалимѣ, стр. 248.
 58. Иерусалимъ. «Золотыя ворота», стр. 249.
 59. Иерусалимъ. «Золотыя ворота», стр. 251.
 60. Иерусалимъ. Церковь Св. Анны, стр. 253.
 61. Иерусалимъ. Церковь Св. Анны, стр. 254.
 62. Иерусалимъ. Церковь Св. Стефана, стр. 255.
 63. Иерусалимъ. Церковь Св. Стефана, стр. 256.
 64. Иерусалимъ. Царскія гробницы, стр. 258.
 65. Суета. Домъ въ городѣ, стр. 259.
 66. Никифорія. Крыша саркофага, стр. 263.
 67. Никифорія. Бокъ саркофага, стр. 264.
 68. Никифорія. Саркофагъ, стр. 264.
 69. Иерусалимъ. Никифорія. Входъ въ открытую гробницу, стр. 265.
 70. Визелемъ. Базилика Рождества, стр. 267.
 71. Яѳфа. Капитель въ домѣ русской миссіи, стр. 269.
 72. Яѳфа. Капитель на Греческомъ подворьѣ, стр. 270.
 73. Ризница Св. Гроба. Панагія патр. Авраамія, стр. 277.
 74. Аипулла Монцы, стр. 291.
 75. Мозанка римской ц. Св. Стефана «Круглаго», около 648 года, стр. 292.
 76. Алтарная мозанка базилики Іоанна Латеранскаго, стр. 294.
 77. Мозанка абсиды въ ораторіи Св. Венанція въ Латеранѣ, 640—642 гг., стр. 298.
 78. Миниатюра изъ Миней грузинской XII в., въ собраніи рукописей при Сіонскомъ соборѣ въ Тифлисѣ, стр. 300.

III.

Указатель отдѣльныхъ таблицъ.

I. Ферузь. Уади ел-Хабисъ. Сассанидскій рельефъ.	XXI. Гераса. Колоннада главной улицы, Ю. конецъ.
II. Баальбекъ. Малый храмъ. Видъ съ В. стороны.	XXII. Гераса. Колоннада форума.
III. Дамаскъ. Мечеть Омейядовъ. Внутренность съ В.	XXIII. Гераса. Большой храмъ. Фасадъ съ В.
IV. Дамаскъ. Мечеть Омейядовъ. Входный порталъ.	XXIV. Гераса. Пропилеи. С. крыло, съ З.
V. Дамаскъ. Мечеть Омейядовъ. Атриумъ. З. порталъ.	XXV. Гераса. Развалины первой базилики.
VI. Дамаскъ. Гробница Малекъ Дагера. Внутренность.	XXVI. Гераса. Триумфальная арка на Ю. сторонѣ города.
VII. Эс-Санаменъ (Эра). Храмъ Счастія. ЮЗ. уголъ.	XXVII. Арактъ-ель-Эмиръ. Касръ-ель-Абды. С. часть фасада.
VIII. Эра. Церковь вм. Георгия. Алтарь.	XXVIII. Амманъ. Ель-Касръ. Ю. стѣна.
IX. Эра (Эроа). Церковь Пророка Изид. Алтарная часть.	XXIX. Амманъ. Ель-Касръ. Внутренности, ЮВ. уголъ.
X. Ел-Хитъ. Входъ въ домъ въ видѣ стѣны шеиха.	XXX. Амманъ. Ель-Касръ. Ю. стѣна.
XI. Ель-Кенаватъ (Канава). Серай. Общий видъ съ З.	XXXI. Амманъ. Ель-Касръ. СЗ. уголъ.
XII. Канаватъ (Канава). Серай. Боковое зданіе съ З., В. стѣна.	XXXII. Амманъ. Ель-Касръ. З. стѣна.
XIII. Кенаватъ. Серай. Атриумъ. Ю. стѣна.	XXXIII. Амманъ. Развалины большого зданія надъ рѣкою.
XIV. Кенаватъ. Серай. Дверь, ведущая въ атриумъ, съ С.	XXXIV. Амманъ. Зданіе надъ рѣкою. Видъ съ С.
XV. Сиахъ. Первый дворъ. Входъ во второй дворъ.	XXXV. Иерусалимъ. Русскій домъ. Порогъ Судимыхъ вратъ и стѣна Константиновой базилики.
XVI. Атиль. Малый храмъ.	XXXVI. Иерусалимъ. Русскій домъ. Стѣна и арка Константиновой базилики.
XVII. Босра. Монастырь на В. отъ деревни.	XXXVII. Иерусалимъ. Храмъ Воскресенія. Фасадъ съ ЮЗ.
XVIII. Босра. Триумфальная арка въ городѣ, въ СЗ.	XXXVIII. Иерусалимъ. Храмъ Гроба Господня. Камень миропомазанія и Голгоа съ З.
XIX. Босра. Театръ. Просцены съ С.	XXXIX. Иерусалимъ. Храмъ Воскресенія. Колоннада С. нефа.
XX. Босра (Босора). Театръ. Портикъ верхняго яруса.	XL. Часовня Св. Гроба.
	XLI. Иерусалимъ. Храмъ Воскресенія. Придѣлъ Св. Елены.
	XLII. Иерусалимъ. Харамъ еш-Шерифъ. Двойныя ворота.

- XLIII. Иерусалимъ. Золотыя порога. Внутренность.
- XLIV. Иерусалимъ. Харамъ еп-Шерифъ. Куполь Цѣпи.
- XLV. Иерусалимъ. Харамъ еп-Шерифъ. Куполь Скалы.
- XLVI. Куполь Скалы. Внутренность ст. ЮВ.
- XLVII. Куполь Скалы. Внутренность ст. СВ.
- XLVIII. Мечеть ел-Акса. Средній нефъ.
- XLIX. Мечеть ел-Акса. Центральная часть.
- L. Иерусалимъ. Никифорія. Открытая въ 1891 году гробница.
- LI. Иерусалимъ. Дворъ Иоаннитовъ. Колонны изъ греческой церкви Б. Матери въ храмѣ Св. Гроба, VI в.
- LII. Иерусалимъ. Латинская церковь Св. Анны. Развалины церкви надъ латинскою Овчею Купелью. В. часть.
- LIII. Влодеемъ. Монастырь и храмъ Рождества Христова. З. входъ.
- LIV. Базилика Рождества въ Влодеемѣ. Средній нефъ, ст. З.
- LV. Влодеемъ. Храмъ Рождества. С. спускъ въ пенеру Рождества.
- LVI. Монастырь Св. Креста (дер-ел-Мусалабѣ). Мозаичный полъ.
- LVII. Иерусалимъ. Монастырь Св. Креста. Видъ внутренности ст. З.
- LVIII. Монастырь Св. Креста. Фрески на лѣвой сторонѣ средняго нефа.
- LIX. Монастырь Креста. Фресковый образъ Одигитріи.
- LX. Монастырь Св. Креста. Образъ Спаса.
- LXI. Иерусалимъ. Церковь Вознесенія. Пріютъ. Мозаичскій полъ.
- LXII. Иерусалимъ. Русское мѣсто о. Антонина. Пріютъ. Мозаичный полъ.
- LXIII. Иерусалимъ. Патриарш. библиот. Армянская рукопись.
- LXIV. Ризница Св. Гроба. Хрустальная древохранительница XII вѣка.
- LXV. Иерусалимъ. Храмъ Воскресенія. Икона Распятаго въ одеждахъ ст. византийскими эмальми.
- LXVI. Монастырь еп. Креста. Мозаичный полъ.
- LXVII. Иерусалимъ. Базилика Стефана. Мозаичный полъ боковой усыпальницы.
- LXVIII. Святоградская библиотека. Евангеліе I. Матв 1643 года.
- LXIX. Иерусалимъ. Библиотека армянск. патриархія. Книга Іезекиила.
- LXX. Иерусалимъ. Библиотека армянской патриархія. Выходные листы рукописи.
- LXXI. Иерусалимъ. Библиотека армянск. патриархія.
- LXXII. Лавра Св. Саввы.

І. Ферзунь. Уаді ел-Хабігь. Сасанидсїй релієфь.

II. Баальбекъ. Малый храмъ. Видъ съ В. стороны.

III. Дамаскъ. Мечеть Омейядовъ. Внутренность съ В.

IV. Дамаскъ. Мечеть Омейядовъ. Входный порталъ.

V. Дамаскъ. Мечеть Омеййдовъ. Атріумъ. з. порталъ.

VI. Дамаскъ. Гробница Малекъ Дагера. Внутренность.

VII. Эс-Саналенъ (Эра). Храмы Счастія. ЮЗ. уголь.

VIII. Эзра. Церковь в м. Георгія. Алтарь.

IX. Езра (Зора). Церковь Пророка Или. Алтарная часть.

Х. Ел-Хитъ. Входъ въ домъ рядомъ съ жилищемъ шейха.

ХІ. Ель Канаватъ (Канаво). Серай. Общій видъ съ З.

XII. Канаватъ. (Канноу). Серай. Боковое здание ст. 3., в. стѣна.

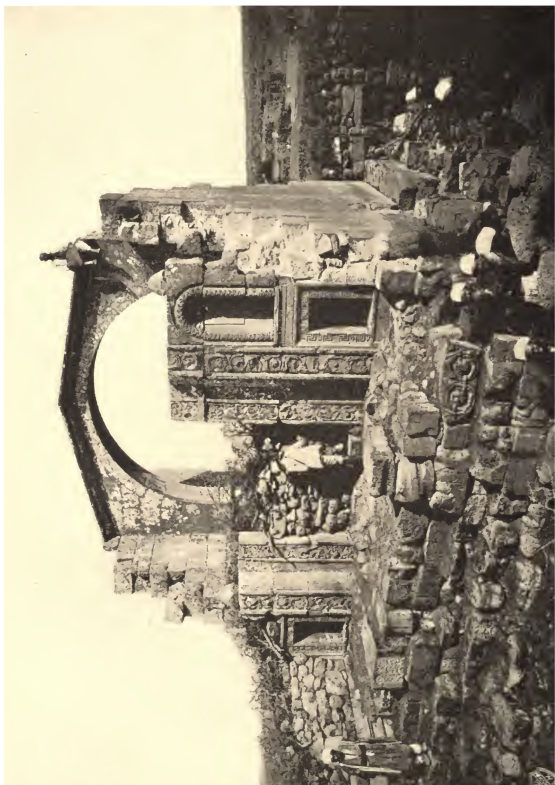
XIII. Команагъ. Серай. Агріумъ. Ю. ерѣна.

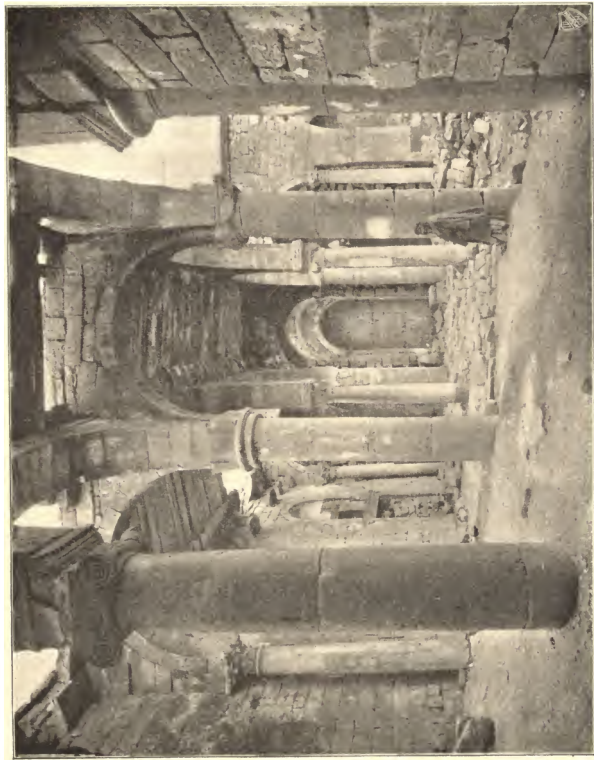
XIV. Конавагы. Серай. Дверь, ведущая въ атриумъ, ст. С.

ХV. Сіахъ. Первый дворъ. Входъ во 2-й дворъ.

XVI. Атиль. Малый храм.

XVII. Босра. Монастырь на В. отъ деревни.

XVIII. Босра. Триумфальная арка въ городѣ, съ СЗ.

XIX. Босра. Театръ. Проценій съ С.

XX. Босра (Босора). Театръ. Портикъ верхняго яруса.

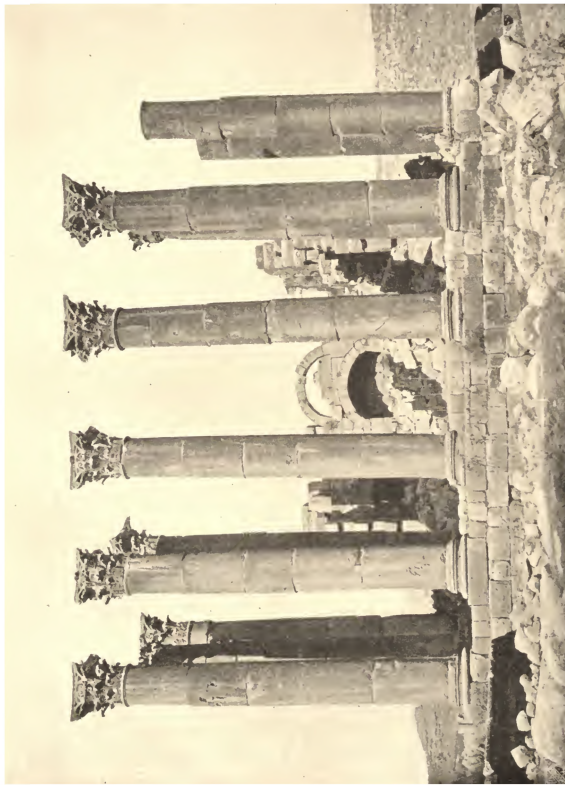
XVI. Гераса. Колоннада главной ул.

ицы, южный конецъ.

XXII. Гѳраса. Колоннада фѳру

XXIII. Гераса. Большой храм. Фасадъ съ В.

XXIV. Гeраса. Пропилеи. С. крыло, съ 3.

XXV. Гераса. Развалины первой базилики.

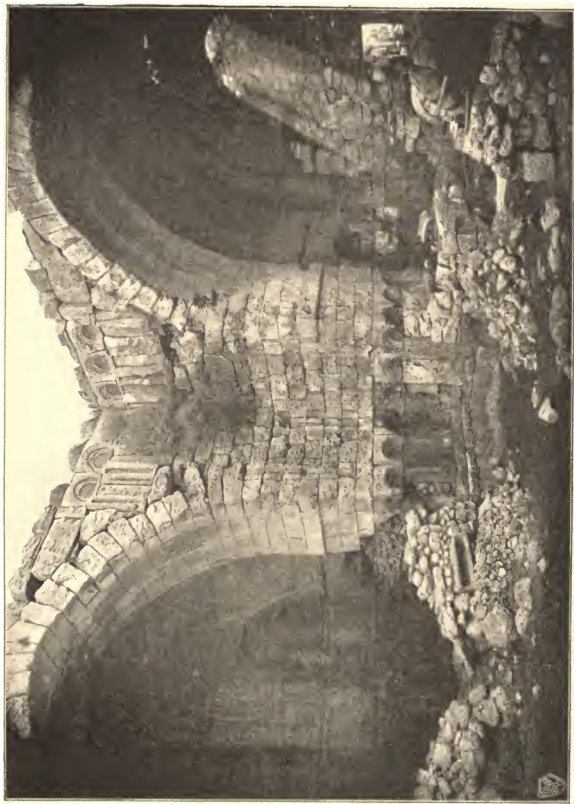
XXVI. Гераса. Триумфальная арка на Ю. стороне города.

XXVII. Арагъ-ель Эмиръ. Касръ-ель Абдъ. С. часть фасада.

XXVIII. Амманъ. Ель-Касръ. Ю. стѣна.

XXIX. Алмангъ. Эль-Касръ. Внутренность, ЮВ. уголъ.

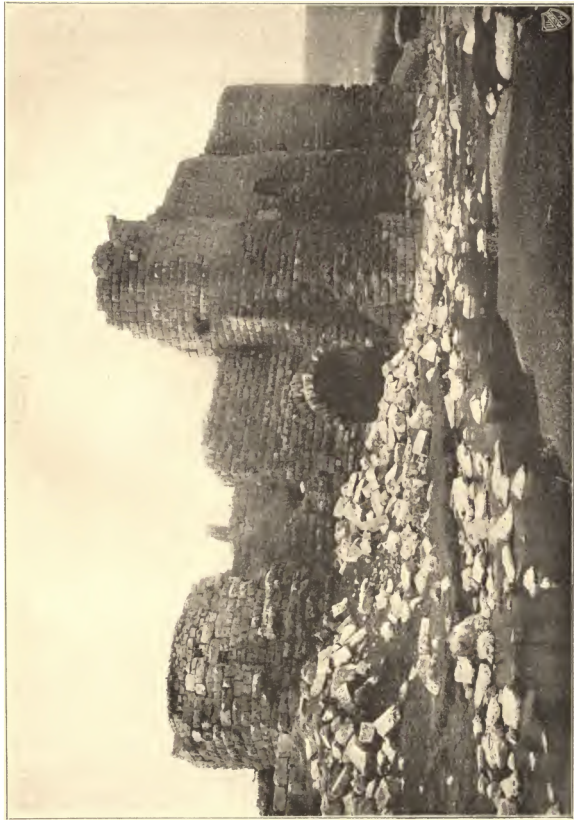
XXX. Амманъ. Ель-Касръ. Ю. стѣна.

XXXI. Амманъ. Ель-Касръ. СЗ. уголъ.

XXXII. Азманъ. Ель-Касръ. 3. стѣна.

XXXIII. Амманъ. Развалины большаго зданія надъ рѣкою.

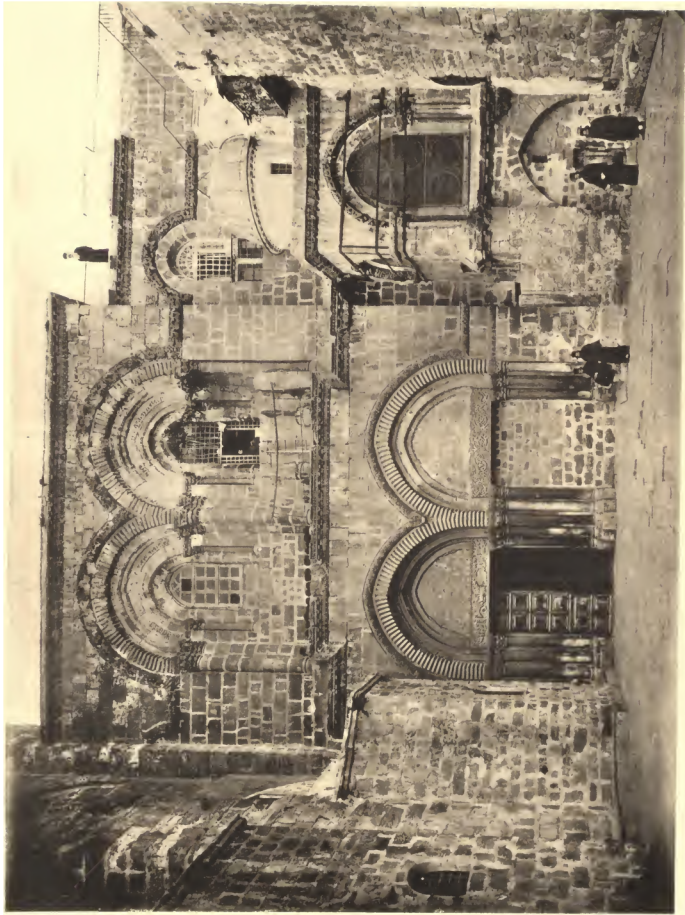
XXIV. Амалут. Здаііе надъ рѣкою. Видъ съ С.

XXXV. Иерусалимъ. Рускій домъ. Порогъ судныхъ вратъ и стѣна Константиновой базилики.

XXXVI. Иерусалимъ. Русскій домъ. Стѣна и арка Константиновой базилики.

XXXVII. Иерусалимъ. Храмъ Воскресенія. Фасадъ съ ЮЗ.

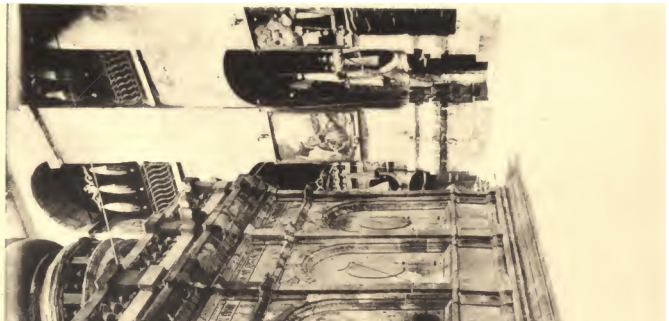
XXXVIII. Иерусалимъ. Храмъ Гроба Господня. Камень мироо-
мазанія и Голгоа съ З.

XXXIX. Иерусалимъ. Храмъ Воскресенія. Колоннада сѣв. нефъ.

XI. Часовня Св. Гроба.

ХЛЛ. Иорусалимъ. Храмы Воскресенія. Придѣлъ св. Елены.

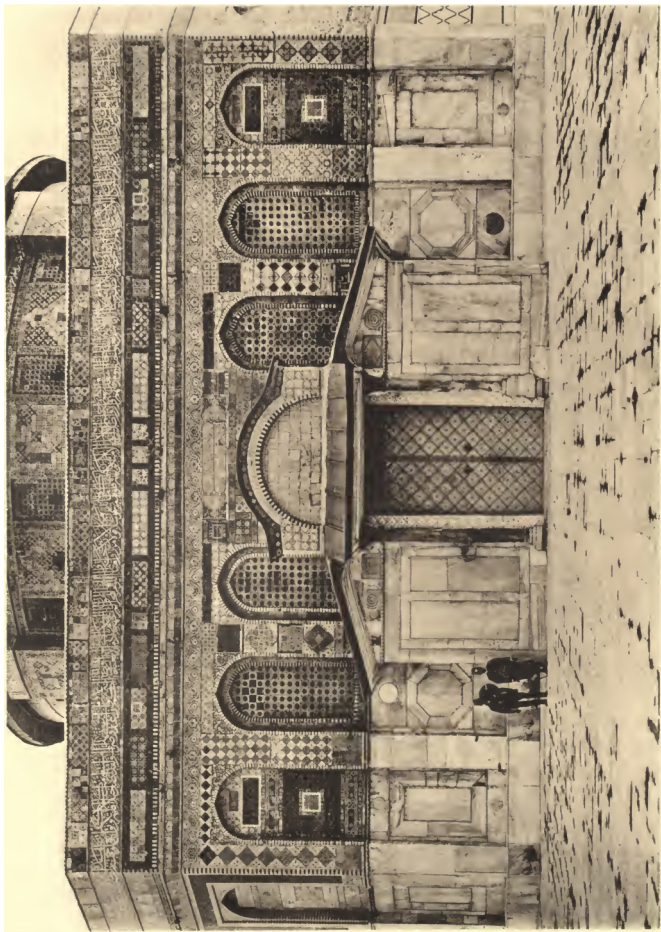
XLII. Иерусалимъ. Харам еш-Шерифъ. Двойный порталъ.

XLIII. Иерусалимъ. Золотыя ворота. Внутренность.

XLIV. Иорусалимъ. Харамъ ош-Шерифъ. Куполъ ибни.

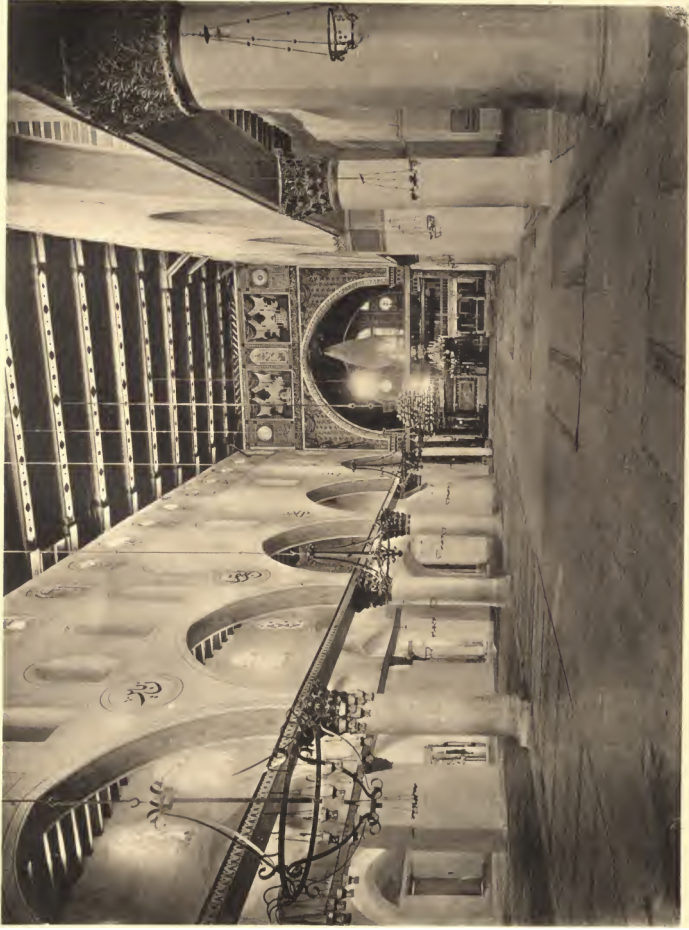
XLV. Иерусалимъ. Харамъ еш-Шорифъ. Купольскія окна.

XLVI. Куполь Скалы. Внутренность съ ЮВ.

XLVII. Куполь Скалы. Внутренность съ СЗ.

XLVIII. Мечеть ол.-Акса. Средний нефть.

XLIX. Мечеть эл-Акса. Центральная часть.

І. Іерусалимъ. Никіфорія. Открыта въ 1891 г. гробница.

И. И. Иерусалимъ. Дворъ Иоаннитоу. Колонны изъ греч. ц. Б. М. въ Храмѣ Св. Гроба, VI в.

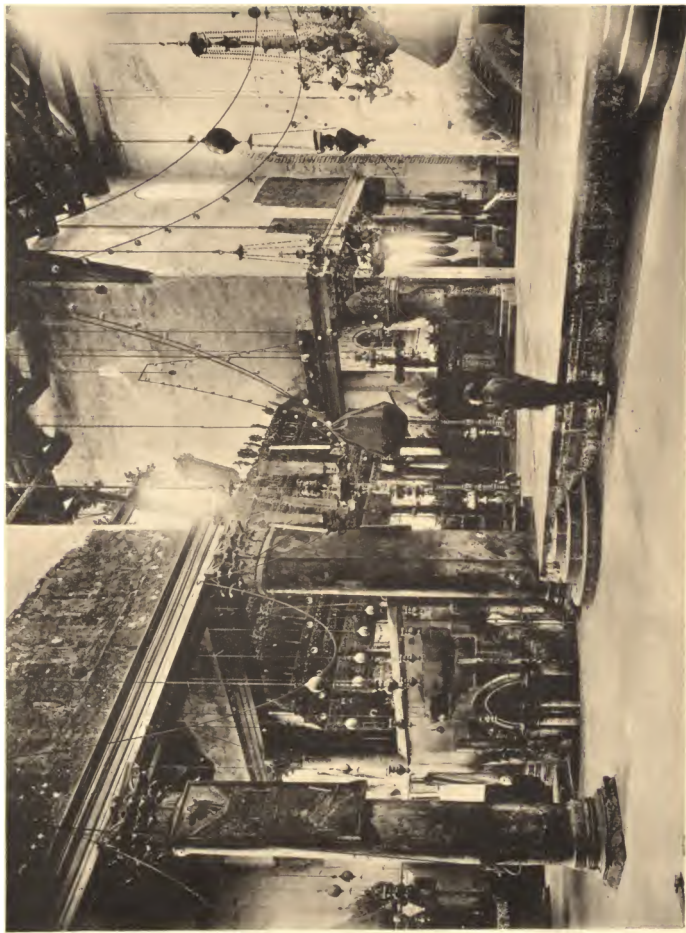
ИИ. Иерусалимъ. Латинская ц. св. Анны. Развалины ц. надъ Лог. Овч. куп. В. ч.

ЛIII. Вилеємъ. Монастырь и Храмъ Рождества Христова. З. входъ.

ЛIV. Базиллика Рождества въ Вилевемѣ. Средній нефъ, съ 3.

LV. Биолоомъ. Храмыъ Рождества. С. спускъ въ поцору Рождества.

LVI. Монастырь св. Креста (дер-ел-Мусалабе). Мозаичн. полъ.

LVII. Иерусалимъ. Монастырь св. Креста. Видъ внутренности съ 3.

14111. Монастырь св. Креста. Фрески на л. стор. среднего нефа.

І.ІХ. Монастырь Креста. Фреск. образъ
Одигитріи.

LX. Монастырь св. Креста.
Образъ Спаса.

LXI. Иерусалимъ. Церковь Вознесения. Пріюгъ. Мозаическій полъ.

ЛХІІ. Іерусалимъ. Русское мѣсто о. Антониа. Пріюгъ. Мозаичный полъ.

ЛXIII. Иерусалимъ. Патр. библ. Армянская рип.

LXIV. Рязница ц. Св. Гроба. Хрустальная древохранительница
XII вѣка.

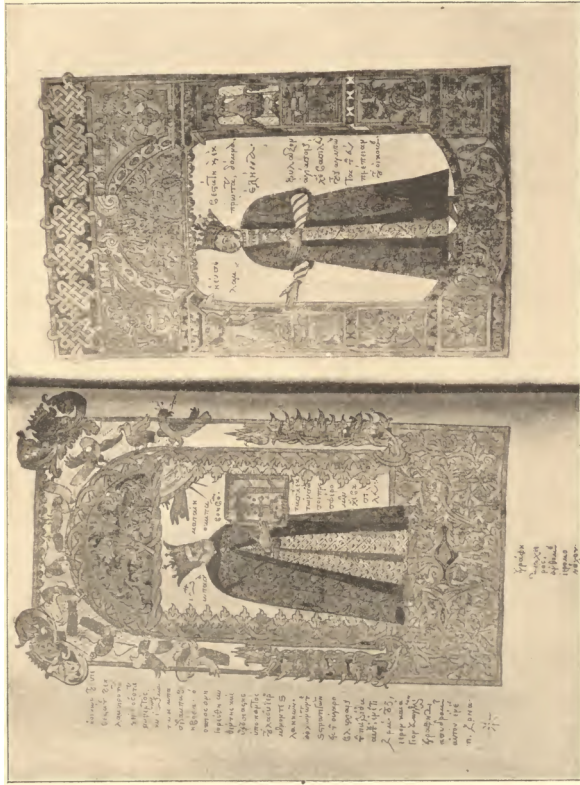
LXV. Іерусалимъ. Храмъ Воскресенія. Икона Распятаго въ окладѣ съ виз. эмалями.

LXVI. Монастырь св. Креста. Мозаичный полъ.

LXVII. Иерусалимъ. Базилика Стефана. Мозаичн. полъ
бок. усыпальници.

ЛXVIII. Святоградская библиотека. Евангелие J. Магеи 1643 г.

ЛХІХ. Јорусалимъ. Библ. арм. пагріархіи. Книга Језекііля.

LXX. Иерусалимъ. Библ. армянской патриархіи. Выходные листы рки.

LXXI. Երուսալիմյն. Կիթ. արմ. պարթիարիւն.

LXXII. Јапра св. Сави.

